ДР
59991
К 85
УрГУ

ОРК.
59991.
+
Пр. 2010
НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

№ 136 Пр. 1955 г. В. Липин

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

59991

27/4 82 60

639

3933

1023 799

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

—

Стран.

Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова. 1

Почта Духовъ 1

Вступленіе 3

I. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 13

II. Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку 17

III. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 22

IV. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 28

V. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмулку 40

VI. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 51

VII. Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку 61

VIII. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 68

IX. Отъ гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку 78

X. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 89

XI. Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку 101

Стран.

XII. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 112
XIII. Отъ гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку 116
XIV. Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку 123
XV. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 135
XVI. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 144
XVII. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 154
XVIII. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку 162
Канбъ. Восточная повѣсть 173
Ночи 215
Ночь I. 233
Ночь II. 250
Разсужденіе о Дружествѣ 259
Похвальная Рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ, въ присутствіи его пріятелей за чашею пуншу 265
Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ . 279
Мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума 289
Похвальная Рѣчь Наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ 299
Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей 313
Примѣчаніе на комедію Смѣхъ и Горе. . . 325
Театръ 337

Б.
К85

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

—

I.

Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ Русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благопріятствовала Крылову въ дѣтствѣ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ бы наперекоръ счастію, въ послѣдствіи времени пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо-рожденнаго молодаго человѣка. Побѣдивши первыя препятствія къ благополучію

БИБЛІОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

и удовольствіямъ жизни, онъ на-время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаній и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколько лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обязанъ безсмертіемъ своимъ.

Удивительнѣе всего, что ему суждено было начать славное свое поприще въ такія лѣта, когда многіе перестаютъ писать сочиненія въ стихахъ, предпочитая имъ прозу. Между тѣмъ остался ли хоть легкій слѣдъ на этихъ трудахъ, что авторъ не во-время приступилъ къ нимъ? Нѣтъ: разсматривая ихъ живость и красоты, получаешь убѣжденіе, что это тѣ неувядающіе цвѣты поэзіи, которыми юность украшаетъ генія. И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лишенія молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось, передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣтлымъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искуство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказалъ ни одного покушенія разширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ всѣ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ быть, нѣсколькихъ Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны геній, по слѣдамъ котораго уже итти

почти некуда; съ другой — недвижный умъ, шагу непереступающій за свой порогъ.

II.

Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ-какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ-нибудь другомъ. Между тѣмъ, какъ писатель, онъ прямо Русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей нельзя поставить на одной съ нимъ линіи. Онъ придумывалъ расказы столь естественные, столь простые и каждому понятные, столь несомнѣнные и очевидные, столь согласные съ нашей жизнію, обыкновеніями и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искуства, сочиненія, или подготовленія. Видишь, чувствуешь, какъ дѣло начинается и происходитъ. На мысль не придетъ, что сочинитель повторяетъ старинную басню, извѣстную уже всѣмъ народамъ, и прикрываетъ ею общую истину. Расказываемый имъ случай, повидимому, только и могъ подобнымъ образомъ произойти у насъ. Онъ проникнутъ духомъ нашей жизни и рѣчи.

Предметы національные часто обработываемы были у насъ и другими писателями. Въ нихъ есть мѣста, не менѣе счастливыя, какъ и у Крылова. Особенно нѣсколько описаній Русскаго быта удалось Кантемиру. Ничего нѣтъ совершеннѣе въ этомъ родѣ его описанія крестьянина, который сначала жаловался на судьбу

свою, желалъ попасть въ солдаты, и потомъ исчисляетъ невыгоды новаго состоянія своего, куда завелъ его случай. Но достоинство сочиненія опредѣляется совершенствомъ цѣлаго, а не успѣхомъ нѣсколькихъ частей. Иногда усиліе, иногда удача могутъ довести одно мѣсто до желаемаго совершенства. Но тутъ еще нѣтъ вполнѣ прекраснаго произведенія, и все очарованіе исчезаетъ при переходѣ читателя на другую сторону созданія. Одинъ Крыловъ въ каждой баснѣ своей выдерживаетъ съ начала до конца ровный характеръ оригинальнаго Русскаго поэта, не сбиваясь на подражаніе, или переводъ, ни тономъ расказа, ни ходомъ событія, ни украшеніями слога, ни отдѣлкою стиховъ. Въ его самобытно-Русской душѣ, независимо отъ литературъ иностранныхъ и даже отечественной, возникнула въ истинномъ видѣ та часть поэзіи, въ которой онъ явился совершеннѣйшимъ образцомъ. Созрѣла она и вылилась изъ-подъ его пера также во всей оригинальности. Но всѣ стихіи, изъ которыхъ такъ прекрасно образовалось это чудное явленіе, ежеминутно носятся передъ нашими глазами въ жизни Русскаго народа. Остается тайною, отъ чего другіе писатели наши въ свои созданія не перенесли ихъ въ надлежащей чистотѣ, соразмѣрности и въ художественной прелести?

Больше всего у насъ бросались на подражаніе простонародному языку. Дѣйствительно, это едва ли не существенная принадлежность сочиненія, когда желаютъ сообщить ему характеръ народности. Языкъ есть полное выраженіе жизни народа. Надобно только въ совершенствѣ овладѣть имъ, чтобы рѣзко и вѣрно отразились въ сочиненіи всѣ отличія, всѣ красоты спеціальной народной жизни и поэзіи. Безчисленные опыты доказали между тѣмъ, что искуственный под-

боръ простонародныхъ словъ такъ же далекъ отъ простонароднаго языка, какъ словарь отъ книги. Языкъ повинуется умопредставленію, дѣйствію воображенія, ощущеніямъ, памяти, навыку чувствъ, ходу размышленія, склону страстей, словомъ — языкъ есть та же душа народа, та же народная жизнь, которою поэтъ проникается для изображенія дѣйствій, или характера народа. Чтобы заимствованный простонародный языкъ сохранилъ въ сочиненіи всѣ принадлежности органической своей природы, сочинителю надобно прежде принять въ душу свою и въ сердце ясный образъ самаго народа. Въ какое бы вы ни вставили сочиненіе цѣлую сцену, расказъ, или описаніе, употребивъ простонародный языкъ, никто не почувствуетъ не только неприличія, даже рѣзкой перемѣны въ рѣчи вашей, если только будутъ въ ней чувствовать присутствіе истины. Это всѣ знаютъ по той изумительно-художнической сценѣ Пушкина, которую внесъ онъ въ Бориса Годунова, и гдѣ такъ поэтически является простонародный языкъ въ устахъ хозяйки постоялаго дома, ушедшихъ изъ монастыря людей и самаго самозванца. Крыловъ обладалъ непзъяснимымъ искуствомъ сливать этотъ языкъ съ общею нашею поэтическою рѣчью. Всѣ подобные оттѣнки у него не раздѣлялись замѣтно, а составляли одно цѣлое. Можно подумать, что для него не было сословій, и онъ въ умѣ своемъ представлялъ только Россію, однимъ духомъ движимую, поражающую воображеніе своею огромностію, величиною частей своихъ, красками своими, и дѣйствующую какъ одно существо въ гигантскихъ размѣрахъ. Отличія рѣчи, выставляющіяся въ стихахъ его, бросаются въ глаза не такъ, какъ что-то оторванное отъ цѣлаго, а какъ красивыя части, природою утверждаемыя на своемъ мѣстѣ, здоровыя,

сильныя и привлекающія къ себѣ вниманіе крѣпкимъ организмомъ, связывающимъ ихъ съ другими.

III.

Поэтъ, которому литература наша обязана окончательнымъ усовершенствованіемъ одной изъ ея отраслей, родился позже перваго Русскаго баснописца ровно пятьюдесятью годами — Сумароковъ въ 1718, а Крыловъ въ 1768 (2 февраля). Трудно попасть на вѣрную цифру, которая, подобно представленной нами, опредѣлила бы съ точностію художественное разстояніе между ихъ баснями. Это — земля и небо. По серединѣ пространства между ними стоитъ Хемницеръ (р. 1744), баснописецъ, получившій отъ природы самое счастливое дарованіе къ своему искуству, но мало успѣвшій въ стихотворствѣ. Только осьмью годами ранѣе Крылова родился Дмитріевъ, которому суждено было вызвать на одно съ собою поприще еще не опаснаго тогда соперника, показать ему образцы, исполненные прелестей искуства, вкуса и тонкаго ума — и наконецъ уступить ему первенство въ творчествѣ, краскахъ и народности. Всѣ упомянутые здѣсь писатели были счастливѣе Крылова въ дѣтствѣ. Они получили правильное образованіе и тѣ средства, съ которыми человѣку болѣе, или менѣе легко итти впередъ самому. Въ обществѣ они рано поставлены были на хорошую дорогу. Имъ оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами, а не бороться съ искушеніями и препятствіями.

Всѣхъ ихъ дѣятельнѣе былъ Сумароковъ. Онъ какъ-будто торопился занять всѣ пути къ славѣ. Соперничествуя съ Ломоносовымъ, онъ не сознавалъ въ немъ геніальнаго человѣка, а видѣлъ только ученаго. Одно это обстоятельство указываетъ уже на недостатокъ въ

немъ художнической воспріимчивости, потому-что истинный талантъ скорѣе прочихъ людей постигаетъ въ другомъ присутствіе дарованія. Для Сумарокова искуство было какъ бы что-то ограниченное извѣстными формами и условіями. Онъ не подозрѣвалъ его свободнаго развитія и связи съ народнымъ духомъ. Въ самыхъ подражаніяхъ его избраннымъ образцамъ не видно сочувствія съ ихъ внутренними красотами. Онъ неутомимый говорунъ и перескащикъ. Съ художнической модели онъ наскоро и грубо срываетъ верхнюю оболочку, и думаетъ, что тутъ схватилъ и всю поэзію. Такъ обращался онъ и съ языкомъ. Не только у Ломоносова, даже у Кантемира гораздо болѣе умѣнья вести рѣчь, пользоваться богатствами языка и прибирать различныя краски, нежели у Сумарокова. Хемницеръ изумителенъ сочувствіемъ души своей съ внутреннею красотой поэзіи. Отъ того не нуждался онъ въ напряженіи. Его простыя, легкія формы до сихъ поръ привлекаютъ вниманіе къ баснямъ его. Чуждаясь пестроты и многословія предшественника своего, онъ почти возвратился къ единству и краткости древнихъ, которые въ баснѣхъ никогда не были вполнѣ художниками, а только моралистами. Согласно съ характеромъ поэзіи внутренней, и стихъ его обработался только въ безыскуственности, къ сожалѣнію, переходящей иногда въ прозаическую холодность и медленность. Но, судя и по тому, сколько простодушія и пріятности успѣлъ онъ сообщить нашей баснѣ, можно было ожидать отъ него дальнѣйшаго въ ней усовершенствованія, если бы онъ не слишкомъ рано скончался, именно сорока лѣтъ: это возрастъ, въ какой послѣ Крыловъ только началъ писать басни. Дмитріевъ, родившійся пятью годами ранѣе Карамзина, какъ землякъ его и другъ, долго шелъ съ нимъ ровнымъ шагомъ. Они вмѣстѣ открыли

славный періодъ литературы нашей, ознаменовавшейся благотворнымъ вліяніемъ на образованіе всѣхъ сословій въ государствѣ. Дмитріевъ писалъ не одинѣ басни. Его лирическія стихотворенія, сказки, сатиры и разныя мелкія пьесы обнаруживаютъ талантъ вѣрный, гибкій и прекрасно направленный. Онъ первый изъ нашихъ поэтовъ началъ дорожить художественною стороною сочиненій. Такимъ образомъ и въ басню онъ принесъ живыя краски, поэтическій тонъ и оживленный разсказъ. Это былъ баснописецъ образцовый по благородной игрѣ ума, по обработкѣ стиховъ, по живымъ описаніямъ, по мастерскому разсказу и по господствующему во всемъ вкусу.

Тогда недоставало только стремленія къ частнымъ красотамъ, которыми должны быть отличены и всякая мѣстность и всякая эпоха. Крыловъ глубоко проникъ въ эту идею, хотя ни предшественники его, ни тогдашняя наука, ни самый запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ на жизнь изъ первоначальнаго образованія, не могли ему указать на нее. Она составляетъ плодъ его самобытно-поэтической природы. Вызвавъ искуство на его лучшее, совершенно еще новое у насъ поприще, онъ не чувствовалъ надобности оглядываться на своихъ предшественниковъ и только болѣе и болѣе обнималъ разныя стороны поэзіи, такъ глубоко имъ постигнутой.

IV.

Отецъ Крылова былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанностямъ службы часто перемѣнявшій мѣсто жительства своего. Когда родился нашъ баснописецъ, отецъ его жилъ въ Москвѣ. Скоро однако же, по случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачева (1777), онъ принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Лю-

бопытны нѣкоторыя о немъ извѣстія, переданныя потомству Пушкинымъ въ *Исторіи Пугачевскаго бунта*. «Къ счастію, въ крѣпости (Яицкой),» говоритъ онъ, «находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія.» Далѣе, описывая неудачу Пугачева на приступѣ подъ ту же крѣпость, Пушкинъ прибавляетъ: «Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.» Надобно по этому думать, что Андрей Прохоровичъ Крыловъ (отецъ баснописца) принадлежалъ въ свое время къ числу людей замѣчательныхъ. Затрудненіе, въ какомъ тогда чувствовали себя многіе даже изъ начальствовавшихъ тамъ лицъ, не отняло у него ни присутствія духа, ни распорядительности, ни самаго успѣха. Нельзя не предполагать, что природный умъ его украшенъ былъ по возможности и нѣкоторыми знаніями. Все, что Крыловъ помнилъ и самъ разсказывалъ о матери своей, несомнѣнно говоритъ въ пользу ея мужа. Женщина, дорого цѣнившая хорошее воспитаніе сына своего и собственными соображеніями находившая средства къ его образованію, конечно, приготовлена была къ тому замужствомъ съ человѣкомъ не грубымъ, не пустымъ, но дѣльнымъ и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича, Крыловъ получилъ въ наслѣдство цѣлый сундукъ книгъ, собранныхъ отцемъ. У человѣка, который принужденъ всегда жить по-походному, это большая рѣдкость.

Капитанъ Крыловъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій

противъ мятежника и сообщниковъ его, перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго ассесора и получилъ въ Твери мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Здѣсь оставался онъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1780 году. Заботы о первоначальномъ обученіи сына преимущественно занимали его жену. Марья Алексѣевна, мать поэта, придумывала разные способы, чтобы заохотить ребенка учиться чтенію. Когда онъ порядочно проспрашивалъ весь урокъ, мать каждый разъ, въ награду, давала ему по нѣскольку копѣекъ. Привычка прятать накопляемыя деньги могла у ребенка обратиться со временемъ въ корыстолюбіе. Благоразуміе матери умѣло предупредить и это послѣдствіе. Она указала сыну, какъ можно пользоваться деньгами, удовлетворяя нѣкоторымъ потребностямъ жизни. И онъ охотно на собственный счетъ покупалъ разныя вещи, необходимыя для его неприхотливаго наряда. Такимъ образомъ ребенокъ, благодаря умной распорядительности матери, и учился хорошо и одѣтъ былъ прилично на одинъ и тѣ же деньги. Но Марья Алексѣевна не въ состояніи была сама обучать его Французскому языку, чего не могла не желать, такъ-какъ и въ тогдашнее время онъ составлялъ уже одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ воспитаніи Русскихъ дѣтей. Въ домѣ Тверскаго губернатора находился Французъ-учитель, которому позволено было къ его урокамъ допускать и посторонихъ мальчиковъ. Къ нему началъ ходить и Крыловъ нашъ. Только успѣхи его съ иностраннымъ учителемъ не такъ были счастливы, какъ съ матерью, которая и здѣсь рѣшилась употребить съ пользою первоначальное свое средство. Она заставляла его читать по-Французски при себѣ, давая обыкновенную награду за терпѣніе и прилежаніе. Сперва онъ только наружно исполнялъ ея желаніе, выговаривая слова и не

заботясь о томъ, что ничего не понимаетъ. Наконецъ доброе сердце его взяло верхъ надъ легкомысліемъ: онъ принялся за лексиконъ, старался узнать смыслъ прочитываемаго и скоро началъ понимать книгу. Никогда однако же Крыловъ не позаботился о томъ, чтобы вполнѣ овладѣть языкомъ Французскимъ. Въ послѣдствіи времени, правда, онъ хорошо понималъ писателей, даже могъ и самъ писать по-Французски, но у него недоставало привычки говорить свободно.

V.

При смерти отца, Крылову было одиннадцать лѣтъ. Теперь еще менѣе представлялось возможности заниматься его воспитаніемъ. Вдова съ ребенкомъ своимъ, оставшись безъ состоянія, не получала и пенсіи. Но мальчикъ видимо обѣщалъ нѣкогда сдѣлаться ея подпорою. Умственныя способности развивались въ немъ замѣтно. Книги, найденныя послѣ отца, привлекли къ себѣ все его вниманіе. Онъ безъ разбору перечитывалъ ихъ и предавался игрѣ воображенія своего. На дѣтей, родившихся съ поэтическими способностями, обыкновенно первое и самое сильное впечатлѣніе производятъ драматическія сочиненія. Такъ было и съ Крыловымъ. Въ головѣ его, наполненной героями древней Греціи и Рима, составлялись разные планы театральныхъ пьесъ. Но, не находя пособій въ свѣдѣніяхъ своихъ къ образованію чего-нибудь опредѣленнаго и полнаго, никакъ не умѣлъ онъ приготовить сноснаго сочиненія изъ этихъ матеріяловъ. Вѣроятно, какая-нибудь старинная Русская опера послужила для него образцемъ и успокоила воображеніе его. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свою оперу *Кофейницу*. Это сочиненіе никогда не было напечатаннымъ. Въ послѣдствіи времени, Гнѣдичъ вы-

просилъ себѣ у Крылова, какъ драгоцѣнность, рукопись дѣтскаго его произведенія и хранилъ у себя до смерти, завѣщавъ ее по духовной вмѣстѣ съ библіотекою своею Полтавской гимназіи, гдѣ переводчикъ Гомера началъ свое образованіе.

Родители, сами не получившіе тщательнаго воспитанія и у которыхъ недостаетъ средствъ къ содержанію себя и семейства, у насъ, обыкновенно, спѣшатъ дѣтей своихъ помѣстить въ службу, едва успѣвши порядочно выучить ихъ грамотѣ. Ничтожное жалованье, назначаемое ребенку за переписку бумагъ, они считаютъ великимъ пріобрѣтеніемъ, зная, что оно, естественно, будетъ увеличиваться съ ихъ успѣхами въ работѣ. У нихъ будущее дальше этихъ предѣловъ не простирается. Такъ случилось и съ Крыловымъ. По недостатку праздnаго мѣста въ губернскомъ городѣ, мать записала сына своего подканцеляристомъ въ Калязинскій уѣздный судъ. Это происходило въ слѣдующій годъ по кончинѣ отца его. Въ исходѣ того же года, мальчика, по просьбѣ матери, переписали канцеляристомъ въ Тверской магистратъ, гдѣ нѣкогда служилъ и отецъ его. Къ счастію, нужда такъ сильно преслѣдовала вдову, что она рѣшилась отправиться въ Санктпетербургъ, гдѣ надѣялась выхлопотать себѣ пенсію и найти для сына выгоднѣйшее мѣсто. Здѣсь можно сказать, что несчастіе работало въ пользу нашу. Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилась судьба Крылова безъ этого переѣзда! Пятнадцатилѣтній поэтъ кончилъ теперь все, что надобно было заплатить дѣтству и бѣдности. Но не съ одними безсвязными вымыслами въ душѣ прибылъ онъ въ столицу. Онъ привезъ съ собою жажду къ дѣятельности и знаніямъ. Чѣмъ менѣе удалось ему развить ихъ въ первые годы, тѣмъ настоятельнѣе за ними онъ пустился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи. Было и еще

важное пріобрѣтеніе въ юной душѣ его, котораго онъ тогда не сознавалъ, а слѣдовательно не могъ и цѣнить. Оставаясь столько времени въ темномъ и тѣсномъ кругу, онъ ближе другихъ писателей разглядѣлъ черты и выраженіе коренной Русской жизни. Кто рано поднимается въ нашъ верхній слой общества, тотъ принужденъ бываетъ только издалека всматриваться въ бытъ народный, не воспитываясь его духомъ и ощущеніями. Самый языкъ чисто-Русскій не легко усвоить человѣку, который съ дѣтства привыкаетъ думать и составлять фразы по образцу, или разговору иностранному. Раннія впечатлѣнія, утвердившись въ душѣ геніальнаго человѣка, сохранились вѣрными и чистыми до той эпохи, въ которую принялся онъ обработывать ихъ въ художническихъ своихъ созданіяхъ.

VI.

Время прибытія Крылова въ Санктпетербургъ замѣчательно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искуства въ Россіи, предмета, на который тогда устремлена была вся умственная дѣятельность будущаго великаго нашего баснописца. Правда, что первый указъ объ учрежденіи въ здѣшней столицѣ Русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 году; но это было учрежденіе, которымъ, не взнося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и люди чиновные. Но только съ 1782 года начались приготовленія къ устройству общенароднаго Русскаго театра, который и открытъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году. Такимъ образомъ Крыловъ прибылъ сюда въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на сценѣ нашей.

Въ молодой головѣ Крылова образовался планъ извлечь какія-нибудь выгоды изъ перваго его сочине-

нія. Въ Санктпетербургѣ жилъ иностранецъ Брейткопфъ, происходившій изъ извѣстнаго тогда въ Лейпцигѣ книгопродавческаго дома. Онъ содержалъ здѣсь типографію, торговалъ книгами и занимался музыкою, какъ страстный ея любитель и знатокъ. Къ нему рѣшился обратиться Крыловъ съ своею *Кофейницею*. Опера, которой слова сочинены ребенкомъ, показалась доброму Брейткопфу любопытнымъ явленіемъ. Онъ согласился купить ее и предложилъ автору въ вознагражденіе за трудъ 60 рублей. Крыловъ не соблазнился деньгами: онъ взялъ отъ него столько книгъ, сколько ихъ приходилось за эту сумму. Любопытенъ былъ выборъ. Крыловъ, отказавшись отъ Вольтера и Кребильона, предпочелъ имъ Расина, Мольера и Буало. Это было основаніе библіотеки его и руководство для будущихъ его трудовъ. Въ подражаніе первому, онъ увлекся героями Греціи и Рима; вторые развили его направленіе сатирическое, которое преобладало въ немъ надъ прочими внушеніями природы. Въ числѣ Русскихъ писателей, современныхъ ему, но упредившихъ его славою, какъ драматическій поэтъ всѣхъ знаменитѣе былъ въ Санктпетербургѣ Княжнинъ. Въ это время (1784) явилась патріотическая трагедія его. Дмитревскій, представлявшій *Рослава*, на театрѣ доставилъ сочиненію успѣхъ необыкновенный. Хотя Крыловъ былъ моложе Княжнина двадцатью шестью годами и не могъ тогда пріобрѣсти еще никакой извѣстности, однако же онъ отважился представиться творцу *Дидоны*, соединявшему въ талантѣ своемъ также сатирическій характеръ и драматическое стремленіе. Недостаточное состояніе, пріисканіе службы и литературныя знакомства не остановили любимыхъ занятій Крылова. Его взглядъ на расположеніе драмы и дѣйствія героевъ получилъ, сравнительно съ прежк-

нимъ, нѣкоторую опытность, а вспомогательныхъ знаній и еще больше накопилось. Тогда-то успѣлъ онъ написать первую свою трагедію *Клеопатру*.

VII.

Княжнинъ доставилъ Крылову знакомство съ Дмитревскимъ. Не смотря на разность лѣтъ, званій и самыхъ занятій, они должны были близко сойтися нѣкогда. Въ самомъ дѣлѣ, эти два человѣка рождены были понимать другъ друга вполнѣ. Дмитревскій былъ старше Крылова тридцатью двумя годами. Хотя и ему, какъ нашему поэту, не привелось въ дѣтствѣ учиться основательно и постоянно, однако же онъ, по прибытіи изъ Ярославля въ Санктпетербургъ, отданъ былъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ ознакомился съ нѣкоторыми науками и иностранными языками. Еще въ 1765 г. Дмитревскій ѣздилъ во Францію, чтобы довершить свое артистическое образованіе, а въ самый годъ рожденія Крылова вторично отправленъ былъ въ Парижъ для принятія въ здѣшнюю труппу нѣкоторыхъ Французскихъ актёровъ. Все это между тѣмъ, какъ и въ Крыловѣ, не сгладило ни съ характера его, ни съ его ума, ни даже съ его привычекъ тѣхъ рѣзкихъ признаковъ, по которымъ легко видѣть коренпаго Русскаго человѣка, защитившагося отъ владычества иноземнаго воспитанія. Дмитревскій, не ослѣпленный успѣхами своими и славою, доступенъ былъ каждому молодому человѣку, который желалъ воспользоваться совѣтами его и замѣчаніями касательно театральныхъ сочиненій. Какъ лицо общественное, онъ все достоинство свое, всю свою честь полагалъ въ томъ, чтобы опытностію своею споспѣшествовать общественной пользѣ. Къ довершенію всего, онъ былъ артистъ геніальный. Ему были понятнѣе, нежели обыкновенному

человѣку, первые опыты другаго генія. Не удивительно, что два человѣка, получившіе отъ природы столько общаго, послѣ сближенія другъ съ другомъ, навсегда остались между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ другомъ возрастѣ, въ лучшихъ обстоятельствахъ, Крыловъ приходилъ къ Дмитревскому, какъ въ домъ родственника своего. За сытнымъ обѣдомъ, всегда состоявшимъ изъ однихъ чисто-Русскихъ блюдъ, въ халатахъ (если не было посторонняхъ), они роскошничали по-своему, и послѣ стола оба любили, по обычаю предковъ, выспаться порядочно.

По этому поводу можно расказать забавный случай, выпавшій Крылову. Разъ какъ-то очень долго не видался онъ съ Дмитревскимъ и совсѣмъ не зналъ, что пріятель его живетъ уже на новой квартирѣ. Они гдѣ-то встрѣтились. Дмитревскій зазвалъ Крылова къ себѣ обѣдать и заранѣе очаровалъ воображеніе расказомъ, какъ онъ попотчуетъ его щами, кулебякою, поросенкомъ подъ хрѣномъ въ сметанѣ, гусемъ съ груздями, кашею и проч. Поэтъ въ назначенный день является на знакомую ему квартиру. Слуга объявляетъ ему, что баринъ еще не возвратился домой. «Я подожду, братецъ.» Спокойно, черезъ пріемную комнату и кабинетъ, добравшись до спальни, онъ раздѣлся и, для освѣженія силъ, легъ заснуть на кровати. Квартиру Дмитревскаго въ это время занималъ женатый чиновникъ. Къ обѣденному времени, ранѣе мужа, прибыла жена. Каково было ея удивленіе, когда она увидѣла на кровати въ своей спальнѣ незнакомаго ей мущину, дюжаго, полнаго и беззаботно спящаго. Можно представить, до какой степени, когда разбудили Крылова, смѣшался онъ, вообще застѣнчивый и не очень ловкой!

Кончивъ свою *Клеопатру*, ребяческое подражаніе

Французскимъ трагедіямъ, которыя успѣлъ Крыловъ перечитать, онъ, изъ Измайловскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ матерью, отправился на Гагаринскую пристань къ Дмитревскому. Актёръ принялъ его ласково и сказалъ ему, что желаетъ предварительно прочитать пьесу одинъ. Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія трагедіи его, и потому онъ почти каждый день навѣдывался о судьбѣ своего дѣтища. Надобно же было случиться, что въ теченіе не только нѣсколькихъ дней, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, будущіе друзья не могли свидѣться. Чего не передумалъ сочинитель въ этой пыткѣ! Наконецъ Дмитревскій принялъ его и объявилъ, что намѣренъ читать трагедію вмѣстѣ съ авторомъ. Чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому-что критикъ не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отъ чего дѣйствіе незанимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который Крылову удалось выслушать и гдѣ примѣры ошибокъ брали на каждое правило изъ его трагедіи. Онъ почувствовалъ, что легче было написать новую, нежели исправить старую, что̀ присовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ этотъ опытъ остался навсегда въ неизвѣстности.

VIII.

Содержаніемъ новой трагедіи послужило для Крылова миѳологическое преданіе древней Греціи о *Филомелѣ*. Таковъ былъ вкусъ времени. Поэты не могли выйти изъ заколдованнаго круга. Этою трагедіей и начинается въ нынѣшнемъ изданіи та часть сочиненій

Крылова, въ которой собраны драматическія произведенія его. Всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ необходимыя для трагедіи, соблюдены въ *Филомелѣ* строго. Въ ней пять дѣйствій, Александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь Русскаго съ церковно-Славянскимъ, при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостію въ крайнихъ случаяхъ, страсти благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ — все, что, казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художнической истины и жизни съ ея красками страны и эпохи. *Филомела* служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что и великій поэтъ, которому суждено преобразовать искуство, остается нѣкоторое время подъ властію вѣка своего. Въ безостановочномъ стремленіи къ успѣху онъ долго принужденъ падать, пока не созрѣютъ собственныя его силы. Примѣры и приговоры общества до такой степени увлекаютъ его по ложному пути, что онъ въ ослѣпленіи сочувствуетъ и несогласному съ его душою. Новая трагедія окончена была авторомъ въ 1786 году. Надобно думать, что Дмитревскій и ее осудилъ на забвеніе: иначе она явилась бы на тогдашнемъ Русскомъ театрѣ, еще не богатомъ пьесами. Отвергнутая разборчивымъ вкусомъ знаменитаго актёра, она, впрочемъ, съ того же года, какъ была написана, перешла въ достояніе Русской литературы. Императорская Академія Наукъ, усиленная въ способахъ ученой дѣятельности благоразумными распоряженіями директора своего, Княгини Е. Р. Дашковой, приступила тогда къ печатанію книги, теперь очень любопытной по рѣдкости своей и которой примѣромъ у насъ не пользовались послѣ. До 1795 года, въ теченіе почти десяти лѣтъ, печатались Академіею

въ одномъ изданіи всѣ пьесы на Русскомъ языкѣ, писанныя для сцены. Изъ нихъ составился сборникъ въ 43 частяхъ, подъ названіемъ *Россійскаго Θеатра*. Какъ книга для чтенія, этотъ сборникъ, конечно, утомителенъ, потому что издатели и не думали о выборѣ занимательнѣйшаго. Но, представляя въ себѣ почти всѣ матерьялы драматической Русской литературы того времени, онъ для исторіи навсегда останется памятникомъ важнымъ и, къ сожалѣнію, единственнымъ. Здѣсь нашла себѣ мѣсто и *Филомела* Крылова, что̀, безъ сомнѣнія, доставило много огня отроческимъ его восторгамъ.

Ежели поэтъ утѣшался произведеніями своими, то мать его еще больше должна была радоваться въ это время: сыну ея дали мѣсто въ здѣшней Казенной Палатѣ съ жалованьемъ въ годъ по 25 рублей. Чтобы постигнуть, какъ могли жить они при этихъ средствахъ, надобно представить всю бережливость бѣдныхъ людей, ограниченность ихъ желаній и бывшую тогда дешевизну во всемъ. О послѣдней можно приблизительно судить по одному: Крыловъ разсказывалъ, что мать его платила тогда за прислугу женщинѣ 2 рубля въ годъ. Недолго, впрочемъ, Марья Алексѣевна утѣшалась милымъ своимъ сыномъ. Ему суждено было одному прокладывать себѣ дальнѣйшую дорогу къ счастію: въ 1788 году онъ лишился матери, о которой никогда не могъ вспоминать безъ сердечнаго умиленія.

IX.

Природа надѣлила Крылова умомъ дѣятельнымъ, острымъ и даже колкимъ. Въ молодости онъ увлекался всякою первою мыслію. Двадцати лѣтъ оставшись полнымъ властелиномъ судьбы своей, онъ, какъ по службѣ, такъ и въ литературныхъ предпріятіяхъ, безпрестанно гонялся за новостію. Это было причиною, что, быстро

разширивъ кругъ знакомствъ и пользуясь извѣстностію въ кругу писателей, онъ ничему не предавался постоянно и долго оставался безъ существенныхъ успѣховъ на поприщѣ гражданской службы и на поприщѣ литературномъ. По смерти матери, въ томъ же году, онъ опредѣлился на службу въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, откуда, по истеченіи двухъ лѣтъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ провинціальнаго секретаря. Ему казалось, что періодическими изданіями и заведеніемъ собственной типографіи можно пріобрѣсти все: независимость, извѣстность и деньги, что это положеніе спасетъ его отъ пожертвованій, сопряженныхъ съ службою. Обольстившись мечтательнымъ расчетомъ, Крыловъ съ 1789 по 1801 годъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, оставался безъ должности, работалъ для своихъ журналовъ, хлопоталъ по содержанію типографіи и ревностно обогащалъ театръ новыми пьесами своими.

Молодому человѣку, который чувствовалъ врожденную потребность въ умственныхъ трудахъ и находилъ въ себѣ рѣшительныя способности къ исполненію заманчивыхъ предпріятій, трудно было усидѣть хладнокровно за скучными дѣловыми бумагами въ эту эпоху, когда вся Россія, вдохновенная Екатериною, была — новая жизнь и поэзія. До восшествія Императрицы на престолъ у насъ было только одно періодическое изданіе (ежели не считать *Трудолюбивой Пчелы* Сумарокова, одинъ годъ выходившей). Академикъ Миллеръ, незнавшій порядочно по-Русски, основалъ его въ 1755 году, подъ названіемъ: *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія*. Теперь являлись безпрестанно новыя, такъ-что предпріятіе Крылова было едва ли не сороковымъ. Къ умственному движенію, обнаружившемуся такъ рѣзко, наиболѣе содѣйствовалъ

указъ 1783 года, доставившій право всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографіи, бывшія до тѣхъ поръ исключительною принадлежностію правительственныхъ мѣстъ и казенныхъ учрежденій. Кому не знакомо имя Новикова, представителя тогдашнихъ журналистовъ, типографщиковъ и даже книгопродавцевъ? «Онъ (какъ прекрасно выразился Киреевскій) не распространилъ, «а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ «чтенію. Память о немъ почти исчезла. Участники его «трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ «частной дѣятельности. Многихъ уже нѣтъ. Но дѣло, «ими совершенное, осталось. Оно живетъ. Оно при«носитъ плоды и ждетъ благодарности потомства.» Надобно полагать, что этотъ человѣкъ, въ началѣ разсматриваемаго здѣсь десятилѣтія покинувшій Санктпетербургъ и поселившійся въ Москвѣ съ обширными своими предпріятіями, гдѣ онъ образовалъ изъ друзей своихъ типографическую компанію, принявшую въ свой избранный кругъ только-что явившагося Карамзина, надобно полагать, что онъ отчасти служилъ примѣромъ для Крылова. Новиковъ былъ ровесникъ Хемницера, слѣдовательно двадцатью четырьмя годами старше нашего поэта. Его успѣхами всѣ умы еще заняты здѣсь были. Сатирическое изданіе его *Живописецъ* уже четыре раза было перепечатываемо. Какое искушеніе для молодаго писателя, движимаго честолюбіемъ, бѣдностію и даромъ насмѣшливости!

Въ 1789 году Крыловъ соединился съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ, чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ. Ровно за двадцать лѣтъ до нихъ, донынѣ еще забавляющій насъ романическими похожденіями своими и во всѣхъ родахъ литературными предпріятіями, *Ѳедоръ Эминъ*, по рожденію Полякъ, прожившій нѣсколь-

ко лѣтъ въ Турціи магометаниномъ и янычаромъ, перекрестившійся въ Лондонѣ у Русскаго посланника въ Православіе и окончившій жизнь въ Санктпетербургѣ за сочиненіемъ книги: *Путь ко спасенію*, издавалъ здѣсь журналъ, подъ названіемъ: *Адская почта*. Его заглавіе понравилось новымъ журналистамъ, которые и явились въ публику съ *Почтою духовъ*.

X.

Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенные имъ въ тогдашнемъ его журналѣ. Онѣ составляютъ одну картину, въ которой остроумный писатель рѣшился нарисовать поражавшіе его пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны своего вѣка. Тогда въ литературѣ господствовало обыкновеніе сатирическую работу передавать какимъ-нибудь духамъ, такъ-какъ имъ легче человѣка всюду проникнуть, все увидѣть, вездѣ поспѣть, принять какой угодно видъ и нигдѣ не подвергнуться никакой бѣдѣ за опасное ремесло. Такая мысль могла остротою своею забавлять общество только разъ, именно, въ книгѣ человѣка, которому она первому пришла въ голову. Къ сожалѣнію, это не былъ Крыловъ. Онъ и здѣсь заплатилъ дань вѣку своему, набросивъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора*, *Бурнстона* и *Вьстодава* къ волшебнику *Маликульмульку*. Нельзя читать безъ удивленія писемъ этихъ, когда сравнишь съ ними сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящіяся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія, ни даже обыкновенныхъ школьныхъ знаній. Разнообразіе предметовъ, до которыхъ онъ касается, вы-

боръ точекъ зрѣнія, гдѣ становится какъ живописецъ, изумительная смѣлость, съ какою онъ преслѣдуетъ бичемъ своимъ самыя раздражительныя сословія, и въ то же время характеристическая, никогда не покидавшая его ироніи, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная — все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полустолѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что передъ вами группы, постановка, краски и выразительность геніальнаго сатирика. Крыловъ этимъ однимъ опытомъ юмористической прозы своей доказалъ, что, навсегда ограничившись въ послѣдствіи баснями, онъ опрометчиво сошелъ съ поприща счастливѣйшихъ правоописателей. Тутъ онъ и языкомъ Русскимъ далеко опередилъ современниковъ. Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ извѣстныя выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ. Но въ прозѣ ни отъ кого независимъ онъ. Кромѣ легкаго, правильнаго и сильнаго языка, изумляютъ читателя новыя мысли, безъ малѣйшей натяжки связываемыя съ шутками въ разговорахъ. Въ одномъ мѣстѣ *Буристонъ* умышленно оскорбляетъ актёра, назвавши его народнымъ шутомъ. «Лучше (отвѣчаетъ актёръ) заставлять народъ «смѣяться, или принимать участіе въ мнимой своей «печали, нежели заставлять его плакать худыми съ «нимъ поступками. Есть шуты (продолжаетъ артистъ), «которые очень дорого стоятъ народу, но мало его «забавляютъ. А мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна «назначается отъ самихъ зрителей по мѣрѣ нашего «дарованія и прилежанія, а не по прописямъ и не по «знатности покровителей. Сверхъ того, мы изъ числа «тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку пуб«личной лести. Мы (заключаетъ онъ) и передъ са-

«мими Царями говоримъ хотя не нами выдуманную, «однако жъ истину, между тѣмъ какъ вельможи, не «смѣя передъ ними раскрывать философическихъ книгъ, «читаютъ имъ только оды и надутыя записки объ ихъ «побѣдахъ.»

Главною цѣлію изданія, какъ нельзя не догадаться по господствующему въ немъ направленію, было патріотическое содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, особенно языка, уже и тогда тѣснимаго Французскимъ въ высшемъ кругу общества. Вотъ одно замѣчательное мѣсто о послѣднихъ двухъ предметахъ въ письмѣ *Зора*. «Еще «не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами «воспитывали своихъ дѣтей, и толковали имъ только «о томъ, чтобы были они честными людьми, храб«рыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. «Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали «примѣры самихъ отцевъ, которые всегда старались «содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители «здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили «такія истины, которыя не было нужно поддерживать «краснорѣчіемъ. Теперь же, по прошествіи варвар«скихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть «хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, «прыгать, вертѣться, говорить по-Французски и бол«тать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ «такому воспитанію необходимо понадобились Францу«зы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣ«тей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для «того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ «лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ язы«комъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова «о томъ, что̀ есть добродѣтель и полезна ли она. «Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги,

«которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять «недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти день- «ги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣ- «няетъ иногда богатство.» Глубоко проникнутый убѣж- деніемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка оте- чественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литера- турной жизни своей, обращался къ развитію темы, за- ключающейся въ приведенныхъ строкахъ. Ей посвя- тилъ онъ, какъ увидимъ послѣ, двѣ комедіи: *Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ*, и три басни: *Крестьянинъ* и *Змѣя*, *Бочка* и *Воспитаніе Льва*.

Періодическое изданіе его: *Почта духовъ*, раздѣ- ленное первоначально на двѣ части, выходило ежемѣ- сячно. По истеченіи года онъ прекратилъ его, вѣроятно, почувствовавши, что для журнала недостаточно одно- характерныхъ статей. Къ чести прежнихъ читателей надобно прибавить, что *Почта духовъ* сохранила свою цѣнность какъ книга. Ее перепечатали въ 1802 году въ четырехъ частяхъ.

XI.

Протекло два года (1790 и 1791), на которыхъ не осталось слѣда литературныхъ занятій Крылова. Изъ нихъ послѣдній ознаменовался появленіемъ въ свѣтъ *Московскаго журнала* Карамзина. Предназначенные судь- бою возвысить нѣкогда успѣхами своими Русскую лите- ратуру, эти писатели и родились почти въ одно время. Только тремя годами Карамзинъ старѣе былъ Крылова. Но въ дѣтствѣ много преимуществъ досталось исторіо- графу предъ баснописцемъ. Воспитаніе, образованіе и общество, посреди котораго Карамзинъ выросъ, рано

развили его умъ, его вкусъ и направили любознательность его на прекрасную дорогу. Крыловъ все пріобрѣталъ случайно. Счастливыя способности помогли ему, между прочимъ, выучиться рисовать и играть на скрипкѣ. Въ числѣ мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ здѣсь, есть стихи къ *Елизаветѣ Ивановнѣ Бекендорфъ*. Онъ сочинилъ ихъ, посылая къ ней написанный имъ перомъ на образецъ гравировки портретъ Императрицы Екатерины II. Лучшіе наши живописцы, въ послѣдствіи времени, выслушивали сужденія его о своихъ работахъ съ довѣренностію и уваженіемъ. Какъ музыкантъ, онъ, въ молодыя лѣта, славился въ столицѣ игрою своей на скрипкѣ и обыкновенно участвовалъ въ дружескихъ квартетахъ первыхъ виртуозовъ. Неизмѣнная страсть къ театру дополняла его практическое образованіе.

Прекративъ изданіе перваго журнала, Крыловъ удержалъ типографію за собою и за своими въ ней участниками. Она доставляла имъ доходъ, а въ скоромъ времени понадобилась и для собственнаго его предпріятія. Съ 1792 года онъ приступилъ къ составленію новаго журнала, подъ названіемъ: *Зритель*. Подобно первому, и это было ежемѣсячное изданіе, но раздѣленное на три части. Преобладающее направленіе его явно показывало, что журналомъ завѣдываетъ редакторъ *Почты духовъ*. *Зритель* издавался (заимствуемъ подлинныя слова изъ Введенія къ нему), «чтобы по«рокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ от«вращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей кра«сотѣ, плѣняла собою читателя.» Крыловъ здѣсь разнообразнѣе. Онъ мѣняетъ предметы своихъ изслѣдованій, переходитъ отъ одной формы сочиненія къ другой, и шуточныя статьи отдѣляетъ отъ серьёзныхъ. Восточная повѣсть его *Каибъ* хотя своими красками,

топомъ, даже планомъ и напоминаетъ многочисленное племя подобныхъ сочиненій, бывшихъ въ большомъ ходу у писателей XVIII столѣтія, однако и до сихъ поръ не утратила достоинства своего какъ сатира многосторонняя, умная и живописная. Очень оригинально и необыкновенно тонко въ одномъ мѣстѣ этой повѣсти восточный стихотворецъ изъясняетъ различіе между одами и сатирами. «Мнѣ удивительна способность ваша (го-«воритъ сочинителю одъ другое лице) хвалить тѣхъ, въ «комъ, по вашему жъ признанію, весьма мало нахо-«дите вы причинъ къ похваламъ.» «О, это ничего «(отвѣчаетъ поэтъ), повѣрьте, что это бездѣлица! Мы «даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ «только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить «можно было. Ода — какъ шелковой чулокъ, кото-«рый всякой старается растягивать на свою ногу. Она «имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели «сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать са-«тиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, «которому онъ болѣе подверженъ. Но и тутъ принуж-«денъ часто входить въ самыя мелочи, чтобы онъ «себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой «порядокъ. Можно набрать сколько угодно похвалъ, «поднести кому угодно — и нѣтъ визиря, который бы «описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ «сколкомъ съ своей высокой особы.» Въ прочихъ статьяхъ авторъ, не прикрываясь ни аллегоріею, ни калифатомъ, даетъ волю непстощимому сарказму своему и прямо уже описываетъ низкія страсти, развратъ, глупости и ничтожество современнаго ему общества.

Мелкія стихотворенія Крылова, напечатанныя въ *Зрителѣ*, еще не сбросили съ себя чопорнаго убранства прошедшаго вѣка. Молодой поэтъ, какъ и другіе изъ товарищей его, покушался на все, на-

начиная съ переложеній псалмовъ и сочиненія высокихъ одъ до пѣсней и слезныхъ элегій. Ломоносовъ и даже Сумароковъ передъ всѣми поспились тогда какъ живые. Знаменитая ода Ломоносова, начинающаяся стихомъ:

«Заря багряною рукою,»

видимо одушевляла Крылова, когда онъ сочинялъ слѣдующую строфу въ своей одѣ *Утро:*

«Заря торжественной десницей
Снимаетъ съ неба темный кровъ
И сыплетъ бисеръ съ багряницей
Предъ освѣтителемъ міровъ.
Врата, хаосомъ возвесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереяхъ своихъ скрипятъ;
Но разъяренны кони Феба
Чрезъ верхъ сапфирныхъ сводовъ неба,
Рыгая пламенемъ, летятъ.»

XII.

Изъ числа современниковъ по литературѣ, самое близкое лице къ Крылову въ это время былъ драматическій писатель Клушинъ (ум. 1804). Онъ участвовалъ и въ содержаніи типографіи его, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго (нынѣ Е. И. В. Принца Ольденбургскаго), и въ наполненіи *Зрителя* статьями. Это былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ. Крыловъ даже въ старости своей вспоминалъ о немъ съ удовольствіемъ и отзывался всегда съ похвалою. Прекративъ изданіе *Зрителя*, они рѣшились, съ 1793 года, печатать въ общей ихъ типографіи новый журналъ: *Санктпетербургскій Меркурій*, и означить на немъ имена обоихъ редакторовъ. Крыловъ, съ каждымъ преобразованіемъ періодическихъ трудовъ своихъ, видимо стремился къ совершенствованію ихъ занимательности.

постію содержанія, разширеніемъ программы и сближеніемъ съ потребностями публики. Въ Клушинѣ нашелъ онъ сотрудника ревностнаго и полезнаго. Одарены будучи умомъ тонкимъ и гибкимъ, молодые литераторы не берегли ни остроты, ни насмѣшекъ. Здѣсь Крыловъ помѣстилъ, между прочимъ, двѣ свои статьи, исполненныя ѣдкихъ нападеній на праздполюбцевъ и на бездарныхъ писателей, одну, подъ названіемъ: *Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ;* другую — *Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей.* Клушинъ трудился не только для журнала, но въ то же время и для театра. Первая изъ комедій его, написанная стихами, называется: *Смѣхъ и горе.* Она тогда же представлена была на театрѣ. Крыловъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изложить въ журналѣ своёмъ отзывъ о новой пьесѣ. Онъ, въ объясненіе разныхъ видовъ критики, говоритъ: «Я не «намѣренъ ни ослѣпить автора ласкательною похвалою, «ни огорчить его грубымъ и бранчивымъ сужденіемъ. «Словомъ: я поступлю такъ, какъ бы желалъ, чтобы «поступлено было со мною въ таковыхъ же обстоя«тельствахъ, и какъ бы должно было поступать со «всякимъ новымъ авторомъ. Пристрастная и чрезмѣр«ная похвала изнѣживаетъ и разслабляетъ дарованія; «колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчая«ніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи. Но безпри«страстное сужденіе очищаетъ вкусъ — и, указывая «на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою «красоты. Такое сужденіе не утушаетъ и не ослѣп«ляетъ самолюбія, но оставляетъ его въ той степени, «какая нужна для воспламененія дарованія.» Изложивъ содержаніе комедіи, онъ со всѣмъ безпристрастіемъ и достоинствомъ указываетъ на ея недостатки.

Другая комедія Клушина, въ этомъ же году представленная, написана прозою и называется: *Алхимистъ*. И объ ней Крыловъ напечаталъ свой отзывъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріи*. Вотъ одно изъ его замѣчаній, обнаруживающее знатока дѣла. «Разговоры въ «комедіи ведены всѣ очень остро, но они по боль«шой части отдалены отъ содержанія комедіи и на«полнены эпизодами, которые ничуть не служатъ «къ исправленію *Вскипятилина*, что̀ бы, кажется, дол«женъ былъ имѣть авторъ въ виду.» Изданіе *Санктпетербургскаго Меркурія* продолжалось, какъ и прежніе журналы Крылова, только одинъ годъ. Клушинъ отправился тогда за границу. Въ послѣдствіи времени написалъ онъ для нашего театра еще три пьесы: комедію *Худо быть близорукимъ*, оперу *Американцы* (объ 1800 г.) и комедію *Услужливый* (1801). Крыловъ навсегда покинулъ изданіе журналовъ. Только въ 1835 году, по просьбѣ Смирдина, не принимая никакого участія въ журналѣ, для шутки, онъ позволилъ напечатать въ объявленіи о *Библіотекѣ для Чтенія*, будто онъ взялся быть въ томъ году ея редакторомъ.

Театръ еще долго привлекалъ къ себѣ все вниманіе Крылова и подстрекалъ его дѣятельность. Отъ сочиненія трагедій отказался онъ во̀-время. Но тѣмъ сильнѣе пристрастился теперь къ комедіямъ въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою. Къ 1793 году относятся двѣ его пьесы: комическая опера *Бѣшеная семья* и комедія *Проказники*, объ тогда же представленныя и послѣ напечатанныя въ *Россійскомъ Театрѣ*. Трудно изъяснить теперь, отъ чего комедіи Крылова, и особенно первоначально имъ писанныя, такъ мало высказываютъ поэтическаго въ немъ таланта? Нѣтъ въ нихъ ни Русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображаемаго сочинителемъ, ни

даже той общей истины въ дѣйствіяхъ, которая понятна уму, хотя бы онъ и не находилъ около себя хорошихъ образцевъ для руководства въ сочиненіи. Видно, напротивъ, что дурные образцы мало-по-малу получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣкомъ. Въ комической операѣ: *Бѣшеная семья*, ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія. Все доведено до самой грубой каррикатуры. Двусмысленныя рѣчи заступаютъ мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая-то неблагородная изысканность. Это самая вѣрная копія пустыхъ, давно забытыхъ пьесъ того времени, когда она была писана. Нисколько не лучше и *Проказники*. Къ недостаткамъ первой пьесы здѣсь прибавлено еще столько излишнихъ сценъ и скучныхъ разговоровъ, что представленіе ея должно было утомить самыхъ неприхотливыхъ зрителей. Между-тѣмъ ровно за десять лѣтъ ужъ была напечатана безсмертная комедія Фонвизина: *Недоросль*. Уже ли ея чтеніе не открыло глазъ Крылову на искуство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?

Обильно было это время и мелкими стихотвореніями Крылова. Множество напечатано ихъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріи*. Со всею игривостію и жаромъ молодаго человѣка, въ разныхъ видахъ, часто съ увлеченіемъ и оригинальностію, описывалъ онъ любовь своего пылкаго сердца. Ему только-что исполнилось двадцать пять лѣтъ. Предметомъ этихъ страстныхъ стиховъ вездѣ является тогда прославленная имъ *Аніота*. Вотъ какъ поэтъ описываетъ самъ періодъ своей юности:

«Изъ всѣхъ наукъ тогда одна
Казалась только мнѣ важна —
Наука, коя вѣчно въ модѣ

И честь приноситъ всей природѣ;
Которую въ пятнадцать лѣтъ
Едва ль не всякій узнаетъ,
Съ пріятностью лѣтъ тридцать учитъ;
Которою никто не скучитъ,
Доколѣ самъ нескученъ онъ;
Гдѣ милъ, хотя тяжелъ законъ;
Въ которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умокъ силенъ слегка;
Гдѣ трудность всякая сладка;
Въ которой даже слезы милы,
Тѣ слезы съ смѣхомъ пополамъ,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмѣлясь стать счастливой,
Она дастъ блаженство намъ;
Наука нужная, пріятна,
Безъ коей трудно вѣкъ пробыть;
Наука всѣмъ равно понятна:
Умѣть любить и милымъ быть.
Вотъ чѣмъ тогда я занимался,
Когда съ Анютой повстрѣчался;
Изъ сердца мудрецовъ прогналъ,
Въ немъ мѣсто ей одной лишь далъ —
И отъ ученья отказался.

Въ числѣ мелкихъ стихотвореній 1793 года, одно напечатано подъ заглавіемъ: *Къ Счастью*. Оно явно показываетъ, что молодой авторъ испытывалъ силы свои и въ подражаніи первому лирику Екатерининскаго вѣка. Сравнивъ эти стихи съ извѣстною одою Державина: *На счастіе*, сочиненною въ 1789 году, нельзя не чувствовать этого. Въ начальной строфѣ и въ окончательной, Крыловъ повторяетъ мысли образца своего, даже удерживаетъ отчасти и форму его, какъ напримѣръ въ послѣдней:

«Послушай, я не кинусь въ слезы:
Мнѣ шутка всѣ твои угрозы.
Что я стараюсь пріобрѣсть,
То не въ твоихъ рукахъ хранится;
А чѣмъ не можешь подѣлиться,
Того не можешь и унесть.»

Между тѣмъ сколько разности въ цѣломъ! Державинъ исполненъ лирическаго движенія и картинъ, а подражатель остается при однихъ правоучительныхъ, холодныхъ стихахъ, хотя и не лишенныхъ ѣдкости сатиры.

XIII.

Сочинитель въ прихожей, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, написанная прозою, разыграна была въ 1794 году и послѣ напечатана въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*. Волокитство и мотовство, основы старинныхъ у насъ комедій, составлявшихся по Французскимъ образцамъ, господствуютъ и въ театральныхъ пьесахъ Крылова, которыя относятся къ разсматриваемому нами времени. Герой комедіи, *Графъ Дубовой*, такъ ослѣпленъ своею любовью къ кокеткѣ *Новомодовой*, что во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ онъ выходитъ на сцену, нѣтъ у него другихъ рѣчей, кромѣ расказовъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и подаркахъ невѣстѣ, которая только и годится, чтобы дать понятіе о глупѣйшей и самой низкой развратницѣ. Оба они мыслятъ и дѣйствуютъ по указаніямъ слуги и служанки, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ прежнихъ театральныхъ героевъ. Не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни предпринимаютъ, о чемъ ни шутятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, ку-

да волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ. Тамъ между людьми, которые впрочемъ отличены одинъ отъ другаго названіями должностей, очень и между нами извѣстныхъ, никакого нѣтъ различія: у нихъ побужденія, привычки, страсти, языкъ — все такъ подведено подъ одну и ту же форму, что, долго оставаясь въ ихъ обществѣ, потеряешь воспоминаніе о дѣйствительной жизни. Сочинитель, какъ бы отвращая всякое подозрѣніе, что онъ своею сатирою мѣтитъ на чью нибудь личность, съ намѣреніемъ все изображаетъ такъ, какъ у насъ и быть не можетъ. Послѣ этого удивительно ли, что слова: *лгать* и *сочинять* употребляютъ у насъ нерѣдко какъ синонимы, и что между дѣйствительностію и представляемыми на сценѣ происшествіями никто не думалъ искать соотношенія?

Для оживленія пьесы, сочинитель вывелъ въ этой комедіи *Ривохвата*, лицо равнымъ образомъ неестественное, по крайней мѣрѣ небывалое, родъ *комическаго идеала*. По *Ривохвату* можно составить одно заключеніе, что Крыловъ презиралъ глупыхъ и низкихъ стихокропателей, для которыхъ и роли выдумывалъ самыя отвратительныя. Еще въ прежней своей комедіи: *Проказники*, онъ наложилъ руку на этотъ постыдный классъ людей, изобразивши въ такой же карикатурѣ *Ривокрада* и жену его *Таратору*. Въ эти портреты, для насъ теперь нѣмые, полинялые, вѣроятно попадали черты жизни, тогда кому нибудь внятныя; но онѣ такъ мелки посреди грубой живописи небывальщины, что напрасно занялся бы кто разложеніемъ картинъ на разнородныя части. *Ривохватъ*, во всей пьесѣ почти не покидающій сцены и слѣдовательно очень надоѣвшій зрителю своими глупостями, въ одномъ только мѣстѣ разсмѣшитъ его. Онъ раска-

зываетъ служанкѣ *Новомодовой* о своемъ несчастіи, случившемся въ то время, когда хотѣлось ему поднести *Графу Дубовому* тетрадь стихотвореній. «Да вотъ, «сударыня: я желалъ поднести его сіятельству Графу «книгу моего сочиненія, и увидѣлъ я его бѣгущаго «къ своей каретѣ. Я поклонился; однако же онъ не «догадался и сѣлъ въ карету. А я былъ такъ неосто«роженъ, что, протягивая къ нему руку съ этою те«традью, уронилъ ее подъ колесо — и оно всю ее пе«ремяло. Ну, вотъ такая досада, что лучше бы это «проклятое колесо мнѣ по животу переѣхало!»

Есть между напечатанными нынѣ мелкими стихотвореніями Крылова многія, подъ которыми издатели не могли выставить времени, когда онъ написалъ ихъ. Они отысканы въ разныхъ тетрадяхъ между бумагами автора. Видно, поэтъ рано и самъ почувствовалъ, какъ они маловажны для публики. Онъ въ поэзіи шелъ тогда за другими. Таковы переложенія въ стихи псалмовъ. На стихотвореніе Дмитріева: *Къ младенцу*, тоже встрѣчаемъ здѣсь подражаніе, подъ заглавіемъ: *Къ спящему дитяти.* У перваго сказано:

«Вступишь въ возрастъ ты другой:
Рокъ и страсти ополчатся —
И прости твой вѣкъ златой!
Ахъ, я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ и проливаю!
Сколько муки перенесъ!
Смерть родныхъ и сердцу милыхъ,
Страсти, немощь, хладъ друзей...

Другой подобную мысль выражаетъ по-своему:

Придетъ время, что сонъ твой
Такъ не будетъ безмятеженъ:

Золотой твой вѣкъ пройдетъ;
Вѣкъ тебя желѣзный ждетъ;
Ждутъ тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждутъ развраты и пороки,
Чтобъ тебѣ погибель сплесть.

Такаго рода заимствованія попадаются въ разсматриваемыхъ теперь пьесахъ очень часто. Они напоминаютъ разныя стихотворенія даже Карамзина, Капниста и другихъ. Молодое сердце, живо принимая лучшія впечатлѣнія, наполняется ими и какъ бы усвояетъ ихъ. Есть однако же въ этомъ отдѣленіи стихи, можетъ быть, сочиненные и позже приведенныхъ. Они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прекрасны по отдѣлкѣ языка, по движенію мыслей, и явно показываютъ самобытность таланта Крылова. Это—посланіе къ Елисаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ, на которое указано было выше. Особенно оригинальны и граціозны его начало и окончаніе.

«Махнувъ рукой, перекрестясь,
Къ тебѣ свой трудъ * я посылаю —
И только одного желаю,
Чтобъ это было въ добрый часъ.
— — — — — — — — — —
Прими его почтенья въ знакъ,
И, не цѣня ни такъ, ни сякъ,
Чего никакъ онъ недостоинъ,
Поставь смиренно въ уголку —
И я счастливымъ нареку
Свой трудъ, и буду самъ спокоенъ.
Пусть видятъ недостатки въ немъ;
Но, критику оставя строгу,
Пусть вспомнятъ то, что часто къ Богу
Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

* Говорится о портретѣ Екатерины II, писанномъ Крыловымъ.

XIV.

Съ 1795 по 1801 годъ Крыловъ какъ бы исчезаетъ отъ насъ. Ни на одномъ изъ его сочиненій не осталось замѣтки, по которой бы можно было отнести его къ этому шестилѣтію. Самъ онъ не былъ тогда въ службѣ. Литераторъ уже съ извѣстнымъ именемъ, молодой человѣкъ, успѣвшій образовать въ себѣ нѣсколько талантовъ, за которые такъ любятъ въ свѣтѣ, драматическій писатель, вошедшій въ дружескія сношенія съ первыми артистами театра, журналистъ, съ которымъ были въ связи современные литераторы — Крыловъ и самъ не могъ замѣтить, какъ ускользалъ отъ него годъ за годомъ посреди развлеченій столицы. Онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ, прекрасно играя на скрипкѣ. Живописцы искали его общества какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ дополненіе пособій по литературѣ, Крыловъ выучился по-Итальянски и свободно на этомъ языкѣ читалъ книги. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, гдѣ въ прежнее время такъ радушно принимались люди съ талантами. Между тѣмъ увлеченія молодаго сердца, естественно, требовали жертвъ, стоившихъ и траты времени и частаго удаленія отъ серьёзныхъ занятій. Хладнокровіе и благоразуміе не удѣлъ юнаго поэта. По крайней мѣрѣ, Крыловъ, повинуясь призыву любви, умѣлъ защититься отъ страсти буйной. Нравственная грація во всю жизнь сопровождала движенія его сердца.

Къ сожалѣнію, въ немъ развилась другая страсть, которая заставила его много погубить времени. Онъ завлекся игрою въ карты. Какъ ни разбирай, картежная игра во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ въ себѣ что-то недостойное благоразумнаго человѣка. Вотъ

почему ея начало всегда современно легкомысленной молодости каждаго. Принять ли ее даже какъ отдохновеніе отъ трудовъ и простое средство къ необходимому развлеченію — надобно предположить удивительную пустоту души, способной для того оставаться въ сферѣ подобной дѣятельности. Не упоминая о музыкѣ, или дружескихъ бесѣдахъ, о прогулкахъ и вообще о всякомъ механическомъ занятіи, самое бездѣйствіе полезнѣе и даже благороднѣе игры. Въ защиту нравственной стороны ея обыкновенно приводятъ мысль, что здѣсь непринужденное, равномѣрное береніе партій. Но кто не убѣжденъ, что въ игрѣ весь успѣхъ только и зависитъ отъ неравномѣрности либо характеровъ, либо соображеній. Это обстоятельство, всѣми сознаваемое, и низкая цѣль уничтожаютъ достоинство соперничества. Пушкинъ говаривалъ, что сильную игру надобно отнести въ разрядъ тѣхъ предпріятій, которыя, касаясь съ одной стороны близкой гибели, а съ другой блистательнаго успѣха, наполняютъ душу самыми сильными ощущеніями, всегда увлекательными для людей необыкновенныхъ. И это изъясненіе нисколько не облагораживаетъ приверженцевъ къ игрѣ. Подчиниться властительнымъ порывамъ во время дѣлопроизводства мелкаго, сухаго, безжизненнаго, не соблазняющаго никакою поэзіею, кромѣ чужихъ денегъ — къ этому способны развѣ самые обыкновенные люди, уже успѣвшіе изсушить въ себѣ всѣ стремленія къ чему бы то ни было поэтическому. Гораздо легче сказать, и это справедливѣе будетъ, что недостатокъ истинно-хорошаго воспитанія, отсутствіе въ душѣ правилъ строгой нравственности, привычка къ развлеченіямъ внѣшнимъ, примѣръ общества и его испорченные нравы незамѣтно роднятъ насъ съ этимъ унизительнымъ препровожденіемъ времени и постепенно разжигаютъ въ

насъ другія страсти, удовлетворяемыя выигрышемъ. Какъ бы то ни было, но Крыловъ заплатилъ дань и этой слабости. Онъ отыскивалъ сборища, въ которыхъ предавались игрѣ съ самозабвеніемъ. Онъ готовъ былъ съѣздить въ другой городъ, ежели узнавалъ, что тамъ найдутся товарищи по игрѣ. Никто не замѣчалъ конечно, чтобы Крыловъ жаденъ былъ къ деньгамъ. Онъ былъ вообще безпеченъ и нерасчетливъ. У этихъ людей, вмѣсто истиннаго сребролюбія, иногда проглядываетъ что-то похожее на безсмыслицу. «Отправляясь со мною вмѣстѣ куда-нибудь въ гости (расказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извощику столько же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ, и наконецъ, усталый, бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурный экипажъ, и за половину дороги платилъ почти столько же, сколько просили съ него при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью.» Вотъ обращикъ расчетливости поэта, имъ же изображенной въ баснѣ: *Мельникъ*. Отъ привычки къ игрѣ освобождаются не вдругъ. Съ Крыловымъ было тоже. Извѣстно, что слухъ объ этой страсти его въ послѣдствіи времени дошелъ до Императора Александра Павловича. Государь тогда произнесъ многозначительныя слова: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой.»

XV.

Бездѣйственная жизнь наскучила наконецъ Крылову. Вступить въ службу вновь ему теперь уже не было трудно. Въ немъ готовы были принять участіе самыя значительныя лица. Въ 1801 году онъ удостоился покровительства вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳео-

доровны. Государыня изволила поручить его Рижскому военному губернатору Князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну. Тогда Крылову было 32 года. Многіе въ эти лѣта пользуются уже значительностію по службѣ. Поэтъ занялъ мѣсто секретаря при новомъ своемъ начальникѣ. Живши въ городѣ, который былъ для него иностраннымъ, могъ бы онъ пристраститься къ дѣламъ службы; но привычка къ занятіямъ литературнымъ, а еще болѣе къ игрѣ въ карты, не оставила его и здѣсь. Разсказываютъ, что, въ послѣднемъ отношеніи, на нѣкоторое время онъ былъ даже очень счастливъ, выигрывая много денегъ, которыя, какъ это обыкновенно оканчивается, онъ скоро всѣ проигралъ. Насмѣшливый умъ его отозвался въ Ригѣ шуткою-каррикатурой, извѣстною только въ рукописи, подъ названіемъ трагедіи: *Трумфъ*. Основаніемъ каррикатуры служитъ смѣшной выговоръ Русскихъ словъ, произносимыхъ Нѣмцами. Впрочемъ, Крыловъ никогда и не думалъ пустить пьесу въ извѣстность. Она огласилась такъ же, какъ и все, недоступное печати.

На другой годъ новой службы своей Крыловъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а на третій еще разъ покинулъ службу. Правда, ему больше и дѣлать было нечего въ Ригѣ. Князь Голицынъ, испросивъ себѣ увольненіе отъ должности, тамъ занимаемой имъ, отправился къ себѣ въ деревню Саратовской губерніи. Привыкнувъ къ Крылову и полюбивъ его, онъ уговорилъ поэта переселиться съ нимъ въ новое его мѣстопребываніе. Безъ родства, ничѣмъ не связанный, мало заботясь о будущемъ, можетъ быть, и любопытствуя взглянуть на деревенскую жизнь вельможи, поэтъ охотно принялъ его предложеніе. Тамъ оставался Крыловъ три года. Его положеніе, не смотря на дружеское къ нему отношеніе Князя, нельзя было назвать

совсѣмъ пріятнымъ. Въ многолюдномъ домѣ знатнаго человѣка никакъ не избѣгнешь мелкихъ досадъ, случайныхъ столкновеній съ такими людьми, которые, не умѣя вполнѣ оцѣнить достоинство писателя, смотрятъ на него какъ на безполезнаго нахлѣбника. Впрочемъ, Крыловъ нашелъ способъ отвратить отъ себя всякой упрекъ въ тунеядствѣ. Время, остававшееся праздным послѣ деревенскихъ забавъ, собраній и гастрономическихъ занятій, онъ употреблялъ въ пользу дѣтей Князя, обучая ихъ тому, въ чемъ чувствовалъ себя свѣдущимъ. Такимъ образомъ поэтъ нашъ вкусилъ сладость и званія домашняго учителя. Съ маленькими Князьями воспитывался тамъ и чужой мальчикъ, сынъ одного Русскаго дворянина, по происхожденію носившаго Финляндскую фамилію. Крылову тогда и въ голову не приходило, что этотъ ребенокъ нѣкогда удивлять будетъ лучшее наше общество своимъ остроумiемъ, своенравiемъ своимъ, ипохондрiею, и приготовитъ для потомства любопытнѣйшія Записки, въ которыхъ читатели найдутъ нѣсколько желчныхъ страницъ и о деревенскомъ Саратовскомъ учителѣ. Изъ нихъ видно, что въ деревнѣ Крыловъ дѣйствительно не былъ какъ у себя. Онъ описанъ человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, что подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, рано постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ: *Трудолюбивый Медвѣдь*. Такъ прошли для Крылова первые годы того славнаго въ исторіи Россіи двадцатипятилѣтія, на скрижаляхъ котораго сіяетъ и его имя. Въ 1806 году онъ отправился, черезъ Москву, къ старымъ пріятелямъ своимъ и къ старымъ занятіямъ въ Санктпетербургъ, дружески распростившись съ Княземъ Голицынымъ, который

и самъ на слѣдующій же годъ долженъ былъ покинуть деревню, избранный въ главнокомандующіе третьей области земскаго войска.

XVI.

Въ Москвѣ Русская словесность тогда процвѣтала. Не только Дмитріевъ и Карамзинъ, преобразователи языка нашего и вкуса, влекли къ образцамъ своимъ молодое поколѣніе, но и Жуковскаго имя уже пріобрѣло извѣстность. Крылову, который остановился въ Москвѣ, не менѣе, какъ и другимъ, пріятно было общество этихъ литераторовъ, которые жили только для успѣховъ ума и вкуса. Онъ особенно сблизился съ Дмитріевымъ. Желая войти съ нимъ въ такія сношенія, которыя бы касались предмета, для нихъ обоихъ равно занимательнаго, Крыловъ, въ свободное время, перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивую Невѣсту*. Дмитріевъ, прочитавъ ихъ, нашелъ переводъ Крылова очень счастливымъ и достойнымъ прелестнаго подлинника. Тогда онъ началъ уговаривать будущаго соперника своего не покидать этого рода поэзіи, который, по его мнѣнію, болѣе другихъ удался ему и можетъ современемъ составить его славу. Крыловъ послѣдовалъ совѣту законнаго судіи въ этомъ дѣлѣ — и въ Москвѣ же перевелъ еще изъ Лафонтена: *Старикъ и трое молодыхъ*. Двѣ первыя басни Дмитріевъ немедленно послалъ къ Князю Шаликову для напечатанія въ № 1 его журнала: *Московскій Зритель* (1806). Передъ ними была надпись переводчика: *С. Б. Бкндрфвой* (Бенкендорфовой). Издатель припечаталъ къ нимъ свое слѣдующее примѣчаніе: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И * И * Д * «(Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу «и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ

«то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. Имя лю-
«безнаго поэта обрадуетъ конечно и читателя моего
«журнала такъ, какъ обрадовало меня.» Во 2-мъ №
Московскаго же *Зрителя*, опять съ именемъ перевод-
чика, напечатана и третья его басня. И такъ почти
за тридцать девять лѣтъ до своей кончины Крыловъ
былъ поставленъ судьбою на ту дорогу, которая дол-
жна была привести его къ безсмертію.

По возвращеніи своемъ въ Санктпетербургъ, Кры-
ловъ по прежнему предался страсти къ театру. Вѣ-
роятно, три его новыя пьесы для сцены, всѣ напе-
чатанныя въ 1807 году, подготовлены были уже преж-
де. Обѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, вы-
ражаютъ сильное негодованіе поэта на слѣпое пристра-
стіе Русскихъ къ Французамъ и ихъ языку. Можно
подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю его
желчь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ вы-
казываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно,
или глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ
зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо. Многіе изъ
писателей нашихъ, начиная съ Княжнина, вооружа-
лись сатирою противъ этого общественнаго недуга.
Но пользы оказалось мало, даже нисколько. Подъ за-
щитою господствующей моды никто не чувствуетъ
боли, какую повидимому должны бы произвести острыя
стрѣлы насмѣшки. Есть и еще обстоятельство, спаса-
ющее порокъ общества. Сатирики изображаютъ его
въ такомъ неестественномъ, въ такомъ искаженномъ
видѣ, что ни одному человѣку и въ голову не при-
детъ приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло
оканчивается какъ въ баснѣ Крылова же: *Зеркало и
Обезьяна*. Хотя новыя комедіи его несравненно выше
прежнихъ движеніемъ и правдоподобіемъ событія,
очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и

современные нравы, самымъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго — и отъ того цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ въ *Модной Лавкѣ* Сумбурова, для которой написана вся комедія, нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому что оно перешло границы правды. Въ *Урокѣ Дочкамъ* всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Фекла и Лукерья съ Вельскаровымъ, отзываются этимъ же недостаткомъ. Между тѣмъ есть здѣсь явленія, исполненныя высокаго комическаго достоинства. Ничего нельзя представить живѣе, увлекательнѣе и граціознѣе VII явленія, XI, XV и XVI. Эти простосердечныя глупости барышень врѣзываются въ памяти — и одинъ намекъ на какую-нибудь подобную сцену вызоветъ краску на лицо виновныхъ въ той же слабости.

Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей: *Илья Богатырь*, явившейся тоже въ 1807 году въ печати и на театрѣ. Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею оперъ публику восхищала *Русалка*, Краснопольскимъ переведенная съ Нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья Богатырь, Соловей-Разбойникъ могли увлечь воображеніе поэта. Между тѣмъ исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста, что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь, что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ расказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый та-

лантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаютъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріяловъ. И такъ, неудивительно, что Сѣдырь, Таропъ, Зломѣка и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ.

XVII.

Въ 1808 году Крылову было отъ роду уже сорокъ лѣтъ. Онъ вошелъ въ это время опять въ службу при монетномъ дворѣ. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, онъ произведенъ былъ въ титулярные совѣтники. Въ Санктпетербургѣ издавался тогда журналъ, подъ названіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*. Въ немъ является нѣсколько новыхъ басень Крылова и одно стихотвореніе, довольно оригинальное по содержанію своему и тѣмъ еще замѣчательное, что оно было послѣднею данію его другимъ родамъ поэзіи, кромѣ басень, за исключеніемъ двухъ-трехъ коротенькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ уже гораздо позже въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* по дружбѣ его къ Барону Дельвигу. Стихи, на которые указано выше, названы: *Посланіе о пользѣ страстей*. Гораздо прежде него, Карамзинъ, въ извѣстномъ своемъ *Разговорѣ о счастіи* (1797 г.), явился панегиристомъ страстей. Новыя мысли, и особенно выступающія основаніемъ своимъ изъ ряда такъ называемыхъ *общихъ мѣстъ*, сильно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателей, а въ послѣдствіи, хотя мы о томъ даже и не думаемъ, являются въ нашихъ собственныхъ сочиненіяхъ. Такъ случилось и съ Крыловымъ. Но онъ больше Карамзина развилъ идею въ своемъ посланіи, посвященномъ ей исключительно. Онъ изъ каждой мысли составилъ картину. Еще замѣчательно: онъ здѣсь, говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ сво-

ихъ произведеній, которое названо: *Пушки и паруса.* Стихи посланія, во многихъ мѣстахъ, такъ обработаны и крѣпки, такъ игривы и блестящи, что достойны имени знаменитаго автора. Возьмемъ изъ нихъ отрывокъ.

«Какъ встарь живалъ нашъ праотецъ Адамъ?
Подъ деревомъ, въ шалашикѣ убогомъ,
Съ праматерью не пекся онъ о многомъ.
Виньель ему не странвалъ палатъ:
Онъ подъ ноги не стлалъ ковровъ Персидскихъ,
Ни жемчуговъ не нашивалъ бурмитскихъ;
Не изсѣкалъ онъ яшму и агатъ
На пышные кубки для винъ превкусныхъ;
Не зналъ онъ рѣзьбъ, альфресковъ, позолотъ,
И на стѣнахъ не выставлялъ работъ
Рафаэлей и Рубенсовъ искусныхъ;
Восточныхъ онъ не нашивалъ парчей.
Когда къ нему ночь темна приходила,
Не замѣнялъ онъ люстрами свѣтила,
Не превращалъ въ дни ясные ночей;
Онъ, кромѣ яствъ, не зналъ столу уборовъ,
И не ѣдалъ съ фаянсовъ и фарфоровъ.
Когда изъ тучь осенній дождь ливалъ,
Подъ кожами зубъ-объ-зубъ онъ стучалъ —
И, твердо знавъ премѣнчивость природы,
Какъ Стоикъ ждалъ конца дурной погоды,
Иль въ ближній лѣсъ за легкимъ тростникомъ
Ходилъ нагой — и вѣрно босикомъ.
Потомъ, расклавъ хворостинку беремя,
Онъ сиживалъ съ женой у огонька,
И проводилъ свое на свѣтѣ время
Въ шалашикѣ, не лучше Калмыка.»

Никто не усомнится, что авторъ такихъ стиховъ, печатавшихся почти за сорокъ лѣтъ до нашего времени, долженъ былъ обратить на себя вниманіе, не го-

воримъ *публики*, для которой иногда равны писатели, стоящіе на противоположныхъ концахъ художническаго поприща, лишь бы имена ихъ часто мелькали передъ ея глазами, но вниманіе тѣхъ, для которыхъ Жуковскій издавалъ нѣкогда книжки свои подъ заглавіемъ: *Для немногихъ*. Безъ сомнѣнія, еще болѣе въ ихъ душѣ утвердилось пріятныхъ надеждъ при появленіи въ *Драматическомъ* же *Вѣстникѣ* значительнаго числа басень его. Онѣ представляли собою такія произведенія поэзіи, которыми удовлетворялись вдругъ и требованія литературной критики и ожиданія національнаго чувства. Патріотическое стремленіе къ самостоятельной, независимой поэзіи, видѣло въ нихъ залоги для своей эпохи. Въ числѣ образованнѣйшихъ людей того времени, принимавшихъ ближайшее, непосредственное участіе въ успѣхахъ отечественной словесности и художествъ, были Графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ. Домъ и семейство каждаго изъ нихъ сосредоточивали все, что̀ являлось въ столицѣ замѣчательнаго по литературѣ и изящнымъ искуствамъ. Тамъ не покровительствовали только, а любили таланты, участвовали въ ихъ занятіяхъ, входили во всѣ подробности трудовъ ихъ и возбуждали ихъ дѣятельность не только совѣтами, но и нѣжнѣйшею дружбою. Писателю, какъ и другому человѣку, необходимо общество. Ежели по происхожденію своему принадлежитъ онъ къ такъ называемому среднему кругу людей, то не совершитъ и половины своего назначенія, оставшись въ немъ навсегда. Умъ его, образованность и вкусъ не могутъ быть удовлетворены мелочными потребностями, тѣсною рамою жизни средняго круга. Его общество должны составлять люди, чуждые неотступныхъ заботъ, принужденія, недовѣрчивости, ограниченныхъ сужденій и скучныхъ разговоровъ. Ему

необходимъ открытый и ясный взглядъ на общество, на жизнь. При немъ все должно быть свободно, искренно и высоко занимательно. Изъ такаго общества писатель возвращается въ свое уединеніе съ новыми мыслями, съ новыми знаніями. Онъ соображаетъ свои труды съ дѣйствительными нуждами людей, а не съ ничтожными жалобами невѣжества и себялюбія. Всѣ писатели, конхъ имена и сочиненія составляютъ народную славу, оправдали эту истину. Такой удѣлъ достался теперь и Крылову. Тѣснѣйшею дружбою онъ былъ соединенъ съ домомъ А. Н. Оленина, гдѣ всѣ тогдашніе Русскіе литераторы находили радушіе и участіе. Душою ихъ общества, кромѣ образованнаго хозяина, была супруга его, Е. М. Оленина, урожденная Полтарацкая, существо кроткое, исполненное любви къ прекрасному и его понимавшее сердцемъ. Это семейство и домъ Графа А. С. Строганова составляли какъ бы одно, избранное общество, въ которомъ созрѣвали знаменитости вкуса, принадлежащія вѣку Александра I.

XVIII.

По соображеніи всего, что̀ въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростію. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли. И вотъ въ 1808 же году вышло первое изданіе его басень въ числѣ 23 — блистательный годъ въ Русской литературѣ. По истеченіи одиннадцати лѣтъ она должна отпраздновать его вторымъ Крыловскимъ юбилеемъ. Слава Санктпетербурга отозвалась въ Москвѣ. Тамъ Жуковскій былъ редакторомъ *Вѣстника Европы*. Онъ

помѣстилъ въ немъ прекрасный разборъ только-что вышедшихъ въ свѣтъ басень Крылова. Совершеннѣйшія изъ нихъ, по отзыву критика — слѣдующія пять: *Два Голубя*, *Разборчивая Невѣста*, *Стрекоза и Муравей*, *Пустынникъ и Медвѣдь*, и *Лягушки, просящія царя*. Разсуждая о баснѣ вообще и прилагая свои выводы къ Лафонтену, Жуковскій говоритъ: «Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Лафонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно-стихотворныхъ картинъ, ни того характера *простоты*, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену; а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное.» Критикъ прибавляетъ далѣе, что въ большей части тогдашнихъ басень Крылова вымыслы и разсказъ заимствованы у Лафонтена. Не смотря на то, Жуковскій называетъ нашего баснописца поэтомъ тоже оригинальнымъ. «Не опасаясь никакаго возраженія (говоритъ онъ), мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ; переводчикъ *въ стихахъ* — соперникъ.» Наконецъ, вотъ ближайшая характеристика Крылова, какую составилъ Жуковскій, разсматривая его басни: «Слогъ басень его вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то тро-

гаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ, или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи. Имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя. Каждое дѣйствующее въ баснѣ его лице имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные. Читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.»

Понятно, какія новыя черты внесъ бы въ свой отчетъ критикъ, если бы нынѣ говорилъ о Крыловѣ, когда все получило въ его басняхъ окончательное совершенство, когда имъ поэтъ сообщилъ независимость тона, колорита, выраженія, когда обнялъ онъ собственною мыслію Русскую жизнь въ главныхъ ея оттѣнкахъ и краскахъ, изобразилъ ее рѣзко и вѣрно, наполнилъ созданія свои философіею, сатирою и поэзіею того народа, котораго былъ представителемъ, и когда въ языкѣ своемъ такъ гармонически, такъ художнически слилъ всѣ стихіи разнообразной отечественной рѣчи. Всѣхъ Крылова басень теперь 197. Изъ этого числа (по его собственному показанію въ изданіи 1843 года) только 30 такихъ, которыхъ содержаніе заимствовалъ онъ у другихъ поэтовъ, а 167 принадлежатъ собственно ему и по вымыслу и по расказу.

XIX.

Со времени перваго изданія басень Крылова до поступленія его на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку прошло четыре года. Изъ нихъ два послѣдніе онъ провелъ въ отставкѣ. Къ театру началъ онъ охладѣвать, что̀ съ лѣтами становилось замѣтнѣе. Прежній сценическій писатель, другъ Дмитревскаго, постоянный посѣтитель каждаго на театрѣ представленія, пришелъ къ тому, что наконецъ по десяти лѣтъ

сряду не заглядывалъ въ храмъ Мельпомены и Таліи. Теперь онъ принадлежалъ кругу лучшихъ литераторовъ. Его талантъ вполнѣ цѣнилъ самъ Державинъ. Въ 1810 году, въ домѣ пѣвца Фелицы, устроилась *Бесѣда Любителей Русскаго слова*. Всѣ извѣстные въ Санктпетербургѣ литераторы, всѣ любители и покровители наукъ приняли участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Бесѣда образована была на подобіе какаго нибудь судилища. Она раздѣлялась на четыре разряда. Въ каждомъ изъ нихъ находился предсѣдатель, дѣйствительные члены и сотрудники. Сверхъ того было четыре попечителя и неопредѣленное число почетныхъ членовъ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ происходили публичныя засѣданія, куда собирался такъ называемый цвѣтъ общества. Въ домѣ Державина, замѣчательномъ своею архитектурою, что на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста, отдѣлана была великолѣпная зала для этихъ литературныхъ собраній. Тамъ въ первый разъ читаны были экзаметры Гнѣдича, который первоначально вздумалъ-было продолжать послѣ Кострова переводъ Иліады Александрійскими стихами, но — благодаря совѣтамъ и настоянію С. С. Уварова (нынѣ Графа, Министра Народнаго Просвѣщенія) — рѣшился приступить къ новому труду съ первой пѣсни и взять размѣръ, подобный подлиннику. Въ 1811 году избранъ былъ въ дѣйствительные члены Бесѣды и Крыловъ. Его новыя басни возбуждали общій восторгъ въ каждомъ чтеніи. Ежемѣсячно издавалась особая книжка, въ которой печатано было все, прочитанное и одобренное въ Бесѣдѣ. Лирикъ Державинъ помѣстилъ тамъ, кромѣ послѣднихъ стихотвореній своихъ, разсужденіе о лирической поэзіи. Съ 1811 до 1816 (годъ кончины Державина, послѣ чего и собранія Бесѣды прекратились) вышло двадцать книжекъ.

Такъ-какъ большею частію литераторы, участвовавшіе въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова, были члены Россійской Академіи, то въ концѣ 1811-го же года и Крыловъ избранъ въ академики. По смерти А. А. Нартова, въ 1813 году, президентомъ назначенъ А. С. Шишковъ. Блистательный періодъ существованія Россійской Академіи уже прошелъ. Своею славою она обязана Екатеринѣ II, непосредственно участвовавшей въ ея занятіяхъ, и первому президенту своему Княгинѣ Дашковой, умѣвшей постигнуть глубокую мысль великой основательницы Академіи. Крыловъ не нашелъ въ ученыхъ засѣданіяхъ той занимательности и возбужденія, которыя бы сообщили новый полетъ его генію. Онъ рѣдко посѣщалъ Академію, и то развѣ въ торжественныя собранія. Таковы вездѣ бываютъ отношенія геніальныхъ людей къ прозаическимъ оффиціальныхъ совѣщаніямъ. Разсказываютъ, будто разъ при разсужденіи о способахъ, какъ обезопасить доходы Академіи, въ припадкѣ простодушной веселости своей, Крыловъ предлагалъ купить землю подъ овощные огороды, съ которыхъ доходъ самый прибыльный и самый вѣрный. Впрочемъ, и для Россійской Академіи была еще впереди эпоха, когда на нѣсколько времени ожила ея знаменитость. Въ 1818 году ея лѣтописи украшены были именами Карамзина и Жуковскаго. Академическія собранія, какъ обыкновенныя, такъ и публичныя, оживлены были присутствіемъ и участіемъ лицъ, привлекавшихъ къ трудамъ своимъ всеобщее вниманіе. Отрывки изъ *Исторіи Россійскаго Государства* публично въ первый разъ читаны были въ Академіи. Крыловъ, Жуковскій и Гнѣдичъ тутъ же являлись съ новыми своими произведеніями.

XX.

Открытіе Императорской Публичной Библіотеки послѣдовало въ 1812 году. Ея директоромъ назначенъ А. Н. Оленинъ. Должности библіотекарей и помощниковъ ихъ поручены лицамъ, преимущественно извѣстнымъ въ литературѣ, что и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились: переводчикъ Иліады Гнѣдичь, знатокъ Славянской филологіи Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ Сопиковъ, переводчикъ Ифигеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этотъ же кругъ введены были послѣ Баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Олениинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлей, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до Русскихъ книгъ, назначенъ былъ библіотекаремъ по Русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его. Давній поощритель музы поэта, Брейткопфъ, котораго жена была начальницею Санктпетербургскаго Училища Ордена св. Екатерины, также поступилъ на службу въ Библіотеку. Удивились и обрадовались другъ другу старые знакомцы, нежданно очутившись за однимъ дѣломъ. Въ первыхъ своихъ воспоминаніяхъ они воскресили прошлое. Дошла очередь и до *Кофейницы*. Крылову любопытно было взглянуть на рукопись дѣтства своего. Къ счастію, Брейткопфъ сохранилъ эту драгоцѣнность. Онъ въ цѣлости передалъ ее знаменитому автору. Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ отъ главнаго зданія Библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году

когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, что къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ портретъ его, во весь ростъ масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи Художествъ Волковымъ на 44 году жизни поэта.

День учрежденія Библіотеки долгое время празднованъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній Русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню *Водолазы*. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ Библіотекѣ Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1,500 р. ас. пенсіи изъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Спустя восемь лѣтъ, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та же лѣстница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и неопрятною, пріемами простыми

и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это впрочемъ не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другаго и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичъ выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіе долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича экзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противоестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искуство на высокую степень обработанности. Крыловъ же басни свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безыскуственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ-что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.

XXI.

Всѣ мы убѣждены, что здѣсь назначеніе наше — дѣятельность. Она источникъ самосовершенствованія, безъ котораго человѣкъ становится виновнымъ и пе-

редъ людьми и передъ своимъ Создателемъ. Умственная, нравственная, политическая, какая бы ни была, даже просто физическая дѣятельность доставляетъ человѣку то, чѣмъ онъ возводитъ свое достоинство выше и выше. Съ этой точки зрѣнія разсматривая Крылова, нельзя не обвинять его во многомъ. Теперь жизнь его, вставленная въ рамки, которыя пришлись по мѣркѣ, улеглась неподвижно. Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и неголоволомной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ Англійской клубъ (гдѣ онъ послѣ игралъ нѣкоторое время по привычкѣ въ карты, а подъ конецъ только дремалъ) и на вечеръ иногда къ Олениныхъ, Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особенно старинные, читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти въ этомъ хорошую. Онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое, или писательское, не общая у насъ слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отстранился отъ людей, можетъ быть, не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ отношеніи. Начиная съ чина коллежскаго ассесора, пожалованнаго ему Государемъ въ 1814 году «въ уваженіе отличныхъ дарованій въ Рос«сійской словесности (какъ сказано въ именномъ Высочайшемъ указѣ по этому случаю)», Крыловъ, постепенно подымаясь, въ 1830 году получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, награжденный еще прежде крестами Владимірскимъ и Анненскимъ.

Новыя изданія басень его, которыхъ число годъ отъ

году возрастало, являлись очень часто. Второе вышло въ 1816 году и раздѣлено было на пять книгъ. Въ послѣднемъ, которое предпринято и кончено самимъ авторомъ въ 1843 году, находится уже девять книгъ. Изъ прочихъ изданій замѣчательнѣе другихъ явившіяся 1825 и 1834. Одно предпринято было Слѣпинымъ и украшено очень хорошими гравюрами, другое Смирдинымъ, гдѣ почти при каждой баснѣ есть по литографированной картинкѣ, которыя съ удивительнымъ успѣхомъ всѣ исполнены Сапожниковымъ.

Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Въ баснѣ *Безбожники* представлена картина, до такой степени разительная и согласная съ очевидностію, что, въ слѣдъ за нею, всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію. Его *Водолазы* рѣшатъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія. *Конь и Всадникъ* есть отвѣтъ на политическіе толки. *Листы и Корни* утверждаютъ законныя отношенія между сословіями. Въ *Мірской Сходкѣ* изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій. Крыловъ представилъ собою писателя, не увлекавшагося ни современными соблазнами, ни односторонними направленіемъ. Для общества онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, прописки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Его правоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости. Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и поли-

тики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Вникнувъ мыслію въ тайный смыслъ его басень: *Огородникъ и Философъ*, *Червонецъ*, *Музыканты*, *Любопытный*, кто не почувствуетъ, что по его системѣ педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ? Крыловъ умѣлъ выразить собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спѣсь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе. Достаточно для этого вспомнить басни: *Апеллесъ и Осленокъ*, *Булыжникъ и Алмазъ*, *Оселъ и Соловей*, *Парнасъ*. Какіе уроки заключилъ онъ въ *Бритвахъ*, *Голикѣ* и во множествѣ другихъ расказовъ! Словомъ: книга его басень составляетъ основу истинъ обще-человѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи, это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи.

XXII.

Характеръ и движеніе литературныхъ отношеній въ Санктпетербургѣ замѣтно измѣнились въ тотъ же 1816 годъ, когда послѣдовала кончина Державина. Много было до этихъ поръ преимуществъ на сторонѣ Москвы, гдѣ жили Карамзинъ и Жуковскій, одушевители молодаго поколѣнія писателей. Они переселились теперь въ сѣверную столицу. Около нихъ начали между собою соединяться люди, чувствовавшіе призваніе къ литературѣ и понимавшіе важность благородныхъ умственныхъ занятій. Нигдѣ успѣхъ не возмо-

женъ безъ сосредоточенности силъ. Великій писатель не только служитъ образцемъ вкуса, но и сообщаетъ стройность обществу литераторовъ, которые съ довѣрчивостію и любовію принимаютъ его идеи и сообразуются съ нимъ въ правилахъ жизни.

Карамзинъ только и жилъ для безсмертнаго труда своего, отъ котораго никто не могъ отвлечь его днемъ. За то каждый вечеръ отдавалъ онъ своему обществу. Люди государственные и писатели, всѣ, кто искалъ только бесѣды наставительно-пріятной, соединялись у него. Тогда литература занимала въ понятіи образованнаго общества высокое мѣсто. На ней сосредоточивались интересы и ожиданія первыхъ умовъ. Удивительно ли, что въ обществѣ Карамзина воспитали свое мышленіе не только другіе первоклассные писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія? Куда спѣшили Князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Пушкинъ, тамъ же, между Графомъ С. Румянцовымъ, Сперанскимъ, Оленинымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ. Это самое общество, разъ въ недѣлю, по субботамъ, собиралось на вечеръ къ Жуковскому. Сфера идей, тонъ сужденій, краски языка естественно согласовались съ понятіями, стремленіями и умомъ лицъ, соединенныхъ въ собраніи.

Здѣсь и Крыловъ являлся какъ общій другъ. Его практическій умъ и тонкое соображеніе находили для себя много пищи независимо отъ пріятнаго развлеченія, представляемаго разнообразіемъ гостей, любившихъ его одинаково. Еще замѣтнѣе отдавался онъ игрѣ своего остроумія и любезности по субботамъ у Жуковскаго, гдѣ отсутствіе дамъ, чтеніе литературныхъ новостей и бо́льшая свобода въ отношеніяхъ

развязывали его всегдашнюю осторожность. Между лучшими Русскими писателями, со временъ Ломоносова до смерти Пушкина, всегда замѣтно было искреннее дружелюбіе. Ни тѣни той взаимной зависти, въ которой обвиняютъ соперниковъ. Это низкое чувство никому незнакомо было въ ихъ кругу, всегда оставаясь только въ низшемъ слоѣ литературномъ. Крыловъ сознавалъ въ Жуковскомъ талантъ независимый и энергическій. Онъ постоянно сохранялъ къ нему въ душѣ своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ нимъ, Крыловъ бывалъ особенно пріятенъ. Разъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, онъ сталъ искать чего-то въ бумагахъ на письменномъ столѣ. «Что вамъ надобно, Иванъ Андреевичъ?» спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство», отвѣчалъ онъ: «хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а здѣсь нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ.» Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда послѣ онъ жилъ въ той части Зимняго Дворца, которая называлась Шепелевскимъ домомъ. На ней видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ.

XXIII.

Иностранцы почти такъ же, какъ и Русскіе, чувствовали достоинство таланта Крылова. Басни его, особенно тѣ, въ которыхъ болѣе національной прелести, переводимы были на разные Европейскіе языки. Но никогда поклоненіе генію его не доходило до такой торжественности, какъ было въ 1823 году въ Пари-

жѣ. Извѣстно, что это была эпоха новыхъ литературныхъ идей во Франціи. Тогда Вильменъ открылъ курсъ лекцій своихъ, которыхъ неотразимая истина, изумительная ученость и мужественное краснорѣчіе произвели переворотъ въ понятіяхъ слушателей. Во Франціи убѣдились, что и за предѣлами ея, даже подъ сумрачнымъ небомъ, разцвѣтая благоухаетъ иногда цвѣтъ поэзіи. Многіе перешли въ какую-то крайность и начали думать, будто у Французовъ до тѣхъ поръ не было еще поэзіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово въ Англіи и въ Германіи. Существенное пріобрѣтеніе отъ лекцій Вильмена состояло въ томъ, что преграда, столько вѣковъ останавливавшая эстетическое сближеніе Французовъ съ другими народами, наконецъ была разрушена. Любознательность повлеклась въ разныя страны за невѣдомыми, но уже сознаваемыми сокровищами ума и вкуса. Въ это время жилъ въ Парижѣ соотечественникъ нашъ Графъ Григорій Орловъ, авторъ «Записокъ о Неаполитанскомъ королевствѣ» и «Исторіи музыки и живописи въ Италіи,» только-что приготовлявшій къ печати еще сочиненіе: «Путешествіе въ полуденную Францію». У него въ домѣ собирались всѣ извѣстнѣйшіе ученые и литераторы. Графиня Орлова, урожденная Графиня Салтыкова, хотя давно не пользовалась хорошимъ здоровьемъ, оживляла однако же это собраніе тѣмъ очаровательнымъ умомъ, который выражается въ участіи, въ любезности и вкусѣ. Естественно, что въ эту пору всего чаще разговоръ касался соединенія въ одну общую собственность того, что̀ находится лучшаго въ иностранныхъ литературахъ. Графиня обратила вниманіе гостей на предметъ давняго поклоненія своего. Она имъ предложила мысль о новомъ, лучшемъ переводѣ Крылова на Французскій языкъ. Единодушно

пзъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ всѣ знаменитые тогдашніе литераторы. Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ. Въ домѣ Орловыхъ открылся какъ бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, сколько можно Русской природы внести во Французскую рѣчь, они сдѣлали все — и тогда-то облеклись лучшія Крылова басни въ стихи игривые и блестящіе, можетъ быть, едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностію для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басень переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по крайней мѣрѣ большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Напримѣръ, Герцогъ Бассано, въ баснѣ *Червонецъ*, вмѣсто 38 стиховъ Крылова, помѣстилъ въ 69 стиховъ разсказъ о крестьянинѣ и о какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ *Трояженецъ*, болѣе 20 стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха подлинника. Русская простота имъ по видимому непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное.

Несравненно выше, спустя нѣсколько времени, оказана была почесть баснописцу въ его отечествѣ. Въ 1831 году, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ Великому Князю Наслѣднику, изволилъ прислать Его Высочеству бюстъ Крылова. Можно вообразить, что̀ почувствовало сердце поэта, когда до него дошло о томъ извѣстіе. Правда, онъ съ давняго времени имѣлъ счастіе

пользоваться большимъ благоволеніемъ къ себѣ Особъ Императорскаго Дома, которому обязанъ былъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Но въ выраженіяхъ милостей и благорасположенія есть неуловимые оттѣнки. Здѣсь, въ безмолвномъ явленіи, высказалось все: и любовь, и урокъ, и почесть. Въ 1834 году, по Высочайшему повелѣнію, пенсія — три тысячи рублей, получаемая Крыловымъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, удвоена была суммою изъ Государственнаго Казначейства, «въ уваженіе заслугъ,» какъ сказано въ указѣ, «оказанныхъ имъ отечественной словесности.» Во всѣ остальные годы жизни, отношенія Крылова къ Царскому Семейству были самыя завидныя. Въ какое время и гдѣ бы ни встрѣчался съ нимъ поэтъ, Оно неизмѣнно привѣтствовало его восхитительными изъявленіями ласковости и дружелюбія. Всѣмъ памятно еще, что, во время отпѣванія тѣла Крылова, на груди его лежали засохшіе цвѣты. Это букеты, которые при жизни своей имѣлъ онъ счастіе получать въ разныя, незабвенныя для него эпохи отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Онъ какъ святыню хранилъ ихъ у себя до самой своей кончины.

XXIV.

Служащіе въ Императорской Публичной Библіотекѣ обыкновенно дежурятъ поочереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того, и конечно былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библіотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичъ видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа.

Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичъ не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на Аннепскій свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя однако же сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія по безостановочной выдачи брошюръ, которыхъ въ Русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ футляры въ формѣ толстыхъ книгъ, и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія издѣлія книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники Баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбію Сопикова. Это однако же не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они коё-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла

залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ, сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя, иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ окопницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи на нихъ стоявшія, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постелѣ часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 г. Будучи по утру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ

кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійской клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ посторонимъ посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренне, литераторы ли были то, или другаго рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, что̀ бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя пелѣпыя начинанія. Между тѣмъ проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина *Meditations poétiques*, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останавливался—и наконецъ произнесъ сквозь зубы: «да, стихи довольно густы.» При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму :

«Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.»

То, что у насъ называется находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сѣлъ у окна на стулъ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешокъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ-будто соскользнувши съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ въ-торопяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ коридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу — и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая, опрометью бросилась на верхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками, что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ Гнѣдичъ, немножко всегда театральный. «Вхожу. На полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу

воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ.» Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакаго способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

XXV.

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ. Онъ, при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи, съ большимъ чувствомъ и какъ бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ. Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ—и видитъ, что дама брала дѣтей поочередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ, и глазами своими указывала на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другаго происшествія, которое сначала польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ правоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, что̀ прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы, и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ-какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: «вотъ если

угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю.» — А какъ же меня знаешь ты? — спросилъ Крыловъ. «Помилуйте, Иванъ Андреевичь (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякой мальчишка на каждой улицѣ знаетъ.» Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку Гостинаго двора, чтобы купить потной бумаги. «За деньгами, сказалъ онъ, пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ.» —Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ (проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу): много живетъ здѣсь народу. —

Свою извѣстность Крыловъ по скромности изъяснялъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ Библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ улыбаясь раскланиваться, или говорить по-пріятельски съ такими людьми, которыхъ конечно когда-нибудь видалъ, но ни имени, ни мѣста службы совсѣмъ онъ теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между тѣмъ, какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ въ свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ 1826 г., онъ отъ полноты души говоритъ:

«Хоть, можетъ быть, иным я страненъ покажусь —
Но благодарным быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня

Щедротъ Монаршихъ лучь склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ —
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.»

Крыловъ не бывалъ за границею. Если бы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать, удержалъ ли бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости, и который такъ легко отклонялъ крайности, вѣрно усматривая вездѣ златую средину? Поѣздка въ чужіе краи разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басень своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милою родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разостланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись, Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавило ему счастія,

что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая лѣнь. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби по-прежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ, и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этаго событія, кабинетъ Крылова рукою искуснаго художника сохраненъ для потомства. Великая Княгиня Марія Николаевна приказала перенести его на картину, которая и находится у Ея Высочества.

XXVI.

Безпечность и праздполюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Въ послѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было не-кому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ — и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? «Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову.» Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ

согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ Греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье — и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его, безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ Греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то Греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постелѣ приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ Греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ-было подъ кровать руку за Эзопомъ—но тамъ уже не осталось никого изъ Грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ

спальнѣ. Она-то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по-Гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ Латинскаго языка — и всегда говорилъ, что ни изъ чего бы не рѣшился когда нибудь учиться по-Латынѣ.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Крыловъ бывалъ всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ нибудь виденъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ, и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, бывшемъ здѣсь близъ взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели. Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его баснях всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно-точны и оригинально-хороши.

XXVII.

Менѣе всего благоразуменъ былъ Крыловъ въ употребленіи пищи. За нѣсколько лѣтъ до послѣдней болѣзни своей испытавши припадокъ паралича, правда, онъ въ остальные годы строго наблюдалъ, чтобы не ѣсть много разныхъ кушаньевъ, но и при двухъ-трехъ блюдахъ умѣренность не была его добродѣтелью. Извѣстно, что Императрица Марія Ѳеодоровна всегда покровительствовала Крылова и оказывала ему всѣ знаки благоволенія. Онъ лѣто проводилъ чаще въ городѣ, нежели на дачѣ, выѣзжая только развѣ гостить недѣли на двѣ въ Priютино къ Олениным. Государыня нерѣдко изволила приглашать его въ Павловскъ. Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ

любимаго Императрицею старинаго обыкновенія, чтобы мущины пудрились. Часто, принимая поэта, Государыня встрѣчала его слѣдующею шуткою: «Вы, мо«жетъ быть, пріѣхали и не совсѣмъ для меня; но это «(показывая на его пудреную голову) я ужъ беру пря«мо на свой счетъ.» Въ Павловскѣ написалъ онъ свою басню *Василекъ*, оставивъ ее, какъ свидѣтельство глубочайшаго чувства признательности къ вѣнценосной Благотворительницѣ, въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ *Розовомъ павильонѣ* разложены были для удовольствія посѣтителей. Однажды, за обѣденнымъ столомъ у Императрицы, другой поэтъ, Капнистъ шепнулъ Крылову: «ты ѣшь за десятерыхъ: откажись хоть отъ одного блюда. Развѣ ты не замѣчаешь, что Государыня поминутно на тебя взглядываетъ, желая попотчевать?» —Ну, а если не попотчуетъ?—отвѣчалъ онъ, продолжая угощать себя.

Особенно весело было Крылову, когда на званомъ обѣдѣ, или ужинѣ, приготовляли для него Русскія кушанья. Это обыкновенно и дѣлали всѣ изъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. За нѣсколько лѣтъ до того, какъ Крыловъ покинулъ службу въ Библіотекѣ, на вечера по пятницамъ литераторы собирались у А. А. Перовскаго. Хозяинъ каждый разъ приказывалъ подавать гостямъ ужинъ. Садились немногіе: въ числѣ ихъ всегда бывалъ Крыловъ. Разъ, во время толковъ о привычкѣ къ ужину, одни говорили, что никогда не ужинаютъ, другіе, что давно перестали, третьи, что намѣрены перестать; Крыловъ же, накладывая на свою тарелку кушанье, примолвилъ тутъ: а я, какъ мнѣ кажется, потеряю привычку ужинать въ тотъ день, въ который перестану обѣдать. Послѣдніе изъ многолюдныхъ литературныхъ обѣдовъ бывали у В. И. Карлгофа. Въ его домѣ Крыловъ видѣлъ особенное, не-

притворное къ себѣ радушіе хозяина и хозяйки. Хотя изрѣдка, являлся наконецъ онъ на обѣды къ Графинѣ Е. П. Ростопчиной, а на ужины къ Князю В. Ѳ. Одоевскому. Впрочемъ, не было человѣка менѣе спѣсиваго на зовъ, какъ нашъ поэтъ. Переживъ столько поколѣній литераторовъ и оставшись въ искренней дружбѣ только съ малымъ числомъ первоклассныхъ писателей, онъ почиталъ себя въ отношеніи къ другимъ какою-то общею, законною добычею.

XXVIII.

2 Февраля 1838 года, со дня рожденія Крылова, должно было исполниться ровно семьдесятъ лѣтъ. Хотя еще слишкомъ за годъ передъ тѣмъ совершилось пятидесятилѣтіе со времени появленія его *Филомелы* въ печати, но вспомнили о томъ только по случаю приближавшагося дня его рожденія. Всѣ литераторы оживились, обрадовавшись случаю отпраздновать юбилей знаменитаго Русскаго баснописца. По докладѣ о томъ Государю Императору, Министръ Народнаго Просвѣщенія далъ знать, что Его Величество соизволяетъ на общее желаніе. Изъ лицъ, къ поэту ближайшихъ по дружбѣ, составленъ былъ комитетъ для учрежденія праздника. Подъ предсѣдательствомъ Оленина тамъ были: Жуковскій, Князь Вяземскій, Плетневъ, Карлгофъ и Князь Одоевскій. Предположили, въ день рожденія Крылова, дать обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія, что было въ домѣ г-жи Энгельгардтъ. Гостей соединилось около 300 человѣкъ. Въ Санктпетербургѣ не было ни одного таланта, въ какомъ бы онъ родѣ искуства ни получилъ извѣстность, который бы не поспѣшилъ присоединиться къ торжеству, родственному для всей Россіи. Передъ обѣдомъ, Плетневъ и Карлгофъ поѣхали за Крыловымъ. До него не могли

не дойти слухи о приготовляемомъ праздникѣ, но онъ ничего не зналъ опредѣлительно. Впрочемъ, депутація нашла его уже одѣтымъ. «Иванъ Андреевичъ!» сказалъ ему Плетневъ, «сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ вы явились посреди Русскихъ писателей; они собрались провести вмѣстѣ этотъ день, достопамятный для нихъ и для всей Россіи, и просятъ васъ не отказаться быть съ ними, чтобы этотъ день сдѣлался для нихъ навсегда незабвеннымъ праздникомъ.» — Знаете что, отвѣчалъ онъ, я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не придумали бы вы чего лишняго: вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣды не случалось, что онъ не хаживалъ далеко въ море.—По прибытіи ихъ въ собраніе, Оленинъ привѣтствовалъ Крылова: «Иванъ Андреевичъ! Русскіе литераторы сѣверной нашей столицы, художники и любители отечественной словесности собрались въ день вашего рожденія, чтобъ единодушно праздновать пятидесятилѣтніе ваши успѣхи на поприщѣ Русской словесности. Примите по сему случаю искреннее наше поздравленіе и нелицемѣрное желаніе, чтобы многіе еще годы вы украшали знаменитыми, полезными и пріятными вашими трудами Русскую нашу словесность.» Министръ Народнаго Просвѣщенія прочиталъ слѣдующій Высочайшій Рескриптъ на имя Крылова: «Отличные успѣхи, коими сопровождались ваши долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности, и благородное, истинно-Русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ вашихъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи, обращали на себя Наше постоянное вниманіе, въ ознаменованіе коего жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Цар-

скаго ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны. Николай.» Украсивъ звѣздою грудь поэта, Министръ пригласилъ его въ особенную залу, куда Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили прибыть для поздравленія Крылова. Всѣмъ этимъ онъ уже до слезъ былъ растроганъ.

Начался обѣдъ. Помѣщеніе гостей такъ было устроено, что они отовсюду могли видѣть общаго любимца. Противъ него, на другой сторонѣ залы, поставленъ былъ столъ, прекрасно освѣщенный и убранный цвѣтами, гдѣ стоялъ въ лавровомъ вѣнкѣ бюстъ его и лежали разныя изданія всѣхъ сочиненій Крылова, какія только могли собрать тогда. На хорахъ помѣстились дамы, желавшія присутствовать при торжествѣ. Крыловъ сидѣлъ между Оленинымъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По обѣ стороны отъ нихъ заняли мѣста прочіе министры, почтившіе своимъ присутствіемъ юбилей народнаго писателя. Между ними находился и Графъ Канкринъ, особенно любившій поэта и дружески принимавшій его у себя. Передъ Крыловымъ сидѣли всѣ пять членовъ комитета, распоряжавшаго празднествомъ. За обѣдомъ провозглашено было четыре тоста: Олениным за здравіе Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи. Музыка заиграла въ это время извѣстные Жуковскаго стихи: *Боже, Царя храни!* Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за здоровье Ивана Андреевича Крылова и сказалъ ему: «За здоровье Ивана Андреевича Крылова — да будетъ его литера-

турное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современныхъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству! Я считаю однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни день, въ который удостоился я быть посреди васъ, Мм. Гг., орудіемъ Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора къ нашему незабвенному Крылову, и на этомъ праздникѣ Русской словесности представителемъ Его державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ!» Въ слѣдъ за его словами Петровъ запѣлъ стихи Князя Вяземскаго, на этотъ случай написанные:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ — всѣ мы сватья!
И не къ чему таить вину:
Всѣ заодно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный:
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти — славные ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя;
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искуствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта — наша быль.

И не забудутъ этой были,
Пока по-Русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Жуковскимъ предложенъ былъ тостъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи Русской словесности, при чемъ онъ произнесъ: «Любовь къ словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы отечества, соединила насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичь, мы выражаемъ эту намъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и

вы, отъ насъ немногихъ, услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ, во-первыхъ, за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за Русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы. Но, выражая предъ вами тѣ чувства, которыя всѣ, находящіеся здѣсь, со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ не достаетъ двухъ, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ, знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное отечеству имя; другой, едва расцвѣтшій и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о Дмитріевѣ и Пушкинѣ само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ Крылова. Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, про-

должайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы; а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.» Наконецъ Князь Одоевскій предложилъ тостъ за здоровье присутствовавшихъ, присоединивъ слѣдующія слова: «Я принадлежу къ тому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ, и до сихъ поръ перечитываетъ ихъ съ новымъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колыбели, когда ваши творенія уже сдѣлались дорогою собственностію Россіи и предметомъ удивленія для иноземцевъ: отъ раннихъ лѣтъ мы привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей словесности. Существуютъ произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому, или другому возрасту, бо́льшей, или меньшей степени образованности; немного такихъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Ваши стихи во всѣхъ концахъ нашей величественной родины лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ какъ уроки положительной мудрости, ихъ изучаетъ литераторъ какъ образцы остроумной поэзіи, изящества и истины. Примите же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣлателей на томъ поприщѣ, которое вы проходите съ такою честію для васъ и для Русскаго слова; пусть долго, долго вашъ примѣръ будетъ намъ путеводителемъ; пусть новыми вашими твореніями вы обогатите если не славу вашу, то по крайней мѣрѣ сокровище тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искуства.

Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общемъ голосѣ нашихъ соотчичей; но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старины и младенческихъ воспоминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лице знаменитаго современника, быть очевидными свидѣтелями его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца.»

Бенедиктовъ сочинилъ для этого праздника помѣщаемые здѣсь стихи, которые были прочитаны Блудовымъ:

День счастливый, день прекрасный —
Онъ насталъ, и полный клиръ,
Душъ отверстыхъ клиръ согласный
Возвѣстилъ намъ праздникъ ясный,
Просвѣщенья свѣтлый пиръ.

Небесамъ благодаренье
И Владыкѣ Русскихъ силъ,
Кто въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Пировать благословилъ.

Духомъ юноши моложе,
Онъ предъ нами — славы сынъ!
Витыхъ локоновъ пригоже,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его сѣдинъ.

Не сожмутъ сердецъ морозы;
Въ насъ горятъ къ нему сердца:
Онъ предъ нами — сыпьтесь розы;
Лейте радостныя слезы
На листы его вѣнца!

Общаго одушевленія и радости столь непритворной, столь живой, кажется, не бывало еще въ такомъ мно-

голодномъ собраніи. Между тѣмъ выраженіе, которое постоянно оставалось на лицѣ Крылова, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на мыслящаго человѣка. О немъ въ *Современникѣ* тогда было напечатано: «Крыловъ, окруженный многочисленными почитателями своими, въ эти минуты занималъ каждаго какъ первый изъ тѣхъ талантовъ, которые созидаютъ неисчезающее величіе націй. Но что выражало его полувеселое и полузадумчивое лицо? О, къ его душѣ, вѣрно, тѣснилось все прошедшее — одно, что не измѣняется никогда въ своей прелести. Онъ вѣрно проходилъ мыслію по этому чудному пути, который указало ему тайное Провидѣніе, чтобы темное, заботамъ и трудамъ обреченное дитя увѣнчано было въ старости по единодушному отзыву всего отечества.» Когда Крыловъ, вставъ изъ-за стола, проходилъ близъ хоръ, на него посыпались цвѣты и лавровые вѣнки. Онъ съ чувствомъ благодарилъ дамъ за ихъ трогательное вниманіе къ нему — и, взявъ одинъ изъ вѣнковъ, роздалъ изъ него по листку друзьямъ своимъ. Въ заключеніе празднества, по приглашенію предсѣдателя его, всѣ присутствовавшіе согласились участвовать, чтобы, въ память этого событія, выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ напечатано было въ Коммерческой газетѣ объявленіе: «Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ воспоминаніе совершившагося пятидесятилѣтія литературнаго поприща И. А. Крылова, изъявить Высочайшее соизволеніе не только на выбитіе на счетъ казны медали съ его портретомъ, но и на открытіе подписки для учрежденія стипендіи, подъ названіемъ: *Крыловской*, чтобы проценты съ собранной суммы были употребляемы на взносъ въ одно изъ учебныхъ заведеній для воспитанія въ немъ, смотря

по суммѣ, одного, или нѣсколькихъ молодыхъ людей. Сообразно съ сею Высочайшею волею, Министръ Финансовъ приглашаетъ желающихъ почтить знаменитаго нашего баснописца, принявъ участіе въ дѣлѣ, которое съ подвигомъ благотворительности связуетъ одно изъ любезнѣйшихъ для всякаго Русскаго именъ.» Послѣ учрежденія стипендіи, Крыловъ пожелалъ, чтобы ею воспользовался мальчикъ, Степанъ Кобеляцкій, сирота безъ отца и безъ матери, сынъ подпоручика Алексѣя Степановича Кобеляцкаго, бывшаго помѣщика Черниговской губерніи Нѣжинскаго уѣзда. Его помѣстили въ 3-ю Сактпетербургскую гимназію. Въ 1845 году молодой человѣкъ уже поступилъ въ Императорскій Санктпетербургскій университетъ по юридическому факультету и теперь слушаетъ лекціи во 2-мъ курсѣ.

XXIX.

Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу. Высочайше предписано было производить ему пенсіи изъ Государственнаго Казначейства по 5,700 р. ас., что съ пенсіею, которую получалъ онъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, составляло 11,700 р. ас. Онъ переѣхалъ жить на Васильевскій островъ въ домъ купца Баппова, что въ первой линіи. Отсюда еще менѣе сталъ выѣзжать онъ въ свѣтъ. Даже въ Англійскомъ клубѣ видали его рѣдко. Изъ его коротких знакомыхъ жили съ нимъ по сосѣдству только двое: въ первомъ кадетскомъ корпусѣ Я. И. Ростовцовъ и въ университетѣ Плетневъ. Они еще навѣщали его. Онъ какъ-будто отяжелѣлъ. Впрочемъ, тучность издавна одолѣвала его. Онъ самъ очень мило подшучивалъ иногда надъ нею. Въ блистательномъ маскарадѣ, бывшемъ у Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ всѣ характерные костюмы подобраны были съ

такимъ вкусомъ и разнообразіемъ, Крыловъ, нарядившись музой Таліею, произнесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ стихи, и между прочимъ сказалъ:

«Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать —
Все лучше-таки ихъ немножко унимать.
Однако жъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему; а это жаль — безъ дѣла
Я, право, ужъ боюсь, чтобы не потолстѣла.

Послѣднюю изъ басень своихъ (*Вельможа*) написалъ онъ еще въ 1835 году. Онъ ее читалъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ также въ маскарадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ Крыловъ одѣтъ былъ кравчимъ, въ Русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою. Отъ стихотвореній въ другихъ родахъ отказался онъ давно. Были однако же случаи, при которыхъ онъ брался за перо. Такъ, еще въ 1824 году, написалъ онъ Анакреонтическую оду свою *Три поцѣлуя*, въ воспоминаніе самой пріятной для него шутки трехъ молоденькихъ почитательницъ его таланта. Послѣ обѣда у Олениной онъ сѣлъ въ кресла и заснулъ. Не зная, какъ учтивѣе разбудить его, эти Граціи сговорились поцѣловать его поочередно одна за другою. Въ послѣдній разъ сидѣлъ онъ надъ рюмою черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего юбилея. Это было одно изъ самыхъ грустныхъ для него событій: 3-го Іюня 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Онъ почтилъ ея прахъ эпитафіею, которая и вырѣзана на ея надгробномъ камнѣ. Замѣчательно, что Крыловъ отдѣлкою языка въ лучшихъ басняхъ своихъ нисколько не напоминаетъ блестящей школы Жуковскаго. Есть что-то, такъ сказать, увѣсистое въ стихахъ его какъ въ немъ самомъ. Однако же тутъ нѣтъ и того, что на-

зывается недокончennостію обработки. Напротивъ, ни на одномъ словѣ не задумаешься и не пожелаешь перемѣны его, или перестановки. Эти стихи не доставались Крылову такъ легко, какъ думаютъ. Онъ иногда десять разъ совершенно по-новому передѣлывалъ одну и ту же басню. Особенно пришлось ему помучиться надъ баснею *Дубъ и Трость*. Конечно, главною тутъ причиной былъ превосходный образецъ Дмитріева. Совершенно выправленныя басни Крыловъ любилъ начисто переписывать самъ, на особомъ листкѣ каждую. Только старинный почеркъ его былъ такъ неразборчивъ, что иныя изъ своихъ рукописей подъ-конецъ никакъ не могъ онъ разобрать и самъ.

Въ отшельнической жизни своей, Крыловъ нашелъ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей, (стран. LXV, строк. 13), которое и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Ему весело было, когда около него играли дѣти, съ которыми дома обѣдалъ онъ и чай пилъ. Дѣвочка, по имени Наденька, особенно утѣшала его. Ея понятливость и способности къ музыкѣ часто выхвалялъ онъ какъ что-то необыкновенное. Въ сношеніяхъ своихъ съ обществомъ, когда явно требовало того приличіе, онъ по прежнему оставался человѣкомъ совѣстливо-внимательнымъ. 8 Февраля 1844 года Санктпетербургскій университетъ праздновалъ торжественнымъ актомъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ съ 1829 года былъ почетнымъ членомъ университета. Отъ Ректора онъ получилъ приглашеніе на приготовлявшійся ученый праздникъ, который долженъ былъ происходить во вторникъ. Наканунѣ этого дня, въ комнату Ректора Крыловъ является въ мундирѣ. «Что это значитъ, Иванъ Андреевичъ?» — Ахъ, какъ я усталъ, отвѣчаетъ онъ. Дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ. —

Усѣвшись и отдохнувъ, онъ разсказалъ Ректору, что, по разсѣянности своей, непростительно ошибся, читая приглашеніе, и пріѣхалъ на актъ вмѣсто вторника въ понедѣльникъ. Тогда же и другая бѣда случилась съ нимъ. Выходя изъ экипажа у подъѣзда, онъ поскользнулся на тротуарѣ и упалъ. «По крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелемъ, прибавилъ онъ, что я цѣню дорого вниманіе ко мнѣ университета. Завтра ужъ я могу и не пріѣхать.» Ректоръ не могъ не упрашивать его о томъ же, такъ-какъ холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ онъ снова явился въ университетской залѣ, привлеченный всегдашнею любовію къ музыкѣ и славою Віардо-Гарціи. Она пріѣхала пѣть въ одномъ изъ университетскихъ концертовъ, ежегодно устраиваемыхъ студентами въ пользу тѣхъ изъ своихъ товарищей, которымъ нужно денежное вспомоществованіе для окончанія ученія. Крыловъ изъ концерта зашелъ на вечеръ къ ректору, чтобы потолковать о знаменитой пѣвицѣ и вообще о музыкѣ. Онъ нашелъ тамъ знатока и страстнаго любителя музыки Князя Г. П. Волконскаго, бывшаго тогда Попечителемъ здѣшняго учебнаго округа. Кажется, это было послѣднее свиданіе Крылова съ островскимъ его сосѣдомъ, которому онъ двадцать пять лѣтъ оказывалъ неизмѣнное дружелюбіе.

XXX.

Во всю жизнь Крыловъ пользовался завиднымъ здоровьемъ, благодаря той простотѣ, въ которой онъ выросъ и которая навсегда такъ много доставляетъ выгодъ и преимуществъ бѣднымъ людямъ надъ богатыми. Неумѣренность въ пищѣ и сидячая жизнь не могли ослабить физической его крѣпости, захваченной имъ въ дѣтствѣ. Правда, еще задолго до послѣдней болѣзни

своей, онъ два раза, въ разныя эпохи, чувствовалъ легкіе припадки паралича. Но и они, миновавъ безъ гибельныхъ послѣдствій, не заставили его озаботиться что-нибудь перемѣнить въ образѣ жизни. Съ удивительнымъ спокойствіемъ, даже съ какою-то непонятною шутливостію, передъ самой смертію своей, говорилъ онъ о бывшемъ у него параличѣ, когда Я. И. Ростовцовъ, желая пригласить къ нему отца его духовнаго, спросилъ, какъ бы невзначай, не мнителенъ ли Иванъ Андреевичъ. «А вотъ я что-то раскажу вамъ, и вы узнаете, отвѣчалъ онъ, мнителенъ ли я. Давно какъ-то, ужъ не помню, сколько лѣтъ тому назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю ее доктору и спрашиваю, что бы это значило? Вотъ какъ вы же, онъ напередъ и вывѣдываетъ у меня, не мнителенъ ли я. Нѣтъ, говорю. Такъ съ вами, сказалъ онъ, можетъ сдѣлаться параличъ. Да нельзя ли какъ отвратить эту бѣду? Можно: вамъ надобно во всю жизнь не ѣсть мяснаго и быть вообще очень осторожнымъ.» — Вы, безъ сомнѣнія, спросилъ Я. И. Ростовцовъ, строго исполняли это?—«Да; исполнялъ мѣсяца два.» — А потомъ? — «А потомъ нисколько и не думалъ объ этомъ, какъ сами, конечно, замѣтили. Вотъ какъ я не мнителенъ,» заключилъ Крыловъ. Равнодушіе и безпечность еще замѣтнѣе сдѣлались въ немъ въ послѣднее время жизни. Случилось, что открылся пожаръ въ домѣ, смежномъ съ его квартирою. Торопливо увѣдомивъ о томъ Крылова, люди его бросились спасать разныя вещи отъ видимой опасности и неотступно просили, чтобы онъ поспѣшилъ собрать тѣ изъ своихъ бумагъ и дорогихъ вещей, которыхъ потеря необходимо разстроитъ остатокъ жизни его. Но онъ, противъ обыкновенія, не спѣшилъ и на пожаръ взглянуть. Не обращая вниманія на крикъ и слезы, онъ не

одѣвался, приказалъ готовить себѣ чай — и, выпивъ его не торопясь, закурилъ еще сигару. Кончивъ это все, началъ онъ одѣваться какъ бы нехотя. Потомъ, вышедши на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе — и, какъ знатокъ дѣла, сказалъ только: «не для чего перебираться.» Онъ возвратился въ свою комнату и скоро улегся спать. Не задолго до его послѣдней болѣзни, изъ Парижа присланы были къ нему для поправки листы, на которыхъ печаталось его жизнеописаніе для біографическаго словаря достопамятныхъ людей. «Пускай пишутъ обо мнѣ, что хотятъ», сказалъ онъ, откладывая бумаги — и, только уступивъ усильнымъ просьбамъ бывшихъ при этомъ свидѣтелей, внесъ туда нѣсколько замѣтокъ.

XXXI.

Предсмертная болѣзнь Крылова произошла отъ несваренія пищи въ желудкѣ. Разъ, вечеромъ, по всегдашнему обыкновенію своему, для ужина приказалъ онъ приготовить себѣ протертыхъ рябчиковъ въ видѣ каши, и облилъ ее масломъ. Это тяжелое кушанье въ прежнее время не оказалось бы для него вреднымъ; но на 77 году жизни его вышло противное. Помощь врачей не спасла поэта. Онъ и въ эти минуты сохранялъ, сколько могъ, спокойствіе и даже нѣкоторую веселость. Разговаривая, о чемъ бы то ни было, онъ всегда поясняlъ свои мысли апологами, для которыхъ въ памяти своей, или даже въ предметахъ, имъ тутъ же видимыхъ, мгновенно находилъ матеріалы. Такъ и про случившееся теперь съ нимъ послѣднее несчастіе онъ разсказалъ Я. И. Ростовцову слѣдующую басню. «Мужикъ собрался отвезти на продажу возъ сушеной рыбы. Лошаденка у него была измученная и слабая. Не смотря на то, онъ навалилъ поклажи столько, сколько можно

было увязать. Глядѣвшіе на все это сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадью. А мужикъ имъ въ отвѣтъ все одно: да вѣдь рыба-то сушеная. Но дорогою убѣдился онъ, что непомѣрная тяжесть должна свалить лошаденку, хоть и сушеною рыбой надсадишь ее. Вотъ и со мною вышло то же. Не обременятъ желудка рябчики, подумалъ я: вѣдь они протертые. А лишекъ-то все не хорошъ, какъ его ни возьми.»

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ исполнить Христіанскій долгъ. Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ глазами отца своего духовнаго и съ сердечною благодарностію принялъ утѣшеніе святой Вѣры. Передъ самою кончиною, онъ попросилъ перенести себя въ кресла, но, почувствовавъ тоску, сказалъ: «тяжело мнѣ» — и снова пожелалъ лечь на постелю. Тамъ скоро произнесъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: «Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои.» Послѣдовавшій за тѣмъ глубокій вздохъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Онъ скончался утромъ въ четвергъ въ $^{3}/_{4}$8 часа 9 Ноября 1844 года (который былъ високосный), 76 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 7 дней отъ-роду.

У Крылова не осталось родственниковъ, кромѣ усыновленнаго имъ семейства крестницы его Савельевой. Душеприкащикомъ, по духовному его завѣщанію, назначенъ Я. И. Ростовцовъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ Академіи Наукъ и университету принять участіе въ печальномъ сопровожденіи покойнаго въ церковь Исакіевскаго собора и при погребеніи его на кладбищѣ Александроневской лавры. Крыловъ въ Академіи былъ дѣйствительнымъ членомъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, а въ университетѣ, какъ выше означено, почетнымъ. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго вниманія

Своего къ литературнымъ заслугамъ Крылова, повелѣть соизволилъ исчисленную на погребеніе сумму 9 т. р. ас. отпустить изъ Государственнаго Казначейства. Церковь Св. Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать собравшихся туда на послѣднее прощаніе съ народнымъ баснописцемъ. Викарій Санктпетербургскій, преосвященный Іустинъ совершалъ литію, а надгробное слово произнесъ протоіерей Исакіевскаго собора А. И. Маловъ. Первые сановники государства несли гробъ изъ церкви. На траурныхъ принадлежностяхъ, вмѣсто герба, находилось изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея Крылова. Студенты Санктпетербургскаго университета поддерживали балдахинъ и несли ордена покойнаго. Народъ, столпившійся при погребальномъ шествіи, занялъ весь Невскій проспектъ. Въ Александроневской лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ Новгородскій, Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій съ Аѳанасіемъ, епископомъ Винницкимъ и викаріемъ Іустиномъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день юбилея. Передъ закрытіемъ гроба, Министръ Народнаго Просвѣщенія положилъ туда медаль, поднесенную поэту въ воспоминаніе 2 Февраля 1838 года. Крыловъ погребенъ на такъ называемомъ новомъ кладбищѣ подлѣ Гнѣдича, откуда видна и Карамзина гробница съ умилительною надписью: «блажени чистіи сердцемъ.»

На другой день по кончинѣ Крылова болѣе тысячи особъ въ Санктпетербургѣ получили по экземпляру басень его, которыя, начавъ печатать въ 1843 году и кончивъ изданіе подъ собственнымъ надзоромъ, онъ не успѣлъ еще пустить въ свѣтъ. Всѣ эти книги разосланы были въ траурной оберткѣ съ слѣдующими словами, при-

печатанными на первомъ заглавномъ листкѣ: «Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ, 1844. 9 Ноября. $^3/_4$ 8-го утромъ.» Драгоцѣнный этотъ подарокъ дѣйствительно предназначаемъ былъ самимъ Крыловымъ въ изъявленіе благодарности лицамъ, участвовавшимъ въ составленіи юбилейнаго для него торжества. Онъ не успѣлъ удовлетворить желанія сердца своего. Ревнуя къ чести его и доброй о немъ памяти, вѣрный каждой его мысли, душеприкащикъ прекрасно исполнилъ его намѣреніе.

XXXI.

Утрата, которую живо почувствовали всѣ, мгновенно обратила мысли къ одному предмету—увѣковѣчить для Россіи память Крылова видимымъ образомъ. Единодушное желаніе предупредило всякой холодный судъ въ этомъ дѣлѣ. И можно ли усомниться въ правахъ Крылова на памятникъ? Онъ, безъ власти, не достигнувшій знатности, не обладавшій богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, наполнилъ собою помышленія милліоновъ людей, вселился въ ихъ душу и навѣкъ остался присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. О немъ-то должно повторить, что̀ древніе сказали про Гомера: «онъ каждому, и юношѣ и мужу и старцу, столько дастъ, сколько кто взять можетъ.» Есть люди, которые видятъ въ Крыловѣ только поэта для дѣтей. Правда, ни изъ чьихъ сочиненій дѣти не извлекутъ столько пользы, какъ изъ его басень. Но мыслящій человѣкъ почерпнетъ и еще болѣе. Есть мудрость, доступная всѣмъ возрастамъ. Но, во всей глубинѣ своей, она можетъ быть постигнута только умомъ зрѣлымъ. То, что составляетъ самое существенное достоинство со-

чиненій Крылова, не можетъ потерять цѣны своей отъ измѣненій вкуса, языка и требованій времени. На него никогда не пройдетъ мода, потому–что успѣхъ его отъ нея никогда и не зависѣлъ. Никто не откинетъ Крылова, кто читаетъ для того, чтобы окрѣпнуть умомъ и обогатиться опытностію.

Его Императорскому Величеству благоугодно было сонзволить на исполненіе общаго желанія. Комитетъ, составленный для приведенія въ дѣйствіе Высочайшей воли, немедленно напечаталъ свое объявленіе о памятникѣ Крылову, въ проектѣ написанное членомъ Комитета Княземъ П. А. Вяземскимъ. Оно помѣщается здѣсь, потому–что въ жизнеописаніе Крылова вноситъ прекрасную характеристику.

«По всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ благоволилъ изъявить Всемилостивѣйшее согласіе на сооруженіе памятника Ивану Андреевичу Крылову и на повсемѣстное по Имперіи открытіе подписки для собранія суммы, потребной на исполненіе сего предпріятія.

«Въ слѣдъ за тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ Комитетъ для открытія подписки и всѣхъ распоряженій по этому дѣлу.

«Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественникамъ, суть высшія выраженія благодарности народной; въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

«Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и гордою любовію всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ жизни, и возноситъ не-

зыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

«Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Димитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный, Суворовъ, Румянцовъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ, повѣствуютъ о своей и нашей славѣ: въ неподвижномъ величіи стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не остались также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи олицетворенія народной славы, разбросанные отъ береговъ Ледовитаго моря до восточной грани Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно Мемноновой статуѣ, сіи памятники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнодательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и нераздѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

«Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ Русскаго языка.

«Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его — живой и вѣрный отголосокъ Русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились живымъ впечатлѣніемъ въ умѣ читателей его. И кто же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣ-

сколько поколѣній съ нимъ ознакомились, тѣсно сблизились съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до низшихъ степеней общества, до людей мало доступныхъ обольщеніямъ искуства, но одаренныхъ природною понятливостью, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ.

«Крыловъ, пѣтъ сомнѣнія, извѣстенъ у насъ многимъ и изъ тѣхъ, для коихъ грамота есть таинство еще недоступное. И тѣ знаютъ его по наслышкѣ, затвердили нѣкоторые стихи его съ голоса, по изустному преданію, и присвоили ихъ себѣ какъ пословицы, сіи выраженія общей народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умретъ: она живетъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ басней его, которыя перешли изъ рукъ въ руки, изъ рода въ родъ; она будетъ жить въ несчетныхъ изданіяхъ, которыя въ теченіе времени передадутъ славу его дальнѣйшему потомству, пока останется хоть одно Русское сердце—и отзовется оно на родной звукъ Русскаго языка. Крыловъ свое дѣло сдѣлалъ. Онъ подарилъ Россію славою незабвенною. Нынѣ пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилѣтній юбилей его литературной жизни. Нынѣ, когда его уже не стало, равномѣрно отблагодаримъ его достойнымъ образомъ: сотворимъ по немъ народную тризну, увѣковѣчимъ благодарность нашу, какъ онъ увѣковѣчилъ даръ, принесенный имъ на алтарь отечества и просвѣщенія. Кто изъ Русскихъ не порадуется, что Русскій Царь, который благоволилъ къ Крылову при жизни его, благоволитъ и къ его памяти? Кто не порадуется, что Онъ милостивымъ, жи-

вительнымъ словомъ разрѣшаетъ народную признательность принести знаменитому современнику возмездіе за жизнь, которая такъ звучно, такъ глубоко отозвалась въ общественной жизни нѣсколькихъ поколѣній? Нѣтъ сомнѣнія, что общій голосъ откликнется радушнымъ отвѣтомъ на вызовъ соорудить памятникъ Крылову— и поблагодаритъ Правительство, которое угадало и предупредило общее желаніе.

«Заботясь о томъ, чтобы вполнѣ осуществить сіе желаніе и сдѣлать исполненіе его доступнымъ всѣмъ и каждому, Комитетъ постановилъ себѣ первымъ правиломъ принимать всякое приношеніе, начиная отъ щедрой дани богатаго ревнителя отечественной славы до скромнаго и малозначительнаго пожертвованія смиреннаго добродателя. Кто захочетъ опредѣлить границу благодарности? И тѣмъ болѣе, кто возьмется установить крайнюю цѣну ея, ниже чего ей и показаться нельзя? Благодарности и добровольному выраженію ея предоставляется полная свобода. Крыловъ принадлежитъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ званіямъ. Онъ болѣе, нежели литераторъ и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ смѣло было бы сравнивать письменныя заслуги, хотя и блистательныя, съ историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который былъ *выборный человѣкъ отъ всея Русскія земли*, нельзя ли, безъ всякаго примѣненія къ лицамъ и событіямъ, сказать о Крыловѣ, что онъ *выборный грамотный человѣкъ всей Россіи?* Голосъ его раздался и будетъ раздаваться въ столицахъ и селахъ, на ученическихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью семейнаго крова, въ роскошныхъ палатахъ и въ храминахъ науки и просвѣщенія, въ лавкѣ торговца и въ трудо-

любивомъ пріютѣ грамотнаго ремесленника. Пусть и голосъ благодарности отзовется отовсюду.

«Памятникъ Крылова воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, и онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ, широкимъ лицомъ, на коемъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучею, обросшею сѣдыми волосами львиною головою, не даромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей, этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи Богатыря? Кто, и незнакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *вотъ дѣдушка Крыловъ!* и мысленно не поклонялся поэту, который былъ близокъ каждому Русскому.

«Художнику, призванному увѣковѣчить изображеніе его, не нужно будетъ идеализировать свое созданіе. Ему только слѣдуетъ быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Пусть представитъ онъ намъ подлинникъ въ живомъ и, такъ сказать, буквальномъ переводѣ. Пусть явится передъ нами въ строгомъ и вѣрномъ значеніи слова вылитый Крыловъ. Тутъ будетъ и дѣйствительность и поэзія. Тутъ сольются и въ стройномъ цѣломъ обозначатся общее и высокое понятіе объ искусствѣ и олицетворенный снимокъ съ частнаго самобытнаго образца, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты

Русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни.

«Всѣ суммы, которыя будутъ собраны по подпискѣ, до приступа къ исполненію предположенія, должны храниться въ казначействѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Пожертвованія можно обращать прямо въ Министерство; принимаются также Гг. Губернскими Предводителями Дворянства и Градскими Главами, отъ которыхъ всѣ сборы по губерніямъ будутъ сосредоточиваться у Гг. Гражданскихъ Губернаторовъ. По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія порученіе это возложено, подъ распоряженіемъ Гг. Попечителей учебныхъ округовъ, на Директоровъ Училищъ въ губерніяхъ.» Подписали:

Президентъ Академіи наукъ *С. Уваровъ*.

Почетный членъ Академіи наукъ Графъ *Д. Блудовъ*.

Вице-Президентъ Академіи наукъ Князь *Дондуковъ-Корсаковъ*.

Дѣйствительный членъ Академіи наукъ Князь *П. Вяземскій*.

Ректоръ С. Петербург. Университета *П. Плетневъ*.

Душеприкащикъ И. А. Крылова *Я. Ростовцовъ*.

Прибавленіе къ Біографіи И. А. Крылова (Стран. LXXX, строк. 15).

Въ 1839 г. И. А. Крыловъ избралъ въ свои стипендіаты еще молодаго человѣка, который опредѣленъ былъ во 2-ую Санктпетербургскую Гимназію. Это сынъ Главной Надзирательницы при Сиротскомъ Институтѣ Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома Анны Ѳедоровны Оомъ, вдовы учителя Морскаго кадетскаго корпуса, которая до замужства своего жила въ домѣ А. Н. Оленина. Крыловъ, знавшій ее почти съ ея дѣтства, до смерти своей сохранилъ къ ней то уваженіе и дружбу, которыя внушаются прекрасными качествами сердца, высоко-образованнымъ умомъ и наилучшимъ воспитаніемъ. Молодой человѣкъ, сынъ ея, Теодоръ Оомъ, въ Іюлѣ 1846 года, изъ Гимназіи поступилъ въ Императорскій Санктпетербургскій Университетъ, гдѣ нынѣ слушаетъ лекціи въ 1-мъ курсѣ юридическаго факультета по камеральному отдѣленію.

Замѣчены еще нѣкоторыя ошибки; на примѣръ, на стран. LXIV, строк. 12, вмѣсто *по,* надобно *и;* на стран. LXXIV, строк. 12, вмѣсто *Капнистъ,* надобно *Нелединскій;* на стран. LXLIII, строк. 11, вмѣсто *XXXI,* надобно *XXXII,* а на строкѣ 24 той же страницы вмѣсто *дастъ,* надобно *даетъ.*

ПОЧТА ДУХОВЪ.

ПОЧТА ДУХОВЪ.*

1789 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Стужа, дождь и вѣтеръ, соединясь, самый лучшій день изо всей осени дѣлали самымъ несноснымъ для пѣшеходцевъ и скучнымъ для разъѣзжающихъ въ великолѣпныхъ экипажахъ. Грязь покрывала всѣ мостовыя; но грязь, которая своимъ цвѣтомъ не такъ-какъ Парижская догадливымъ Французамъ, не приносила новой дани намъ отъ Европы, а дѣлала только му́ку щеголямъ, у которыхъ, какъ-будто въ насмѣшку Парижскимъ и Лондонскимъ модамъ, вѣтръ вырывалъ изъ рукъ *парасоли*, портилъ прическу головъ и давалъ волю дождю мочить ихъ кафтаны и модныя пуговицы. Всѣ торопились добраться до домовъ, и многіе бранили себя, что, попадѣясь на календарь, вышли въ хорошихъ нарядахъ.

Въ такое-то прекрасное время возвращался я отъ его превосходительства господина *Пустолоба*, къ которому осьмой мѣсяцъ хожу по одному моему дѣлу, и который мнѣ во сто пятнадцатый разъ очень учтиво сказалъ, чтобъ я пожаловалъ къ нему завтра. Лестное приказаніе изъ устъ вельможи, если оно говорится во сто пятнадцатый разъ! Что до меня, то я, возвращаясь отъ него, бранилъ сквозь зубы его, всѣ дѣла на свѣтѣ, самого себя и проклятое *завтра*, для ко-

* Изъ этого изданія помѣщены здѣсь только тѣ письма, которыя сочинены П. А. Крыловымъ.

тораго всякой день я долженъ былъ переходить пѣшкомъ добрую Итальянскую милю.

Непастье умножалось. Я былъ бѣденъ, а потому имѣлъ мало знакомыхъ и перепутій; но, къ счастію, увидѣлъ старый развалившійся деревянный домъ, въ которомъ (почитая его пустымъ) не думалъ никого обезпокоить своимъ посѣщеніемъ. И подлинно, это были пустыя хоромы, гдѣ я нашелъ убѣжище отъ дождя, но не нашелъ его отъ безпокойныхъ моихъ мыслей.

Какъ, говорилъ я самъ себѣ, есть такіе люди, которые имѣютъ богатый доходъ, великолѣпный домъ, роскошный столъ, за то только, что всякой день нѣсколькимъ моимъ братьямъ-бѣднякамъ учтиво говорятъ: «*придите завтра*», думая имъ этимъ дѣлать великое одолженіе! О! что до меня, то я кляпусь, что въ послѣднее имѣлъ честь быть въ прихожей его превосходительства. Пусть легковѣрные просители изо всѣхъ улицъ сходятся, или съѣзжаются, на дрожкахъ, въ каретахъ, пѣшкомъ и на костыляхъ, слушать его учтивыя «*пожалуйте завтра*»; а я скорѣе соглашусь умереть съ голоду въ своемъ шалашѣ, нежели замерзнуть въ его прихожей. Лучше имѣть дѣло съ чертями, или съ колдунами, нежели съ безтолковыми... Конечно, сказалъ мнѣ нѣкто, если ты обѣщаешься мнѣ усердно служить, то увидишь, что колдуны и черти не столь вѣроломны, какъ о нихъ думаютъ, и что, по крайней мѣрѣ, ни отъ котораго изъ нихъ ты не услышишь по одному дѣлу сто пятнадцать разъ «*завтра*».

Я оборотился назадъ, чтобъ увидѣть, отъ кого былъ этотъ голосъ; но въ какой пришелъ я ужасъ, увидя старика съ сѣдою бородою, большаго роста, въ нѣкоторомъ родѣ шапки конической фигуры, въ платьѣ, усѣянномъ звѣздами, въ поясѣ, на которомъ изображены были двѣнадцать знаковъ зодіака; въ рукахъ

онъ имѣлъ трость, которая была очень хорошо свита, подобно нашимъ модными соломенными тросточкамъ, изъ трехъ вѣтвей: изъ черной, красной и зеленой; на шеѣ, какъ щеголеватая красавица, имѣлъ онъ повѣшенный, нѣсколько заржавленный, желѣзный медальонъ, на цѣпочкѣ того же металла, который, однако жъ, цѣнилъ онъ дороже всѣхъ Европейскихъ медальоновъ вмѣстѣ. По всему этому наряду не трудно было мнѣ догадаться, что это волшебникъ, а испугаться еще легче, потому-что я съ природы трусливъ, и съ младенчества боюсь чертей, колдуновъ, пьяныхъ, подъячихъ, злыхъ вельможъ и проч. и проч. и проч.

«Милостивый государь! сказалъ я ему, весь въ страхѣ, благодарю васъ за предложеніе, но»... — Я вижу, прервалъ онъ, что я тебѣ кажусь нѣсколько непригожъ, и что ты меня боишься.—«Признаюсь, сударь, отвѣчалъ я ему, что я, въ первый разъ видя вашъ мундиръ, не могу удержаться отъ страха. Конечно, вы иностранецъ, а, можетъ быть, и житель того свѣта.» — Я *Маликульмулькъ*, отвѣчалъ онъ, и ремесломъ волшебникъ; имя мое извѣстно во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта: въ воздухѣ, въ водѣ и въ землѣ; у меня въ нихъ есть довольно пространныя владѣнія; и если ты примешь на себя названіе моего секретаря, то я отвезу тебя въ свой увеселительный домъ, находящійся въ *Харибдѣ*; оттуда пройдемъ мы богатою подземною галереею въ великолѣпныя мои палаты, стоящія подъ горою *Этною*. — «Государь мой! отвѣчалъ я, это не лучшій способъ склонять въ свою службу людей съ тѣмъ, чтобъ ихъ изжарить или утопить. Правда, у насъ иногда секретарей морятъ съ голоду, но по крайней мѣрѣ принимаютъ ихъ съ хорошими обѣщаніями.» — Не опасайся, мой другъ, отвѣчалъ *Маликульмулькъ*, ты увидишь, что въ моихъ домахъ такъ же весело и спо-

койно, какъ въ самыхъ богатыхъ вашихъ чертогахъ, и ничуть не жарко, такъ-что одинъ изъ вашихъ философовъ, тому уже нѣсколько вѣковъ назадъ, вступилъ въ мою службу управителемъ дома подъ *Этною*. Я думаю, вы всѣ того мнѣнія, что онъ сгорѣлъ; а вмѣсто того ему тамъ такъ показалось прохладно, что онъ выбросилъ назадъ оттуда свои туфли, и нынѣ живетъ у меня очень спокойно; смотритъ за моимъ домомъ и за библіотекою, которую я сбиралъ уже девять тысячъ лѣтъ. Онъ дѣлаетъ критическія замѣчанія на всѣхъ древнихъ и новыхъ философовъ, на всѣ секты и на всѣ науки, которыя, можетъ быть, скоро выйдутъ въ свѣтъ. И-такъ, ты видишь, что если бы было ему жарко, то онъ, конечно, не принялся бы за такую безпокойную работу, отъ которой можно вспотѣть и въ самой Гренландіи. Я тебѣ обѣщаю не меньше выгодное содержаніе, и дамъ тебѣ свободу жить, гдѣ ты ни пожелаешь. —

Съ этимъ уговоромъ согласился я вступить въ службу почтеннаго *Маликульмулька*, и, не хотя перемѣнять жилища, выбралъ къ тому этотъ городъ.

«Если бы, сказалъ я ему, у васъ былъ также и здѣсь какой-нибудь увеселительный домъ, то я съ охотою согласился бы въ немъ служить вамъ. Пожалуйте, господинъ *Маликульмулькъ*, продолжалъ я, купите себѣ здѣсь какой-нибудь домъ, только, прошу васъ, на истинныя, а не на волшебныя деньги, для того, что здѣсь профессоровъ этой науки очень не любятъ, и часто сѣкутъ розгами, или сажаютъ въ бѣшеный домъ; да и мнѣ, новому вашему секретарю, отъ того не безопасно; ибо здѣсь живутъ люди, а не волшебники, и имъ очень не мудрено сдѣлать ошибку и высѣчь одного вмѣсто другаго.—«Не опасайся, сказалъ мнѣ волшебникъ, мы будемъ веселиться и не

будемъ подвержены никакой опасности. Я имѣю здѣсь нѣсколько увеселительныхъ домовъ въ самомъ городѣ; и тотъ, въ которомъ мы теперь, изъ самыхъ лучшихъ. — «Какъ, вскричалъ я съ удивленіемъ, вы шутите! Я не знаю, какъ для васъ, а для меня домъ съ провалившеюся кровлею, съ развалившимися печами, съ худыми полами и съ выбитыми окнами, въ непастное время, ничуть не кажется увеселительнымъ; этотъ домъ годенъ только на дрова; въ немъ не согласится жить и сторожъ академической библіотеки.»—Ты инаго будешь мнѣнія о моемъ богатствѣ, сказалъ *Маликульмулькъ*, когда увидишь этотъ домъ хорошими глазами.—

Тогда онъ полою своей епанчи потеръ мои глаза. Въ какое жъ послѣ сего пришелъ я удивленіе, увидя себя въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ! Золото и серебро блистали повсюду; картины, рѣзьба, зеркала придавали великолѣпный видъ этѣмъ комнатамъ, которыя за минуту предъ тѣмъ казались мнѣ пустыми сараями; словомъ: пышность этого дома могла поравняться съ пышностію первѣйшихъ дворцовъ въ Европѣ. — Вотъ, что я тебѣ дарю — сказалъ мнѣ милостивый *Маликульмулькъ*. Я благодарилъ его такъ, какъ могъ, и обѣщалъ исполнять непарушимо его повелѣнія. «Позволь, мой благодѣтель, вскричалъ я, чтобъ въ сію же минуту позвалъ я къ себѣ обѣдать нѣкоторыхъ изъ богатыхъ и гордыхъ моихъ знакомцевъ, которые ставили великимъ одолженіемъ, когда удостоивали меня своею бесѣдою, скучною для меня такъ же, какъ для нихъ скучны философическія книги, или, лучше сказать, какъ для сознаго судьи приказъ.»—Я тебѣ никогда не совѣтую этого дѣлать, отвѣчалъ волшебникъ; для нихъ комнаты этѣ ничуть не перемѣнили своего вида, и покажутся такими, какими доселѣ тебѣ казались; съ помощію только

моей епанчи, надъ которою я трудился три тысячи лѣтъ, могли бы они видѣть ихъ такими, каковы онѣ есть. Но я не хочу всему городу насильно протирать глаза: оставь, другъ мой, думать людей, что ты бѣденъ и наслаждайся своимъ богатствомъ. — «Ахъ! я вижу, что оно мечтательное, вскричалъ я съ неудовольствіемъ.» — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, все, что ты видишь, очень истинно; *перипатетизмъ* одинъ можетъ заставить почитать несчастіемъ самое блаженство. Почему ты предпочитаешь тѣ комнаты, которыя искуствомъ людей сдѣланы въ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ, которыя я дѣлаю въ одну минуту? Если я властію моею могу этотъ домъ привести въ прежній его видъ, то время не можетъ ли разрушить также очарованіе самыхъ лучшихъ художниковъ и превратить обработанныя ими вещи въ первобытное состояніе, которое будетъ небольшая кучка земли? Правда, люди всѣ будутъ думать, что ты не богатъ; но съ первѣйшими богачами не то ли же случается? Они и сами иногда почитаютъ себя бѣдными, а философы почитаютъ ихъ нищими; и эти люди умнѣе тѣхъ, которые имъ приписываютъ названіе богачей. Все богатство *Креза* не могло увѣрить *Солона*, что *Крезъ* былъ богатъ; а *Солона* бы и нынѣ не посадили въ бѣшеный домъ, хотя бы, можетъ быть, и заставили его быть помолчаливѣе. И-такъ, ты видишь, что истинное состояніе человѣка не потому называется богатымъ, или бѣднымъ, какъ другіе о немъ думаютъ, но потому, какъ онъ самъ почитаетъ. — «Такъ по-этому, отвѣчалъ я, должепъ я питаться пустою мыслію, что я богатъ, между тѣмъ, какъ, можетъ быть, стою здѣсь по колѣни въ грязи, въ пустыхъ покояхъ и мерзну отъ стужи и отъ вѣтра.» — Чувствуешь ли ты это? спросилъ онъ меня? — «Нѣтъ, отвѣчалъ я.» — Такъ по-этому, продол-

жалъ онъ, ты глупо сдѣлаешь, когда это будешь воображать. А какъ ты боишься бѣдности, то вотъ тебѣ деньги, сказалъ онъ, выдвигая большой изъ стола ящикъ съ самыми полновѣсными червонцами.» «О, теперь я богатъ! говорилъ я съ восхищеніемъ, принимая деньги.»— Да знаешь ли, что онѣ такое? говорилъ онъ; это изрѣзанные кружками бумажные обои.— «Господинъ волшебникъ! сказалъ я съ сердцемъ, не этою ли негодною монетою даешь ты своимъ секретарямъ жалованье? Я сойду съ ума прежде, нежели соглашусь принять твои бумажныя вырѣзки за наличное золото.»—Не опасайся, отвѣчалъ онъ, я съ тобою только пошутилъ; я ненавижу обманъ и не буду тебѣ платить обоями, вмѣсто денегъ. Въ этомъ домѣ тебѣ въ пихъ и нужды не будетъ, старайся только рѣже изъ него выходить; ибо какъ скоро ты выйдешь на улицу, то очарованіе въ глазахъ твоихъ исчезнетъ. — Послѣ сего намъ собрали на столъ; мы очень хорошо обѣдали, и я, по привычкѣ спать послѣ обѣда, легъ на самую мягкую постель, какою бы и самая богатая духовная особа не погнушалась; а *Маликульмулькъ* пошелъ въ свой пребогатый кабинетъ, который за часъ казался мнѣ разломаннымъ курятникомъ.

Прежде, нежели заснулъ, я дѣлалъ тысячу разныхъ разсужденій, остаться ли мнѣ въ новомъ моемъ званіи, котораго еще не зналъ должности, и быть ли довольну мнимымъ своимъ богатствомъ? Что, думалъ я самъ себѣ, если я ѣлъ только черствыя корки гнилаго хлѣба, тогда, когда казалось мнѣ, что утолялъ свой голодъ вкуснѣйшею пищею, и почиталъ *Маликульмулькова* повара искуснѣе всякаго Француза? И что, если въ самую сію минуту лежу я на голыхъ и на мокрыхъ доскахъ, между тѣмъ, какъ воображаю, что лежу на мягкихъ пуховикахъ, которые бы могли

сдѣлать честь кровати и богатѣйшихъ восточныхъ государей? Не смѣшно ли будетъ, когда за это буду я отправлять тяжелую секретарскую должность? Но надобно и въ томъ признаться, что я совершенно доволенъ. Пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ: что мнѣ до того за нужда? довольно, если для себя кажусь богатымъ. Правда, всякой станетъ такому мнѣнію смѣяться. Не смѣшно ли бы было, когда бы меня посадили въ великолѣпную тюрьму и называли бы меня свободнымъ, но не позволяли бы мнѣ выходить изъ комнаты ни на три шага, а между-тѣмъ весь бы свѣтъ думалъ, что я счастливѣйшій смертный: былъ ли бы я отъ того подлинно счастливъ? Нѣтъ, конечно; по-этому и нынѣ я не буду бѣденъ отъ того, когда меня почитать такимъ будутъ. И-такъ, я рѣшился остаться въ этомъ домѣ; а сверхъ того, названіе секретаря льстило меня новыми доходами; ибо я слышалъ, что оно очень прибыльно, и что всѣ секретари истинно богаты, не выключая изъ того числа и секретарей академій.

И-такъ, выспавшись спокойно, не такъ, какъ секретарь, который еще исполняетъ это званіе, и отъ времени до времени боится, чтобъ не быть ему повѣшену, но такъ, какъ секретарь, который, насладясь уже выгодами онаго, вышелъ въ отставку, пользуется плодами плутовства, не страшится болѣе висѣлицы и спитъ спокойно, не вспоминая о своихъ челобитчикахъ. Выспавшись, говорю, такимъ образомъ, всталъ я съ моей пышной постели (а, можетъ быть, и съ голыхъ досокъ), вошелъ въ кабинетъ *Маликульмулька* исполнять его повелѣнія, и онъ въ короткихъ словахъ объявилъ мнѣ мою должность.

— Я, говорилъ онъ, своими знаніями пріобрѣлъ нѣсколькихъ друзей, которые живутъ въ разныхъ ча-

стяхъ свѣта, близъ моихъ владѣній; а какъ помѣстья мои отсюда очень не близки, то утѣшаюсь тѣмъ, что, не видя ихъ, получаю отъ нихъ письма, и самъ отвѣчаю имъ. Но какъ мнѣ ужъ тринадцать тысячъ лѣтъ, и, слѣдственно, въ такихъ пожилыхъ годахъ иногда склоненъ я къ лѣни, то ты долженъ будешь писать то, что я тебѣ буду сказывать и читать мнѣ ихъ письма. Я позволяю тебѣ списывать и для себя тѣ, которыя тебѣ понравятся; прочее же время все въ твоемъ распоряженіи. — «Почтенный *Маликуль-мулькъ*! говорилъ я ему, когда вы позволяете мнѣ списывать ваши письма, то позвольте ихъ также издавать въ свѣтъ, и тѣмъ увѣрить моихъ соотчичей, что я имѣлъ честь быть вашимъ секретаремъ, которые безъ этого доказательства почтутъ эту исторію сказкою, какъ обыкновенно привыкли называть невѣроятныя дѣла, а, можетъ быть, посадятъ меня и въ домъ сумасшедшихъ. Сверхъ того, говорилъ я ему, что, служа у него въ секретарскомъ чинѣ, я ничѣмъ инымъ не буду пользоваться, кромѣ своего жалованья, для того, что у него ни подрядовъ, ни откуповъ, ни поставокъ никакихъ нѣтъ, и мнѣ будетъ стыдно сказать, что я, бывъ секретаремъ у такого знатнаго человѣка, ничѣмъ не поживился, между тѣмъ, какъ нѣкоторые секретари самыхъ послѣднихъ мѣстъ, съ помощію хорошей экономіи, получая по 450 рублей въ годъ жалованья, проживаютъ ежегодно по 12000 рублей, и строятъ себѣ очень порядочные каменные домы.»

Господинъ ворожея говорилъ мнѣ, что онъ здѣсь расположенъ жить *инкогнито;* однако жъ я ему доказалъ, что лучше быть славнымъ, нежели невѣдомымъ, и говорилъ ему, что самъ *Цицеронъ* радовался, когда нѣкто изъ стихотворцевъ зачалъ описывать его дѣла; что *Сенека* говорилъ, что онъ не для чего другаго

учился философіи, какъ только для того, чтобъ люди это знали, и что самъ господинъ *Эмпедоклъ*, управитель его увеселительнаго дома, изволилъ соскокнуть къ нему для того, чтобъ быть славнымъ.

Маликульмулькъ смѣялся этимъ мнѣніямъ и наконецъ для меня склонился, чтобъ его и пріятелей его письма были издаваемы въ свѣтъ. Я было-намѣренъ былъ попросить у него на то и денегъ, но опасался, чтобъ онъ мнѣ не далъ изрѣзанныхъ обоевъ вмѣсто червонцевъ: а я столько люблю всѣхъ своихъ земляковъ, особливо же типографщиковъ, что никогда не намѣренъ обмануть ихъ столь безстыднымъ образомъ. И-такъ, на расходъ типографіи, для изданія сихъ писемъ, я рѣшился лучше деньги занять у читателей, нежели выпустить такія деньги, за которыя бы я, какъ непмѣющій никакого законнаго права, ни власти выдавать фальшивыхъ денегъ, и, какъ секретарь *Маликульмульковъ*, долженъ былъ отвѣчать, между тѣмъ, какъ онъ спокойно бы уѣхалъ по воздуху, по водѣ, или по землѣ въ свои владѣнія.

I.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый *Маликульмулькъ*, которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки. Я было-хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ, но не знаю, которому ты вѣришь календарю: Юліанскому, или древнему Римскому; а, можетъ быть, ты и того мнѣнія, что годъ начинается со всякаго новаго дня. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ; но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются; и-такъ, лучше скажу тебѣ новость, и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ.

Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію *Прозерпинину*; *Плутонъ* съ нетерпѣливостію ожидалъ ея возвращенія. Вдругъ предстала предъ него одна тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что *Прозерпина* изволила прибыть. Минуту спустя, богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ Французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдный *Плутонъ* оледенѣлъ, увидя ее въ этомъ нарядѣ; мы сами нѣсколько оторопѣли. Нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: конечно, она сошла съ ума; а другіе кричали во все горло: богиня еще прекраснѣе; но всѣ съ нетерпѣливостію ожидали, чѣмъ все это кончится.

«Здравствуй, мой ангелъ! сказала, подошедъ къ своему

мужу, *Прозерпина*, и присѣла передъ нимъ два раза. Признайся, продолжала она, что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! Каково тебѣ кажется это платье, эта ческа, эта шляпка, эти высокенькіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ Французскихъ лавокъ?»—Другъ мой! говорилъ почти всхлипывая бѣдный *Плутонъ*, что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?... Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна воздуха можетъ повредить мозговую перепонку. Любезная *Прозерпина!* опомнись, что ты! Ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятый свѣтъ! Я предчувствовалъ... — «Какъ зачѣмъ? перехватила рѣчь его *Прозерпина;* знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцевать? Посмотри, какъ чисто дѣлаю я *Англійскія па* въ контрдансѣ.»

Въ-минуту подхватила она близъ нея стоящаго *Сократа* и принудила его попрыгать съ собою *Англійскія прогулки. Діогенъ* хохоталъ во все горло и говорилъ, что это прекрасная пара; а *Плутонъ* бѣсился и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ тихонько *Цицерону*: не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. *Цицеронъ* подошелъ къ ней со всею важностію, достойною Римскаго оратора и сенатора.

«А, здравствуй, дѣдушка! сказала она ему; послушай, мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ очень хочется, чтобъ ты ее исполнилъ: напиши, пожалуй, похвальную рѣчь Французскимъ торговкамъ; ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить. Твои *Филиппическія* рѣчи стоили тебѣ головы; а за эту рѣчь, о красотѣ которой я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды *фракомъ* и *Англійскимъ гарнитуромъ пряжекъ*. Признайся, что это очень щедрая плата.» — Богиня! сказалъ *Цицеронъ*, могу ли я вѣрить своимъ глазамъ, что ты, будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами

существъ, которыя едва живыми назваться могутъ?— «О! ты докучаешь своими нравоученіями, жизнь моя, отвѣчала *Прозерпина*; оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ; и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы снискать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшатъ судьбу ученыхъ людей.» — Богиня, говорилъ *Цицеронъ*, эта вредная язва не разорила ли и мое отечество? Ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ, и двадцать разъ быть удавленъ, по приказанію новыхъ *Антоніевъ*, нежели видѣть такую странную перемѣну. — «Ты не повѣришь, отвѣчала *Прозерпина*, въ какомъ совершенствѣ нынѣ Италія! Правда, ты не найдешь тамъ ни одного *Катона*, ни *Юлія*, ни *Брута*, ни древняго *Тарквинія*; но если бъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо сочиняютъ оперы *буфо*, то ты сдѣлался бы театральнымъ *буфономъ*.»

«Жизнь моя! продолжала она, оборотясь къ *Плутону*, который смотрѣлъ на нее, вытаращя глаза, сдѣлай милость, заведи здѣсь оперный театръ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ.» — Богиня! вскричалъ съ сердцемъ *Плутонъ*, ты наконецъ досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями, и сама не знаешь, что хочешь дѣлать... — «Выбрить тебѣ бороду, радость моя, отвѣчала съ нѣжностію *Прозерпина*, и нарядить тебя во Французскій кафтанъ. Ахъ, ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мущины съ выбритыми бородами! Я видѣла своими глазами цѣлые города, наполненные *Нарцисами* и *Адонисами*; и увѣрена, что ты, съ выбритою бородою, такъ же прекраснъ будешь, какъ *Ганимедъ*; прибавь же къ тому Французскій кафтанъ, тупей *а ла кроше*, модныя пряжки и щегольскую Французскую шпагу. О! мущины такъ стали хитры, что умѣли

сдѣлать прелестными въ глазахъ женщинъ и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе тѣхъ старинныхъ саблищъ, которыя вѣсомъ тянули столько же, сколько тѣ, которые ихъ носили; но увидишь маленькія, прекрасныя шпажки, которыя, ни чуть не ужасая, дѣлаютъ только украшеніе и включены въ число *галантерейныхъ* вещей — да, въ число *галантерейныхъ* вещей! Лучшія шпаги и лучшія тросточки продаются въ Англійскихъ магазинахъ.»

Представь, мудрый *Маликульмулькъ*, каково было для насъ видѣть такое сумасбродство! *Радаманъ*, *Эакъ* и *Миносъ* жались, какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность и чтобъ не треснуть отъ смѣха; самъ *Плутонъ* половину плакалъ и половину смѣялся, однако жъ ничѣмъ не могъ уговорить *Прозерпину*, чтобъ скинула она свое *фуро*, а особливо, чтобъ испортила прическу своей головы. — Какъ, говорила она, я буду ходить съ растрепанными волосами! въ такое время, когда послѣдняя театральная дѣвка имѣетъ у себя Французскаго парикмахера! Нѣтъ, если ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неотмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, портнаго и купца съ *галантерейными* вещами; а безъ того я въ сію же минуту ѣду въ Парижъ. — *Плутонъ* морщился, сердился, смѣялся, но наконецъ долженъ былъ согласиться на ея требованіе.

Кого же, ты бы думалъ, выбрали доставить такихъ надобныхъ людей?.... Меня, ученый *Маликульмулькъ*! Поздравь меня съ должностію моднаго повѣреннаго *Прозерпины*. Я скоро ѣду набирать лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро, можетъ быть, увѣдомлю тебя, чѣмъ это кончится.

II.

ОТЪ ГНОМА БУРИСТОНА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Пожалѣй обо мнѣ, любезный *Маликульмулькъ*, пожалѣй о своемъ бѣдномъ Буристонѣ, узнавъ его несчастіе, которое едва ли съ кѣмъ-нибудь изъ моей братьи когда случалось. Но зачѣмъ удручать тебя моими пустыми жалобами? Онѣ могутъ въ мысляхъ легковѣрнаго увеличить мою бѣду; но въ мысляхъ премудраго человѣка останутся однимъ пустымъ звономъ. И-такъ, я приступлю къ дѣлу и буду требовать твоей помощи; ибо не утѣшеніе, но помощь нужна несчастнымъ.

Нашъ общій знакомецъ, *Зоръ*, писалъ къ тебѣ о сумасшествіи *Проserпины*, но онъ еще не обо всемъ тебя увѣдомилъ. Богиня вскорѣ послѣ того вздумала перемѣнить видъ своего двора. Между-тѣмъ, какъ *Зоръ* полетѣлъ въ свѣтъ набирать разныхъ модныхъ искусниковъ, она новоприбывшему въ адъ Французскому портному велѣла на скорую руку обмундировать семь Греческихъ мудрецовъ и славнѣйшихъ въ древности женщинъ, какъ то: *Семирамиду, Клеопатру, Лукрецію* и прочихъ; она еще болѣе хотѣла: она неотмѣнно желала, чтобъ они завели между собою любовныя интриги и чтобъ, не выключая и важнаго *Солона*, всѣ сдѣлались волокитами. Тысячу разъ она смѣялась надъ стыдливою *Лукреціею* и надъ *Виргиніею*, что онѣ дичились въ новыхъ нарядахъ и не давали рукъ своимъ обожателямъ; она отдала ихъ подъ смотрѣніе доброй *Клеопатрѣ*, которая обѣщала сдѣлать изъ нихъ такихъ придворныхъ вертопрашекъ, которымъ бы и лучшіе Европейскіе дворы завидовали.

БИБЛІОТЕКА

Школа началась баломъ; богиня сама открыла его съ *Плутономъ*, и потомъ *Лукреція* съ *Сократомъ* танцовали менуетъ; говорятъ, будто онъ уже за нею и машетъ. *Радамантъ*, *Миносъ* и *Эакъ*, которые также приглашены были на этотъ праздникъ, потеряли всю свою важность, какъ скоро увидѣли тутъ *Александра Великаго*, *Цесаря*, *Помпея*, *Брута*, *Катона* и *Ѳемистокла* съ Римскими весталками прыгающихъ *галопадъ*, который искусные музыканты играли *алегро престо*. Бѣдные наши судьи, забывъ придворную благопристойность, надрывались отъ смѣха; и какъ имъ никогда не случалось такъ долго смѣяться, то этотъ смѣхъ кончился превеликою бѣдою: *Миносъ* получилъ колику, толстый *Радамантъ* получилъ одышку, а у бѣднаго *Эака* лопнулъ пузырь, и они, кое-какъ дошедши до своихъ постелей, сказались больными. И такимъ образомъ засѣданіе адскихъ судей прервалось, и нѣкому было отправлять судъ надъ ежечасно прибывающими сюда тѣнями.

На другой день послали *Иппократа* освидѣтельствовать ихъ, который донесъ, что у двухъ изъ нихъ лопнули мозговыя перепонки, а у третьяго разорвалась въ ушахъ барабанная кожица; слѣдственно, двое сошли съ ума, а третій оглохъ и не можетъ выслушивать оправданій. *Плутонъ* взбѣсился, услышавъ такую вѣсть, и чрезвычайно бранилъ свою жену, обвиняя ее въ этомъ несчастіи. *Прозерпина* извинялась, какъ могла, и старалась доказать, что эти судьи, не смотря на ихъ поврежденіе, были еще годны для исправленія своихъ должностей, и что она, путешествуя по свѣту, никогда не видывала, чтобы отставляли судей, у которыхъ повреждены мозговыя перепонки, или у которыхъ лопнули въ ушахъ тамбурныя кожицы. Но упрямый *Плутонъ*, не слушая ея оправданій, рѣшился посадить,

на мѣсто старыхъ, новыхъ судей. Въ этомъ намѣреніи призвалъ онъ меня и велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе летѣть въ свѣтъ и сыскать трехъ честныхъ и безпристрастныхъ судей, у которыхъ бы мозгъ былъ въ хорошемъ положеніи и которые притомъ не были бы глухи. Представь, любезный *Маликульмулкъ,* какъ я остолбенѣлъ, услыша такое препорученіе! «Ваше адское величество, сказалъ я *Плутону,* дарованія мои такъ слабы, а должность, налагаемая вами на меня такъ трудна, что я не надѣюсь отыскать вами желаемыхъ рѣдкостей. И-такъ, осмѣливаюсь просить у васъ увольненія отъ столь тяжкаго труда, и порученія его такому Духу, который болѣе меня имѣетъ дарованій.» Но я только терялъ слова, и старикъ мой былъ неумолимъ; онъ доказывалъ, что ему неотмѣнно нужно, чтобы продолжалось засѣданіе, и для того надобны три честные человѣка, искусные въ законахъ и безъ всякаго корыстолюбія.

Вотъ какая поручена мнѣ должность, любезный *Маликульмулкъ!* Не несчастный ли я бѣсъ? Гдѣ сыщу я три такія чуда? Я-бъ лучше согласился быть *Танталомъ* или *Иксіономъ,* нежели искать такія рѣдкости. Однако жъ съ богами шутить дурно; надобно повиноваться; и я намѣрился чрезъ три часа отправиться на землю; а между-тѣмъ хотѣлъ посовѣтоваться съ нѣкоторыми тѣнями, которыя у насъ славны мудростію. Но заприметъ, любезный *Маликульмулкъ,* какъ примѣръ начальниковъ развращаетъ подчиненныхъ. Я уже не нашелъ здѣсь ни одной тѣни, которая бы не старалась подражать *Прозерпинѣ* и не занималась бы модами и ческою. Я подошелъ къ *Гераклиду,* думая, что этотъ печальный философъ можетъ мнѣ подать наставленіе; но и тотъ у насъ не безъ дѣла. *Прозерпина,* по частому его плаканью, заключила, что онъ

можетъ быть очень хорошимъ трагическимъ актеромъ, и потому я нашелъ его занятымъ ученіемъ какой-то плаксивой роли изъ новыхъ трагедій. Ахъ! подумалъ я самъ въ себѣ, сколько на землѣ въ нынѣшніе вѣки умираетъ такихъ людей, которымъ нуженъ былъ бы одинъ слабый примѣръ ихъ владѣтеля, чтобы сдѣлаться *Цицеронами, Катонами* и *Демосѳенами,* и которые, вмѣсто того, проводили всю жизнь свою въ вымышленіи новыхъ нарядовъ и надъ ческою своихъ волосъ! Я перебиралъ въ умѣ многихъ древнихъ государей, и видѣлъ, что *Виргиліи, Гораціи, Вароны, Расины, Боало* и *Моліеры* бывали по большей части только тогда, когда жили *Титы* и *Лудовики* XIV, или когда они не боялись разсердить тѣмъ, что они умны, того, кто можетъ у нихъ отнять умы вмѣстѣ съ головами. Наконецъ, разсужденія мои кончились тѣмъ, что мнѣ надобно было отправиться въ свѣтъ, не получа ни отъ кого никакого совѣта, о чемъ я очень печалился, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою *Діогена* и *Демокрита,* которые хохотали во все горло. «Скоро ли ты отправляешься, спросилъ меня *Демокритъ,* искать намъ честныхъ судей?» — Ахъ! отвѣчалъ я, въ сей же часъ; но не знаю, какимъ образомъ окончится моя поѣздка; только думаю, что мнѣ вѣчно въ адъ не возвращаться. — Не отчаявайся, сказалъ *Діогенъ,* ты очень уже худо думаешь о свѣтѣ. Я, напротивъ того, отъ всѣхъ новоприбывающихъ сюда судей слышу, что тамъ нынѣ въ судахъ все честные люди, и что, нѣсколько уже тому назадъ вѣковъ, какъ бездѣльники и крючкотворцы выгнаны изъ приказовъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ летѣть на Сѣверъ: тамъ, можетъ быть, найдешь ты надобное тебѣ число такихъ судей... — «Я вѣрю, сказалъ *Демокритъ,* что нынѣ правосудіе не съ молотка продается» и захохоталъ во все горло. — Ахъ! отвѣчалъ

я печально, и я вѣрю тебѣ, *Діогенъ;* но скажи мнѣ, отчего это, что съ того свѣта большая часть судей приходитъ къ намъ въ богатыхъ кафтанахъ, а тѣни челобитчиковъ являются сюда нагія; часто же и тѣ самыя изъ нихъ, которыя выиграли свой искъ, приходятъ въ однѣхъ рубашкахъ! — Любезный другъ, отвѣчалъ *Діогенъ,* ты уже знаешь отъ *Прозерпины,* что значитъ слово *мода.* И-такъ, можетъ быть, нынѣ на землѣ такая мода, чтобъ челобитчики ходили полунагіе, а судьи въ богатыхъ платьяхъ. Вѣдь надобно же чѣмъ нибудь различать состоянія... — «Такъ, такъ! перехватилъ *Демокритъ,* видно, что это самая полезная мода, для того, что она уже давно въ употребленіи.» — Оставьте ваши шутки, сказалъ я имъ, и скажите мнѣ лучше, какимъ образомъ могу я отыскать такія рѣдкости: вы были на землѣ и можете меня просвѣтить въ этомъ случаѣ. — Съ охотою, сказалъ *Діогенъ;* во-первыхъ, старайся сыскать такія приказныя мѣста, которыя слывутъ пажиточными, и въ нихъ ищи судей, которые бы были бѣдны и имѣли бы богатыхъ челобитчиковъ, — это первый знакъ, что судья не корыстолюбивъ. Потомъ, какъ скоро ты увидишь, что его подъячіе не пьяны, то это значитъ, что онъ умѣетъ ими управлять, и наконецъ, ежели ты увидишь, что у него случится дѣло знатнаго богача съ невиннымъ бѣднякомъ и простолюдиномъ, если богачъ проиграетъ свое дѣло, то я даю тебѣ совѣтъ, не мѣшкая ни минуты, звать его сюда. — *Демокритъ* ни въ одномъ словѣ не спорилъ съ словами *Діогена,* но только говорилъ, что это найти очень трудно, однако жъ желалъ мнѣ всякаго счастія, и смѣясь дурачествамъ *Прозерпины* и чудному предпріятію *Плутона,* удалился отъ меня съ *Діогеномъ* къ *Прозерпинину* уборному столику.

Вотъ, любезный *Маликульмулькъ*, мои обстоятельства! Признайся, не въ жалкомъ ли я положеніи? Право, я боюсь, чтобъ не разстаться навсегда съ адомъ. И-такъ, прошу твоего совѣта и, надѣясь на твой разумъ, ожидаю отъ тебя помощи.

III.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Вчерашняго дня, любезный *Маликульмулькъ*, вылетѣлъ я изъ своего жилища на свѣтъ для набранія надобныхъ людей и для закупки уборовъ, о которыхъ, при самомъ моемъ отправленіи изъ ада, было мнѣ препоручено. Имѣя множество денегъ, при которыхъ, какъ сказываютъ, нѣтъ ничего въ свѣтѣ невозможнаго, ты подумаешь, что я въ одну минуту могъ исполнить желаніе *Прозерпины;* но какъ ты удивишься, когда узнаешь, что ничего нѣтъ труднѣе такихъ препорученій.

Вылетѣвъ на поверхность земли, устремился я прямо къ средоточію роскоши, то есть, къ большому, великолѣпному и многолюдному городу Европы. Жители этого города могутъ по справедливости почитаться нынѣ поравнявшимися съ тѣми, которые въ этой части свѣта издавна почитаются образцами новыхъ изобрѣтеній, и которые стараются весьма искусно выводить истинную добродѣтель. Ихъ-то философіи обязанъ нынѣ свѣтъ многими, такъ называющимися, *людьми безъ предразсужденія,* которые за кусокъ золота въ состоя-

ніи продать своихъ друзей, родню, или все свое отечество, для того только, чтобъ, посредствомъ его, показаться въ хорошихъ нарядахъ и великолѣпныхъ колесницахъ. По такимъ подлинникамъ можно судить и о спискахъ, неуступающихъ образцамъ своимъ въ свойственной имъ добротѣ, и навѣрное угадать, что я, сыскавъ столь честныя селенія, не почелъ за нужное летѣть далѣе, а избралъ этотъ городъ лавкою своихъ покупокъ.

Чтобъ знать вкусъ въ нарядахъ, надобно непремѣнно хорошее знакомство; а чтобъ имѣть его, нужны деньги, почитающіяся всеобщимъ ключемъ, которымъ нынѣ заводятся большіе часы свѣта. Слѣдуя этому правилу, я принялъ видъ молодаго и пригожаго человѣка, потому-что цвѣтущая молодость, пріятность и красота, въ нынѣшнее время также въ весьма немаломъ уваженіи, и при нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ сказываютъ, производятъ великія чудеса; а при столь выгодной наружности не позабылъ я представить себя въ богатомъ кафтанѣ, въ которомъ, можетъ быть, почли бы меня за какого-нибудь ученаго, еслибъ не былъ онъ весь въ золотѣ. Не успѣлъ я показаться, въ этомъ видѣ, въ одномъ изъ тѣхъ трактировъ, въ которыхъ пріѣзжіе находятъ себѣ пристанище, какъ премножество молодыхъ людей кричали мнѣ свои привѣтствія и каждый изъ нихъ предлагалъ мнѣ тысячу услугъ. Петиметръ обѣщалъ меня познакомить съ своимъ портнымъ и парикмахеромъ, пьяница хотѣлъ вести въ такой трактиръ, въ которомъ продаются лучшія вина, а картежникъ шепталъ мнѣ на ухо, чтобы итти съ нимъ обыгрывать его знакомаго на-вѣрную; но я проницаніемъ своимъ узналъ, что онъ такими услугами разорилъ уже не одну дюжину безумцевъ.

Всѣ вообще спрашивали меня: кто я таковъ, откуда

пріѣхалъ, и какая моя надобность? — Милостивый государь! — сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, съ растрепанными волосами, который былъ уже въ полиьяна и допивалъ шестую порцію пуншу, — не тяжба ли какая причиною вашего сюда пріѣзда? Если такъ, то я охотно предлагаю вамъ свои услуги. Дядя мой знатный человѣкъ, и онъ за удовольствіе себѣ почтетъ склонить судей на вашу сторону; были бъ только худы обстоятельства вашего дѣла! Вамъ стоитъ только уступить дядюшкѣ половину иска, и я васъ увѣряю, что спорная земля — ваша. Вы можете узнать отъ другихъ, что въ 15 лѣтъ, по вступленіи его въ свою должность, онъ тысячу дѣлъ поворотилъ на такую сторону, на какую ему захотѣлось. — Впрочемъ, если вамъ нужда, то я увѣряю васъ своимъ и дядюшкинымъ честнымъ словомъ, что онъ за весьма сходную цѣну согласится уморить въ тюрьмѣ вашихъ соперниковъ. — Я благодарилъ этого добраго человѣка, и признавался ему, что мнѣ нѣтъ нужды въ его услугахъ; это его нѣсколько разсердило, и онъ, въ молчаніи, принялся допивать шестую свою порцію пуншу.

Я не успѣлъ еще отблагодарить этого услужливаго человѣка, какъ вошелъ въ компату, съ опухлыми глазами, съ разстегнутымъ камзоломъ и съ обкусанными губами, молодой человѣкъ и спросилъ чашку шоколаду. Я почелъ бы его за какого-нибудь питомца Музъ, если бы поданная ему въ долгъ чашка шоколаду не опровергла моего мнѣнія; ибо мнѣ извѣстно отъ тѣней, переселяющихся въ адъ, что въ свѣтѣ всѣ ученые весьма малую имѣютъ довѣренность. Я сѣлъ подлѣ него, въ намѣреніи свести съ нимъ знакомство; и подлинно, мы не долго были съ нимъ въ молчаніи: онъ первый началъ разговоръ слѣдующимъ образомъ. «По моему мнѣнію, государь мой! нѣтъ никакой науки

труднѣе той, которая учитъ какъ жить въ свѣтѣ! Чортъ меня возьми! вскричалъ онъ, если не сущее дурачество дѣлаютъ тѣ, которые предписываютъ тому правила.» — Это правда, государь мой! отвѣчалъ я; ибо правила могутъ быть непремѣнными въ одной только Математикѣ, но въ повсечасно перемѣняющихся случаяхъ ихъ соблюсти неудобно; и правила, касательно общежитія, такъ же способно предписать, какъ удобно шить кафтаны по одной мѣркѣ на весь городъ. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, должно въ жизни предполагать главнѣйшія начала, которымъ слѣдуя, можно приноравливать ихъ къ случающимся обстоятельствамъ. Напримѣръ: если кто положитъ себѣ правиломъ быть тѣмъ довольну, что имѣетъ, и сноситъ великодушно случающіяся несчастія, почитая ихъ неизбѣжными въ этой жизни, тотъ... — «Эхъ, государь мой! перехватилъ онъ рѣчь мою, это то же, какъ бы кто сказалъ, что не мудрено познать систему свѣта; нужно только выучить Математику, Физику! Слово: выучить Математику, произносится очень легко, но въ немъ заключаются тысяча препятствій, и его не такъ-то удобно можно исполнить. Многіе философы говорили, что надобно быть всѣмъ довольну, признавая, что въ этомъ общемъ положеніи много заключается, но на самомъ дѣлѣ не легко его исполнить; я самъ по себѣ это знаю. Взявъ отъ отца 1,000 рублей на годъ, я пріѣзжаю сюда, въ намѣреніи не желать ничего болѣе, и подлинно думаю такъ нѣсколько мѣсяцевъ; но наконецъ нахожу знакомцевъ, которые твердятъ мнѣ безпрестанно, что я бѣденъ, что графъ *Безпутовъ* имѣетъ въ десять разъ лучшее содержаніе, нежели я, и все это заслужилъ только тѣмъ, что онъ родился отъ знатнаго отца; что молодой *Безсчетовъ* имѣетъ лучшихъ лошадей въ городѣ и прекрасную

любовницу, а сдѣлалъ важнаго для отечества только то, что, посредствомъ своихъ денегъ, надѣлъ на себя военный мундиръ, довольно порядочной степени, и умножилъ тѣмъ число титулярныхъ служивыхъ. Послѣ этого, говорятъ мнѣ, чтобъ я состояніе свое поправилъ картами, и доказываютъ ясно, что ничего нѣтъ легче, какъ выиграть 10,000 рублей въ одинъ вечеръ. Я этому вѣрю; беру карты; меня вводятъ въ одинъ домъ, гдѣ указываютъ мнѣ собраніе этихъ счастливцевъ, изъ которыхъ большая половина сидѣли въ отчаяніи, безъ кафтановъ и безъ камзоловъ. Это меня нѣсколько устрашило; но пріятели мои принимаются за убѣдительныя свои доказательства, и говорятъ, что когда двое играютъ, то неотмѣнно должно, чтобъ одинъ изъ нихъ проигралъ, а другой выигралъ. Эти самые полунагіе служатъ доказательствомъ, что есть счастливцы, которые у нихъ все выиграли; послѣ чего я сажусь и проигрываю свой годовой доходъ, потомъ на 3,000 даю векселей. Теперь скажите, могу ли я быть довольнымъ моими обстоятельствами? Однако жъ, сударь, продолжалъ онъ, если вамъ угодно, и когда есть у васъ деньги, то вы можете сдѣлать и свое и мое счастіе: пойдемте только въ тотъ домъ, гдѣ пополамъ, конечно, мы отыграемъ у этихъ счастливцевъ, чего они меня лишили, а можетъ быть, что и во сто разъ болѣе у нихъ у самихъ выиграемъ.» Онъ бы еще далѣе продолжалъ свою рѣчь, если бы не вошелъ тогда одинъ его знакомецъ, который что-то шепнулъ ему на ухо, и мой несчастный картежникъ бросился стремглавъ изъ комнаты, сказавъ намъ, что онъ идетъ вновь спорить со счастіемъ. Лишь только онъ вышелъ, то его другъ, который на нѣсколько времени оставался съ нами, началъ говорить съ другими своими знакомцами, и я слышалъ, какъ они сговари-

вались обыграть того молодаго человѣка, за которымъ тотъ же часъ вышли. Вотъ, ученый *Маликульмулькъ*, малая картина людей! Теперь весь свѣтъ играетъ въ карты, и всегда двое продаютъ третьяго. Я писалъ объ этомъ къ *Діогену*, и заключилъ, что можно судить по картамъ и о Политикѣ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ его время не играли въ карты и не знали Политики, и потому проситъ отъ меня другаго сравненія. Но оставимъ это и возвратимся къ моей повѣсти. Лишь только вышла толпа соединенныхъ картежниковъ, какъ вошелъ въ комнату пребогато одѣтый человѣкъ. Вотъ, думалъ я самъ въ себѣ, тотъ, кого мнѣ надобно: отъ него неотмѣнно получу я свѣдѣнія о модахъ. *Вѣтродумъ* (такъ онъ назывался) зачиналъ говорить о тысячѣ разныхъ предметахъ и ни объ одномъ не оканчивалъ; онъ садился для того, чтобы сдѣлать изъ себя хорошую фигуру, и съ намѣреніемъ пилъ, чтобы имѣть случай дѣлать пріятныя ужимки. Между сотнею сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ, былъ для меня самый нужный: зачѣмъ я пріѣхалъ въ городъ? На что я отвѣтствовалъ ему, сколько могъ учтиво, сказавъ, что я богатый дворянинъ и пріѣхалъ въ этотъ городъ за тѣмъ, чтобъ, по просьбѣ моихъ родственниковъ, вывезть имъ модныхъ уборовъ и... — «О! что до этого принадлежитъ, вскричалъ онъ, то вы ничего лучше не сдѣлаете, какъ если адресуетесь ко мнѣ. Я васъ въ два часа коротко познакомлю съ моею тетушкою, которая уже тридцать лѣтъ учится наукѣ нравиться и почитается здѣсь во всемъ городѣ первою щеголихою. Вы, кромѣ ея не получите ни отъ кого подробнѣе наставленія о нарядахъ. Да, это женщина такая, которая дѣлаетъ честь своему полу и живетъ прямо-щегольски: днемъ спитъ, ночное время проводитъ въ забавахъ; туалетъ ея занимаетъ 4 часа; обѣ-

денный и вечерній 5; 9 часовъ она провождаетъ во снѣ, а прочее время употребляетъ для своихъ веселостей; словомъ: это *безпримѣрная женщина*, и мы завтра у нея обѣдаемъ. Послѣ того онъ, схвативъ мою руку, потрясъ ее и скрылся отъ меня какъ молнія, сказавъ, чтобъ я на другой день дожидался его въ томъ же мѣстѣ. И-такъ, любезный *Маликульмулькъ*, я остаюсь въ нетерпѣніи сдѣлать это знакомство, и въ первомъ письмѣ подробнѣе увѣдомлю тебя объ этой *безпримѣрной женщинѣ* и объ этомъ молодомъ вѣтренникѣ, которые, можетъ быть, будутъ служить образцами всего ада.

Я повстрѣчалъ своего брата *Буристона;* онъ очень не весело ходитъ, и не надѣется, чтобъ могъ скоро исполнить приказанія *Плутоновы* такъ, какъ и я *Прозерпинины*.

IV.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Кто бы повѣрилъ, любезный *Маликульмулькъ*, что должность, возложенная на меня *Прозерпиною*, есть самая труднѣйшая изъ всѣхъ должностей? Я мучусь какъ Тантадъ и, что еще страшнѣе, опасаюсь, чтобъ и мое мученіе не было бы такъ же безконечно, какъ и его. Уже нѣсколько дней тому, какъ надѣялся я, по обѣщанію *Вѣтродума*, сдѣлать знакомство съ его теткою; но не видя и самого его по сіе время, принялся-было закупать наряды. Всякой день въ великомъ множествѣ покупаю ихъ по послѣдней модѣ, завертываю и укладываю; но лишь хочу ихъ отправить,

какъ вдругъ услышу, что вышли вновь уборы самаго лучшаго вкуса и послѣдней моды. «А тѣ уборы, спрашиваю я, которые вчера такъ много превозносили?» —О, ничто не можетъ быть ихъ глупѣе, отвѣтствуютъ мнѣ! Благоразумная женщина нынѣшняго свѣта лучше согласится десять разъ въ день убрать по модѣ голову своего мужа, нежели остыдить себя, показавшись въ общество во вчерашнемъ уборѣ! — Послѣ такой прекрасной вѣсти, я съ досадою кидаю свою посылку и набираю множество новыхъ нарядовъ, которые на другой день также становятся негодны, — и я остаюсь въ отчаяніи исполнить желаніе *Прозерпины*.

Въ такихъ-то хлопотахъ, вздумалъ я загладить свою скуку какимъ-нибудь веселымъ препровожденіемъ времени, которое бы подало мнѣ лучшій способъ узнать нравы и обычаи этого государства... Я хотѣлъ для этого читать ихъ книги, но во многихъ писателяхъ нашелъ или пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ одноземцевъ, или гнусныхъ сатириковъ, которые ругаютъ свое отечество, безъ всякой другой причины, какъ только, чтобы показать остроту своего пера; а потому я оставилъ мое упражненіе и рѣшился не въ кабинетѣ своемъ и не по праву своего трактирщика судить объ общемъ нравѣ всего государства, но захотѣлъ для этого вмѣшаться самъ въ общество, чтобъ имѣть объ немъ лучшее понятіе; и для того выбралъ я себѣ въ проводники одного молодаго и знатнаго человѣка, съ которымъ я надѣялся имѣть входъ во многіе домы. Ты, можетъ быть, подумаешь, что проводникъ мой преважная особа; нѣтъ, другъ мой, это молодой повѣса, препровождающій всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ онъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ занмодателей, изнуряетъ себя, отчего часто бываетъ боленъ, и

тѣмъ хвалится, какъ заслуженный воинъ своими ранами. Ему хотя не болѣе двадцати лѣтъ, однако онъ успѣлъ уже болѣе тридцати смуглыхъ женщинъ сдѣлать столь бѣлыми, какъ хлопчатая бумага. Надобно тебѣ знать, любезный *Маликульмулькъ*, что бѣлый цвѣтъ здѣсь въ превеликой модѣ, и что всѣ молодые люди этого города съ великою жадностію его себѣ пріобрѣтаютъ; и въ короткое время надѣяться должно, что бѣлый цвѣтъ сдѣлается здѣсь природнымъ или наслѣдственнымъ; ибо болѣе, нежели двѣ трети изъ жителей этого города успѣли уже по сіе время записать себя въ число бѣлолицыхъ. Но оставимъ это и возвратимся къ моему проводнику.

Съ такими-то хорошими качествами во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ. Часто ничего незначущее привѣтствіе, сказанное имъ, почитается за острое слово; и если онъ улыбается, то зачинаютъ всѣ хохотать во все горло, ожидая съ терпѣніемъ, когда онъ откроетъ причину своей улыбки; если жъ кто съ подобострастіемъ спроситъ у него о причинѣ ея, и когда господинъ этотъ отвѣтствуетъ: *такъ!* тогда начинаютъ удивляться премудрой его молчаливости, а вмѣсто его приходитъ въ замѣшательство и краснѣетъ сдѣлавшій ему вопросъ. *Припрыжкинъ* (имя моего знакомца) имѣетъ отмѣнное велерѣчіе; онъ часто разсказываетъ то часа по три, что другой на его мѣстѣ сказалъ бы въ двухъ словахъ; ибо онъ имѣетъ отличное дарованіе убивать свое время: поутру занятъ онъ зеркаломъ, потомъ нѣсколько часовъ занимается столомъ, послѣ чего развозитъ вѣсти по городу, а остающееся время играетъ въ карты, предается чувственнымъ забавамъ, ужинаетъ и ложится опять спать, чтобы на другой день, по обыкновенію своему, встать около

полудни и препроводить въ такихъ же упражненіяхъ весь день, въ какихъ препроводилъ прошедшій. Вотъ, любезный *Малыкульмулькъ*, важнѣйшія его дѣла, отъ которыхъ однако жъ не остается ему и столько времени, чтобы могъ онъ вспомнить, что онъ живетъ на свѣтѣ!

Я уже напередъ воображаю, что ты или станешь меня бранить за такое худое товарищество, или подумаешь, что въ этомъ городѣ нѣтъ ни одной путной головы; напротивъ того, ученый *Малыкульмулькъ*, здѣшняя земля въ произведеніи хорошихъ умовъ есть самая обильная, и я могу тебѣ насчесть въ этомъ одномъ городѣ человѣкъ десятокъ очень неглупыхъ людей. Но участь ихъ почти одинакова во всемъ свѣтѣ. Мнѣ случалось видѣть въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ портреты ученыхъ людей, хотя тѣ самые ученые совсѣмъ не имѣли входу и въ ихъ прихожія. Здѣсь, въ большомъ свѣтѣ, почитается за невѣжество, чтобъ не знать по названію вновь выходящихъ твореній, или чтобъ не знать именъ современныхъ писателей; но чтобъ читать тѣ сочиненія, то считается за потерю времени; а чтобъ имѣть знакомство съ авторами, то почитается низостію; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые однако жъ несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые.

Я уже сказалъ тебѣ, любезный *Малыкульмулькъ*, что надобны деньги, чтобъ имѣть хорошее знакомство; а ученые вообще почти всѣ бѣдны; притомъ же тебѣ извѣстно, сколь давно они въ побранкѣ съ фортуною, которая смотритъ на ихъ сатиры и брани точно такъ, какъ рослый драгунъ на лаянье маленькой постельной собачки, и для того почти всегда

Фортуна жалуетъ разсудку вопреки:
Чтобъ были счастливѣй разумныхъ дураки.

Вотъ тебѣ и стихи, любезный *Маликульмулькъ!* Ожидалъ ли ты ихъ когда-нибудь отъ меня? Извини, однако жъ, я теперь въ такомъ городѣ, гдѣ язва эта во всей своей силѣ свирѣпствуетъ; а какимъ образомъ я сдѣлался стихотворцемъ, о томъ я тебѣ разскажу въ свое время. Но между-тѣмъ я долженъ возвратиться къ своей повѣсти.

Молодой *Припрыжкинъ*, какъ новопріѣзжему, желая показать рѣдкости этого города, возилъ меня въ лучшіе Англійскіе магазины и во Французскія модныя лавки, гдѣ, на ряду съ прочими, такими же вѣтрениками, какъ онъ, платилъ за дурачества тяжелыя подати иностранцамъ, покупая двухрублевую вещь за десять и двадцать рублей. Онъ доставлялъ мнѣ рѣдкіе товары и одѣвалъ меня по вкусу искусныхъ торговокъ. «Любезный другъ! сказалъ онъ мнѣ, вчера ты еще ничего лучшаго здѣсь не видалъ, если не видалъ нашихъ маскерадовъ. Сегодня я тебѣ покажу подлинно стоющее любопытства зрѣлище, соотвѣтствующее великолѣпію этого обширнаго города.» — Я согласенъ, сказалъ я, и теперь же начну одѣваться. — «Оставь, пожалуй, это на мое попеченіе, отвѣчалъ онъ: ты одѣнешься, подъ моимъ смотрѣніемъ, какъ первый щеголь. Я теперь ѣду къ себѣ и чрезъ минуту пришлю къ тебѣ Француза — перваго парикмахера въ нашемъ городѣ. Но какъ ты еще человѣкъ безъ опытовъ въ большомъ свѣтѣ, то нужно, чтобъ я сдѣлалъ тебѣ одно замѣчаніе: пожалуй, обходись съ нимъ какъ можно поучтивѣе. Правда, хотя онъ ремесломъ и парикмахеръ, но онъ Французъ, притомъ же и превеликой богачъ, имѣющій тысячъ до девяти въ годъ доходу; а у насъ не всякой и заслуженый генералъ столько не имѣетъ. Прибавь къ тому, что многіе знатные люди почитаютъ за удовольствіе быть вписанными

въ алфавитную роспись счетной его книги, по которой можно заподлинно видѣть, сколько онъ честенъ. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что этотъ парикмахеръ грабитъ, обираетъ и обманываетъ людей, но тѣмъ однако же онъ не менѣе славенъ; почему и должно имѣть къ нему нѣкоторое уваженіе, особенно за то, что онъ благодѣтельствуетъ молодымъ людямъ, давая имъ въ долгъ разныя галантерейныя вещи, которыя потомъ промѣниваютъ они, съ уступкою трехъ долей, на наличныя деньги; иногда же ссужаетъ онъ и наличною монетою, разумѣется, что подъ порядочный закладъ и съ полученіемъ умѣренныхъ процентовъ; но лучшее и главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ помогаетъ намъ въ нашихъ любовныхъ интригахъ. Представь же, если столь полезный человѣкъ будетъ раздраженъ гордостію простаго пріѣзжаго дворянина и оставитъ городъ, то тѣмъ заставишь ты оспротѣть всѣхъ нашихъ молодыхъ щеголей, и наши головы потеряютъ безъ него три четверти своихъ дарованій. — Я обѣщалъ молодому *Припрыжкину* всевозможное уваженіе къ его Французскому парикмахеру, и, изъ почтенія къ нему, конечно бы не сѣлъ въ его присутствіи, если бы искусство его того не требовало. Потомъ онъ вышелъ и, полчаса спустя, вошелъ ко мнѣ ожидаемый Французъ. Приборъ его соотвѣтствовалъ чистотѣ его ремесла, а его лице изображало важность, приличествующую глубокомысленному министру; и сколько наружность доказывала его состояніе, столько поступки опровергали эти доказательства. Мнѣ казалось, что я видѣлъ въ немъ знатнѣйшаго придворнаго, переодѣтаго въ парикмахерское платье. «Пожалуйте, сударь, уберите мою голову, сказалъ я этому почтенному искуснику (примѣть, любезный *Маликульмулькъ*, хорошо ли я играю лице нововступающаго въ свѣтъ

деревенскаго дворянина), потомъ сѣлъ я безъ всякой заботы и отдалъ на его попеченіе свою голову, ожидая ея перерожденія подъ его гребенкою.

Скорѣе всего можно познакомиться съ Французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной Испанцамъ, ни врожденной Нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда Италіянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ которою должны храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того... Однакожъ оставимъ это; я не хочу никого вооружать противъ себя; и если мало могу сказать добраго о Французахъ, такъ, право, это самому мнѣ досадно. Что касается до этого парикмахера, то признаюсь, что онъ показался мнѣ знающимъ во всѣхъ частяхъ: едва успѣлъ онъ взять въ руки свои гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія, и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, ни мало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи, и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ. Но сколько для меня ни страненъ свѣтъ, однако жъ со всѣмъ тѣмъ я за грѣхъ почитаю вѣрить, чтобъ здѣшніе министры управлялись Французскими парикмахерами. Напослѣ-

докъ кончилась ческа моей головы, съ которою кончились и политическіе разговоры; а все это стоило мнѣ пяти рублей; послѣ чего мы откланялись другъ другу съ великою учтивостію,

Вскорѣ потомъ прибылъ ко мнѣ г. *Припрыжкинъ*, и я, подъ его руководствомъ одѣвшись, поѣхалъ съ нимъ въ то собраніе, которое онъ превозносилъ столько похвалами. Мы остановились у большаго освѣщеннаго дома, гдѣ вышедъ изъ своей кареты, вошли въ комнаты, которыя наполнены были, разнаго званія и состоянія, великимъ множествомъ людей, имѣвшихъ на себѣ странныя одежды, составленныя большею частію изъ нѣкотораго рода лоскутковъ, а лица ихъ покрыты были безобразными личинами, въ которыхъ многіе казались страшилищами, похожими на тѣхъ злобныхъ жителей тартара, которые адскимъ судомъ опредѣлены для истязанія человѣческихъ тѣней, заслуживающихъ это. Я не знаю, для того ли они наряжаются такимъ образомъ, чтобъ показать себя въ настоящемъ своемъ видѣ по расположенію своихъ душъ, сходствующихъ, можетъ быть, съ тою пріемлемою ими безобразностію; или, что они любятъ быть неузнанными и казаться всегда въ другомъ видѣ, нежели каковы они есть въ самомъ дѣлѣ. Если мое замѣчаніе справедливо, то можно сказать, что весь свѣтъ наполненъ чудовищами, или, что этотъ свѣтъ есть ничто иное, какъ обширное зданіе, въ которомъ собрано великое множество маскированныхъ людей, изъ которыхъ, можетъ быть, большая часть, подъ наружною личиною, въ сердцахъ своихъ носятъ обманъ, злобу и вѣроломство. Но оставимъ такія замѣчанія, для самого меня непріятныя, о истинѣ которыхъ ты самъ, по прочтеніи моего письма, можетъ быть, удостовѣришься, и возвратимся къ моей повѣсти. — Не успѣли мы войти въ комнаты, какъ

Припрыжкинъ, сказавъ мнѣ, гдѣ и какъ со мной сойтиться, скрылся отъ меня, какъ молнія; а я, оставшись одинъ, началъ прохаживаться по обширнымъ заламъ, въ которыхъ, не смотря на безобразныя личины людей, веселіе и радость повсюду были ощущаемы, и вольность казалась быть душею всего маскированнаго собранія, такъ-что это привело меня въ несказанное удивленіе. Мнѣ представилось тогда, что люди не иначе умѣютъ пользоваться собственною своею свободою и удовольствіями, какъ прикрывая себя такими личинами. Едва кончилъ я такое замѣчаніе, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ ближней комнатѣ, бросился узнать тому причину, но уже дѣйствующія лица были уведены, и оттуда возвращалась толпа молодыхъ людей, которые хохотали во все горло. «Позвольте спросить, сказалъ я первому, встрѣтившемуся мнѣ, что̀ было причиною этого шума.»—Ничего, сударь, отвѣчалъ онъ, это сущая бездѣлица, — это небольшая шутка, которую я сдѣлалъ съ моею теткою. Добренькая старушка была смертельно влюблена въ моего егеря, но, по несчастію, она имѣетъ ревниваго мужа, который не допускаетъ ее до такихъ малозначущихъ вольностей. Примѣтя любовь ея, я выдумалъ способъ получить посредствомъ ея деньги и уговорить своего егеря, чтобы онъ старался имѣть съ нею здѣсь свиданіе. Благосклонная тетушка, согласясь на его предложеніе, свела здѣсь съ мужемъ своимъ свою пріятельницу, одѣтую въ одинаковое съ нею платье, сама между-тѣмъ ускользнула съ своимъ Адонисомъ; тогда, не медля, подослалъ я своего друга, который въ этихъ мѣстахъ надзирателемъ благопристойности, а онъ, схватя нашихъ любовниковъ, отвелъ ихъ подъ арестъ. — «Ахъ! вскричалъ я, и вы имѣли удовольствіе такъ безчеловѣчно спутить съ вашею тетушкою!» — Какой вздоръ! от-

вѣчала мнѣ маска, я хочу только имѣть деньги: тетка моя хотя очень скупа, но, вѣрно, за выкупъ свой и любезнаго егеря заплатитъ хорошія деньги, которыя я, раздѣля съ *Надзоромъ*, смотрителемъ здѣшней благопристойности, получу вѣрный способъ блеснуть хорошими нарядами, или видѣть въ новомъ экипажѣ мою любезную *Антилукрецію*. — Послѣ этого онъ скрылся и оставилъ меня удивляться пронырству своего ума и слабости его тетушки.

Позадумавшись нѣсколько, пошелъ я впередъ, какъ вдругъ ударился лобъ объ лобъ съ отчаяннымъ человѣкомъ, который, сорвавъ съ себя маску, бѣгалъ по комнатамъ, какъ бѣшеный. «Государь мой! сказалъ я, мнѣ думается, что въ такихъ пространныхъ залахъ можно ходить не стучась лбами, въ противномъ случаѣ это собраніе можетъ только быть выгодно однимъ рогатымъ лбамъ.» — Ахъ! сударь, отвѣчалъ мнѣ этотъ господинъ, извините мой проступокъ; отчаяніе мое причиною такой неосторожности: я обманутъ самымъ гнуснымъ образомъ. — «Какъ, сказалъ я, въ здѣшнемъ благородномъ обществѣ могутъ быть обманщики?...» — Ахъ! я вижу вскричалъ онъ, что и вы человѣкъ новопріѣзжій. Признаюсь, что я самъ былъ лучшаго мнѣнія о такихъ собраніяхъ, пока несчастнымъ опытомъ не узналъ своей ошибки. Отецъ мой былъ богатый дворянинъ; онъ недавно умеръ, а я со всѣми его деньгами пріѣхалъ сюда изъ отдаленнаго города, чтобъ вступить въ службу. Игра, пагубная страсть молодыхъ людей, не умедлила овладѣть мною; я вошелъ въ число бродягъ, которые, гоняясь за счастіемъ, лишаются пропитанія. Нѣсколько разъ испытавъ несчастіе проигрыша, наконецъ собравъ послѣднія свои деньги и пріѣхавши въ этотъ проклятый домъ, я сдѣлалъ банкъ въ *Макао*. Незнакомая маска

сѣла подлѣ меня и просила принять ее въ десятую долю. Видя деньги 1,000 рублей, я согласился сдѣлать это удовольствіе и началъ метать карты. Множество незнакомыхъ людей зачали понтировать, но я примѣтилъ, что многіе брали у меня деньги не ставя картъ, а другіе сдергивали свои карты, когда они проигрывали, и скрывались въ толпѣ людей. Раздраженный такимъ гнуснымъ обманомъ, бросилъ я карты и хотѣлъ расчитаться съ моимъ товарищемъ, который записывалъ мои проигрышъ и выигрышъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что ни денегъ, ни его со мною нѣтъ. Вообразите мое удивленіе и горесть, бывъ не только что обокраденъ, но и лишенъ надежды узнать и наказать этого бездѣльника! — «Я сердечно сожалѣю о вашемъ несчастіи, отвѣчалъ я, и дивлюсь, что въ подобныя общества пускаются такіе плуты; я до-сихъ-поръ думалъ, что ворами опасны только большія дороги.» — Ахъ! государь мой, вскричалъ несчастный игрокъ, благодаря правительству, эти бездѣльники всѣ согнаны съ большихъ дорогъ, но, по несчастію, они умножились въ городахъ, и города нынѣ гораздо опаснѣе, нежели большія дороги. — Послѣ чего пошелъ онъ отъ меня, продолжая свои восклицанія.

Вотъ какъ прекрасны такія собранія! думалъ я самъ про себя, которыя торжественно выхвалялъ мнѣ *Припрыжкинъ* и которыя способствуютъ только обманывать мужей, грабить ближняго и дѣлать дурачества. Скажи мнѣ на это, любезный *Маликульмулькъ*, не справедливы ли давшнія мои замѣчанія, по которымъ можно видѣть, что люди для того единственно выдумали эти собранія, чтобъ, ходя подъ гнусными личинами, удобнѣе могли производить безъ зазрѣнія совѣсти безумное свое своеволіе, и что эти маскерады есть картина свѣта, представленная въ маломъ видѣ. Но

если ты захочешь сравнить ее съ ея подлинникомъ, то она не иначе почесться можетъ, какъ слабымъ спискомъ... Но закроемъ это завѣсою. — Я скажу тебѣ однако жъ, что сколько веселіе, радость и свобода ни кажутся душею таковыхъ собраній, но я твердое положилъ намѣреніе никогда впередъ не заглядывать въ такія мѣста. Вскорѣ потомъ встрѣтился мнѣ *Припрыжкинъ*, и мы съ нимъ выѣхали изъ маскерада. «Эти-то собранія, сказалъ я ему тогда, такъ тебѣ нравятся!...» — Ахъ, нѣтъ! вскричалъ онъ, я сегодня очень худо награжденъ. — «Какъ, и ты не доволенъ? перехватилъ я рѣчь его; по чтожъ этому причиною?» — Представь мое несчастіе, сказалъ онъ, посредствомъ давишняго парикмахера назначено мнѣ было отъ одной прекрасной дѣвушки здѣсь свиданіе, чему я охотно повѣрилъ, зная, что ничего нѣтъ легче въ здѣшнихъ маскерадахъ, какъ дочкѣ отвязаться отъ матушки, которая часто сама только того и мѣтитъ, чтобъ увернуться отъ дочки. Пріѣхавши сюда, я увидѣлъ мою красавицу, ходящую уже одну, въ бѣломъ капуцинѣ; я съ нѣжностію схватилъ и пожалъ ея руку; она мнѣ отвѣчала тѣмъ же, — это былъ нашъ условный знакъ. При такомъ взаимномъ согласіи, намъ скучнымъ показались всѣ залы, и мы пошли въ уединеніе, наконецъ вошли въ отдаленную комнату; но опасаясь, чтобъ кто не подслушалъ нашихъ рѣчей, я дѣлалъ ей любовныя изъясненія *пантомимами*, и мы дотѣхъ-поръ ихъ продолжали, какъ наконецъ она была вынуждена сбросить маску. Но въ какое пришелъ я удивленіе, когда, вмѣсто воображаемой красавицы, увидѣлъ старую мумію, лѣтъ во сто; съ досадою и страхомъ бросился я отъ нея, какъ отъ мертвеца, и, тысячу разъ проклиная ее, жалѣлъ, что потерялъ съ старою хрычовкою то время, которое назначено было

для прелестной молодой особы. Вотъ чѣмъ только не нравятся мнѣ эти проклятые маскерады!» — Но не уже ли женщинамъ они пріятны, сказалъ я!» — О! это совсѣмъ другое, отвѣтствовалъ *Припрыжкинъ;* женщина можетъ весьма великодушно снести нѣсколько такихъ ошибокъ; но молодой щеголь не всегда съ успѣхомъ можетъ загладить такую погрѣшность. —

Вотъ тебѣ, любезный *Маликульмулькъ,* краткое начертаніе предметовъ, попавшихся мнѣ на глаза, и я надѣюсь вскорѣ еще увѣдомить тебя о новыхъ людскихъ дурачествахъ.

V.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

На дняхъ, любезный *Маликульмулькъ,* я былъ съ моимъ сотоварищемъ у одного богатаго купца, который праздновалъ свои имянины. Ты, можетъ быть, удивишься, что столько знатный въ своемъ родѣ человѣкъ, каковъ мой пріятель, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ торговца; но это удивленіе уменьшится, когда ты узнаешь, что онъ долженъ имяниннику по векселямъ шестьдесятъ тысячъ рублей, и для того часто пляшетъ по его дудкѣ. Здѣшніе заимодатели, имѣющіе знатныхъ должниковъ, имѣютъ по большей части то одно утѣшеніе, что пользуются вольностію напиваться иногда съ ними до-пьяна и, вмѣсто платежа денегъ, получаютъ отъ нихъ учтивые поклоны и увѣренія о непремѣнномъ ихъ покровительствѣ.

Имянинникъ, какъ видно, былъ великой хлѣбосолъ;

онъ имѣлъ у себя за столомъ не мало гостей, между которыми занимали первое мѣсто одинъ вельможа, человѣка три позолоченныхъ придворныхъ и нѣсколько начальниковъ этого города, да изъ числа извѣстныхъ мнѣ по своимъ именамъ, — о которыхъ я нарочно навѣдался, чтобъ могъ тебѣ обстоятельнѣе пересказать о любопытномъ ихъ разговорѣ, — были г. *Припрыжкинъ*, *Рубакинъ*, драгунскій капитанъ, *Тихокрадовъ* судья и художникъ *Трудолюбовъ*. Я, какъ ты можешь себѣ представить, былъ также не изъ послѣднихъ, и сидѣлъ подлѣ хозяйскаго сына, мальчика прелюбезнаго, лѣтъ четырнадцати, который былъ доброю надеждою и утѣшеніемъ въ старости своего отца.

Столъ былъ великолѣпенъ, и *Плуторъзъ* (такъ назывался имянинникъ) кормилъ всѣхъ очень обильно; веселіе въ обществѣ нашемъ умножалось съ пріумноженіемъ вина; разговоры были о разныхъ предметахъ, и поперемѣнно говорили о политикѣ, о коммерціи, о разныхъ родахъ плутовства и о прочемъ. Вельможа, одѣтый съ ногъ до головы во Французскій глазетъ и убранный по послѣдней Парижской модѣ, защищалъ пользы отечества и выхвалялъ любовь къ нему; судья ставилъ честь выше всего на свѣтѣ; купецъ хвалилъ безкорыстіе; но всѣ вообще согласны были въ томъ, что законы очень строго наказываютъ плутовъ и что надобно уменьшить ихъ жестокость. Вельможа обѣщалъ подать голосъ, чтобы уничтожить увѣчныя и смертныя наказанія, исполняемыя за грабительства и за плутовства, для ихъ искорененія, за что многіе изъ гостей, а болѣе всего судья *Тихокрадовъ* и нашъ хозяинъ *Плуторъзъ*, очень его благодарили; и хотя этотъ вельможа, какъ я слышалъ, ежедневно дѣлаетъ новыя обѣщанія, однако жъ старыхъ никогда не исполняетъ, но гости не менѣе были и тѣмъ довольны,

что останись въ надеждѣ, для которой нерѣдко просители посѣщаютъ прихожія знатныхъ особъ.

Но какъ въ столь большомъ собраніи разговоры не могли быть одного содержанія, то наконецъ рѣчь зашла о хозяйскомъ сынѣ. «У тебя прелюбезное дитя, сказалъ *Рубакинъ Плуторѣзу,* и онъ можетъ современемъ быть тебѣ утѣшеніемъ; но записанъ ли онъ гдѣ и который ему годъ?» — Тринадцатый, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ хозяинъ. — «Не правда, сказалъ *Рубакинъ,* ему точно четырнадцатой; и я очень помню, что онъ родился тогда, когда ты былъ еще у насъ маркитантомъ, въ чемъ и сама покойница, твоя жена, была бы со мной согласна.» — Сомнѣваюсь, отвѣчалъ хозяинъ, моя жена, не тѣмъ будь помянута, была превеликая спорщица. — «Развѣ съ тобою, сказалъ *Рубакинъ;* но что касается до меня, то я увѣряю тебя, что ни одинъ нашъ офицеръ не скажетъ, чтобъ она съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ спорила, и мы во всемъ столько были ею довольны, что когда ты отъ насъ поѣхалъ, то вообще всѣ болѣе жалѣли объ ней, нежели о тебѣ; и-такъ, спорщицей назвать ее ты не можешь. Я думаю, что ты и самъ помнишь, какъ любили ее въ полку, и что она не одною ротою ворочала. Правду сказать, еслибъ ты не сдѣлалъ дурачества и не уѣхалъ тогда отъ насъ, то бы я голову свою далъ тебѣ порукою, что твой Вася, (имя хозяйскаго сына) теперь былъ бы уже адъютантомъ. Вѣдь ты помнишь, какъ полковникъ нашъ жаловалъ покойницу твою, Борисовну, и какъ ты, по милости ея, былъ имъ покровительствованъ, такъ-что ты, безъ всякаго опасенія, мѣсяца по два сряду довольствовалъ весь полкъ протухлою и негодною пищею, — а все съ рукъ сходило; и можно сказать, что тогда тебѣ было не житье, а масляница. Ты самъ,

думаю, признаешься, что тогда ты густо понабилъ свой карманъ.» — То правда, ваше высокоблагородіе; однако жъ вы уже весьма много возвеличили мою покойницу, приписывая ей такую власть; иной изъ этого и не вѣдь что подумаетъ; вѣдь злыхъ людей въ свѣтѣ много, мало ли что и въ полку тогда объ ней говорили, а отъ того и полковница и наши офицерши ее терпѣть не могли; но все, поистинѣ понапрасну. Виновата ли она была, что всегда, когда ни случалось ей хаживать къ нимъ на поклонъ, заставала дома однихъ только ихъ мужей, а онѣ случались или у обѣдни, или гдѣ и въ другомъ мѣстѣ; но какъ бывало, къ кому ни взойдетъ, то хотя жены и дома нѣтъ, такъ мужъ безъ того уже не выпуститъ, чтобъ чѣмъ-нибудь не поподчивать, потому-что она, покойница, и сама была гостепріимна...» — Мудрено ли, братецъ, сказалъ толстый судья, что твоя жена была въ такой силѣ; я самъ человѣкъ женатый, и могу не менѣе похвалиться своею женою, которая, не смотря на то, что я былъ еще копіистомъ, но и тогда имѣла уже множество челобитчиковъ и давала часто рѣшенія на важныя дѣла, которыя едва вѣряли мнѣ набѣло переписывать; а вся сила состояла въ томъ, что она хорошо стряпала кушанье для нашего судьи, и по наслышкѣ знала нѣсколько законовъ, почему казалась весьма знающею; и въ ней столько нашъ судья былъ увѣренъ, что, по ея словамъ, какъ по Уложенью, вершилъ челобитчиковы дѣла, въ чемъ, право, не всякой и знатной женщины послушаютъ.»

«Morbleu! сказала сидѣвшая подлѣ меня кукла, въ золотомъ кафтанѣ, и эта мелочь хочетъ равнять своихъ женъ съ знатными госпожами. J'enrage! — Клянусь, что еслибъ захотѣлъ я въ отмщеніе употребить силу моей тетушки, то завтра же улетѣли бы къ чор-

ту этотъ маркитантъ, судья съ своею женою и со всею своею челядью! Можно ль столько имѣть терпѣнія слушать такія *импертинансы!* И какъ смѣть сравнивать силу подлыхъ своихъ женъ съ силами почтенныхъ дамъ, которыхъ могущество доказаться можетъ тысячью счастливцевъ, которые, по ихъ мимости, дѣлаютъ фигуру въ большомъ свѣтѣ, и которые прежде того ничего въ немъ не значили! — Я, сударь! я самъ, сказалъ онъ, оборотясь ко мнѣ, есть неоспоримое доказательство силы своей тетушки. Представьте, нѣтъ еще года, какъ я сюда пріѣхалъ изъ деревни; бывъ благороднымъ и молодымъ человѣкомъ, вы можете угадать, что я за нужное почелъ, чтобъ пользоваться порядочнымъ экипажемъ, достать себѣ чинъ не вступая въ службу, которая сопряжена со многими трудностями, предоставленными для бѣдныхъ только дворянъ. Но какъ вамъ покажется? Не прошло еще и десяти мѣсяцевъ по моемъ пріѣздѣ, а я началъ уже повелѣвать четверкою лошадей, не имѣя никакого понятія о службѣ, кромѣ того, что она не можетъ быть для меня пріятна, потому-что моему дядѣ, служившему капитаномъ, на прошедшемъ сраженіи прострѣлена голова, и онъ лишился жизни, съ которою я ни малаго не имѣю желанія такъ скоро разстаться. —

«Но скажи мнѣ, спросилъ одинъ изъ придворныхъ хозяина, для чего оставляешь ты сына твоего въ праздности? Онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить въ службу, или, по-крайней-мѣрѣ, считаться въ ней.» — Милостивый государь! отвѣчалъ *Плуторъзъ*, это правда, что Вася уже на возрастѣ, и я не намѣренъ, всекопечно, оставлять его безъ дѣла; но я еще не избралъ родъ службы, въ которую бы его опредѣлить. — «Другъ мой, сказалъ придворный,

оставь это на мое попеченіе, ты можешь быть увѣренъ о моей къ тебѣ благосклонности; имѣвъ явное доказательство, что, изъ дружбы къ тебѣ, я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому не можешь сомнѣваться въ моемъ участіи, какое принимаю я въ счастіи твоего сына. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ ты далъ двадцать тысячъ въ мои руки, которыя употреблю я въ его пользу: я помѣщу имя его въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору; словомъ: я поставлю его на такой ногѣ, чтобъ онъ современемъ могъ поравняться съ лучшими, дѣлающими фигуру въ большомъ свѣтѣ. Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брилліанщики, галантерейщики и многіе другіе художники истощаютъ все знаніе и искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій... Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа волосъ, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю; возвышеніе и пониженіе голоса въ произношеніи говоримыхъ словъ; выступка, ужимки, тѣлодвиженія и обороты отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Грамматы предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, протекающая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ своего отечества; а наши ливреи и экипажи неложно доказываютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Какое же состояніе можетъ быть завиднѣе и спокойнѣе нашего? Правда, что философы почитаютъ насъ мучениками, однако жъ это несправедливо; а за то и мы ихъ считаемъ без-

умцами, пустою тѣнью, услаждающими горестную и бѣдственную свою жизнь. И-такъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ двадцать тысячъ? — не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить; а знакомые мои: танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, чрезъ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ.»

— Какъ, сударь, вскричалъ *Рубакинъ*, вы называете блистательнымъ то состояніе въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ люди за свои достоинства обязаны нѣкоторымъ искусникамъ! Но изъ вашего мнѣнія можно дѣйствительно доказать, что тѣ самые искусники несравненно должны быть знатнѣе тѣхъ своихъ куколъ, которыхъ они украшая, даютъ цѣну ихъ достоинствамъ и... но что объ этомъ много говорить! Нѣтъ, любезный *Плуторьзъ*, если ты хочешь, чтобъ сынъ твой былъ полезнѣе своему отечеству, то я совѣтую тебѣ записать его въ военную службу. Вообрази себѣ, какое это прекрасное состояніе, которое, можно по справедливости сказать, есть первѣйшее въ свѣтѣ, потому-что не подвержено никакимъ строгостямъ, ниже какимъ опаспостямъ, сопряженнымъ съ придворною жизнію. Военному человѣку нѣтъ ничего непозволеннаго: онъ пьетъ для того, чтобъ быть храбрымъ; перемѣняетъ любовницъ, чтобы не быть ни чьимъ плѣнникомъ; играетъ для того, чтобы привыкнуть къ непостоянству счастія, такъ сродному на войнѣ; обманываетъ, чтобы пріучить свой духъ къ военнымъ хитростямъ; а притомъ и участь его ему совершенно извѣстна, потому-что состоитъ только въ двухъ словахъ: чтобъ убивать своего непріятеля, или быть самому отъ него убиту; гдѣ онъ бьетъ, тамъ нѣтъ для него ничего священнаго,

потому-что онъ долженъ заставлять себя бояться; если же его бьютъ, то ему стоитъ оборотить спину и имѣть хорошую лошадь; словомъ: военному человѣку нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ; а иногда больше нужны ноги, нежели руки. И я состарѣлся уже въ службѣ, но всегда былъ того мнѣнія, что солдату негодится умничать. И-такъ, ты ничего умнѣе не сдѣлаешь, какъ если запишешь своего сына въ нашъ полкъ. Ты же человѣкъ богатый, поэтому можешь сдѣлать ему хорошее счастіе. Деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и увѣряю тебя, что твой сынъ самъ будетъ тѣмъ доволенъ. —

«Государь мой, сказалъ, улыбаясь, *Тихокрадовъ*, вы съ такимъ жаромъ говорите о своемъ званіи, что слушатели могутъ подумать, будто статское состояніе и въ подметки вашему негодится, хотя, не распложая пустыхъ словъ, я могу коротко сказать, что, служа въ моемъ состояніи, обязанъ я ему знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ десяти тысячъ; вступая же въ него, не имѣлъ я ни полушки; и-такъ одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги. Но я не люблю жаркихъ споровъ, а держусь лучше основательныхъ доказательствъ. Я не отрицаю выгоды военнаго человѣка; но знаете ли, что статское состояніе есть соборище лучшихъ выгодъ изъ всѣхъ другихъ состояній?» — Какъ, вскричалъ *Рубакинъ*, вы подьячихъ сравниваете съ воинами? Но можете ли вы въ томъ успѣть? Одно это, когда мы возьмемъ какую крѣпость, сколько приноситъ намъ славы, и сколько потомъ чувствуемъ удовольствія, обогащая себя всѣмъ, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой можетъ имѣть такую волю, чтобъ, безъ малѣйшаго нарушенія права, присвоивать себѣ вещи, никогда ему непринадлежавшія?» — По-

стойте, постойте, прервалъ съ скоростію *Тихокрадовъ*, дайте мнѣ докончить, вы тогда сами увидите, правду ли я сказалъ. Статскій человѣкъ столько же казаться можетъ блистательнымъ, сколько и придворный; онъ такъ же можетъ пріобрѣтать себѣ дарованія пособіями тѣхъ самыхъ искусниковъ, которые своимъ искусствомъ составляютъ достоинства большей части придворныхъ, чему многіе изъ нашихъ судей могутъ быть явнымъ доказательствомъ; а иные столько же въ томъ себя отличили, что лучше знаютъ, какъ одѣться по послѣдней модѣ и сообразно годовому времени, нежели отправлять понадлежащему свою должность и вертишь судебныя дѣла. Статскій человѣкъ столько же можетъ имѣть тогда славы, сколько и военный, когда онъ, сообразивъ всѣ послѣдствія и проникнувъ въ существо дѣла, разрушаетъ всѣ хитросплетенія гнусной лжи, покрывавшей мракомъ цѣлый вѣкъ, или, и болѣе, истину, которой опредѣленіемъ своимъ доставитъ принадлежащую ей справедливость. Чтожъ принадлежитъ до обогащенія его, то онъ имѣетъ еще то преимущество, что, не отлучаясь за нѣсколько сотъ или тысячъ верстъ, и не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, и продаетъ его, сообразуясь съ стеченіемъ обстоятельствъ

и случая, смотря притомъ на количество приращенія своего богатства. Если вы противъ этого скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мѣрѣ должны въ томъ признаться, что въ свѣтѣ введенныя обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы. Сказанныя же мною выгоды статскаго человѣка издавна между людьми вошли въ обычай, и теперь онѣ столько же употребительны, сколько и извинительны, сколько простительно придворному не платить своихъ долговъ, а купцу имѣть окороченный аршинъ и невѣрные вѣсы, или сколько сему послѣднему позволительно, обогативъ себя чужими деньгами и надававъ въ пріятельскія руки пустыхъ на себя векселей, избавиться тѣмъ отъ платежа истинныхъ своихъ долговъ. И-такъ, видишь ли, другъ мой, продолжалъ онъ, оборотясь къ хозяину, что я не солгалъ; и ты весьма несправедливо сдѣлаешь, если предпочтешь какое-нибудь состояніе статскому, въ которомъ онъ можетъ быть столько же знатенъ и блистателенъ, сколько и придворный, столько же можетъ обогатить себя всѣмъ, что̀ ни увидитъ, сколько и воинъ, и съ такою же способностію можетъ торговать, какъ и купецъ. Не отлагай же долѣе, отдай его въ мой приказъ, и будь увѣренъ, что я выведу его въ люди. Не думай, чтобъ я это обѣщалъ изъ одной только учтивости, нѣтъ; мнѣ ничего не стоитъ доставить ему чинъ, чему явнымъ доказательствомъ мой дворецкой, котораго, за усердную его ко мнѣ службу, сдѣлалъ я секретаремъ. И-такъ, когда я дворецкому доставилъ такое счастіе, то будь увѣренъ, что тебѣ, какъ моему другу, могу болѣе услужить; нужно только потерять тебѣ нѣсколько тысячъ при его производствѣ, — такъ и дѣло съ концемъ. Но повѣрь мнѣ, что сынъ твой современемъ, когда будетъ на судейскомъ стулѣ, всѣ издержки возвратитъ тебѣ всотеро.

— Что до меня касается, сказалъ *Трудолюбовъ*, то я, вмѣсто того, чтобы защищать выгоды своего званія въ моемъ отечествѣ, при первомъ же случаѣ постараюсь отъ него удалиться и возвратиться въ Англію, гдѣ знаютъ лучше цѣну моего художества, и гдѣ за него получалъ я во сто разъ больше, нежели здѣсь, хотя я не примѣчаю никакой разности въ моемъ искусствѣ; а это меня столько опечалило, что, не размышляя ни мало, я предался пьянству. Знаю, что разумному человѣку это непростительно; но что уже дѣлать, когда о томъ я, скоро думавъ, сдѣлался теперь совершеннымъ пьяницею. Извѣстно, что скорость не одному мнѣ, но многимъ причинила пагубу. И-такъ, любезный *Плуторъзъ*, если ты хочешь сына своего сдѣлать счастливымъ какимъ-нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе краи, или не вели ему ни за что приниматься, потому-что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за моря. Я могу сказать, что мое искусство всегда почиталось изъ первыхъ, и въ Англіи отъ него многіе обогащаются. Я самъ современемъ, можетъ быть, былъ бы изъ первыхъ тамъ богачей, еслибъ не принужденъ былъ сюда выѣхать. — «Нѣтъ, милостивые государи, сказалъ хозяинъ, я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, хотя я и не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ.»

Я увидѣлъ, любезный *Маликульмулькъ*, что онъ говоритъ правду; потому-что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ, какъ маленькой царёкъ. Придворные, ученые и художники, ежедневно ищутъ въ немъ благопріятства; первые просятъ у него въ прозѣ въ долгъ денегъ, вторые ищутъ награжденія за подносимые стихи, а

третьи ожидаютъ, чтобъ онъ употребилъ ихъ къ своимъ услугамъ. И-такъ, придворнымъ даетъ онъ по тщеславію, ученымъ по великодушію, хотя, впрочемъ, никогда не читаетъ ихъ стиховъ; а третьимъ, льстя пустою надеждою, отказываетъ, сохраняя тѣмъ домашнюю свою экономію.

VI.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Получивъ вновь повелѣніе отъ *Прозерпины,* чтобъ, при исканіи модныхъ искусниковъ, постарался я какъ можно скорѣе доставить ей разныхъ модныхъ уборовъ, сколько ни было мнѣ досадно такое подтвердительное повелѣніе, напоминающее мнѣ о невозможности возвратиться скоро въ адъ, однакожъ я долженъ непремѣнно выполнить волю своей богини. Для этого выбора вошелъ я въ лавку къ одной Француженкѣ, торгующей модными уборами, сдѣлавшись невидимымъ, нарочно для того, чтобъ, безъ всякаго обмана узнать, которые уборы были больше въ модѣ. Въ то время въ лавкѣ случилось множество щеголихъ, выбиравшихъ для себя разные уборы. Сначала я очень обрадовался такому случаю, надѣясь отъ нихъ узнать цѣну и достоинства уборовъ, и которые изъ нихъ были больше въ модѣ и одинъ передъ другимъ предпочтительнѣе; однако жъ никакъ не могъ удовольствовать своего любопытства, потому–что всѣ онѣ были разныхъ мнѣній: одна изъ нихъ больше хвалила *токи,* другая *чепчики,* иная *шляпки,* иная *тюрбаны,* а иная *каски,* такъ–что на выборы ихъ я никакъ не могъ положиться, и крикомъ своимъ чуть–было онѣ меня

не оглушили. Наконецъ, купивъ каждая, что ей было надобно, вышли онѣ всѣ изъ лавки; модная торговка также ушла въ другую комнату. Оставшись одинъ, я размышлялъ: какой бы найти способъ, чтобъ, не обманувшись, узнать, которые уборы предпочтительнѣе другихъ, и въ какое время съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть употребляемы, какъ вдругъ услышалъ, что въ шкапу самые эти модные уборы начали между собою разговаривать; а тебѣ извѣстно, почтенный *Малькульмулькъ*, что мы имѣемъ способность слышать и разумѣть разговоры всѣхъ, даже и неодушевленныхъ вещей. Они спорили между собою о преимуществѣ ихъ другъ передъ другомъ. Разговоры эти показались мнѣ очень забавными; я слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ и почитаю за долгъ ихъ тебѣ сообщить.

Англійская Шляпка.

Можетъ ли какой уборъ быть лучше меня, и естьли что̀ нибудь на свѣтѣ прекраснѣе Англійскихъ модъ?

Французскій Токъ.

Куда какъ ты забавна съ твоею Англіею! Повѣрь мнѣ, моя голубушка, что хотя Англичане и берутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество передъ Французами, однако жъ то, конечно, не со стороны уборовъ и хитрыхъ выдумокъ щегольскихъ модъ.

Покоевый Чепчикъ.

О чемъ вы, друзья мои, спорите? Повѣрьте мнѣ, что между нами нѣтъ никакого различія, и мы другъ передъ другомъ не можемъ имѣть ни малаго преимущества, потому-что, ежели какой головной уборъ къ лицу одной женщинѣ, то къ другой онъ совсѣмъ не бываетъ приличенъ; все зависитъ отъ расположенія лица, какимъ образомъ уборъ бываетъ надѣтъ, и отъ глазъ любовниковъ; ибо женщины желаютъ только

нравиться своимъ любовникамъ и во всемъ полагаются на ихъ вкусъ.

Англійская Шляпка.

Въ этомъ-то ты больше всего обманываешься. Любовникамъ не нужны излишніе уборы, а имъ нужна горячность сердца; объ уборахъ судитъ только публика; нѣжность же модной щеголихи не имѣетъ въ нихъ ни малаго участія, а дѣйствуетъ одно только самолюбіе и тщеславіе: они-то больше всего ею обладаютъ и располагаютъ ея вкусомъ. Для нея лестнѣе привлекать на себя вниманіе многочисленнаго собранія, нежели нравиться одному воздыхателю, и главная цѣль ея нарядовъ состоитъ въ томъ, что она желаетъ нравиться многимъ, а не одному. Это только одно всѣхъ женщинъ побуждаетъ къ нарядамъ, и онѣ очень мало заботятся о томъ, что скажетъ имъ любовникъ о ихъ уборахъ; имъ нѣтъ никакой нужды въ излишнихъ украшеніяхъ для препровожденія пріятнѣйшихъ минутъ съ любимымъ человѣкомъ, а напротивъ того, въ любовномъ свиданіи лучшимъ украшеніемъ почитаются природныя прелести, безъ всякаго искусства въ уборахъ; тутъ наряды дѣлаютъ только излишнее безпокойство и помѣшательство.

Покоевый Чепчикъ.

Однако жъ со всѣмъ тѣмъ, госпожа *Шляпа*, ты должна признаться, что нѣкоторыя женщины, надѣвъ на себя или шляпу, или другой какой головной уборъ, кажутся другимъ чрезвычайно смѣшными, и очень часто тотъ самой ихъ уборъ дѣлаетъ ихъ дурными, и для того-то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалась избирать такіе уборы, которые были бы ей къ лицу, а не такіе, которые больше въ модѣ, въ чемъ просила бы совѣта у искренней своей пріятель-

ницы, или бы слѣдовала вкусу модныхъ торговокъ, доставляющихъ имъ эти уборы.

Англійская Шляпка.

Можно ли положиться на вкусъ модной торговки? Она всегда больше выхваляетъ тѣ уборы, которые хочетъ скорѣе сбыть съ рукъ. Она, безъ всякаго сомнѣнія, каждой женщинѣ будетъ говорить, что этотъ уборъ къ ней ужасть какъ присталъ, хотя бы въ немъ казалась она совершеннымъ страшилищемъ.

Покоевый Чепчикъ.

Ну, такъ пусть она полагается на вкусъ своего хорошаго друга, то есть, обладателя ея сердца.

Англійская Шляпка.

Вотъ то-то хорошо! Обладатель сердца способенъ ли въ уборахъ подавать совѣты, когда всегда судитъ онъ объ этомъ пристрастно, наблюдая собственную свою пользу. Ежели онъ къ любовницѣ своей ревнуетъ, то, конечно, не присовѣтуетъ ей надѣть такой уборъ, отъ котораго бы она казалась прелестнѣе, боясь, чтобъ она не понравилась многимъ мужчинамъ и не привлекла бы на себя ихъ взоры.

Покоевый Чепчикъ.

А всего лучше, если она будетъ совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ.

Англійская Шляпка.

Вотъ другая глупость: совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ! Какъ это забавно! совѣтоваться съ зеркаломъ! то-то изрядной совѣтникъ! Есть ли хотя одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не увѣряло, что она довольно хороша?

Покоевый Чепчикъ.

О! постой, чтожъ бы ты сказала, когда бы она потребовала совѣтовъ у своихъ горничныхъ дѣвокъ, не-

престанно ее окружающихъ, такъ, какъ то дѣлаютъ многія здѣшнія щеголихи?

Англійская Шляпка.

Да, это прекрасная выдумка! Слѣдуя такимъ совѣтамъ, она можетъ надѣяться хорошихъ успѣховъ въ своихъ нарядахъ, чтобъ сдѣлаться или совсѣмъ гадкою, или не столь пригожею. Сколько разъ случалось мнѣ слышать, что женщина говорила другой женщинѣ: *Ахъ! какъ это къ тебѣ пристало! ужасть! ужасть, жизнь моя! Гдѣ ты купила этотъ чепчикъ? Ахъ! какъ онъ прекрасенъ* и проч., а въ самое то время внутренно радовалась, что тотъ уборъ, въ противность ея похваламъ, былъ совсѣмъ не къ лицу.

Покоевый Чепчикъ.

Ну, такъ пусть дѣлаетъ она, что хочетъ.

Французскій Токъ.

Ты очень хорошо судишь, будучи по справедливости названъ покоевымъ чепчикомъ! Ну, можно ли тебѣ вмѣшиваться въ наши разговоры? Какъ тебѣ съ нами равняться? Мы, по крайней мѣрѣ, бываемъ на позорищахъ, являемся при дворѣ и торжествуемъ на балахъ. Мы можемъ себя почитать лучшимъ украшеніемъ для всѣхъ щегольскихъ нарядовъ; но ты, бѣднякъ! ты ни къ какому платью не годишься, кромѣ какъ къ утреннему *дезабилье;* съ тобою только можно показаться при уединенномъ завтракѣ. Тебя надѣваютъ безъ всякой осторожности, такъ, какъ накидываютъ на шею платокъ, ни мало не примѣчая, какимъ образомъ ты надѣтъ бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы совсѣмъ непричесанные, почему никакъ не можешь равняться съ щегольскими уборами, и не иначе можешь почитаться, какъ спальнымъ чепчикомъ. И-такъ, пожалуй скажи, имѣешь ли ты право вмѣшиваться въ наши разговоры?

Покоевый Чепчикъ.

Я тебѣ прощаю, почтенный Токъ, въ твоихъ грубыхъ и язвительныхъ противъ меня словахъ. Но ежели, потвоему, я ни въ чемъ не могу равняться съ вашими достоинствами, то для чего же меня положили въ одинъ съ вами шкапъ?

Французскій Токъ.

Вѣдь надобно же тебя куда-нибудь положить. Но находясь въ нашемъ почтенномъ сообществѣ, ты долженъ себя помнить и передъ нами молчать.

Покоевый Чепчикъ *(съ лукавою усмѣшкою)*.

И-такъ я замолчу; ибо, ежели бы я захотѣлъ сдѣлаться нескромнымъ, то могъ бы насказать множество любопытныхъ случаевъ, которымъ очень часто бывалъ я очевиднымъ свидѣтелемъ, и которыми вы ни какъ похвалиться не можете; вы, конечно, позавидовали бы моему счастію. Разумѣешь ли ты меня, гордый Токъ? дерзкій Токъ! грубый Токъ? неловкій Токъ!... Да знаешь ли ты, что покоевый чепчикъ бываетъ свидѣтелемъ многихъ пріятнѣйшихъ приключеній, которыхъ тебѣ никогда видѣть не удастся. Въ любовныхъ уединенныхъ свиданіяхъ не почитаютъ за нужное имѣть на головѣ своей такой щегольской уборъ, каковъ ты, господинъ Токъ. Тогда почитаютъ тебя самымъ неловкимъ и скучнымъ украшеніемъ, и, изъ уваженія къ тебѣ, не дерзаютъ предаваться пріятнымъ и нѣжнымъ любовнымъ восторгамъ, чтобъ не измять твоихъ пышныхъ кружевъ и лентъ; а потому ты присутствуешь только при скучныхъ и безмолвныхъ свиданіяхъ, въ которыхъ соблюдается превеликая благопристойность. Такія тягостныя церемоніи охлаждаютъ чувства и удаляютъ сладостное восхищеніе любви. Но покоевый чепчикъ! ха, ха, ха! покоевый чепчикъ, любезный мой Токъ, нарочно сдѣланъ для любовныхъ

утѣхъ, и ни мало не препятствуетъ свободнѣйшему между любовниками обращенію. Ежели когда онъ безпокоитъ, то снимаютъ его безопасно и кладутъ на уборный столикъ, а послѣ опять надѣваютъ на себя безъ всякой осторожности.

Блондовая Косынка.

(*Во время этихъ разговоровъ спитъ и храпитъ*: хрръ, хрръ, хрръ.)

Англійская Шляпка.

Вотъ какъ спокойно почиваетъ наша любезная сосѣдка; желала бы я и ее вмѣшать въ наши разговоры. (*Будитъ ее.*)

Косынка.

Охъ!... Кто это?... Кто это мѣшаетъ мнѣ спа...а...а... (*зѣваетъ*)... а...ать? Я такъ спокойно спала, а эти глупцы мнѣ помѣшали; правду говорятъ, что.....

Англійская Шляпка.

Ты очень неучтива, что спишь въ такое время, когда мы разговариваемъ о такихъ важныхъ предметахъ.

Косынка.

Ну что такое, о чемъ вы говорите, посмотримъ.....

Англійская Шляпка.

Мы споримъ о нашемъ другъ передъ другомъ преимуществѣ... И каждый изъ насъ доказываетъ свои права...

Косынка (*сонымъ голосомъ.*)

Да, это очень хорошо; напримѣръ: говорить о правахъ и преимуществахъ тогда, когда я здѣсь... Это было еще ваше счастіе, что я спала.

Англійская Шляпка, Токъ и Покоевый Чепчикъ

(*всѣ вдругъ вскричали съ сердцемъ.*)

Какъ, что такое она хочетъ сказать?

Косынка (*съ насмѣшкою.*)

Да, это не трудно угадать... Кто изъ васъ можетъ

имѣть право при мнѣ превозноситься своимъ достоинствомъ? Вы прикрываете только головы и волосы; но я! какія прелести собою охраняю! Развѣ я не бываю покровомъ тѣмъ прелестнымъ грудямъ, которыя почитаются гораздо превосходнѣе тѣхъ мѣстъ, которыя вы собою украшаете.

Покоевый Чепчикъ.

О! пожалуй столько не говори, любезная моя пріятельница, и не наговори уже слишкомъ много. Что такое прелести, о которыхъ ты намъ съ такимъ восхищеніемъ выражаешь?... Тебя покупаютъ только на то, чтобъ ты пышностію своею дѣлала пустой обманъ, а не для прикрытія прелестныхъ грудей... Повѣрь, что мнѣ все это довольно извѣстно...

Косынка *(захохотавъ.)*

Я, сударь, о! я вамъ божусь, что никакого обмана не дѣлаю; а груди, прикрываемыя мною, въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми я ихъ представляю.....

Шляпка, Покоевый Чепчикъ и Токъ.

(всѣ въ одинъ голосъ.)

О! ты совершенная обманщица, госпожа Косынка; тебя по справедливости такъ называть должно.

Косынка *(взявъ на себя важный видъ.)*

Ну, ну, перестанемъ горячиться; не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться... Вы чувствуете сами, что... когда я говорю... что я не дѣлаю никакого обмана,... то это только такъ говорится;... а въ самомъ дѣлѣ, я хотѣла сказать,... что не дѣлаю почти никакого обмана.... Однако жъ по крайней мѣрѣ, вы можете признаться, что я болѣе васъ приношу пользы. Вы всѣ, головные уборы, ни къ чему больше не служите, какъ только для одного украшенія, и не охраняете ни отъ дождя,... ни отъ вѣтра,... ни отъ холоднаго воздуха.... Но я охраняю

прекрасную грудь отъ простуды; а что еще и того лучше, отъ дерзкихъ взоровъ нескромнаго мужчины... И-такъ, я бываю защитницею стыда и цѣломудрія и орудіемъ благопристойности.

Покоевый Чепчикъ.

Не вѣрьте ей, не вѣрьте, она лжетъ! Вотъ какою дѣлается она набожною! Вотъ какая притворщица!... А я со сто разъ видалъ совсѣмъ тому противное, что̀ она изволитъ разсказывать.

Косынка *(съ досадою.)*

Какъ, ты смѣешь сказать!... Ахъ какое поношеніе!... Какъ! я не бываю покровомъ благопристойности?

Покоевый Чепчикъ *(съ насмѣшкою.)*

Такъ, моя голубушка, такъ; тебѣ, конечно, надлежало бы это дѣлать; но сколько разъ видалъ я, что ты совсѣмъ не исполняешь этой должности! Вѣдь кто имѣетъ глаза, тотъ ясно видитъ, что ты...

Косынка.

Ну, посмотримъ же, господинъ прозорливецъ, что такое ты видѣлъ?

Покоевый Чепчикъ *(понизивъ голосъ.)*

Не видывалъ ли я множество разъ, что ты открывала свободной путь дерзновенной рукѣ.... которая тихо проходила промежду твоими складками, и ты то ей позволяла... Ты, какъ казалось, безъ всякой упорности допускала откалывать булавку, которою ты была приколота... и утѣшалась смущеніемъ и стыдливостію той красавицы, на которой ты надѣта, и которую при тебѣ такъ нагло оскорбляли... По тому малому твоему сопротивленію можно видѣть, что ты сама соучаствовала въ томъ маломъ почтеніи, которое тогда было ей оказываемо. И-такъ, скажи теперь, хитрая обманщица, когда пригожая женщина надѣваетъ тебя на свою грудь, не говоритъ ли она тебѣ: *я надѣваю*

тебя для того, чтобъ ты охраняла меня отъ стужи и отъ дерзкихъ покушеній воздыхателя?

Косынка.

Право, ни одна женщина никогда мнѣ этого не говаривала.

Покоевый Чепчикъ.

Однакожъ, безъ всякаго сомнѣнія, каждая красавица съ такимъ намѣреніемъ тебя на себя надѣваетъ.

Косынка.

Пусть такъ; но я за то не берусь, чтобъ я одна могла воспротивиться противъ двухъ рукъ, изъ которыхъ каждая во сто разъ сильнѣе меня. Ежели сама красавица не захочетъ сдѣлать мнѣ ни малой помощи, то какъ можно требовать отъ меня, чтобъ я одна устояла противъ сильнаго приступа? При такомъ случаѣ сердятся, ворчатъ, краснѣютъ, усмѣхаются, притворяются, будто досадуютъ, будто хотятъ кричать, и думаютъ, что тѣмъ подаютъ мнѣ великую помощь! А я, какъ вы сами можете посудить, лучше соглашаюсь тогда совсѣмъ оставить мое упорство, нежели довести себя до того, чтобъ меня разодрали, чтобъ сорвали меня съ груди и изорвали бы въ клочки. Вамъ легко говорить, друзья мои; но еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то повѣрили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни; а вамъ извѣстно, что всякому своя жизнь всего дороже на свѣтѣ.

Разговоръ этотъ прервался наконецъ пріѣздомъ многихъ щеголихъ, которыя закупили всѣхъ спорщиковъ и спорщицъ вмѣстѣ.. Графиня купила токъ, княгиня Англійскую шляпку, безъимянная и вертопрашная кокетка подцѣпила покоевый чепчикъ, а актриса взяла косынку, которая, повидимому, пойдетъ вмѣстѣ съ нею на театръ играть ролю. Бѣдные уборы, видя столь близкую разлуку и не имѣя надежды когда-нибудь

увидѣться, прощались съ такою нѣжностію и ласкою, какихъ никогда не оказываютъ между собою тѣ, кому они достались. По выходѣ изъ лавки пріѣзжихъ щеголихъ съ ихъ покупкою, вышелъ и я, надѣясь впредь найти какой-нибудь способъ, узнавъ совершенно достоинство и преимущество уборовъ, сдѣлать доставленіемъ ихъ угодность *Прозерпинѣ*.

Желалъ бы я, любезный *Маликульмулькъ*, какъ можно скорѣе исполнить препорученныя мнѣ дѣла, и, не занимаясь больше разными пустяками, возвратиться въ адъ; однакожъ видно, что мнѣ здѣсь довольно еще будетъ дѣла.

VII.

ОТЪ ГНОМА БУРИСТОНА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Недавно прогуливаясь по городу, увидѣлъ я домъ, у котораго тѣснилась толпа народу; я вошелъ въ сѣни чтобъ спросить, что это значитъ? какъ взялъ меня за руку молодой человѣкъ.

«Государь мой! сказалъ онъ, еще очень рано, не угодно ли вмѣстѣ со мною прогуляться, и я вамъ послѣ въ этомъ домѣ покажу вещи, подлинно достойныя удивленія.»

Радуясь товариществу, вышелъ я съ нимъ изъ сѣней и пошелъ по вымощенной краснымъ мраморомъ улицѣ. Какъ я былъ въ самомъ простомъ платьѣ и не столько долженъ былъ отвѣчать на поклоны, то потому, безъ всякаго помѣшательства, могъ имѣть съ товарищемъ моимъ слѣдующій разговоръ:

«Признаться, что въ большомъ свѣтѣ очень тѣсно жить безъ денегъ, сказалъ я, соблюдая имя бѣдняка;

а еще несноснѣе видѣть, что люди недостойные пользуются богатствомъ; а мы, которые чувствуемъ, что могли бы принести пользу государству, совсѣмъ позабыты, что существуемъ на свѣтѣ.

— Это правда, сударь, отвѣчалъ онъ, что хотя куча бѣдняковъ больше нежели богатыхъ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ ихъ не примѣчаютъ. По крайней мѣрѣ, намъ служитъ одно то утѣшеніемъ, что мы не первые на это жалуемся. Впрочемъ, видя по лицу вашему въ васъ честность и имѣя способы вамъ помочь, я долгомъ почитаю этимъ служить вамъ. — «Послушай, другъ мой, сказалъ онъ, вдругъ перемѣня голосъ, ты кажешься мнѣ такъ бѣденъ, что съ трудомъ можешь себя поправить. Правда, хотя на нашемъ островѣ можно надѣяться на хитрость, но состояніе твое такъ мало, что тебѣ нельзя сдѣлать никакого плутовства, не бывъ за то повѣшену или высѣчену розгами. Хочешь ли ты, чтобъ я далъ тебѣ хлѣбъ? Вступи въ нашу шайку; я въ ней старшиною и обѣщаю тебѣ мое покровительство.

Я. А какая это шайка? не одна ли изъ тѣхъ, которыя, какъ сказывали мнѣ, состоятъ изъ ярмарочныхъ врачей, бродящихъ, безъ всякаго знанія, съ своими пузырьками, порошками и пластырями, которыми, какъ язвой, переводятъ они большую половину вашихъ добродушныхъ земляковъ?

Онъ. Нѣтъ, они теперь не бродятъ шайками, а живутъ на нашемъ коштѣ, на одномъ мѣстѣ, и дожидаютъ въ своихъ домахъ охотниковъ отправиться на тотъ свѣтъ.

Я. Такъ не изъ тѣхъ ли она состоитъ *Еѳупоповъ* *,

* Еѳупопы, народы, живущіе на этомъ островѣ, подъ самымъ экваторомъ; они такъ же черны, какъ Арабы, съ тою разностію, что у нихъ, отъ обжорства, гнилые зубы и толстое брюхо.

которые, ходя по селамъ и по городамъ, сказываютъ сказки и берутъ за то дорогую цѣну; которые одни имѣютъ хитрость вдругъ и брать милостыню, и налагать подати, и продавать какія-то моральныя лекарства отъ физическихъ болѣзней, за которыя имъ платятъ очень много, хотя никто отъ нихъ не вылечивается.

Онъ. Нѣтъ, и они уже теперь не ходятъ шайками, а на нашъ счетъ построили школы, и всякой городъ ставитъ себѣ за честь содержать по нѣскольку сотъ такихъ *Евпропаловъ*. Правда, имъ скучно было привыкнуть къ такой жизни, но за то пріумноженіе ихъ доходовъ ихъ утѣшаетъ. Они и теперь продаютъ неизлечающія лекарства, налагаютъ подати, берутъ милостыню, получаютъ отъ насъ жалованье и торгуютъ очень прибыльно жизненными каплями, обнадеживая, что кто ихъ принимаетъ, будетъ жить 3000 лѣтъ. Но оставимъ ихъ. Я предлагаю тебѣ вступить въ нашу шайку, которая сегодня будетъ играть въ этомъ домѣ, то есть, чтобъ ты сдѣлался комедіянтомъ.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, до какой степени простирается самолюбіе самыхъ послѣднихъ званій; а для того хотѣлъ я нѣсколько унизить званіе комедіянтовъ и послушать, каково оно будетъ защищаемо своимъ членомъ. Какъ, сударь! сказалъ я, вы совѣтуете, чтобъ я вступилъ въ столь презрѣнный и низкій промыселъ!

Онъ. Потише, государь мой! вы живете въ обществѣ, а не знаете учтивости, которая употребляется на нашемъ островѣ, и при мнѣ называете низкимъ ремесло, въ которомъ я нахожусь; но я не сержусь никогда на вспыльчивость молодаго человѣка, и увѣряю васъ, что мое ремесло ничѣмъ не хуже другихъ. Скажите, что вы въ немъ находите дурнаго!

Я. Во-первыхъ, то, что это ремесло всѣми почитается низкимъ.

Онъ. Это одно только предразсужденіе. Приказный человѣкъ ни мало не уважаетъ военнаго состоянія; воинъ бранитъ приказныхъ; купецъ хвалитъ свое званіе, а лекарю нравится свое. Негодный промыселъ есть только тотъ, который приноситъ болѣе вреда нежели пользы; а нашъ приноситъ больше пользы, нежели вреда. И самая низость этого званія полезна для того, что поведеніе комедіянта не берется въ примѣръ, и онъ своею худою жизнію не заражаетъ цѣлаго народа, а добродѣтельною не дѣлаетъ лицемѣровъ, старающихся ему подражать и, подъ видомъ благочестія, производящихъ тысячу разореній. Комедіянтъ не имѣетъ случая сдѣлать несправедливаго суда, угнетать какимъ-нибудь откупомъ цѣлый городъ, проманивать по двадцати лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Вся власть его ограничивается только тѣмъ, что изображаетъ на театрѣ пороки. Онъ можетъ поправить тѣ части злоупотребленія, до которыхъ не достигаютъ законы, и которыя приносятъ государству болѣе вреда и разоренія, нежели самые хищные откупщики.

Я. Это правда; но надобно быть очень тверду, чтобъ сносить презрѣніе.

Онъ. Презрѣніе! его достойны только низкія души, а не низкія званія. Я знаю человѣка и въ моемъ промыслѣ, съ которымъ многіе честные и разумные вельможи ищутъ знакомства; знаю также нѣкоторыхъ знатныхъ, которыми, не смотря на ихъ великолѣпіе, гнушаются и низкіе люди. Но если ты охотникъ до знатности, то я позволю тебѣ на театрѣ играть роли самыхъ знатныхъ людей.

Я. Вы очень унижаете истинную знатность, сравнивая ее съ театральною.

Онъ. Это сравненіе справедливо. Какъ скоро ты на театрѣ играешь знатную роль, тогда всѣ другія лица стараются оказывать тебѣ почтеніе; правда, что за театромъ оно исчезаетъ; но не то ли же самое дѣлается и съ вельможею? Какъ скоро онъ входитъ въ знатность, тогда всякой старается предъ нимъ казаться униженнымъ, всякой оказываетъ ему почтеніе, всѣ его хвалятъ, всѣ ему льстятъ; но лишь только сила его исчезнетъ, тогда всѣ его приближенные снимаютъ передъ нимъ свои маски; имъ кажется онъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и они, оставляя его, идутъ къ другому читать ту же самую роль, которую читали передъ нимъ.

Я. Это правда, что тутъ есть нѣкоторое сходство; но быть народнымъ шутомъ! это очень тягостно.

Онъ. Напротивъ того, это очень весело. Лучше заставлять народъ смѣяться, или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилежанія, а не прописками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести: мы и передъ самими царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однако жъ истину; между-тѣмъ, какъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрывать философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надутыя записки о ихъ побѣдахъ.

Я. Я отдаюсь наконецъ на вашу волю, но только съ тѣмъ, чтобъ играть мнѣ иногда короля, иногда

разнощика, иногда судью, а иногда ветошника: меня очень будутъ забавлять такія перемѣны.

Онъ. Пойдемъ, я согласенъ; и это одна изъ наилучшихъ выгодъ комедіянта. Въ этомъ онъ подражаетъ величайшимъ философамъ; потому-что онъ, послѣ царя съ такимъ же веселіемъ бываетъ разнощикомъ, съ какимъ равнодушіемъ бываетъ царемъ, чего лишены актеры большаго театра, называемаго свѣтомъ.

Новый мой покровитель вывелъ меня въ залу. «Вотъ, друзья мои, вамъ новый товарищъ!» сказалъ онъ нѣсколькимъ, стоявшимъ въ кругу царямъ, царицамъ, скороходамъ и крестьянамъ, которые всѣ вмѣстѣ разсуждали о какомъ-то политическомъ предпріятіи ихъ острова. «Его осанка, продолжалъ онъ, его ростъ и хорошій станъ подаютъ намъ немалую надежду, что онъ будетъ исправный царь.» Послѣ этого короли и лакеи очень пристально стали на меня смотрѣть и что-то шептали между собою, а королевы говорили въ-слухъ, что онѣ ни на какомъ театрѣ лучше меня царя не видывали. Такая похвала заставляла иногда на меня коситься новыхъ моихъ товарищей; но я, мало о томъ заботясь, пошелъ въ амфитеатръ, чтобъ посмотрѣть новую трагедію, которую тогда давали. Множество зрителей ожидали съ нетерпѣніемъ открытія занавѣса, и наконецъ минута эта настала. Трагедія была сочинена по вкусу островитянъ, въ 8-ми дѣйствіяхъ, 12-ти стопными стихами. Дѣйствующія лица были очень порядочно связаны; и какъ я еще нѣсколько помню ея содержаніе, то разскажу тебѣ, почтенный *Маликульмулькъ*, подробнѣе.

Главный герой этой трагедіи былъ нѣкоторый островской *Донъ-Кишотъ*. (Это одинъ изъ Испанскихъ романовъ, стоющій любопытства; я тебѣ его пришлю. Впрочемъ, ты, путешествуя по разнымъ странамъ, можетъ

быть, видалъ многихъ и знатныхъ *Донъ-Кишотовъ)*. Онъ былъ вмѣстѣ: философъ, гордецъ и плакса; актеръ по смыслу словъ очень изрядно поддерживалъ свой характеръ: онъ храбрился въ тюрьмѣ; читалъ на театрѣ разсужденія тогда, когда надобно ему было что-нибудь дѣлать; будучи простолюдиномъ, гордился предъ государемъ, и плакалъ предъ своею любовницею, какъ дитя отъ лозы, когда она дѣлала ему ласки; а чтобъ ему чаще хлопали, то онъ, оборотясь къ зрителямъ, почти при всякомъ стихѣ твердилъ имъ, что онъ ихъ одноземецъ. Островитяне иногда краснѣли, что такой чудакъ родился между ними; однако жъ нерѣдко хлопали ему въ ладоши, чтобъ не заснуть отъ праздности.

Другая, то есть, его любовница, была царская дочь; она была нѣсколько поумнѣе его, но столько хвалила своего любовника, какъ-будто бы желала выйти за него безъ приданаго, хотя и не видно было, подлинно ли имѣла она это намѣреніе, будучи богаче своего жениха.

Третіе лице хотѣло изобразить какого-то злодѣя. Писатель характеръ его заключалъ въ словахъ, а не въ дѣйствіи. Онъ ничего не дѣлалъ, но иногда кричалъ, что онъ всѣхъ перерѣжетъ и передавитъ; а между-тѣмъ, когда онъ спалъ на театрѣ, то его самого удавили въ седьмомъ дѣйствіи, и осьмое доигрывается уже безъ него.

Наконецъ, четвертый, какъ говорятъ, былъ прекрасный характеръ; на немъ основывалась вся трагедія. Сказываютъ, что это былъ предобродѣтельный человѣкъ, и имъ окончалось зрѣлище; но жаль только, что авторъ не выводилъ его на театръ. Можетъ быть, добродѣтельный характеръ былъ для него слишкомъ труденъ.

VIII.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Извини меня, любезный *Маликульмулькъ*, что я давно къ тебѣ не писалъ; это не отъ того, чтобъ мнѣ было нѣчего писать, но я столько занятъ дѣлами и окруженъ столь многими предметами, что, не зная за что приняться, впалъ въ нерѣшимость, и долго бы въ ней пробылъ, если бы мой молодой *Припрыжкинъ* не подалъ мнѣ причины къ размышленію, которое выбило у меня на-время изъ головы всѣ другіе предметы.

«Поздравь меня, любезный другъ, сказалъ мнѣ *Припрыжкинъ*, съ исполненіемъ трехъ главнѣйшихъ моихъ желаній.» — Какъ, вскричалъ я, не ужели ты оставилъ свѣтъ, собралъ хорошую библіотеку и нажилъ себѣ искреннихъ друзей! — «Вотъ какой вздоръ! отвѣчалъ онъ, я никогда этого не желалъ, какъ только одинъ разъ въ жизни, когда, недавно, проигрался и былъ безъ денегъ; о, тогда я былъ великой философъ! Но, любезный другъ, ты знаешь нынѣшній свѣтъ и нашу мягкую философію, которую и у лучшаго нашего философа одинъ рубль испортить въ состояніи. Нѣтъ, у меня есть другія, гораздо основательнѣйшія желанія, которыя Небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный другъ, продолжалъ онъ, обнимая меня, съ тѣмъ, что я сыскалъ цугъ лучшихъ Англійскихъ лошадей, прекрасную танцовщицу и невѣсту; а что еще болѣе, такъ мнѣ обѣщали прислать чрезъ нѣсколько дней маленькаго прекраснаго мопса, — вотъ желанія, которыя давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человѣкъ, когда буду видѣть вокругъ себя столько любезныхъ вещей! я умру отъ восхищенія... — Прекрасный мопсъ!... не-

вѣста!... цугъ лошадей!... танцовщица!... о! я только между ними стану раздѣлять свое сердце! Я принужу ихъ, чтобъ они всѣ равно меня любили... и если не за другихъ, то, конечно, за собачку парирую тебя всѣмъ, что она будетъ меня любить какъ роднаго своего брата.»

Такое прекрасное начало въ первый разъ заставило меня узнать, какимъ образомъ здѣсь женятся, и я захотѣлъ получше развѣдать, что̀ значитъ здѣшняя женитьба.

— Поздравляю тебя, любезный другъ, сказалъ я ему, съ исполненіемъ твоего желанія, а болѣе всего съ невѣстою; я увѣренъ, что ты не ошибся въ твоемъ выборѣ. — «Конечно, сказалъ онъ, лошади самыя лучшія Англійскія!» — Я о твоей невѣстѣ говорю, продолжалъ я; не правда ли, что она разумна? — «Ужъ конечно; говорятъ, что лучше ея со вкусомъ ни кто не одѣвается.» — Безъ сомнѣнія, она добродѣтельна? — «Въ томъ я вѣрю ея матери, которая говоритъ, что дочка ни въ чемъ отъ нея не отстала; а эта барыня можетъ служить примѣромъ добродѣтели... Она вѣчно или перебираетъ свои чотки на молитвѣ, или бьетъ ими своихъ дѣвокъ, остальное же время проводитъ въ набожныхъ разговорахъ наединѣ съ своимъ учителемъ Богословія.» — Я думаю, что она прекрасна?... — «О! что до этого, то я никому, кромѣ своихъ глазъ не повѣрю; но я еще не успѣлъ ее видѣть.» — Какъ! сказалъ я, ты женишься, и не знаешь своей невѣсты!... Да чѣмъ она тебѣ такъ нравится? — «Тридцатью тысячами дохода, отвѣчалъ онъ мнѣ съ восхищеніемъ; не уже ли ты думаешь, что это шутка? Если мнѣ танцовщица будетъ стоить и двадцать тысячъ, то все еще у жены останется десять, къ которымъ приложа мой доходъ, мы можемъ съ нею

жить, дѣлая честь нашему роду... Что же ты смотришь на меня вытаращa глаза? О! какъ можно въ тебѣ узнать уѣзднаго дворянина? Я вижу, что тебѣ въ диковинку такія свадьбы; а это оттого, что ты еще не знаешь моднаго общежитія. Будь же свидѣтелемъ моей женитьбы и пріучайся къ правиламъ свѣта.» Послѣ этого подхватилъ онъ меня въ свою карету, и мы поѣхали съ нимъ въ ряды для закупки къ свадьбѣ ему уборовъ.

Купцы наперекоръ просили насъ въ свои лавки и кричали, что у нихъ есть самые дорогіе товары; нѣкоторые, правда, говорили, что у нихъ есть лучшіе; но у такихъ простяковъ, какъ я примѣтилъ, покупали очень мало.

«Другъ мой, сказалъ я одному изъ купцовъ, скажи мнѣ, не уже ли здѣсь товары не потому выбираются, что они лучше, а потому, что дороже? То правда, что лучшіе должны быть дороже; но я примѣчаю, что это у васъ рѣдко вмѣстѣ встрѣчается.» — Государь мой! отвѣчалъ мнѣ купецъ, будьте увѣрены, что я имѣю все должное почтеніе къ такимъ господамъ, какъ вы и его сіятельство г. *Припрыжкинъ*, и я бы думалъ обидѣть его милость, если бы показывалъ ему лучшіе товары, а не тѣ, которые дороже; да и онъ, конечно, сочтя меня за невѣжу, пошелъ бы искать товаровъ въ другія лавки. Были, правда, здѣсь варварскія времена, когда у насъ спрашивали лучшаго; но просвѣщеніе перемѣнило такіе грубые нравы, и мы теперь нерѣдко беремъ за серебро обыкновенную цѣну, по 24 коп., и менѣе, за золотникъ; а за такой же золотникъ стали платятъ намъ по 120 рубл. За шелкъ беремъ мы самую умѣренную цѣну, а за связку соломы недавно брали по 400 и по 500 рублей; но, по несчастію, наши барыни не долго пользовались пріят-

ною вольностію, платить за солому дорогую цѣну, и мы принуждены были поровнять ее цѣною не болѣе, какъ съ лучшею золотою парчею. Мы были бы въ отчаяніи, если бы дорогая цѣна стали не утѣшила насъ въ умѣренной прибыли отъ соломы. Вотъ, сударь, продолжалъ онъ, показывая мнѣ стальной Англійскій эфесъ, который стоитъ 110 рублей. — «Я тебѣ сію минуту плачу за него деньги, сказалъ я; но скажи мнѣ, чего онъ въ самой вещи стоитъ?» — Я божусь, говорилъ купецъ, что онъ изъ самой лучшей Англійской стали; желѣза тутъ не болѣе какъ на 9 коп.; работа Англичанамъ, можетъ быть, стоитъ не больше полфунта стерлинговъ или два крона, что на здѣшнія деньги сдѣлаетъ 2 руб. 20 коп. *; 52 руб. 80 коп. мы даемъ имъ прибыли, а достальные 55 руб. я имѣю честь брать съ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ. — «Этого безчеловѣчнѣе ничего быть не можетъ!» вскричалъ я. — Не угодно ли, сударь, говорилъ купецъ, посмотрѣть еще Англійскихъ стальныхъ цѣпочекъ, женскихъ поясныхъ и шляпныхъ пряжекъ и шляпныхъ петель? Будьте увѣрены, что я уступлю вамъ за самую сходную цѣну. — «Что стоитъ эта цѣпочка?» спрашивалъ я, указывая на одну, подлинно изрядно сдѣланную. — Послѣднее слово 230 рублей, отвѣтствовалъ купецъ. Я не говорю о настоящей ея цѣнѣ, продолжалъ онъ, она вамъ извѣстна; но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ вамъ купить такъ хорошо выработанную вещь. —

Чтобы сдержать свое слово, я заплатилъ ему за три золотника стали 230 рубл. «Но скажи мнѣ, говорилъ

* Деньги той земли привелъ я на здѣшнія, Русскія, чтобы ихъ названіемъ не открыть такой странной земли; а я за долгъ почитаю умалчивать о народѣ, котораго Гномъ Зоръ въ письмѣ своемъ описываетъ; да и не вѣрю, чтобы могъ гдѣ быть такой безразсудный, которой бы за сталь платилъ въ 60 разъ дороже золота. Впрочемъ, увѣряю читателя, что, въ сравненіи денегъ, ни одною полушкою я не ошибся. Прим. Издателя.

я куплу, не уже ли это не дѣлаетъ вреда государству, и какую можетъ приносить ему пользу?» — Польза очень не мала, сударь, отвѣчалъ купецъ; во-первыхъ, насъ почитаютъ богатыми потому, что мы за бездѣлицы платимъ дорого; вкусъ нашъ въ великой славѣ потому, что такія прекрасныя вещи, нигдѣ такъ не расходятся, какъ здѣсь; наши знатные господа, бывши одѣты съ ногъ до головы въ такія драгоцѣнности, подаютъ великое мнѣніе иностраннымъ о своей знаменитости... Вотъ, сударь, пользы отъ дорогихъ товаровъ! Правда, есть также и вредъ; но онъ почти непримѣтенъ, и объ немъ не для чего думать. Эта бездѣлица, сударь, вся состоитъ только въ томъ, что наши мужики иногда умираютъ съ голоду, и въ городахъ всему необходимому великая дороговизна. — «Ты шутишь, сказалъ я, неужели такія бездѣлицы, каковы Англійскія цѣпочки, пряжки, пуговицы, петли, или такія мелочи, каковы Французскія соломенныя шляпки, блаженной памяти соломенныя накладки, и прочіе подобные симъ вздоры могутъ принести такой вредъ государству? Пожалуй, растолкуй мнѣ это.» — А вотъ, сударь, продолжалъ купецъ, между-тѣмъ, какъ вашъ пріятель покупаетъ у моего сидѣльца нужные для него товары, я вамъ въ короткихъ словахъ объ этомъ разскажу. Напримѣръ: его сіятельство г. *Припрыжкинъ* вздумалъ жениться; ему неотмѣнно надобно къ свадьбѣ множество такихъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4,000 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80,000 рублей. Мужики, получа такое строгое повелѣніе, и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ обыкновенно болѣе можно выработать денегъ; вмѣсто сохи и бо-

роны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками или разнощиками; днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ. Городъ, вмѣсто того, чтобъ получать отъ нихъ хлѣбъ, долженъ бываетъ самъ ихъ кормить и, сверхъ того, еще платить имъ деньги. Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымѣщать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80,000 рублей господину, а на остальные 10,000 рублей, посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго имъ становится мало до будущаго года. И-такъ, города терпятъ недостатокъ, деревни — голодъ, граждане — дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству. —

Между-тѣмъ г. *Припрыжкинъ* кончилъ торгъ съ сидѣльцемъ моего краснобая, и отсчитавъ ему 6000 рубл. за такіе прекрасные товары, радовался, что заплатилъ дороже всѣхъ за свою покупку. Надобно думать, что и невѣста не менѣе дѣлала пріуготовленій.

На другой день послѣ этого, у невѣсты въ домѣ былъ балъ, гдѣ было такое же собраніе, о которомъ я тебя разъ увѣдомлялъ, съ тою только разницею, что тутъ были безъ масокъ и не платили денегъ. Невѣста и женихъ, въ первый разъ увидѣвшись, чрезъ десять минутъ сдѣлались такъ коротки, какъ-будто были уже десять лѣтъ обвѣнчаны. Ему позволяли нѣкоторыя вольности жениха; но я примѣтилъ, что не одинъ онъ пользовался такимъ правомъ. *Неотказа*

(такъ называлась молодая невѣста) была такъ благосклонна ко всѣмъ мужчинамъ, что казалось, будто она за всѣхъ за нихъ выходитъ за-мужъ. Съ своей стороны, и *Припрыжкинъ* ей не уступалъ: онъ всякую женщину почиталъ своею невѣстою, и всякая женщина была такъ къ нему снисходительна, что почитала его своимъ женихомъ, или еще и болѣе. Я примѣтилъ, между прочимъ, что мать невѣстина, женщина набожная, очень долго разговаривала у окна съ будущимъ своимъ зятемъ, съ весьма важнымъ видомъ. — Вотъ женщина умная! сказалъ я самъ въ себѣ; она, конечно, даетъ ему наставленіе въ добродѣтели и въ будущемъ хозяйствѣ; — но ты узнаешь скоро, любезный *Маликульмулькъ*, какую причину имѣлъ я пѣнять себѣ въ безвременно сдѣланной похвалѣ этой старушкѣ.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мнѣ хорошенько разспросить про здѣшнюю женитьбу, и для того зачалъ я разговоръ съ однимъ, повидимому, постояннымъ и скромнымъ гостемъ. Слова наши были напередъ о мелочныхъ вещахъ, какъ-то, о погодѣ (здѣсь очень часто начинаются преважные разговоры вопросомъ: какая на дворѣ погода? или которой бы вы думали часъ?), наконецъ я довелъ разговоръ до женитьбы.

«Признаюсь, сударь, говорилъ я ему, что я очень радуюсь счастію моего пріятеля *Припрыжкина*. Женитьба есть такое утѣшеніе въ жизни, что она отъемлетъ у человѣка половину горестей. Какъ весело раздѣлять время съ прекрасною и добродѣтельною женою, которой нравы во всемъ согласны съ мужниными! Хорошая женщина — любезный товарищъ въ уединеніи, и наставленія разумной красавицы скорѣе могутъ исправить, нежели десять скучныхъ поученій какого-нибудь грубаго старика; а основательному, но негибкому разуму мужчины, не худо имѣть себѣ въ общежи-

тіи совѣтникомъ проницательный женскій разумъ; и самые упреки изъ устъ любимой женщины кажутся пріятны.» — Изъ Америки или изъ Сибири изволили вы сюда прибыть? спросилъ меня незнакомый... Я очень любопытно желалъ бы услышать отъ васъ о тамошнихъ дикихъ народахъ. По вашему вопросу мнѣ кажется, что они еще не лишились своей невинности. Видно, что письма о развращеніи ихъ нравовъ, полученныя мною, несправедливы. — «Государь мой, отвѣчалъ я, очень радъ бы удовольствовать ваше любопытство, но признаюсь, что я не былъ такъ далеко отсюда, а пріѣхалъ прямо изъ одной здѣшней провинціи, для покупки модныхъ уборовъ моимъ родственницамъ. Однако жъ, чтобы впредь не быть мнѣ смѣшнымъ такими вопросами, прошу васъ, пожалуйте разскажите мнѣ, какимъ образомъ здѣсь почитается женитьба?» — Очень просто, отвѣчалъ онъ мнѣ, и это въ короткихъ словахъ разсказать вамъ можно. У насъ съ женою такъ же поступаютъ, какъ съ платьемъ: приходятъ въ ветошный рядъ, выбираютъ то, которое побогаче, платятъ за него деньги и относятъ домой; тогда-то уже увидятъ, что платье или не впору, или дурно сшито; и усмотря свою ошибку, вѣшаютъ его въ гардеробъ, на мѣсто его выбираютъ другое, и на него никогда уже не взглядываютъ, а только пишутъ его въ реестрѣ своимъ, хотя нерѣдко камердинеры и знакомые имъ пользуются... Вотъ исторія женитьбы, съ малою однако жъ разницею. Тотъ, кто хочетъ жениться, провѣдываетъ о невѣстахъ; къ нему приходятъ и сказываютъ, что такая-то дѣвушка приноситъ за собою въ приданое 10000 рубл. доходу; часто, не любопытствуя далѣе, онъ посылаетъ къ ея отцу сказать, что онъ, такого-то чина и столькихъ-то душъ владѣтель, хочетъ на ней жениться. Съ обѣихъ сто-

ронъ справляются съ великимъ прилежаніемъ въ истинѣ такихъ увѣдомленій, и потомъ начинаютъ свадьбу. Если же послѣ, какъ то часто случается, ни жена, ни мужъ другъ другу не понравятся, то всякой утѣшаетъ себя, какъ можетъ, и дѣлаютъ добровольно уговоры, чтобъ не вступаться въ нѣкоторыя бездѣлицы, которыя прежде этого мужей и женъ заставляли краснѣть. И такимъ образомъ мужъ, не сходясь съ своею женою нѣсколько лѣтъ, можетъ надѣяться быть не послѣднимъ въ своей фамиліи; а жена имѣетъ удовольствіе приписывать своему мужу всѣ домашнія дѣла, которыми часто вертятъ комнатный служитель и человѣка четыре посторонніхъ. —

— Дѣти, которыя приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются съ равною съ обѣихъ сторонъ прилежностію. Мужъ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его стороны сдѣлано, когда они носятъ его имя; а жена, видя, какъ мало думаетъ о нихъ тотъ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перещеголять его въ нерадѣніи; и такія-то прекрасныя отрасли готовятся современемъ занимать какія-нибудь важныя мѣста въ государствѣ!

Лишь только окончилъ онъ свою рѣчь, какъ *Припрыжкинъ*, подошедши, отвелъ меня къ сторонѣ. «Доволенъ ли ты, любезный другъ, своею будущею тещею?» спросилъ я его. — Можно ли спрашивать меня объ этомъ! сказалъ онъ, когда ты видишь, въ какомъ я смущеніи. Представь, что эта старая хрычовка въ меня влюблена! и какъ видно, что старушка жалуетъ скорыя рѣшенія, то, по ея словамъ, я очень ясно заключаю, что мнѣ не видать ея дочери за собою до того времени, покуда... — «О чемъ же ты думаешь? вскричалъ я; оставь эту старую фурію; не уже ли ты

хочешь быть до такой степени развращенъ?» — Вотъ какое дурачество! сказалъ *Припрыжкинъ*, чтобъ я пожертвовалъ тридцатью тысячами доходу для такой мелочи; будь увѣренъ, что я не столь своенравенъ; и если я теперь въ досадѣ, то это не отъ того, чтобъ я старался презирать мою дорогую тещу.... — «Чтожъ! развѣ ты стращишься, чтобъ не узнали люди о такомъ преступленіи?» — Вздоръ! кому какая нужда до чужихъ дѣлъ? — «Или не хочешь, чтобъ твоя невѣста свѣдала объ этой измѣнѣ?» — Совсѣмъ не то. Хотя невѣсту свою вижу я и въ первый разъ, но какъ у многихъ моихъ пріятелей я видалъ ея портреты, которые, безъ всякаго прекословія, переходили изъ рукъ въ руки и доставались многимъ, то изъ того заключаю, что и подлинникъ не упрямѣе своихъ списковъ; и-такъ, по этому не думаю, чтобъ она на меня слишкомъ осердилась за непостоянство. — «Что же тебя такъ безпокоитъ?» — То, отвѣчалъ съ досадою молодой *Припрыжкинъ*, что я сегодня вечеромъ далъ слово быть у моей прекрасной танцовщицы; а если эта старая хрычовка не отвяжется отъ меня съ своими любовными изъясненіями, то я лишусь пріятнаго удовольствія увидѣться съ театральною нимфою, и принужденъ буду проводить скучные часы съ гадкою старухою. —

По счастію господина *Припрыжкина*, день этотъ кончился безъ дальнихъ для него хлопотъ съ будущею его тещею, потому-что къ вечеру нашелъ онъ отговорку, чтобъ уѣхать для свиданія съ своею танцовщицею, и мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали; меня завезъ онъ въ тотъ домъ, гдѣ я живу, а самъ поскакалъ къ своей сиренѣ.

Прости, любезный *Маликульмулькъ*, я скоро тебя увѣдомлю, чѣмъ кончится такая знатная свадьба, ко-

торую *Припрыжкинъ* торжествуетъ на счетъ своихъ 4000 душъ.

IX.

ОТЪ ГНОМА ВѢСТОДАВА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

У насъ, любезный *Маликульмулькъ*, часъ-отъ-часу дѣлается больше перемѣнъ. *Прозерпинины* поѣздки, думаю, во всемъ адѣ не оставятъ ни одной головни на своемъ мѣстѣ.

Тебѣ уже извѣстенъ несчастный случай съ нашими судьями, что двое изъ нихъ оглохли, а третій сошелъ съ ума. *Плутонъ*, видя, что они неспособны болѣе отправлять прежнюю должность, вздумалъ на-время самъ сѣсть на ихъ мѣсто; но не привыкши къ судебнымъ дѣламъ, онъ часто запутывался въ своихъ резолюціяхъ, и начиналъ бѣлымъ, а оканчивалъ чернымъ, такъ-что адскіе приставы, которые отводятъ души въ назначенныя мѣста, могли переворачивать его слова, какъ хотѣли; отчего у насъ завелись превеликія взятки, и тѣни очень на это жалуются; и адскіе крючкотворцы, когда захотятъ, могутъ, въ силу начала резолюціи, отвести ихъ въ рай, а въ силу окончанія, бросить въ вѣчную муку. Я увѣренъ, что въ нынѣшнее время *Сократъ* и *Діогенъ* не такъ скоро попались бы въ Елисейскія Поля, какъ *Крезъ* и *Дарій*.

Непорядки въ дѣлахъ еще умножаетъ то, что *Плутонъ* сдѣлался нѣсколько лѣнивъ и вдался въ разныя забавы. Между прочимъ, онъ сталъ великимъ охотникомъ до живописи. *Прозерпина*, не знаю съ какимъ намѣреніемъ, старается какъ можно больше отводить его отъ дѣлъ и возбудить въ немъ разныя склонности,

которыя представляли бы его первымъ нерадивцемъ во всемъ адѣ. Нерѣдко, когда сказываютъ ему, что многія тѣни прибыли съ того свѣта и ждутъ его рѣшенiй, и когда уже принимается онъ разбирать ихъ дѣла, тогда *Прозерпина* приказываетъ принести дюжины двѣ бутылокъ лучшихъ винъ, присланныхъ къ ней съ того свѣта. «Вотъ, душа моя! говоритъ она ему, «напитки, которые въ открытомъ свѣтѣ употребляются «всѣми судьями; тамъ часто многіе блюстители право- «судія того мнѣнія, что лучшій способъ рѣшить «премудро самое запутанное дѣло есть тотъ, чтобъ «прежде опорожнить съ полдюжины такихъ бутылокъ. «Это не вино, а премудрость, заключенная въ бутыл- «кахъ; и мнѣ нерѣдко случалось видать секретарей, «идущихъ въ приказы съ такимъ тяжелымъ грузомъ «этой премудрости, что они, не донесши его до при- «каза, сваливались съ ногъ. Но ты, любезный *Плутонъ*, «богъ: тебѣ не можетъ быть вредна премудрость «такъ, какъ человѣку; а изъ нихъ многіе думаютъ, «что для человѣка разумъ вреденъ. И-такъ, ты не «откажешь для меня выпить хотя нѣсколько рюмокъ.» Наконецъ она принуждаетъ его пить за здоровье своихъ братьевъ, а потомъ за здоровье ея, и такимъ образомъ перебираетъ всю свою родню поочереди. Бѣдный *Плутонъ* сколько ни отговаривается, но она говоритъ ему, что въ большомъ свѣтѣ почитается неучтивостью, если кто за здоровье знакомыхъ откажетъ напиться до-пьяна; въ слѣдствіе чего очень часто нашъ богъ, не успѣвая пересчитать рюмками всѣ здоровья, спокойно засыпаетъ ничего не сдѣлавъ, и весь дворъ ставитъ за честь въ томъ ему подражать. Я думаю, любезный *Маликульмулькъ*, что ты этому не такъ станешь дивиться, потому-что свойство придворныхъ тебѣ, какъ жителю свѣта, болѣе извѣстно; но

что принадлежитъ до здѣшнихъ философовъ, которые видятъ это въ первый разъ, то имъ показался нашъ дворъ бѣшенымъ домомъ.

Между-тѣмъ множество приходящихъ тѣней толпятся у двора и ждутъ рѣшенія своей судьбы; но *Плутонъ* откладываетъ, не зная какъ ихъ дѣлать. *Марсъ*, думая подслужиться дядюшкѣ своей любовницы, ежечасно присылаетъ къ намъ новыхъ жителей; однако жъ онъ не знаетъ, что тѣмъ только мѣшаетъ бѣдному *Плутону* въ его забавахъ, который то и дѣло посылаетъ провѣдывать о здоровьѣ больныхъ судей; но *Галенъ*, *Эскулапій* и *Гиппократъ* доносятъ, что никакихъ еще нѣтъ признаковъ къ ихъ выздоровленію. Къ *Буристону* также посланы были приказы, чтобъ онъ старался поскорѣй отыскать трехъ честныхъ и умныхъ судей; но и тотъ покорнѣйше увѣдомляетъ, что всѣ его поиски напрасны, и что онъ скорѣе возьмется сыскать трехъ Фениксовъ, шесть Василисковъ и десять Единороговъ, нежели одного такого судью, каковы были *Миносъ* съ его товарищами; а сверхъ того, онъ доноситъ, что со времени ихъ прибытія въ адъ, на землѣ сдѣлалась великая перемѣна, и разумъ съ честностію въ превеликой ссорѣ, такъ-что теперь въ свѣтѣ можно много сыскать добродушныхъ дураковъ и умныхъ бездѣльниковъ; но добродѣтельные мудрецы очень рѣдки, а особливо на судейскихъ стульяхъ. И самому *Плутону* не хочется, чтобъ въ Елисейскія Поля былъ впущенъ всякой безъ разбору, и чтобъ награжденія раздавались по пропискамъ.

Такимъ-то образомъ желая избѣжать этого, самъ *Плутонъ* занимался разсматриваніемъ дѣлъ, какъ вдругъ вошла къ нему *Прозерпина*.

«Любезный супругъ, сказала она ему, ты уже довольно потрудился и попотѣлъ: оставь, пожалуй, этотъ

скучный стулъ и пойдемъ лучше на мою половину: я даю сегодня столъ, превеликолѣпный концертъ, балъ и послѣ театральное зрѣлище.» — Душа моя, отвѣчалъ, нахмуривъ брови, важный *Плутонъ*, дай мнѣ окончить хотя нѣсколько дѣлъ; ты уже и такъ причиною тому, что я остался безъ помощи и долженъ самъ разсматривать дѣла и самыхъ послѣднихъ негодяевъ. —

«Сказывай, говорилъ онъ потомъ одному Итальянцу: что ты въ свой вѣкъ дѣлалъ?» — Я, ваше адское величество, отвѣчалъ Римлянинъ, сорокъ восемь лѣтъ прыгалъ выше всѣхъ въ Европѣ. Имя мое славно на всѣхъ театрахъ; но дарованія нигдѣ не остаются безъ гоненія: изъ нѣкоторыхъ мѣстъ я былъ вытѣсненъ знатными за то, что получалъ доходу болѣе ихъ; одинъ полководецъ, большой охотникъ до скачковъ, чуть-было не уморилъ меня за то, что я вспрыгнулъ выше его; а нѣкоторый знатный господинъ, котораго сынъ занималъ важное мѣсто въ государствѣ посредствомъ проворства своихъ ногъ, и бывъ первымъ танцовщикомъ, не могъ терпѣть меня за то, что я, показавшись на придворномъ театрѣ, уничтожилъ все вниманіе двора къ ногамъ этого молодаго вельможи, послѣ чего и голова его потеряла всю довѣренность. — «Но дѣлалъ ли ты какія-нибудь добрыя дѣла?» спросилъ у него *Плутонъ*. — Множество, отвѣчалъ тонконогій *Фурбиній*. Я, выуча одного бѣднаго дворянина танцовать, сдѣлалъ тѣмъ его счастіе, и онъ, посредствомъ танцованія, дошелъ наконецъ до великихъ чиновъ. Мужъ нѣкоторой молодой женщины былъ за взятки посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ наказанію, которое бы, конечно, надъ нимъ исполнилось, но я научилъ ее, какимъ образомъ должна она была прійти предъ вельможу: я расписалъ ей всѣ шаги и всѣ по-

клоны, научилъ, какъ ей надобно было плакать и какія пріятности употреблять въ движеніи рукъ, такъ, какъ то часто дѣлаютъ балетныя героини, отчего была она счастлива, половину моимъ, а половину, можетъ быть, и своимъ искусствомъ, и мужа ея оставили, по-прежнему, на судейскомъ стулѣ, гдѣ онъ, подъ покровительствомъ женскихъ балетныхъ ухватокъ, пользовался, какъ могъ, своимъ мѣстомъ. Одна знатная дама выгнала изъ своего дома молодаго любимца; онъ бросился ко мнѣ; я показалъ ему всѣ тонкости моего знанія, и онъ, провѣдавъ, что бывшая его благодѣтельница будетъ на балѣ у одной госпожи, танцовалъ на немъ съ такою пріятностію, что она его съ балу отвезла опять къ себѣ въ своей каретѣ. Я множество дѣлалъ еще добрыхъ дѣлъ; я распространилъ мое искусство и исполнялъ свое званіе съ величайшимъ раченіемъ, въ чемъ свидѣтельствовать можетъ то, что теперь многіе судьи знаютъ лучше танцовать, нежели судить, и многіе молодые воины болѣе имѣютъ духу пропрыгать контртанецъ, или сдѣлать хорошій антрашъ, нежели, оставя балы, итти въ поле шагать подъ военную музыку, которая всегда деретъ нѣжній слухъ хорошаго танцовщика, привыкшаго къ пріятной гармоніи минуетовъ, польскихъ и кадрилей. —

«Бросьте этого развратителя благопристойности и правовъ танцовать подъ музыку *Эвменидъ!* вскричалъ *Плутонъ:* самыя его благодѣянія унижаютъ какъ его самого, такъ и тѣхъ, кому они оказаны; а скачки его свѣту очень мало сдѣлали пользы.» — Помилуй, жизнь моя, сказала *Прозерпина Плутону,* схватя за руку Итальянца, помилуй, ты заставляешь меня краснѣть за себя: ты богъ, а, право, менѣе смыслишь, нежели послѣдній деревенскій мужикъ. Возможно ли такъ мало уважать рѣдкія дарованія этого любезнаго человѣка! Право,

ты очень гадокъ съ твоими глупыми сантансами. Знай, сударь, продолжала она, что теперь весь большой свѣтъ танцуетъ, и что ни какое искусство не почитается столь почтеннымъ, какъ танцовальное: оно приноситъ уваженіе и доставляетъ богатство и чины. Нерѣдко о томъ, кто хорошо прыгаетъ контртанцы, заключаютъ, что онъ можетъ быть искуснымъ воиномъ и даютъ ему полкъ; а самый искусный полководецъ, который не знаетъ танцовать, почитается невѣжею. Какой ты сыщешь дворъ, гдѣ-бъ не было уважено танцованье? а ты, сударь, хочешь подвергнуть наказанію человѣка рѣдкаго въ своемъ родѣ, котораго одна нога стоитъ десяти такихъ головъ, какова твоя. И-такъ, я сказываю тебѣ, что я беру его подъ свое покровительство, дѣлаю его первымъ балетмейстеромъ своего двора, и завтра же ты начнешь учиться у него танцовать. — «Развѣ ты хочешь сдѣлать изъ меня мальчика, богиня? вскричалъ *Плутонъ*. Какъ, мнѣ учиться танцовать! мнѣ быть прыгуномъ! Или ты хочешь меня выгнать отсюда своими попрыгушками?» — Не выгнать, отвѣчала *Прозерпина*, а заставить тебя почувствовать, что танцованье всего почтеннѣе. Я сама, бывши на свѣтѣ, была повседневною свидѣтельницею, что хорошаго танцмейстера лучше принимаютъ, нежели заслуженнаго офицера, и что въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ, вообще, хорошія ноги въ бо́льшомъ уваженіи, нежели хорошія головы. —

Послѣ такого изряднаго объявленія бѣдный *Плутонъ* не зналъ что̀ дѣлать и лишился удовольствія наказать тонконогаго тупеядца, которому препоручила богиня составить свой дворъ. Едва окончился ихъ споръ, какъ предстали предъ *Плутона* доктора и доносили его безсмертію, что адскіе судьи совершенно здоровы: смѣются, ходятъ, пьютъ и ѣдятъ; но что двое изъ

нихъ навсегда оглохли, а третій невозвратно лишился ума; и-такъ, куда приказано будетъ ихъ помѣстить? *Плутона* не мало обезпокоилъ этотъ вопросъ, и онъ не успѣлъ еще сдѣлать рѣшеніе, какъ предсталъ предъ него одинъ духъ, который просилъ его, именемъ судей, чтобы онъ позволилъ имъ попрежнему судить тѣни; что еще въ большее привело замѣшательство бѣднаго *Плутона*, и онъ совсѣмъ не зналъ что дѣлать.

Прозерпина совѣтовала ему, чтобъ, изъ уваженія къ ихъ службѣ, не смотря на то, что они повредились, оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, и что лучше имѣть какихъ-нибудь помощниковъ, нежели самому за всѣ дѣла приниматься. *Плутонъ*, можетъ быть, и самъ бы на это покусился для своей живописи, но онъ боялся *Юпитера*, которому не преминулъ бы *Меркурій* наушничать, по своей склонности. Танцмейстеръ, подъ покровительствомъ *Прозерпины*, подалъ слѣдующій голосъ: «Ваше адское величество, сказалъ онъ, хотя я, живши на свѣтѣ, болѣе прыгалъ, нежели вмѣшивался въ политическія дѣла, но слухъ о многихъ изъ нихъ доходилъ до моихъ ушей, и я нѣсколько успѣлъ узнать политическіе поступки въ такихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что хотя *Миносъ*, *Родомантъ* и *Эакъ* танцовать не умѣютъ, однако я признаюсь, что долговременная ихъ служба достойна уваженія, а всего важнѣе, что между ними есть сынъ *Юпитеровъ*, то, не обидя батюшки, вамъ нельзя отставить сынка отъ мѣста, также, по слабости ихъ, нельзя имъ поручить и отправленіе важныхъ дѣлъ, не подвергнувъ ихъ тѣмъ замѣшательству; почему вамъ остается одинъ способъ, чтобы, оставя при нихъ прежнія ихъ достоинства, не давать имъ власти, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ приставить къ нимъ умнаго секретаря, который бы, вмѣсто ихъ, разсматривалъ дѣла, а они бы под-

писывали то, что онъ имъ скажетъ. Всѣ присутствующіе похвалили его предложеніе, за что отвѣсилъ онъ многимъ по пренизкому поклону *а ла менуетъ*, которые сдѣлали его въ глазахъ женщинъ совершеннымъ умницею.

— Ахъ, какое это сокровище! вскричала *Прозерпина*; если бъ онъ вѣчно рта не отворялъ, то всякой бы его шагъ доказывалъ, что его умнѣе никого нѣтъ на свѣтѣ. — Самъ *Плутонъ* долженъ былъ признаться, что *Фурбинній* превеликій политикъ, и обѣщалъ приказать списать съ него углемъ портретъ для своей галереи.

Но чтобъ довести свое предложеніе до совершенства, *Фурбинній* обѣщался выучить судей танцовать. — Это очень нужно, говорилъ онъ, чтобъ секретари знали бумаги, а судьи бы хорошо танцовали. Въ нашемъ свѣтѣ, продолжалъ онъ, такой судья получаетъ покровительство женщинъ и дѣлаетъ изъ себя важную особу при дворѣ. Онъ видѣнъ на всѣхъ балахъ, во всѣхъ маскарадахъ и во всѣхъ гуляньяхъ; а между тѣмъ гремитъ скорыми рѣшеніями своихъ дѣлъ. Публика дивится его проворству и расторопности; всѣ вычитаютъ время его упражненія и находятъ, что онъ въ сутки не болѣе долженъ спать двухъ часовъ. При дворѣ дѣлаютъ о немъ заключеніе, что это существо произведено цѣлыми вѣками, съ тѣмъ, чтобы служить украшеніемъ двору, дѣлать честь отечеству своими сочиненіями и быть славнѣйшимъ министромъ. Всѣ кричатъ: «Ахъ какъ онъ хорошо танцуетъ! какой онъ умница! какой исправный судья и какой рѣдкой сочинитель!» но отними у этого чуда природы его секретаря и человѣка три ученыхъ, которыхъ труды издаетъ онъ подъ своимъ именемъ, то останется при немъ одно танцованье, которымъ пріобрѣлъ онъ такую довѣренность.

— Чувствуешь ли ты теперь драгоцѣнность этого искусства, сказала *Прозерпина* своему мужу, и не согласишься ли самъ, что непремѣнно надобно изъ Елисейскихъ Полей вытолкать всѣхъ древнихъ мудрецовъ и героевъ, неумѣющихъ танцовать; а на мѣсто ихъ помѣстить туда однихъ танцмейстеровъ? — Она бы еще далѣе продолжала, еслибъ не вбѣжали къ нимъ опрометью наши трое судей.

«Ваше адское величество! сказалъ *Эакъ*, подошедши къ *Плутону:* древность моихъ лѣтъ и долговременность нашей службы не такого достойны награжденія, чтобъ отдать насъ на мученіе тремъ палачамъ, которые едва насъ вновь не уморили своими дьявольскими лекарствами тогда, когда мы не чувствуемъ никакой болѣзни; развѣ смѣются надъ нами, что въ то время, когда болѣе обыкновеннаго приходитъ сюда тѣней и кучами тѣснятся на нашей площади; а что всего достойнѣе уваженія, когда сильнѣйшая охота напала на насъ судить, тогда мы заперты въ какой-то негодный карантинъ и содержимся какъ бѣшеные. Или выпустите насъ вонъ изъ ада, или посадите, попрежнему, на наши стулья.» — Я тысячу разъ виноватъ предъ вами, любезные друзья, отвѣчалъ *Плутонъ;* но мнѣ донесено, что двое изъ васъ оглохли, а ты, *Миносъ*, сошелъ съ ума. — «Какъ, я сошелъ съ ума!» вскричалъ *Миносъ*, который тогда пускалъ на воздухъ водяные пузырьки? «Какая ябеда!... О боги! сдѣлайте, чтобъ всѣ мои «пузырьки посѣли на носъ тому, кто называетъ меня «безумнымъ. Если хотите знать, ваше адское величе«ство, продолжалъ онъ, такъ я никогда такъ уменъ «не былъ, какъ теперь; въ чемъ свидѣтельствуюсь тѣмъ, «что я выбрилъ бороду, ношу Французскіе кафтаны «и сдѣлался любимъ многими женщинами, которыя «прежде терпѣть меня не могли за мою угрюмость...

«Пустите, пустите меня на мой стулъ! вы увидите, «какой новый видъ я дамъ моему суду: всѣ красави- «цы, которыя прежде подвергались здѣсь штрафу за «свои непорядки, и всѣ славнѣйшія *Лаисы* нынѣшняго «свѣта будутъ видѣть здѣсь во мнѣ покровителя, и «всякая хорошая женщина впредь можетъ откупаться «у меня отъ наказанія тѣмъ, чѣмъ въ открытомъ свѣтѣ «у судей часто находятъ онѣ себѣ покровительство; «одни только упрямицы будутъ мною жестоко нака- «заны.»

— Я хочу быть сама сумасшедшею, сказала *Прозерпина,* если онъ сошелъ съ ума. Ты самъ согласишься, жизнь моя! что онъ никогда такъ умно не суживалъ; я до-сихъ-поръ всегда видѣла съ оскорбленіемъ, что здѣсь хорошимъ женщинамъ предъ дурными не дѣлается никакого отличія, и что наши судьи имѣли жестокость равнодушно съ ними обращаться; напротивъ того, въ просвѣщенномъ, открытомъ свѣтѣ, совсѣмъ не то. Тамъ прекрасныя женщины избавлены отъ всякой опасности, и часто выигрываютъ самыя трудныя дѣла. Красота послѣ золота для многихъ судей есть второй камень соблазна... — «А особливо, перехватилъ Итальянецъ, тѣ, которыя знаютъ хорошо танцовать, — очень сильны въ большомъ свѣтѣ; онѣ нерѣдко судами ворочаютъ для того, что ихъ не только простолюдины, но и чиновные боятся.

Плутонъ со всѣми ихъ доказательствами видѣлъ, что доносъ на судей справедливъ; но, уважая жену и ихъ службу, сказалъ, что онъ чрезъ шесть часовъ сдѣлаетъ рѣшительное опредѣленіе. *Прозерпина* и Итальянецъ не мало старались помочь ему своими совѣтами; но примѣтя, что онъ не на шутку занятъ, ушли всѣ на половину богини, чтобы тамъ открыть балъ, къ ко-

торому и трое судей были приглашены; и-такъ оставили спокойно разсуждать одного бога тѣней.

Онъ не долго ломалъ голову, какимъ образомъ поступить въ этомъ обстоятельствѣ, и сдѣлалъ такое дѣло, которое много произвело шуму въ адѣ. Въ шесть минутъ, повелѣніемъ его, поставлены были преогромныя палаты съ надписью: *Чиновная богадѣльня,* въ которыхъ приказалъ онъ поставить стулья для судей, одѣть ихъ какъ куколъ и накласть передъ ними множество игрушекъ. Многія тѣни были уставлены по всѣмъ лѣстницамъ, чтобы клаияться судьямъ, когда они будутъ проходить къ своимъ стульямъ, гдѣ, попрежнему, должны они будутъ судить тѣней; но съ тою разницею, чтобы по ихъ приговорамъ не дѣлать ни одного рѣшенія; а чтобъ не надѣлали они какихъ шалостей, то къ этой *богадѣльнѣ* приставленъ былъ надзиратель съ предлинною палкою, у которой на концѣ навязанъ пучокъ крапивы: ею долженъ онъ ихъ бить по рукамъ, если они примутся не за свое дѣло; а чтобы ихъ болѣе занять, то велѣно имъ наблюдать прибыль и убыль въ *Стиксѣ, Ахеронѣ* и *Кацитѣ,* сочинять о томъ ежедневную записку, дѣлать свои разсужденія и подавать голоса, чтобъ удерживать въ берегахъ ихъ воды, которыя безъ того изъ береговъ никогда не выходили. Имъ растолковано, что отъ нихъ зависитъ спасеніе всего ада, и наши бѣдные судьи безпрестанно ломаютъ голову, чтобъ уменьшить прибыль здѣшнихъ рѣкъ, хотя онѣ никогда не грозятъ наводненіемъ. Эти-то важныя дѣла занимаютъ теперь нашихъ судей, и они наперерывъ стараются подавать голоса и дѣлать примѣчанія. Надзиратель беретъ дѣла ихъ всегда съ уваженіемъ и относитъ къ *Плутону,* который отдаетъ *Прозерпинѣ* на завивныя бумажки.

X.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Свадьба моего дорогаго *Припрыжкина* кончилась; онъ отдѣлился отъ своего отца, сдѣлался самовластнымъ господиномъ шестидесяти тысячъ рублей дохода и носитъ имя мужа первой во всемъ городѣ красавицы. Счастливое состояніе, скажетъ кто-нибудь, имѣть богатство и прекрасную жену! Я и самъ признаюсь, что трудно удержаться, чтобъ этого не подумать, видя такую молодую чету; но ты увидишь, любезный *Маликульмулькъ*, можно ли сказать это, зная ихъ жизнь.

Свадьба продолжалась съ такимъ же великолѣпіемъ, съ какимъ началась. Какъ имя невѣсты и жениха всегда имѣетъ нѣчто привлекательное, и они болѣе другихъ обращаютъ на себя взоры людей, то молодая *Неотказа* ничего не упустила въ нарядахъ и ужимкахъ, чтобъ могло плѣнить свидѣтелей ея свадьбы; равнымъ образомъ и *Припрыжкинъ* не менѣе старался о женщинахъ, и они оба такъ были заняты наукою нравиться, что имъ едва оставалось время взглянуть другъ на друга. Со всѣмъ тѣмъ казалось, что они чрезмѣрно восхищены своимъ счастіемъ и ничего болѣе не желаютъ, какъ той минуты, которая кончитъ ихъ свадьбу. Минута подлинно блаженная, если невѣста и женихъ въ первый еще разъ ее чувствуютъ и ею начинается новый человѣческій вѣкъ; но въ нынѣшнемъ свѣтѣ и въ здѣшней землѣ, любезный *Маликульмулькъ*, рѣдкимъ дѣвушкамъ бракъ кажется новостію: онѣ по большей части такія философки, что во всемъ находятъ скучное повтореніе; и если бываетъ нѣкоторымъ изъ нихъ мило супружество, то, конечно,

не новостію, а развѣ свободою, которую оно съ собою приноситъ.

Между-тѣмъ, какъ всѣ гости утопали въ веселостяхъ, музыка гремѣла, вины заставляли многихъ шататься около буфетовъ; а другіе помогали своею непорядочною скачкою разстроивать веселые танцы молодыхъ госпожъ и господчиковъ, и между тѣмъ, когда казалось, что всякой принималъ участіе въ благополучіи новобрачныхъ, хотя у многихъ карты и вино выбили изъ памяти и жениха и невѣсту, я примѣтилъ, что она ушла въ свою комнату съ одною изъ молодыхъ своихъ знакомокъ.

Желая узнать невѣстино мнѣніе о ея супружествѣ, и заключая, что въ такихъ уединенныхъ разговорахъ не можетъ быть ничего пустаго, скрылся я изъ гостиной комнаты и, сдѣлавшись невидимымъ, вошелъ въ уборную молодой *Неотказы*. Я засталъ ее съ тою же незнакомкою, съ которою она ушла отъ гостей, и онѣ обѣ хохотали, какъ безумныя.

«Признайся, любезная *Безстыда*, говорила своей подругѣ *Неотказа*, что изо всѣхъ мужчинъ трудно сыскать глупѣе моего жениха; вообрази себѣ, какое счастіе, имѣть мужемъ такого фалю, котораго въ день можно по сту разъ обманывать!» — Признаюсь, отвѣчала *Безстыда*, что я завидую твоему счастію; а мнѣ-такъ сватаютъ какого-то урода, котораго я терпѣть не могу; одно только то, что онъ уменъ, — дѣлаетъ мнѣ его несноснымъ. Подумай, жизнь моя! сносенъ ли такой мужъ женщинѣ нынѣшняго свѣта: я умру съ досады, если батюшка и матушка не перемѣнятъ своего слова. — «Да, я совѣтую тебѣ какъ можно отвязаться отъ такого женишка, сказала *Неотказа*; я не одинъ разъ слыхала мнѣніе о замужествѣ моей матушки (ты вѣдь знаешь, что старушка моя не дура);

она говоритъ, что если мужъ и жена умны, то въ домѣ никогда не бывать доброму согласію, потому-что никто изъ нихъ слѣпымъ быть не захочетъ; а когда оба они глупы, то должно ожидать скораго разоренія ихъ дому. Но чтобы составить счастливое семейство, надобно неотмѣнно или дурака женить на умницѣ, или умному брать дуру: тогда-то одна половина можетъ веселиться, а другая, разиня ротъ, будетъ ожидать повелѣній, или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ, какъ ее за носъ водятъ.... И-такъ, по этому правилу, любезная *Безстыда*, безъ хвастовства сказать, ты видишь, что намъ съ тобою умные мужья не подъ пару.» — Этому-то правилу и я бы желала слѣдовать, сказала *Безстыда*; но, къ несчастію, мои старики совсѣмъ не такого мнѣнія о супружествѣ, какъ твоя матушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею строгостію, если бъ добрая моя *мадамъ* не помогала мнѣ ихъ обманывать столько, сколько мнѣ угодно; и я признаюсь, продолжала она, что съ тѣхъ поръ, какъ *Французы* взяли подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка подъ присмотромъ искусной *Француженки* въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей матушки, съ тою притомъ разницею, что, насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не запинается она совѣстію на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній. Я сама, будучи поставлена на такой ногѣ моею надзирательницею, съ терпѣніемъ сносила скучные годы моего дѣвичества; но съ того времени, какъ она отъ насъ сошла, я почувствовала всю строгость родительскаго присмотра и съ великимъ нетерпѣніемъ жду какого бы то ни было жениха, надѣясь, что супружество по

крайней мѣрѣ облегчитъ мою неволю. — «Не думаешь ли ты, перехватила *Неотказа*, что мнѣ болѣе твоего оказываютъ потворства? О какъ же ты мало знаешь мою матушку! Я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ строже этой хрычовки. Вообрази себѣ, что она въ день не отпускала меня отъ себя болѣе, какъ на два часа, и то только тогда, когда уходила сама въ особую комнату съ молодымъ *Лицемѣровымъ* читать молитвы. Признаться надобно, что я не теряла изъ этихъ двухъ часовъ ни одного безъ удовольствія; но со всѣмъ тѣмъ тайныя веселія мнѣ уже наскучили, и ты не повѣришь, жизнь моя, какую надобно всегда имѣть осторожность отъ матери; дочери гораздо легче обмануть самаго строгаго отца, нежели мать, которая сама проходила всю школу свѣта и, помня старину, знаетъ, какія хитрости употребляются для обмановъ. Если же она не препятствуетъ своей дочери въ нѣкоторыхъ забавахъ, то это, конечно, не отъ того, чтобъ не знала къ тому способовъ, но или лѣнится, или не имѣетъ времени, протверживая очень часто сама веселые зады любовной азбуки.» — Ха, ха, ха! какъ ты злорѣчива, говорила со смѣхомъ *Безстыда*, ты не щадишь и своей матушки. — «Вотъ какое дурачество! щадить мать! отвѣчала *Неотказа*. Эти старушки думаютъ, что онѣ только одни могутъ пользоваться всѣми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери ихъ рождены сидѣть въ конуркахъ, поститься вмѣсто ихъ и молить за ихъ грѣхи. О! нѣтъ, я всегда вела себя на такой ногѣ, что мнѣ не только за чужія, но и за свои согрѣшенія умаливать очень мало оставалось времени; да и впередъ съ такимъ болванчикомъ, каковъ мой будущій мужъ, не надѣюсь я много минутъ имѣть для набожности. Глупый мужъ, любезная *Безстыда*, въ нынѣшнемъ свѣтѣ для набожной жен-

щины служитъ не малымъ поводомъ къ соблазну. Надобно быть слѣпою, если не разсмотрѣть, что мой *Припрыжкинъ* глупѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ; что-жъ касается до его лица, то каковъ бы хорошъ женихъ невѣстѣ ни казался, но, недѣлю спустя послѣ свадьбы, навѣрное, всякой мужчина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа. Трудно не видѣть, что всѣ мужчины не для чего иного ищутъ дружества мужа, какъ желая покороче свести знакомство съ женою; они дѣлаютъ ей тысячу услугъ, которыя принимаетъ онъ за знакъ уваженія къ нему; они за нею машутъ, а онъ тѣмъ гордится; они почти при немъ открываютъ ей свою страсть, а онъ, почитая ее второю *Лукреціею*, восхищается ихъ неудачею и ея мнимою вѣрностію. Надѣясь на ея сердце, онъ спокойно ее оставляетъ и дѣлаетъ ей многія измѣны, почитая однѣхъ только женщинъ обязанными къ постоянству; однимъ словомъ: онъ во всемъ ей вѣритъ, почитаетъ ее слѣпою въ разсужденіи своихъ поступковъ, и допускаетъ своихъ друзей стараться развращать ее въ ея мнимой непоколебимости. Надобно, говорю я, жизнь моя, не имѣть глазъ, чтобъ не видать всего этого, и надобно имѣть каменное сердце, чтобы этимъ не пользоваться. Да полно, я на себя не буду пѣнять въ такомъ случаѣ; я уже давно расположилась, какимъ образомъ жить въ свѣтѣ, и мнѣ нуженъ былъ только такой простячокъ, который бы назывался моимъ мужемъ и отнюдь не вмѣшивался бы въ мои дѣла. Судьба услышала мою молитву, и любезный мой *Припрыжкинъ*, право, кажется, можетъ быть мужемъ всякой умной женщины. Изъ всѣхъ его поступковъ ни одинъ не показываетъ въ немъ умнаго человѣка. Кажется, онъ болѣе занятъ своими пряжками, нежели мною и нашею свадьбою; а это мнѣ подаетъ добрую

надежду, что онъ чаще будетъ смотрѣть за своею каретою, нежели за своею женою.»

Потомъ продолжали онѣ съ язвительнѣйшими ругательствами и насмѣшками описывать всякую черту бѣднаго *Припрыжкина*. Молодая *Неотказа* выдумывала планы своему хозяйству; назначала изъ мужиннаго гусара, малаго рослаго и довольно пригожаго, сдѣлать главнаго правителя домашнихъ своихъ дѣлъ, а изъ мужа — дворецкаго; и я имѣлъ причину думать, что бѣдному *Припрыжкину* не только не удастся съ танцовщицею подѣлиться женшными доходами, но едва ль и своими собственными всѣми пользоваться ему дозволятъ.

Онѣ бы еще долѣе продолжали свои разсужденія, если бы не вскочилъ въ комнату молодой господчикъ, одного покроя съ г. *Припрыжкинымъ*. Тупей его наполнилъ новымъ благоуханіемъ всю комнату; блестящія пуговицы умножили въ ней свѣтъ, и казалось, что сама *Арахна* трудилась надъ его манжетами.

«Жестокая! сказалъ онъ *Неотказѣ*, такъ ты мнѣ измѣняешь, и мой *Риваль* предпочтенъ мнѣ, въ то время, когда я уже совсѣмъ разорился на щегольство, единственно для того, чтобы тебѣ нравиться.» — Перестань дурачиться, любезный *Промотъ*! сказала *Неотказа*; ты подымешь въ моей головѣ *вапоры* своими восклицаніями.... Ты право, самъ не знаешь своихъ выгодъ, когда жалѣешь о томъ, что я выхожу за *Припрыжкина*. — «Нѣтъ, невѣрная, отвѣчалъ съ досадою ея любовникъ, мнѣ уже не жаль тебя, но жаль своихъ трехъ тысячъ душъ крестьянъ, которыя *продепансировалъ* я на то, чтобъ тебѣ угождать, надѣясь загладить нѣкогда убытокъ этотъ твоимъ приданымъ. Познай, безчеловѣчная! продолжалъ онъ съ трагическимъ восклицаніемъ, показывая ей правую руку, усѣ-

янную перстнями, познай, что на этихъ пальцахъ сидитъ мое село *Остатково*; на ногахъ ношу я двѣ деревни: *Безжитову* и *Грабленую*; въ этихъ дорогихъ часахъ ты видишь любимое село *Частодавово*; карета моя и четверня лошадей напоминаютъ мнѣ прекрасную мою мызу *Пустышку*; словомъ: я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ, проданныхъ въ рекруты, дворовыхъ. А всему этому ты причиною, и ты за всю мою любовь платишь мнѣ невѣрностію; но какою еще невѣрностію, жестокая! я бы тебѣ позволилъ тысячу разъ мнѣ измѣнять, но только бы не выходить за другаго.» — Ахъ! какъ же ты скученъ, отвѣчала *Неотказа*, ты пришелъ меня уморить своими выговорами. (Замѣть, любезный *Маликульмулькъ*, что подруга ея давно уже вышла). Скажи пожалуй, какія находишь ты выгоды въ нашемъ супружествѣ? Подумай, можно ли мнѣ однимъ моимъ приданымъ содержать пышно и себя и мужа; не гораздо ли лучше, если я награжу твой убытокъ изъ *Припрыжкинаго* имѣнія. Ты дурачишься, жизнь моя, если не хочешь пользоваться его доходами, имѣя столько разума, что можешь не съ однимъ мужемъ дѣлиться. Оставь, пожалуй, свой томный видъ и подумай лучше, какъ бы поскорѣй, послѣ нашей свадьбы, познакомиться съ моимъ мужемъ; онъ, право, неопасенъ, и мы можемъ съ тобою такъ же быть счастливы, какъ были прежде; бѣда только вся въ томъ, что я не буду твоею женою; но это не такъ-то жалко: вѣдь не всякая жена приноситъ съ собою чины мужу, а мнѣ мужъ мой приноситъ вѣрную выгоду называться графинею. — И-такъ, ты мнѣ не измѣняешь? вскричалъ съ радостію *Промотъ*; ты меня любишь!

Когда такъ, то пожалуй выходи за *Припрыжкина*; послѣ этого объявленія никакой мужъ мнѣ не страшенъ... Любезная *Неотказа*! теперь я узнаю, что ты рѣдкая женщина въ постоянствѣ.» — Конечно, отвѣчала *Неотказа*, будь увѣренъ, жизнь моя, что мужа я всегда имѣть намѣрена; но тотъ, кто мнѣ милъ, никогда не будетъ моимъ мужемъ. Еслибъ я и овдовѣла, то ты не прежде можешь назвать меня невѣрною, какъ развѣ тогда, когда предложу я тебѣ мою руку; это будетъ ясный знакъ, что мнѣ уже не ты, но одно твое имя нужно. — Послѣ такого увѣренія она доказывала всѣми способами къ нему свою любовь и старалась, какъ могла, его утѣшить.

Бѣдные мужчины! думалъ я самъ въ себѣ, вотъ та власть, которая, по вашему мнѣнію, дана вамъ природою надъ женщинами, и вотъ вѣрность, которую вы имѣете право отъ нихъ требовать! Продолжайте думать, что женщины не для чего инаго выходятъ за васъ за-мужъ, какъ для того, что вами страстны и желаютъ спокойствія подъ вашими законами. Продолжайте думать, что имъ необходимо надобны мужья, чтобъ предводительствовать ихъ слабымъ умомъ и утушать въ нихъ худыя склонности, и что онѣ въ васъ ищутъ пріятныхъ друзей, нѣжныхъ отцовъ и вѣрныхъ любовниковъ! Продолжайте наслаждаться столь лестною мечтою, а между-тѣмъ рабствуйте имъ, ни мало не примѣчая своихъ оковъ. Думайте, что вы ихъ господа — и будьте ихъ игрушкою. Говорите, что ихъ жизнь и счастіе отъ васъ зависитъ, но въ то же самое время просите отъ нихъ робкимъ взоромъ своего счастія, а иногда и самой жизни. Не показываетъ ли вамъ этотъ примѣръ, что онѣ не для чего инаго ищутъ носить ваше имя, какъ желая употреблять его во зло, чтобъ избавиться отъ строгости родителей, кото-

рые сами часто думаютъ, что исполнили со всею святостію свой долгъ, если дочь ихъ до замужства была честною дѣвушкою, и никогда не заботятся о томъ, чтобъ была она честною женою; а молодыя женщины, сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ въ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва не первые ли бываютъ развратителями ихъ добродѣтели; и я не знаю, почему мужчины не почитаютъ себя столько же обязанными въ вѣрности, сколько требуютъ того отъ женщинъ. Кажется, всякой мужъ своими поступками говоритъ своей женѣ: «Ты не такого нылкаго сложе«нія, какъ я; твой разумъ основательнѣе моего; ты «не такъ легковѣрна и скора; сердце твое не такъ «нѣжно, и чувства твои не столь склонны къ утѣ«хамъ: а для того-то ты должна подавать мнѣ при«мѣръ въ вѣрности и извинять тысячу измѣнъ, кото«рыя я тебѣ дѣлаю слабостію и легкомыслiемъ моего «пола, и приписывать то свойственной всякому муж«чинѣ вѣтрености.» Вотъ что думаютъ и говорятъ мужчины; но едва ль не женщины имѣютъ право это сказать.

Я еще продолжалъ мои разсужденія, какъ вдругъ вошла въ комнату мать *Неотказы*, и очень была недовольна гостемъ, котораго застала у своей дочери. Онъ не замедлилъ выйти и оставилъ бѣдную *Неотказу* съ своею матерью. Я опасался, чтобъ не послѣдовало какого жалостнаго явленія; но дѣло все прошло очень тихо. *Горбура* только побранила свою дочь и дала ей свои материнскіе совѣты на счетъ ея поведенія.

«Не стыдно ли тебѣ, говорила она ей, что, въ твои лѣта, ты такъ глупа какъ ребенокъ, и накануѣ своей свадьбы дѣлаешь такія дурачества, которыя могутъ и тебя и мать твою ввести въ большія хлопоты? Такое ли давала я тебѣ наставленіе? Не говаривала ли

я тебѣ, что ты до замужства должна быть ангеломъ, а послѣ того будь хоть дьяволомъ, если захочешь; тогда уже ничто тебѣ не грозитъ вѣкъ засидѣться въ дѣвкахъ? Къ счастію, что твой женихъ, танцуя теперь, давно позабылъ, что ты ушла изъ комнаты; ну, если бы онъ, примѣтя это, вздумалъ подозрѣвать, пошелъ бы сюда за тобою и нашелъ бы тебя съ товарищемъ, который и лучшему мужу можетъ подать подозрѣніе: посуди, что бъ изъ этого вышло? Ты была бы оставлена; свадьба бы ваша рушилась и намъ всѣмъ нанесло бы это стыдъ и безчестіе. Любезная *Неотказушка!* я люблю тебя; но, воля твоя, до замужства не дамъ тебѣ шалить. Покуда ты въ дѣвкахъ, то я за тебя отвѣчаю; вышедши за-мужъ, дѣлай себѣ что хочешь, тогда уже никто меня не можетъ упрекнуть въ твоемъ поведеніи, и каково бы оно ни было, мужчины всѣ тебя извинятъ, а изъ женщинъ станутъ поносить тебя одинѣ только твои соперницы. Мы сами бывали молоды; но въ старину всегда болѣе расчету держались: тогда дѣвушку до ея замужства рѣдкіе видали, и всякая изъ нихъ не выѣзжала изъ двора иначе, какъ развѣ показать свою набожность. Впрочемъ, мы сиживали дома по десяти мѣсяцовъ, въ которые и Богъ знаетъ что съ нами дѣлывалось; однако жъ со всѣмъ тѣмъ ко всякой изъ насъ сватывалось множество женіховъ, — столько-то мы казались добродѣтельными! а въ нынѣшнемъ свѣтѣ, такъ, право, и самая честная женщина кажется подозрительною. Я-было тебя совсѣмъ по старинѣ воспитывала, и радовалась, что слышала объ тебѣ многія похвалы, которыя не давала тебѣ опровергать твоею вѣтреностію; и хотя ты, можетъ быть, не всегда была ихъ достойна, но самолюбіе мое, извиняя слабость нашего пола, довольствовалось и тѣмъ, что

публика была о тебѣ хорошаго мнѣнія, которое чуть-было ты нынѣ не истребила своею неосторожностію. Воздержись, любезная *Неотказа*! тебѣ еще осьмнадцать лѣтъ; подумай хорошенько, что ты завтра будешь самовластною госпожею и можешь наградить тѣ скучныя семь лѣтъ, въ которыя, можетъ быть, чувствительно тебѣ было мое надзираніе, тридцатью годами, и болѣе веселой жизни.

Неотказа, поблагодаря, свою добренькую матушку за такіе спасительные совѣты, обѣщала ей вѣчно быть добродѣтельною, и обѣщала это съ такимъ жаромъ, который и меня увѣрилъ, что она двадцать восемь часовъ не перемѣнитъ своего слова. Потомъ онѣ вышли изъ комнаты къ гостямъ, которые едва примѣтили ихъ приходъ, равно какъ и выходъ.

Лишь только окончились свадебные обряды, какъ *Неотказа*, воспитанная въ экономіи, вздумала принять въ свое правленіе домъ. *Припрыжкинъ*, почитая въ ней простую женщину, которая займетъ у него мѣсто ключницы, былъ ей радъ, какъ кладу; но она, какъ исправный казначей, умѣла пользоваться своимъ мѣстомъ, и я увидѣлъ, что онъ очень ошибся въ двадцати тысячахъ, которыя обѣщалъ танцовщицѣ. Изъ экономіи, всякая истраченная имъ полушка исправно ставится на счетъ, и бѣдный *Припрыжкинъ* очень дурно получаетъ свои доходы, *Неотказа* ласковыми своими съ нимъ поступками и своимъ противъ его притворствомъ довела его до того, что онъ ей не смѣетъ и заикнуться о большихъ деньгахъ, и очень часто негодуетъ на ея экономію, между-тѣмъ, какъ она не только свои, но и его доходы дѣлитъ пополамъ съ *Промотомъ*, который вкрался къ *Припрыжкину* въ совершенную дружбу.

Ну, любезный другъ! сказалъ я ему недавно, дово-

ленъ ли ты теперь своею женитьбою?» — Нѣтъ, чортъ меня возьми, отвѣчалъ *Припрыжкинъ*, я ни мало ею не доволенъ: я думалъ получить въ женѣ молодую женщину нынѣшняго свѣта, которая бы съ удовольствіемъ мнѣ помогала проживать имѣніе; но судьба наказала меня самою скучною половиною. Моя жена воспитана въ предразсужденіи женщинъ; она за грѣхъ ставитъ издержать лишнюю копѣйку; по ея мнѣнію, самое святое дѣло есть то, чтобъ избѣгать роскоши, быть вѣрною и усердною къ своему мужу, и беречь, чтобы и онъ ей былъ вѣренъ; а это заставляетъ ее часто удерживать меня дома; ибо съ красотою моею, какъ она говоритъ, въ нынѣшнее время очень опасно показываться въ обществахъ, когда женщины ищутъ всѣхъ способовъ соблазнять мужчинъ. И-такъ, въ ея угодность, я нерѣдко просиживаю цѣлый день дома, между-тѣмъ, какъ она объѣзжаетъ *богадѣльни* и своихъ больныхъ-знакомыхъ; часто усердіе доводитъ ее до такого восторга, что она пріѣзжаетъ домой вся въ поту и съ помутившимися глазами. Я, право, боюсь, чтобъ чрезъ нее и мнѣ не сдѣлаться набожнымъ. Впрочемъ, я ею доволенъ, и по крайней мѣрѣ надѣюсь, что мой лобъ избавленъ отъ общей участи почти всѣхъ мужей нынѣшняго вѣка.

Вотъ что говоритъ *Припрыжкинъ* о своей женѣ, любезный *Маликульмулькъ*; но ты можешь отгадать, вѣрю ли я его словамъ и набожности его любезной супруги.

XI.

ОТЪ ГНОМА БУРИСТОНА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Третьягодня, любезный *Маликульмулькъ*, перелетѣлъ я въ ближній островъ изъ стараго, въ которомъ былъ прежде. Нетерпѣніе, удовольствовать странное желаніе *Плутона*, принудило меня сдѣлать немалый скачокъ; но я думаю, что и еще триста такихъ скачковъ не наведутъ меня на желаемую находку.

Со всѣмъ тѣмъ, не совершенно отчаяваясь, на дняхъ, утромъ, прохаживался я по одной изъ знатнѣйшихъ улицъ здѣшняго города, и вдругъ увидѣлъ передъ собою великолѣпный домъ, у котораго было многочисленное собраніе народа, желавшаго войти туда. Множество изуродованныхъ стариковъ старались перегнать здоровыхъ, и хромые, припрыгивая на своихъ костыляхъ, завидовали безрукимъ, которые ихъ опереживали. Между-тѣмъ полдюжины сильныхъ лошадей привезли небольшой ящикъ, въ которомъ, какъ показалось мнѣ, положена была человѣческая фигура изъ разноцѣтнаго мрамора.

«Боже мой! сказалъ я моему хозяину (онъ дѣлалъ мнѣ честь, прохаживаясь со мною), или ваши лошади очень слабы, или жители здѣшняго острова безрасчетны, что впрягаютъ шесть такихъ сильныхъ тварей подъ одну каменную статую, въ которой вѣсу не болѣе двадцати пяти пудъ.» — О какой статуѣ изволите вы говорить? спросилъ у меня хозяинъ; здѣсь не вижу я никакой статуи, продолжалъ онъ; а этотъ табунъ лошадей привезъ сухощаваго человѣка, въ два аршина и два вершка ростомъ, въ которомъ вѣсу не болѣе сорока шести или осьми фунтовъ. — Послѣ этого еще другіе табуны лошадей подвозили такихъ же

чудныхъ твореній и пылили своимъ топотомъ глаза нѣсколькимъ бѣднымъ людямъ, которые тащили на себѣ превеличайшій камень къ строенію какого-то публичнаго зданія.

«Государь мой! сказалъ я моему хозяину, пожалуйте растолкуйте мнѣ это странное обыкновеніе: для чего здѣсь множество лошадей возятъ на себѣ одного человѣка, который, какъ я вижу, самъ очень изрядно ходитъ; а напротивъ того, тяжелый камень тащатъ столько людей, сколько числомъ и лошадей поднять его едва въ силахъ? и не лучше ли бы было, чтобы, отпрягши отъ этихъ ящиковъ хотя по нѣскольку безполезно припряженныхъ лошадей, употребить ихъ на вспоможеніе этимъ бѣднякамъ везти камень?» — Я не знаю, сударь, отвѣчалъ хозяинъ, почему здѣсь десять человѣкъ тянутъ часто ста по два пудъ, и почему шесть лошадей тащатъ машину съ руками и съ ногами въ шестьдесятъ фунтовъ; но то знаю, что всякой изъ этихъ надутыхъ тварей почтетъ себѣ величайшимъ оскорбленіемъ, если отпречь хотя одну лошадь отъ его ящика, и что многіе изъ здѣшнихъ жителей мучатся по пятидесяти лѣтъ, и болѣе, только для того, чтобы нажить шестерку лошадей, которая бы таскала ихъ истощившуюся мумію. — «Но какая выгода этихъ господъ, спрашивалъ я, передъ тѣми, которыхъ возитъ одна пара?» — Та, отвѣчалъ онъ, что они нерѣдко, пользуясь своею шестернею, сминаютъ ихъ на дорогѣ; а притомъ и всѣ пѣшеходцы отдаютъ всякой шестернѣ всевозможное уваженіе и уступаютъ скорѣе дорогу, для того, что она одна, проѣзжая мимо ихъ, можетъ вдругъ десятерыхъ забрызгать грязью съ ногъ до головы. Посмотрите, какъ всѣ прихожіе у этого дома тѣснятся и минутъ другъ друга, чтобы не быть задавленнымъ прискакивающими ежеминутно

табунами? — «Вижу, отвѣчалъ я; но скажите мнѣ, какое здѣсь собраніе, и что это за домъ?... не храмъ ли?» — Нѣтъ. — «Не театръ ли?» — Нѣтъ. — «Такъ не аукціонная ли комната?» — И то нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ, а все это вмѣстѣ. Храмомъ можно назвать этотъ домъ потому, что всякое утро бываетъ въ немъ поклоненіе живому, но глухому и слѣпому идолу; театромъ потому, что здѣсь нѣтъ ни одного лица, которое бы то говорило, что думало, не выключая и самого этого божества; а аукціонною комнатою потому, что тутъ продаются съ молотка публичныя достоинства. И-такъ, нѣкоторые изъ этого народа, бродящаго въ комнатахъ и на крыльцѣ, пріѣхали сюда для того, чтобы сдѣлать поклоненіе этому идолу и потомъ надуться гордостію, если онъ хотя нечаянно на нихъ взглянетъ; другіе за тѣмъ, чтобы съ улыбкою увѣрить его о своей дружбѣ тогда, когда стараются они ископать для него тысячу погибелей; а третьи прискакали съ поспѣшностію, чтобъ набивкою цѣны перехватывать другъ у друга публичныя мѣста, которыя его секретарь и старшая любовница продаютъ съ молотка во внутреннихъ своихъ комнатахъ. Теперь вы видите, продолжалъ онъ, что это домъ знатнаго барина; а правда ли то, что я вамъ говорилъ, то если вы туда войдете, вся эта толпа будетъ вамъ служить очевиднымъ свидѣтелемъ. — «Но когда можно туда войти? спросилъ я.» — Вы еще и теперь успѣете, отвѣчалъ онъ: на дворѣ очень рано; сюда только-что начали съѣзжаться; вотъ еще осьмнадцать скотовъ притащили трехъ безполезныхъ человѣкъ; ступайте скорѣе, если вы любопытны: тамъ сегодня прекрасное собраніе. — И я, немедля нимало, пробрался въ покои.

Многочисленное общество здоровыхъ и изуродованныхъ бѣдняковъ наполняло переднюю комнату; блѣд-

ныя ихъ лица и изодранныя ихъ платья показывали, сколько нужна была имъ помощь; вольность и веселіе были изгнаны изъ этихъ печальныхъ стѣнъ: многія женщины плакали, разсказывая о своихъ несчастіяхъ близстоящимъ; но рѣдкіе имъ сострадали, а всякой занимался болѣе своими собственными злополучіями. Отягченные усталостію и лѣтами, старики облокачивались своими сѣдыми головами о холодныя стѣны и, въ дремотѣ, забывали о вельможѣ и о своихъ бѣдствіяхъ, доколѣ больные несчастливцы не разрушали слабаго ихъ забвенія своимъ оханьемъ. Нѣкоторыя женщины приводили туда своихъ младенцевъ, конечно, для того, чтобы болѣе возбудить о себѣ сожалѣніе въ вельможѣ. Бѣдныя матери, чтобы утѣшить своихъ дѣтей, которыя просились домой, давали имъ куски зачерствѣлаго хлѣба, и множество голодныхъ просителей съ печальною завистью смотрѣли на ребенка, который, можетъ быть, доѣдалъ послѣдній кусокъ въ своемъ домѣ. Словомъ: прихожая этого барина походила болѣе на больницу убогаго дома, нежели на комнату знатнаго господина; и въ самыхъ темницахъ, любезный *Маликульмулькъ*, едва ли можно найти болѣе бѣдности и унынія.

«Не ошибкою ли я сюда вошелъ? спрашивалъ я близъ меня стоявшаго старика; мнѣ сказали, что это комнаты его превосходительства ***.» — Точно, сударь, отвѣчалъ старикъ, это его прихожая, или, лучше сказать, прохожая, потому-что онъ только черезъ нее проходитъ къ своей великолѣпной каретѣ, не успѣвая даже и взглянуть на множество бѣдныхъ просителей, которыхъ обманчивая надежда не замедляетъ опять приводить въ его домъ. — «Какъ! вскричалъ я, и его окаменѣлое сердце не трогается воплемъ этихъ несчастныхъ женщинъ, этихъ стариковъ и изуродованныхъ

просителей; онъ имѣетъ жестокость не внимать ихъ стонамъ!» — Внимать, сударь, говорилъ печально старикъ; они ими утѣшаются: множество просителей составляетъ великолѣпіе вельможъ, и они наперерывъ стараются накапливать ихъ большее число, поманивая иногда пустыми обѣщаніями. Я самъ, государь мой, я самъ посѣдѣлъ на этой скамейкѣ; цѣлыхъ двадцать лѣтъ я былъ зрителемъ и дѣйствующимъ лицемъ этого плачевнаго театра; однако жъ еще и теперь нисколько не надѣюсь скораго рѣшенія моего дѣла, котораго со всѣмъ тѣмъ оставить мнѣ никакъ не можно. Я вижу, продолжалъ онъ, что вы еще новы въ здѣшнемъ мѣстѣ. — «Это правда, отвѣчалъ я, и я бы попросилъ васъ удовольствовать въ нѣкоторыхъ вопросахъ мое любопытство... Скажите мнѣ, что это за бумаги, которыя другъ другу показываютъ многіе находящіеся въ этой комнатѣ.» — Это бумаги, говорилъ старикъ, называемыя просительными письмами; просители стараются какъ можно чище и краснорѣчивѣе ихъ написать: они самыми живыми красками доказываютъ въ нихъ свою бѣдность или несчастія, которыя иногда такъ ясно описаны, что могли бы имѣть успѣхъ и у самаго жестокосердаго вельможи. — «Они, конечно, смягчаютъ, спросилъ я, этихъ бояръ?» — Нимало, отвѣчалъ старикъ; знатные имѣютъ предосторожность не заглядывать въ эти письма, и потому-то краснорѣчіе самаго лучшаго писателя остается безъ дѣйствія. —

Въ это время услышалъ я позади себя оханье одного безногаго, который сидѣлъ въ углу комнаты, и я спросилъ у него о причинѣ столь великой его горести. — Я вздыхаю, сударь, о томъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, что у меня оторвали ногу, а не голову: я бы вѣчно не зналъ, что такое есть прихожая знатныхъ. Года съ четыре назадъ, продолжалъ онъ, нѣкоторый

знатный господинъ предложилъ мнѣ вступить въ военную службу. Онъ описалъ мнѣ самыми разительными словами, какую могу я сдѣлать пользу своимъ землякамъ, сдѣлавшись хорошимъ воиномъ; сердце мое наполнилось тогда жаркою любовію къ отечеству, и я, оставя торговлю, посвятилъ себя войнѣ. Имѣя отважный духъ, всячески старался я оказывать себя во всѣхъ сраженіяхъ, покуда пушечное ядро не наказало мою безумную отвагу: оно унесло мою ногу, а съ нею вмѣстѣ и покровительство моего начальника, которому нужны были любимцы съ обѣими ногами. Мнѣ, однако жъ, сказано, что я могу имѣть пропитаніе отъ отечества, которому жертвовалъ собою. Наконецъ, я уволенъ отъ службы, наживъ въ ней тридцать ранъ и деревянную ногу. Съ такимъ-то прекраснымъ доказательствомъ моей храбрости явился я къ этому вельможѣ: онъ очень учтиво меня принялъ и обѣщалъ мнѣ выходить порядочное пропитаніе. Съ такою радостною надеждою таскаюсь я къ нему уже четыре года на моей деревяшкѣ; но онъ иногда изволитъ меня увѣщавать, чтобъ я подождалъ до случая, выхваляя передо мною самыми отборными словами терпѣніе... Я вѣрю, что его похвала прекрасна и краснорѣчива, но вѣрю также и тому, что я современемъ, къ его славѣ и къ чести моего отечества, умру въ этой прихожей съ голоду. —

Только-что докончилъ онъ свою повѣсть, какъ голосовъ шесть закричали: вотъ онъ! вотъ онъ! и всѣ зачали обступать какого-то толстаго человѣка, который съ довольною гордостью отвѣчалъ на низкіе поклоны заслуженныхъ стариковъ, гнувшихся передъ нимъ до пояса. Я продирался, какъ могъ, сквозь просителей, и не успѣлъ еще продраться, какъ они опять закричали: онъ ушелъ! «Кто это былъ? спрашивалъ

я у нихъ; не самъ ли его превосходительство?» — Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ какой-то осиплый голосъ, это его комнатный служитель, котораго мы просили, чтобы онъ доложилъ объ насъ его превосходительству; но намъ сказали, что онъ самъ скоро выйдетъ и что велѣно уже подавать карету. — Тогда многіе зачали вновь перечитывать и приготовлять свои письма, а я между-тѣмъ пошелъ далѣе, и прошедъ комнаты черезъ двѣ, увидѣлъ совсѣмъ другое зрѣлище.

Я вошелъ въ комнату, которая вся наполнена была чиновными и богатыми, смотрѣвшими съ гордостью другъ на друга. Тамъ богатый откупщикъ стоялъ нерадиво у окошка и выслушивалъ повѣсть у чиновнаго; надутый гордостью, судья зѣвалъ въ креслахъ, между-тѣмъ, какъ передъ нимъ молодой офицеръ разсказывалъ о своихъ двадцати побѣдахъ: какъ онъ переколотилъ своею рукою съ 700 человѣкъ непріятелей и выломалъ городскія ворота, не получа ни одной раны, за что, будучи одобренъ свидѣтельствомъ своего дядюшки, и подъ покровительствомъ своей бабушки, пріѣхалъ просить богатаго награжденія. Въ другомъ мѣстѣ стихотворецъ, надувъ щеки, читалъ съ важностію ничего незначущія свои бредни, которыя украсилъ онъ именемъ его превосходительства, прописывая, что онъ, не имѣя въ виду никакой корысти, подноситъ ему свои труды, какъ покровителю наукъ, который никогда не оставляетъ дарованія безъ награжденія; или, лучше сказать, онъ начиналъ свое письмо хвалою своему безкорыстію, а оканчивалъ тѣмъ, что просилъ за свою книгу хорошей платы.

Послѣдній сдѣлалъ мнѣ честь своими учтивостями, и подошедъ ко мнѣ, показывалъ свое приношеніе. Это была книга о златомъ вѣкѣ. Я прочелъ въ ней нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ, браня изо

всей силы нынѣшнія времена, выхвалялъ тѣ годы, которые были за 30,000 лѣтъ до нашего времени. «Я сомнѣваюсь, сказалъ я ему, понравится ли ваша книга его превосходительству: вы въ ней хвалите такой вѣкъ, въ которомъ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни просителей, и подносите ее знатному вельможѣ.» — О! это ничего, сударь, отвѣчалъ мнѣ авторъ; наши вельможи держатъ у себя въ библіотекахъ самыя прекрасныя правоученія и самыя острыя критики; но со всѣмъ тѣмъ никогда не жалуются на авторовъ, потому-что ихъ не читаютъ. Здѣшнему вельможѣ можно, не опасаясь ни мало, поднести на него самого три тома сатиръ, за которыя иногда, изъ тщеславія, заплатитъ онъ деньги и отдастъ своему библіотекарю. — «Какъ! спросилъ я, кто жъ у васъ читаетъ *Платоновы* сочиненія *О должностяхъ; Наставленіе политикамъ; О состояніи земледѣльцевъ* и *О званіи вельможъ?*» — Купцы и мѣщане, отвѣчалъ авторъ; а вельможи читаютъ веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутливыя басни. — «Такъ, поэтому, сказалъ я, вы бы лучше сдѣлали, еслибъ поднесли ему какую-нибудь книгу такого содержанія.» — О! какъ вы мало знаете свѣтъ! вскричалъ авторъ. Повѣрьте мнѣ, сколько бы ни веселила его такая дѣтская книга, но онъ заплатилъ бы за нее однимъ презрѣніемъ; и сколько бы, напротивъ того, ни скучна была книга подъ правоучительнымъ названіемъ, но я, конечно бы, былъ изрядно за нее вознагражденъ. Наши вельможи совсѣмъ не таковы въ свѣтѣ, каковы въ своихъ кабинетахъ; въ публикѣ часто они бранятъ то, что у себя жалуютъ, и часто наружно хвалятъ то, что внутренно ненавидятъ. Спросите у всякаго вельможи: каковы для него кажутся *Юстіевы разсужденія* и *примѣчанія Ришелье?* Онъ вамъ побожится всѣмъ, чѣмъ хотите, что

онъ ничего вѣчно не читывалъ основательнѣе и умнѣе этихъ сочиненій; но если вздумаете вы спросить о содержаніи этихъ книгъ, то рѣдкаго вельможу не приведете такимъ вопросомъ въ смущеніе. Вотъ продолжалъ онъ, каковы у насъ многіе вельможи; со всѣмъ тѣмъ всѣ почитаютъ ихъ счастливыми, и мелкочиновные всячески ищутъ быть на ихъ мѣстѣ, которое получа, не одинъ разъ въ сутки проклинаютъ. Что до меня, то я лучше хочу доставать отъ нихъ за подносимыя мною книжки деньги, нежели, бывъ на ихъ мѣстѣ, платить за то, на что никогда взглянуть мнѣ не удастся. — «Но скажите мнѣ, знаете ли вы этого вельможу коротко? спрашивалъ я моего оратора; признаюсь вамъ, что я нахожу великую разницу въ вашемъ письмѣ съ тѣмъ, что видѣлъ собственными моими глазами: вы выхваляете его добродѣтель, а я въ его прихожей примѣтилъ нѣсколько человѣкъ, которые въ двадцать лѣтъ не испросили отъ него ни одной милости; вы превозносите его снисхожденіе, а онъ ни чьихъ просьбъ не слушаетъ, почитая уже и то важнымъ, когда мимо своихъ просителей пробѣжитъ къ своей каретѣ; да и этого часто не дѣлаетъ, а выѣзжаетъ со двора совсѣмъ съ другаго подъѣзда.» — О сударь! вскричалъ сочинитель, конечно, вы очень мало обращались между людьми, когда не знаете, что это правило подносительныхъ писемъ: въ нихъ почти всегда одними словами выхваляется тотъ, кому подносится книга, хотя подноситель не только его подробно, но и имя его мало знаетъ: отъ того-то вельможи съ самаго начала своей знатности, читая въ письмахъ, сколь они добродѣтельны, думаютъ о себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ публика о нихъ такъ заключаетъ, и не стараются подтверждать своими дѣлами то, что мы пишемъ въ письмахъ. — «Но если какимъ-нибудь слу-

чаемъ не удастся вамъ получить отъ нихъ награжденіе, спрашивалъ я, что вы тогда дѣлаете?» — Мы пишемъ на нихъ сатиры, отвѣчалъ онъ; и хотя они ихъ не читаютъ, но мы дѣлаемъ такъ, какъ маленькіе ребятишки, которые, по привычкѣ, плюютъ на тотъ столбъ, о который ушиблись, и думаютъ, что тѣмъ ему довольно отмстили; мы... Вдругъ отворилась дверь и всѣ разступились на двѣ стороны, чтобъ дать дорогу.

Вельможа, убранный великолѣпно, вышелъ изъ своего кабинета съ веселымъ видомъ; онъ очень учтиво кланялся на всѣ стороны; со многими улыбался, а инымъ шепталъ на ухо, — и они почитали себя счастливыми. Послѣ того принималъ онъ письма съ увѣреніемъ, что чрезъ два дня всѣ ихъ разсмотритъ; но я уже имѣлъ причину тому не вѣрить.

Я примѣтилъ, что многія просительныя письма были довольно толсто свернуты, и такія принимались съ большею благосклонностью; наполненныя же однимъ краснорѣчіемъ отдавались секретарямъ. Между-тѣмъ добрался мой сочинитель, и съ нижайшими поклонами поднесъ ему свою книгу. «Будьте увѣрены, сказалъ ему вельможа, что дарованія ваши не останутся забыты: я не премину наградить васъ при первомъ случаѣ; я уже знаю, что книга ваша прекрасна. Возьмите, сказалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, и отнесите ее ко мнѣ въ кабинетъ; я надѣюсь заняться ею нѣсколько дней.» Приближенный взялъ книгу у него изъ рукъ и отдалъ ее секретарю, который, какъ я примѣтилъ, вошедъ въ кабинетъ, бросилъ ее подъ столъ, наполненный старыми бумагами. Между-тѣмъ вельможа продолжалъ степенно шествовать къ прихожей, кланяясь на обѣ стороны всѣмъ и ни на кого не смотря; онъ дѣлалъ внимательное лице ко многимъ словеснымъ просьбамъ, изъ которыхъ

однако жъ ни одного слова не выслушивалъ, а былъ занятъ, какъ я примѣтилъ, совсѣмъ другими разсужденіями. При приближеніи жъ къ дверямъ, пустился онъ какъ молнія чрезъ прихожую, закутавшись въ свой плащъ и не внимая тысячѣ голосовъ, относящихъ къ нему просьбы несчастныхъ, и едва успѣлъ сказать имъ всѣмъ, чтобы побывали они *завтра*, какъ, сѣвши въ карету, пропалъ изъ виду и оставилъ въ отчаяніи бѣдныхъ просителей.

«Что до меня, сказалъ толстый судья, то я всего вѣрнѣе надѣюсь получить обѣщанное мѣсто: краснорѣчіе золота никогда не обманетъ. Пусть бѣдные стонутъ, что ихъ не выслушиваютъ; но мы, у которыхъ кошельки плотны, мы, право, не имѣемъ причины жаловаться на вельможъ. Правда, что мы дорого имъ платимъ; но наши челобитчики послѣ заплатятъ намъ то съ выгодою, что̀ мы отдаемъ вельможѣ за то, чтобы высасывать изъ кошельковъ у просителей.» И я, сказалъ молодой повѣса, который хвалился, что побилъ 700 человѣкъ, не меньше вашего надѣюсь получить награжденіе: бабушка моя родня комнатной дѣвушкѣ его любовницы; а предстательство такой нимфы дороже всякихъ свидѣтельствъ. Если бы я, и совсѣмъ не показываясь къ сраженію, всклепалъ на себя, что перебилъ три тысячи человѣкъ, то и тогда бы мнѣ повѣрили и наградили бы мою храбрость. Пускай трудятся бѣдняки, неимѣющіе предстательствъ; нашу братью нерѣдко болѣе награждаютъ за храбрый языкъ, нежели за ихъ храбрыя дѣла.

Вотъ, любезный *Маликульмулькъ*, какого я нашелъ вельможу! Говорятъ, что здѣсь есть много изъ нихъ добродѣтельныхъ, но и одинъ порочный дѣлаетъ пятно правительству, лишая счастія многихъ достойнѣйшихъ себя людей.

XII.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Недавно прогуливаясь по городу, любезный *Маликульмулькъ*, вздумалось мнѣ осмотрѣть здѣшнія книжныя лавки. Увидя, что онѣ завалены книгами, я удивлялся просвѣщенію нынѣшняго вѣка; радовался тому, что и въ здѣшней землѣ есть книги, и сравнивалъ нынѣшній вѣкъ съ старыми. Какая разница, думалъ я въ себѣ, между тѣмъ временемъ, въ которое книгъ почти не было видно, и между нынѣшнимъ, когда всю поверхность обитаемой земли можно укласть книгами. Но и то правда, любезный *Маликульмулькъ*, что тогда не приносили стыда ученому свѣту *Бабушкины выдумки*; *Бродящій мѣщанинъ* и изданныя въ четвертку безъ правилъ краденыя сочиненія *Ришокрада*, которыми завалены теперь всѣ книжныя лавки, и которыя продаются нерѣдко на вѣсъ, для разнощиковъ на обертку овощей.

Когда я разсуждалъ такимъ образомъ надъ увѣсистыми сочиненіями этого прилежнаго автора, тогда подошелъ ко мнѣ малорослый и сухощавый человѣкъ. Что вы думаете, сказалъ онъ мнѣ, объ этомъ великомъ авторѣ?» — Я думаю, отвѣчалъ я ему, что я держу въ рукахъ не хорошія сочиненія, а худые переводы. «О государь мой! такъ вы, конечно, не слыхали, какъ его хвалятъ за его столомъ, чему я самъ бывалъ очевиднымъ свидѣтелемъ; я слышалъ, что онъ недавно очень хорошо написалъ трагедію, въ которой разругалъ прекрасно не помню какого-то святаго. Эту трагедію больше дѣлалъ Расинъ, нежели онъ, сказалъ, подошедши къ намъ, одинъ изъ покупщиковъ старыхъ

книгъ. Возьмите, продолжалъ онъ, Расинову Андромаху: вы увидите, что здѣшняя не иное что, какъ слабый переводъ, съ тою притомъ разницею, что почтенный Расинъ не бранилъ святыхъ такъ, какъ то дѣлаетъ нашъ неугомонный авторъ; и я удивляюсь, какъ такая безбожная брань пропущена тогда, когда, кажется, можно печатать одинѣ только сказки и небывальщины въ лицахъ. — «Вы очень злы, государь мой! возразилъ защитникъ бранчиваго автора, когда попосите сочинителя, привлекающаго дарованіями своими къ себѣ въ домъ множество обожателей своего пера.» — «О! этому я охотно вѣрю, говорилъ противникъ *Ривмокрада*, что у него бываетъ много гостей; но кто захочетъ, тотъ можетъ видѣть, что этому причиною не дарованія его, а его поваръ и гостепріимная жена. Примѣтьте, что обожатели его всегда сбираются въ его домъ къ обѣду и похвалы этому Аполлону обыкновенно начинаются со втораго, или съ третьяго блюда и раздаются не далѣе, какъ въ четырехъ углахъ комнаты; но за два шага отъ его дома слава его исчезаетъ, и тѣ самые, которые за обѣдъ платили ему похвалою, позабываютъ, что онъ есть на свѣтѣ. И-такъ, по моему мнѣнію, нельзя ставить себя въ числѣ первыхъ писателей тому, о комъ это говорятъ такіе люди, которые, не имѣя чѣмъ заплатить трактирщику за обѣдъ, ищутъ его у вельможи, или у стихотворца, и расплачиваются, обыкновенно, за него пустыми восклицаніями и похвалами хозяину. Съ другой стороны, и жена его расплачивается, какъ можетъ, съ гостями, которые, имѣя гибкій языкъ, ищутъ на счетъ его всѣмъ на свѣтѣ пользоваться; но отними у этого Парнасскаго идола его жену, то треть обожателей его исчезнетъ; отними повара, тогда и достальныя двѣ трети пропадутъ. — «Но вы не можете не признать-

ся, сказалъ защитникъ, что въ театрѣ ему всегда бьютъ въ ладоши.» — Я въ половинѣ этого признаюсь, отвѣчалъ другой, то есть: что въ театрѣ хлопаютъ, однако жъ не ему, а актерамъ, которые подлинно достойны великой похвалы за то, что имѣютъ терпѣніе обременять свою память такими вздорными сочиненіями, наносящими болѣе труда живописцамъ и машинисту, нежели сколько дѣлаютъ театру прибыли. Впрочемъ, нерѣдко и хлопальщиковъ привозитъ онъ въ своей каретѣ, чему свидѣтельствомъ можетъ вамъ служить, сказалъ онъ, оборотясь ко мнѣ, сочиненіе одного моего пріятеля, и тутъ началъ мнѣ читать слѣдующіе стихи:

СКАЗКА.

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей.
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить;
А Ѳомокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка — дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ и кстатѣ и не кстатѣ
Въ ладони хлопая, кричатъ согласно: *тятя*,
Но сколь немного женъ есть вѣрныхъ, знаетъ свѣтъ;
Не на Лукрецію и нашъ нашелъ поэтъ.
Онъ видитъ это самъ. Поступки Тараторы
Между пріятелей ея заводятъ ссоры.
Чтобъ отомстить за то, чего не могъ сберечь,
Хоть одного изъ нихъ онъ хочетъ подстеречь.
Желанны дни пришли! онъ видитъ очень ясно,
Что онъ себя считалъ въ рогатыхъ не напрасно.
«Измѣнница! кричитъ, того ль достоинъ я?
Увы! гдѣ дѣлась честь? гдѣ слава вся моя?»
— Жена въ отвѣтъ ему: для этой самой славы
Немного рушу я супружески уставы;
Съ партеромъ перервать я твоей хотѣла споръ,
Гдѣ вѣчно на тебя всемірной заговоръ;
Завистниковъ тебѣ, ты знаешь, тамъ не мало:
Но нынѣ тщаніемъ моимъ ихъ менѣ стало.
Я многіе тебѣ достала голоса. —

«Любезная жена, ты строишь чудеса!
Вскричалъ поэтъ; такъ будь моимъ ты Аполлономъ
И лавры мнѣ плети; въ рогахъ я не съ урономъ,
Въ нихъ выгоды себѣ я вижу лишь одни;
Тѣмъ болѣ голосовъ, чѣмъ болѣ мнѣ рогни...»

«Государь мой! вскричалъ защитникъ *Ривмокрада*, если вы не перестанете читать свои пакостные стихи, то я вамъ дядюшкиными сочиненіями проломлю голову, и въ то же самое время вооружился онъ всѣми пятью томами сочиненій *Ривмокрада*, которыя искусный книгопродавецъ переплелъ въ одну крышу, чтобы придать имъ болѣе величественнаго вида. Такой зарядъ не могъ не ужаснуть его противника, который спрятался за три кипы этихъ сочиненій, назначенныхъ къ продажѣ на вѣсъ, и увертkою своею четверной зарядъ сдѣлалъ безполезнымъ; съ него сшибло одну только шляпу, а голова его получила спасеніе отъ тѣхъ же самыхъ сочиненій, на которыя такъ сильно онъ возставалъ. Племянникъ Аполлоновъ, ободренный его побѣгомъ, ругалъ его всячески и ожидалъ храбро вылазки; а между-тѣмъ, не смотря на просьбы лавочника бомбардировалъ его крѣпость связками новыхъ комедій и трагедій. Гарнизонъ не трусилъ съ своей стороны, и уже, перебросавъ всѣ огромные переводы, принимался за 16-ый томъ сочиненій здѣшней Академіи, какъ лавочникъ остановилъ ихъ, обѣщая привести полицейскихъ; тогда руки нашихъ рыцарей остановились, но языки ихъ были неутомимы, и они наговорили другъ другу столько колкостей, сколько могли выдумать. Защитникъ *Ривмокрада* подошелъ подъ самыя кипы дядюшкиныхъ сочиненій, чтобы сдѣлать себя тѣмъ слышнѣе своему противнику, который наблюдалъ изъ-за стѣны набросанной имъ прозы и стиховъ всѣ его движенія, и когда этотъ меньше всего

ожидалъ, онъ, собравъ всѣ свои силы, повалилъ на него всѣ тѣ кипы однимъ разомъ. Бѣдный защитникъ думалъ, что на него весь міръ обрушился, хотя не болѣе на немъ было, какъ 1,192 экземпляра пяти-томнаго изданія. Онъ визжалъ какъ собака, у которой пришибло лапу, и самымъ жалкимъ голосомъ просилъ себѣ помощи; хозяинъ же *сказки* между-тѣмъ скрылся, оставя ее у меня въ рукахъ. Послѣ вытащили кое-какъ бѣднаго племянника, проклинавшаго старика, себя и дядюшкины сочиненія, которыя едва не задавили его до смерти, и онъ на-силу поплелся изъ лавки, закаявшись во весь свой вѣкъ заглядывать къ книго-продавцамъ. Бѣдный лавочникъ укладывалъ опять разбросанныя книги, которыя въ первый разъ увидѣли было свѣтъ, и божился мнѣ, что многимъ изъ нихъ никогда такого разбору не было, какъ во время этого сраженія. «Отъ чего жъ здѣсь мало хорошихъ книгъ?» спросилъ я у него. — Отъ того, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ, что здѣсь множество авторовъ, какъ кажется, болѣе занимаются не тѣмъ, чтобы что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь напечатать и поскѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ; но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; отъ того-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалены бреднями худыхъ стихотворцевъ.

XIII.

ОТЪ ГНОМА ВѢСТОДАВА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Наконецъ, любезный *Маликульмулькъ*, и нашъ дворъ не уступаетъ многимъ Европейскимъ дворамъ; а всему

причиною *Фурбиній*, который управляетъ *Прозерпиною*, а *Прозерпина Плутономъ*, дозволившимъ, по просьбѣ жены, этому Италіянцу составить свой штатъ. Онъ истощилъ весь свой разумъ, чтобы *Прозерпина* не имѣла никакой причины завидовать Европѣ. Угадывая, что тебѣ любопытно узнать, какимъ образомъ происходилъ этотъ странный наборъ, я опишу тебѣ все это происшествіе.

Прозерпина, желая скорѣе видѣть адъ въ новомъ видѣ, докучала *Плутону* ежеминутно о пользѣ, какую въ такой перемѣнѣ можетъ сдѣлать *Фурбиній*. «Онъ, говорила богиня, плясывалъ при многихъ Европейскихъ дворахъ и былъ вхожъ ко всѣмъ придворнымъ женщинамъ, которыя съ нимъ имѣли короткія знакомства; а женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія, и чрезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мужчины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мужчины не иное что, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій. Поэтому ты видишь, что *Фурбиній*, бывъ знакомъ съ придворными женщинами, долженъ наизустъ знать политику, что̀ такое есть дворъ, и умѣть его составить; но для исполненія этого онъ долженъ имѣть полную власть. И-такъ, душа моя, когда ты хочешь видѣть адъ въ лучшемъ состояніи, то уполномочь его и объяви по себѣ и по мнѣ первымъ начальникомъ ада...» — Перестань, богиня, вскричалъ *Плутонъ*, развѣ ты забыла, что у насъ въ адѣ множество воиновъ и философовъ, которые сочтутъ меня дуракомъ за такое объявленіе и не захотятъ признать надъ собою начальникомъ *Фурбинія*. — «Ахъ какой ты трусъ! сказала богиня, можно ли тебѣ бояться

кого-нибудь, бывъ здѣсь самовластнымъ? Спроси у тѣхъ же самыхъ воиновъ, каковы были *Александръ, Юлій Кесарь* и *Діонисій* во время ихъ царствованія на землѣ: развѣ не было въ ихъ владѣніяхъ мудрецовъ, однако, не смотря на то, дѣлали они по-своему все, что хотѣли.» — Какая разница! отвѣчалъ *Плутонъ,* тамъ своенравный государь имѣетъ тысячу способовъ усмирить неугомонныхъ мудрецовъ и, въ случаѣ нужды, сбывать ихъ съ рукъ, отправляя сюда, какъ то сдѣлано съ Цицерономъ, съ Сенекою и со многими другими; но мнѣ куда ихъ отсюда дѣвать? Бывши всегда съ ними, я долженъ буду терпѣть вѣчныя ихъ роптанія... — «Роптанія противъ своего повелителя! вскричала съ негодованіемъ *Прозерпина;* перестань, *Плутонъ,* ты ужасть какъ низко мыслишь. Если ты не знаешь, какъ отъ этого отвязаться, то заведи только хорошій присмотръ въ адѣ, и первато, кто хотя одно слово скажетъ противъ твоихъ заведеній, отдай на исправленіе *Алектонѣ:* ты увидишь послѣ, какъ весь адъ будетъ доволенъ, и всѣ тѣни будутъ превозносить тебя похвалами. Что нужды, будутъ ли согласны ихъ мысли съ лицемъ: это такая мелочь, въ которую непристойно входить величеству. Отними только свободу и смѣлость у тѣней: послѣ того, хотя переодѣнь весь адъ въ шутовскія платья, заставь философовъ писать негодныя пѣсенки, весталокъ пѣть ихъ, а героевъ плясать — и ты увидишь, что они всѣ съ такимъ усердіемъ то будутъ исполнять, какъ будто-бы родились для того. Нужно ли, чтобы владѣтель угождалъ желанію, хотя бы и очень разумному, нѣсколькихъ милліоновъ тварей и былъ бы ихъ слугою; не гораздо ли пристойнѣе, чтобы всѣ его подданные послѣдовали его дурачествамъ? Тотъ одинъ, по моему мнѣнію, истинный владѣтель, кто можетъ по своей волѣ цѣлый народъ фи-

лософовъ заставить дурачиться. Будь увѣренъ, что *Фурбиній* намъ въ этомъ поможетъ.» — *Прозерпина!* сказалъ *Плутонъ,* положимъ, что я сдѣлаю *Фурбинія* по себѣ здѣсь первымъ; но будетъ ли онъ столько уменъ, чтобы поддержать свое достоинство? Впрочемъ, ты знаешь, что глупый вельможа въ глазахъ народа во сто разъ смѣшнѣе глупаго простолюдина; и если тѣни увидятъ въ числѣ моихъ приближенныхъ десять дураковъ, то большая половина ада сочтетъ и меня полуумнымъ. — «О, такъ ты не знаешь здѣсь обширности твоей власти! отвѣчала *Прозерпина.* Что же можетъ льстить болѣе владѣтелю, какъ не то, чтобъ заставить весь народъ почитать умною такую тварь, въ которой нѣтъ и золотника мозгу, а плутомъ человѣка, посвятившаго себя добродѣтели. Хотя многіе потихоньку тому смѣются, но тѣ же самые въ обществѣ послѣдуютъ усердно мнѣнію своего владѣтеля и уважатъ или презрятъ ту особу, смотря по его объявленію. *Калигула* сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, — и всѣ Римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая того, что потомки *Калигулина* коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣки будутъ также смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ новые вѣки хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая ихъ отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ. Но какая разница, любезный *Плутонъ,* между тобою и *Калигулою:* тотъ, пользуясь своимъ правомъ, могъ хотя заставить свой народъ молчать и уважать свои дурачества; но онъ, конечно, зналъ, что потомки положатъ истинную цѣну его дѣламъ; а мы съ тобою, любезный супругъ, не можемъ опасаться потомковъ:

мы безсмертны и, исполняя маленькія свои прихоти, всегда будемъ въ силахъ принудить тѣней почитать шалости. Если бы намъ вздумалось кого-нибудь взять изъ бѣшенаго дома и сдѣлать нашимъ первымъ министромъ, то и тогда имѣли бы мы способъ весь адъ заставить почитать его первымъ мудрецомъ во всей подсолнечной.»

Послѣ такихъ убѣдительныхъ доказательствъ, *Плутонъ* не могъ болѣе противиться своей женѣ. Они удалились въ кабинетъ и, съ помощію *Фурбиніи*, сочинили объявленіе о его достоинствѣ, которое немедленно отдано было *Харону*, чтобы онъ объявлялъ его всѣмъ новопріѣзжающимъ тѣнямъ; прибили подлѣ Цербера, который подкусывалъ голени всѣмъ, кто осмѣливался хотя улыбнуться при чтеніи столь премудраго сочиненія, и потомъ разослали по всему аду. Тремъ *фуріямъ* дали также по одному экземпляру, и видъ этихъ сестрицъ, вооруженныхъ бичами, не малую придавалъ силу краснорѣчію *Плутона*. Тебѣ, я думаю, любопытно узнать, любезный *Маликульмулькъ*, эту граммату: прочти, вотъ ея списокъ:

«По изволенію судебъ, мы, повелители непобѣдимаго ада, обладатели всѣхъ помершихъ и имѣющихъ «помереть племенъ земныхъ, нашему аду спокойствіе.»

«Извѣстно во всемъ свѣтѣ, съ какимъ благоволеніемъ принимали и принимаемъ мы въ наше покровительство оставляющихъ этотъ свѣтъ людей, по разнымъ обстоятельствамъ. Милліоны храбрыхъ героевъ, перерѣзавшихъ другъ друга, здѣсь нашли себѣ общее и мирное пристанище; погубившіе себя отъ невоздержанія болѣзнями обрѣли здравіе и не опасаются болѣе врачей; гонимые счастіемъ, не ждутъ болѣе здѣсь перемѣнъ непостоянной фортуны; лишенные жизни несправедливо своими государями, имѣютъ удовольствіе жить

съ ними здѣсь въ братскомъ согласіи; и сами государи не боятся здѣсь ежечасно возмущеній, бунтовъ и народныхъ роптаній, и живутъ спокойно отъ нападенія зависти; полуученые и безумцы не терзаются досадою видѣть свѣтъ, почитающій ихъ глупѣе ихъ сверстниковъ. Смерть сравниваетъ всѣ умы и познанія: здѣсь нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни знатныхъ, ни подлыхъ; нѣтъ ни зависти, ни презрѣнія.»

«Радуясь этому, и желая еще тверже оградить спокойство нашихъ подданныхъ, благоизволяемъ мы учредить нѣкоторыя перемѣны въ адѣ, которыя произвесть поручаемъ Римлянину *Фурбинію*. А какъ для произведенія этихъ перемѣнъ нуженъ добросовѣстный и умный человѣкъ, поэтому во всѣхъ обширныхъ предѣлахъ нашего пространнаго владѣнія повелѣваемъ почитать его, *Фурбинія*, честнымъ и разумнымъ человѣкомъ, потребнымъ для адскаго благосостоянія, и признавать его главнымъ надзирателемъ всѣхъ тѣней.»

«Повелѣваемъ всему аду вѣрить, что онъ, *Фурбиній*, совершеннѣе другихъ тѣней, и потому имѣетъ неоспоримое право называть безумнымъ всякаго, кого будетъ ему угодно, выключая нашего величества. Ассирійскіе, Египетскіе и Греческіе мудрецы должны уступать ему въ премудрости. Сверхъ того, хотя онъ, *Фурбиній*, въ своей жизни не сдѣлалъ никакого храбраго дѣла и предпочиталъ пляску военному искусству, но мы, чрезъ это объявляемое наше соизволеніе, признаемъ его, *Фурбинія* первымъ героемъ изъ смертныхъ. *Александръ*, *Киръ*, *Аннибалъ*, *Сципіонъ*, и побѣдители свѣта, и искусные полководцы, да не дерзаютъ съ нимъ спорить въ преимуществѣ военнаго званія, подъ опасеніемъ за всякій споръ по семидесяти ударовъ бичемъ *Алектоны*.»

«Если же кто изъ философовъ дерзнетъ сказать, что тѣни всѣ равны и что *Фурбиній* не умнѣе *Сократа*

или другихъ мудрецовъ, — таковыхъ возмутителей общей тишины подвергать жесточайшему штрафу; ибо благоугодно намъ, чтобы всякій, не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе *Фурбиніева* ума и храбрости, признавалъ его храбрѣе и умнѣе себя, и чтобы всѣ другія тѣни повиновались его повелѣніямъ; и хотя бы они возбуждали народный плачъ, но со всѣмъ тѣмъ повелѣваемъ признать ихъ справедливыми; если же они касаться будутъ до опасности собственной нашей особы, тогда докладывать намъ; однако жъ, подъ опасеніемъ вѣчной муки доносчику, если *Фурбиніево* краснорѣчіе побѣдитъ его доказательства.»

«Въ заключеніе, повелѣваемъ тремъ *фуріямъ* принять въ начальство семьдесятъ тысячъ адскихъ духовъ, и стараться соблюдать народное спокойство. Если же кто дерзнетъ объявленіемъ нашимъ быть не доволенъ, такого возмутителя, для общаго благосостоянія, бросать въ тартаръ на сто тысячъ лѣтъ.»

Послѣ такого убѣдительнаго объявленія ни одна тѣнь не осмѣлилась признавать *Фурбинія* безполезнымъ плясуномъ, но весь адъ принялъ твердое мнѣніе о его достоинствахъ, и *Фурбиній* такъ былъ этимъ доволенъ, какъ-будто бы получилъ *Плутоновымъ* указомъ геройство, умъ и добродѣтель.

Пожалованный въ мудрецы такимъ новымъ для ада образомъ, онъ не умедлилъ воспользоваться своею властію, далъ почувствовать ее всему аду и потомъ началъ набирать дворъ.

Онъ пошелъ.... Но я слышу шумъ во всемъ адѣ, всѣ бѣгаютъ и суетятся: конечно, случилась еще какая новая перемѣна. — Прости любезный *Малькуль-мулькъ*, я скоро увѣдомлю тебя о причинѣ и этого смятенія и о концѣ *Фурбиніева* набора.

XIV.

ОТЪ ГНОМА БУРИСТОНА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Очень опасно, по моему мнѣнію, любезный *Маликульмулькъ*, имѣть худаго совѣтника; но ничего нѣтъ опаснѣе, какъ имѣть его въ своемъ отцѣ. Есть однако жъ изверги, недостойные почтеннаго имени родителя, которые, вмѣсто наставленія, развращаютъ своихъ дѣтей. Ты узнаешь изъ прилагаемаго къ тебѣ письма, справедливы ли мои слова; но надобно прежде увѣдомить тебя, какимъ образомъ оно мнѣ досталось.

На дняхъ бѣгая изъ суда въ судъ, наконецъ отчаявался я сыскать преемниковъ тремъ нашимъ судьямъ: въ иныхъ мѣстахъ видѣлъ я, что судьи были больны одною болѣзнію съ *Эакомъ*, то есть, были глухи и не слышали словъ своихъ челобитчиковъ, а другіе, у которыхъ мозгъ былъ не въ лучшемъ состояніи, какъ у *Миноса*, не понимали, что̀ имъ читали подъячіе, и подписывали все то, что угодно было ихъ секретарямъ, которые употребляли ихъ орудіемъ къ своему обогащенію. Хотя и были между ними разумные, но они болѣе занимались происками, чтобъ возвысить себя и унизить своихъ противниковъ, нежели дѣлами челобитчиковъ; такимъ образомъ бѣднымъ челобитчикамъ не было другаго утѣшенія, кромѣ добрыхъ судей, которымъ не даютъ никакой воли и которые столь робки, что, боясь истиною прогнѣвать знатныхъ господъ, потакаютъ несправедливости ихъ любимцевъ.

Прохаживаясь такимъ образомъ, остановился я въ прихожей одного суда, чтобы нѣсколько отдохнуть, и лишь только присѣлъ, какъ вдругъ вошла въ ком-

нату бѣдная женщина, которая, дожидаясь случая увидѣть судей, сѣла подлѣ меня. Какъ я представлялъ челобитчика, а она дѣйствительно въ судѣ имѣла искъ, то и ничего не было легче намъ, какъ разговориться о нашихъ дѣлахъ. Я разсказалъ ей мнимую повѣсть о своихъ, а она открыла мнѣ свои.

«Три рода женщинъ знаю я только несчастныхъ, сударь, сказала она мнѣ. Первыя изъ нихъ нѣмыя спорщицы, которыя лишены удовольствія обыкновеннымъ своимъ орудіемъ отгонять отъ себя досадчиковъ, вторыя молодыя щеголихи, которыя принуждены жить въ деревнѣ, а третьи тѣ женщины, которыя, перешедъ за сорокъ лѣтъ своей жизни, имѣютъ тяжебныя дѣла. Ахъ! продолжала она со слезами, я претерпѣла всѣ это злосчастія. Желая отвязаться отъ строгихъ моихъ родителей, я вышла за-мужъ въ молодыхъ лѣтахъ за одного бѣдняка. Я была красавица, сударь, и могла сдѣлать его счастливымъ; но этотъ негодяй увезъ меня въ свою деревню, гдѣ я должна была проводить лучшія мои лѣта не видя никого, кромѣ рогатаго скота и нѣсколькихъ мужиковъ, которые еще отвратительнѣе были моего мужа. Въ такой горести одно утѣшеніе оставалось мнѣ, чтобъ всякой день перебранишь всѣхъ, начиная съ него и до послѣдняго скотника; да и подлинно, не проходило ни одной минуты, чтобы кто изъ нихъ, къ моему утѣшенію, не сдѣлалъ какого дурачества. Такимъ-то образомъ всегда для меня было нѣкоторое упражненіе и мой языкъ умолкалъ только тогда, когда я засыпала. Но, о несчастіе! кричавши шесть недѣль сряду, я охрипла и мой язычекъ упалъ. (Тутъ бѣдная женщина еще больше заплакала.) Вообразите, сударь, мое состояніе: всякой день открытыми глазами я видѣла всѣ дурачества моего мужа, моихъ дѣвокъ и нашихъ дворовыхъ, и принуждена

была все это сносить, не выговоря ни одного слова; всякой день брюзгливый мой мужъ дѣлалъ мнѣ свои вздорныя поученія, а я не могла заглушить его своими словами и, вытараща глаза, принуждена была слушать его вранье. Такимъ мученіемъ наказывалъ меня Богъ семь лѣтъ! Жестокій мужъ мой старался какъ можно отдалять отъ меня всѣхъ лекарей, чтобы продолжить навсегда пріятную для него мою болѣзнь; но наконецъ Небо сжалилось на мое мученіе: я занемогла зубами; призвали лекаря, и онъ, ошибкою, вмѣсто зубовъ, вылечилъ мой язычекъ, который поднялся попрежнему. Я была внѣ себя отъ радости, и какъ ни велика была моя боль въ зубахъ, но я въ ту же минуту пошла браниться съ моимъ мужемъ и, думаю, точно этимъ крикомъ прогнала отъ себя зубную болѣзнь; но какъ бы то ни было, только я твердо вознамѣрилась наградить несносныя для меня семь лѣтъ моей нѣмоты. Уже я чувствовала пріятнѣйшее удовольствіе слышать, какъ мой голосъ раздавался по комнатамъ; уже ни чьихъ рѣчей въ домѣ, кромѣ моихъ, не было слышно, какъ дьяволъ позавидовалъ моему счастію. Спустя три недѣли послѣ моего выздоровленія, послѣ обѣда вошла я въ комнату, гдѣ мужъ мой имѣлъ привычку въ это время спать. Я нашла его закутанаго въ одѣяло, хотя уже на дворѣ было семь часовъ пополудни. Скажите, приличенъ ли былъ этотъ часъ, чтобъ спать? Вы можете догадаться, что я въ ту же минуту начала браниться: по крайней мѣрѣ на этотъ разъ я была справедлива. Я сѣла противъ него у окошка и кричала ему, что хозяйство требовало, чтобъ не быть такъ сонливымъ. Развѣ позабылъ ты говорила я ему, что мы еще сегодня не были въ прядильной и не бранили бабъ; развѣ ты не вспомнишь, что уже скоро будетъ время итти ко всенощной, а

прежде еще этого тебѣ надобно пересѣчь мужиковъ за то, что они сегодня не успѣли до ненастья въ огородъ съѣздить и убраться съ поля, и развѣ вышло у тебя изъ головы, негодяй, продолжала я, что у тебя есть жена, отъ которой ты и такъ всегда бѣгаешь и дѣлаешь ее пустынницею; вѣдь здѣсь не городъ, гдѣ бы я могла найти тысячу человѣкъ, кѣмъ и безъ тебя заняться; словомъ: кричала ему сколько могла, и наконецъ, соскуча его терпѣніемъ сдернула съ него одѣяло, — но, о Небо! онъ уже былъ холоденъ, — мой мужъ умеръ. Представьте, каково было мое мученіе: онъ не слыхалъ ни одного слова, что я ему говорила. (Бѣдная женщина опять заплакала.) Этого-то перенести не было уже у меня силъ; я зарыдала, какъ могла громче, но уже ничто не помогло; однимъ словомъ сказать: я его похоронила, проживши съ нимъ только три недѣли послѣ моей нѣмоты.

Какъ покойникъ меня любилъ и былъ, впрочемъ, добрый человѣкъ, — царство ему небесное! — то онъ еще за-живо укрѣпилъ мнѣ свою деревнишку. Я нашла его крѣпость и, вступя во владѣніе этого помѣстья, думала спокойно провести остатокъ своей жизни; но проклятый ябедникъ, мой сосѣдъ, узнавши, что мой мужъ умеръ, сыскиваетъ какое-то право на мою деревню и зачинаетъ со мною тяжбу, когда я еще не успѣла оглядѣться. Онъ, будучи богатъ, съ самаго начала выгоняетъ меня изъ деревни и послѣ того подаетъ прошеніе, чтобы судьи подписали приговоръ, который онъ прежде уже разсмотрѣлъ и исполнилъ.

Это принудило меня пріѣхать сюда, въ городъ; но уже судьи подписали то, что онъ сдѣлалъ. Я ихъ просила и доказывала мою справедливость; они обо мнѣ сожалѣли, но не передѣлали моего дѣла, можетъ быть, потому, что уже издержали деньги, заплаченныя имъ

за этотъ приговоръ; а мнѣ не чѣмъ было надбавить цѣну моего соперника; и-такъ, я осталась въ проигрышѣ. Послѣ того перенесла я мое дѣло въ другой судъ, и услышала, что тутъ судья не любилъ брать взятокъ: это нѣсколько меня обнадежило; но я, къ несчастію, узнала, что онъ любилъ пить съ своими челобитчиками. Мой соперникъ напивался съ нимъ всякой день до-пьяна, — и я опять потеряла свой искъ. Наконецъ, я перенесла дѣло въ этотъ судъ, и вездѣ съ радостію слышала, что здѣсь главный судья не пьетъ и не беретъ взятокъ. Но несчастіе не перестаетъ меня гнать. Вчера увѣдомилась я, что хотя онъ дѣйствительно правосуденъ, но что одинъ взглядъ молодой женщины въ состояніи испортить его вѣсы; а у моего соперника жена жеманница, двадцати двухъ лѣтъ. Не несчастливая ли я женщина! Еслибъ за двадцать лѣтъ назадъ была эта проклятая тяжба, то я, ни мало не заботясь, надѣялась бы на свою справедливость; но бывъ обременена сорока двумя годами, могу ли я надѣяться побѣдить соперника, женатаго на двадцатилѣтней красавицѣ? Ахъ! сударь, пригожая женщина всякую ложь можетъ сдѣлать истиной; у нашего судьи, конечно, есть глаза и сердце. — Ну, сударыня, отвѣчалъ я, если бы не было у него глазъ, то онъ не разсмотрѣлъ бы истины; а ежели бы не было сердца, то бы онъ не трогался ею. — «Ахъ! сударь, вскричала огорченная вдова, я не на то жалуюсь, что у него есть сердце и глаза, но на то, для чего эта проклятая тяжба не за двадцать лѣтъ впередъ случилась.

Едва окончила она рѣчь свою, какъ вдругъ вышелъ судья, человѣкъ весьма набожнаго вида. «Кто здѣсь госпожа *Безумолкова*, урожденная *Златоскова?*» спросилъ онъ. — Я, сударь, — отвѣчала вдова. «А! су-

дарыня, я читалъ ваше дѣло и, не смотря на рѣшеніе двухъ судовъ, вижу вашу справедливость. И-такъ, будьте увѣрены, что оно кончится въ вашу пользу въ самомъ скоромъ времени; а между-тѣмъ, чтобъ узнать рѣшительный приговоръ, вы можете пожаловать ко мнѣ сегодня въ четвертомъ часу по полудни.» Послѣ этого онъ поговорилъ еще съ нѣсколькими челобитчиками и пошелъ въ судейскую, оставя и вдову и меня въ величайшемъ удивленіи о столь рѣдкомъ его добродушіи.

«Видите ли, сударыня, сказалъ я вдовѣ, какъ вы прежде времени несправедливо жаловались на этого судью; онъ, не бравъ съ васъ денегъ, не напиваясь съ вами пьянъ и не изъ уваженія къ вашимъ прелестямъ, которыхъ, конечно, разсмотрѣть ему было нѣкогда, хочетъ рѣшить дѣло въ вашу пользу.» — Это меня восхищаетъ, отвѣчала она, и я теперь же отпишу обо всемъ старшей моей сестрѣ, *Златоисковой*. — «Какъ, сударыня, спросилъ я, у васъ есть старшая сестрица, которая еще не за-мужемъ?» — Чему же вы дивитесь? отвѣчала вѣтреная вдова; ей еще не болѣе двадцати семи лѣтъ: она можетъ еще имѣть въ свое время женіховъ. — Послѣ этого вѣтреная *Безумолкова* пошла отъ меня въ восхищеніи, позабывъ о томъ, что она за двѣ минуты предъ тѣмъ проболталась мнѣ, въ своей печали, что ей сорокъ два года, а я отправился домой.

Вотъ, наконецъ, нашелъ я хотя одного честнаго судью! думалъ я самъ по-себѣ: теперь мнѣ есть чѣмъ обрадовать *Плутона*, который уже, какъ мнѣ кажется, на меня сердится, что я до-сихъ-поръ не сыщу для него добраго блюстителя законовъ, и приписываетъ, можетъ быть, моему нерадѣнію то, что̀ должно приписывать нерадѣнію большихъ господъ. Докажемъ же

адскимъ жителямъ, что и здѣсь есть судьи, которыхъ перо свободно и не управляется ни деньгами, ни виномъ, ни женщинами, и поспѣшимъ похитить у свѣта человѣка, который, конечно, или развратится, или будетъ гонимъ.

Узнавши домъ этого судьи, въ три часа пополудни, поторопился я къ нему, чтобъ уговорить его заступить мѣсто *Эака*. Домъ его не показывалъ въ себѣ ничего великолѣпнаго и тѣмъ болѣе увѣрялъ меня въ безкорыстіи хозяина. Я не видалъ ни одной бутылки во всемъ домѣ, почему имѣлъ причину думать, что онъ очень воздержанъ; также не сыскалъ я тамъ ни одной женщины, кромѣ семидесятилѣтней старухи, которая перемывала посуду и ворчала, что она достальные зубы переломала о черствыя корки хлѣба, не находя ничего другаго къ столу, — и это подтвердило мои мысли, что у него женщины не много выиграютъ своею несправедливою просьбою. Я позабылъ тебѣ сказать, что, желая его посмотрѣть, я сдѣлался невидимымъ.

Такимъ образомъ прошелъ я до самой той комнаты, въ которой онъ писалъ письма. Между прочими, изготовленными, лежало одно, къ его сыну. Я его тихонько взялъ и читалъ съ великимъ удивленіемъ; думаю, что и ты не меньше моего удивишься, когда его разсмотришь. Вотъ оно:

Любезный сынъ!

«Пріятное твое мнѣ письмо я въ этомъ мѣсяцѣ получилъ, и радуюсь, что ты въ приказѣ набилъ руку такъ твердо, что своимъ четкимъ письмомъ и самому слѣпому судьѣ можешь поправиться. Только замѣтилъ я, что ты букву *ять* пишешь очень часто и ставишь двое-

точія, запятыя и точки. Пожалуй, повоздержись, *Лентулушка,* а то еще скажутъ, что ты некстати умничаешь. Замѣть, мой другъ, что судья, который не употребляетъ *ятей* и запятыхъ, никогда не бываетъ друженъ съ секретаремъ, который пишетъ по фородрафіи. Да, мнѣ и еще есть нуждица кое о чемъ съ тобою поизъяснитца.»

«Ты пишешь, что тебѣ несносна приказная служба и просишь дозволенія ее оставить. — Съ чего ты это забралъ себѣ въ голову, другъ мой? Да знаешь ли ты, что твой дѣдъ нажилъ въ этой службѣ больше сорока тысячъ рублей; твой отецъ пріобрѣлъ большой каменный домъ, въ четыре этажа; да и ты, мой свѣтъ, доколѣ не наживешь хотя посредственной деревнишки, дотолѣ я тебя изъ этой службы не выпущу, или не будь надъ тобою мое благословеніе; а ты знаешь, что этимъ шутить дурно.»

«Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ! — Вотъ какой вздоръ! Да я, братъ, и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ, за то нынѣ и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, другъ мой, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Будто велика бѣда въ праздникъ сходить къ судьѣ на поклонъ! Вѣдь нѣчего же дѣлать. Къ обѣдни, скажешь ты мнѣ. — Къ обѣдни, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а если и нѣкогда будетъ, то Богъ не взыщетъ: Онъ до насъ милостивъ и не прогнѣвается, если иногда прогуляешь обѣдню; а совѣтникъ станетъ сердиться, если не придешь къ нему въ праздникъ поутру, и можетъ за это отомстить. Богъ, по великой Своей благости, конечно, проститъ, когда покаешься; а бояре, вѣдь, и покаянія не принимаютъ.

Я здѣсь знаю одного молодаго упрямца, который

такъ же, какъ и ты, опредѣлясь въ штатскую службу, думалъ, что совсѣмъ не нужно ходить на поклонъ, и хотѣлъ лучше угодить своему начальнику прилежностію къ своей должности; но онъ тѣмъ сдѣлался несчастливъ. Лучше бы было, если бы онъ прогулялъ, не бывши въ приказѣ сто дней, нежели пропустить шесть воскресеньевъ, не постоявъ въ передней у своего покровителя, который за то лишилъ его мѣста и принялъ къ себѣ въ прихожую на жалованье другаго, который и до нынѣ за триста рублей въ годъ и за два чина въ три года, ходитъ къ нему въ прихожую исправно по всѣмъ табельнымъ праздникамъ. Берегись, чтобъ и съ тобою не случилось такого же изгнанія: вѣдь и пѣнять не на кого будетъ; ты тѣмъ не мало себя въ людяхъ обезчестишь, для того, что со стороны не всякой догадается: голова ли, или ноги твои были причиною, что тебя отставили.»

«Еще ты пишешь, что онъ тебѣ иногда несправедливые дѣлаетъ выговоры, и что ты, при первомъ случаѣ, самъ скажешь ему, что онъ неправильно тебѣ выговариваетъ; берегись это дѣлать, сынокъ! Командиръ долго помнитъ, если ему подчиненный скажетъ, что онъ совралъ; а это можетъ имѣть очень худыя послѣдствія. Впрочемъ, ты хотя человѣкъ благородный, но еще очень молодъ: для чего бы не вытерпѣть тебѣ отъ начальника грубаго словца. Я слыхалъ, какъ вашу братью, благородныхъ, дураками и скотами называютъ, а иногда и палкою по лбу заѣдутъ; да кто больше сноситъ, того больше и жалуютъ, и для того-то многіе благородные терпѣливо сносятъ отъ своихъ командировъ названіе глупца, разини и проч., помня пословицу: *гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.*»

«А если ты вздумаешь ему итти вопреки, то тебѣ же

будетъ хуже: я тебѣ пророчествую, что онъ хотя и перестанетъ тебя бранить, но за то подкопаетъ подъ тобою такую вину, что ты и мѣста не сыщешь. Ты опять мнѣ скажешь, что ты постараешься быть исправнымъ въ должности, слѣдственно и будешь безопасенъ отъ всѣхъ подысковъ. — Пустое, другъ мой! Да знаешь ли ты пословицу: *господинъ сыщетъ вину, если захочетъ ударить палкою свою собаку.* Притомъ ты долженъ знать и то, что всякой начальникъ представляетъ въ себѣ особу государя, и мы такъ же его слуги, какъ и государевы; а слугу-то ты, вѣдь, знаешь, что можно бить, какъ собаку. И-такъ, всѣ мы собаки, *Лентулушка,* и всѣхъ насъ можно бить палками, хотя нынѣ и запрещено это дѣлать. Но всякой ли подчиненный имѣетъ случай и предстательство, чтобъ получить удовольствіе на своего начальника? Довольно намъ и того утѣшенія, что и у нашихъ-то командировъ есть свои командиры, у которыхъ они также бываютъ слугами, какъ мы у нихъ.»

«И-такъ, оставь, пожалуй, твой строптивый нравъ и покорись лучше необходимости. Какъ, ты, въ твои лѣта и съ твоимъ умомъ не можешь сыскать счастія въ начальникѣ! Сколько разъ училъ я тебя, какъ надобно поступать въ такомъ случаѣ; а ты все позабываешь мои наставленія, и одно утямилъ себѣ въ голову, что ты *благородной! благородной!* Въ службѣ, другъ мой, надобно только это помнить передъ своими подчиненными, а передъ командирами должно совсѣмъ это изъ головы выкинуть. Каковъ бы глупъ конандиръ ни былъ, но кто захочетъ къ нему подбиться, тотъ позабываетъ свое *благородство,* старается подражать всѣмъ его дурачествамъ, хвалитъ его поступки, потакаетъ его словамъ, — и чрезъ то дѣлается первымъ его любимцемъ, а часто и получаетъ въ томъ

успѣхъ, хотя, впрочемъ, совсѣмъ не смыслитъ своей должности. Примѣть, любезный сынъ! что это не въ одномъ вашемъ судѣ наблюдается; не уже ли ты хочешь быть выродкомъ изъ приказныхъ?»

«Но если ты такъ лѣнивъ, то ищи хотя другою дорогою своего счастія. Ты знаешь у твоего судьи ключницу *Златоскову;* постарайся къ ней подбиться, избѣгая однако всякихъ грѣховныхъ помышленій. Впрочемъ, любезный *Лентулъ,* если бы ты такъ счастливъ былъ, что сыскалъ бы въ ней благополучіе, то чинка два вѣрныхъ схватилъ бы, для того, что у этихъ ключницъ отъ чиновъ часто бываютъ ключи; а ежели бы хотя и грѣховное что случилось, то бы ты еще въ свой вѣкъ умѣлъ покаяться, а чиновъ-то бы съ тебя не сняли. Я самъ грѣшный человѣкъ, *Лентулушка!* У моего совѣтника была кухарка; то правда, хотя я отъ нея чиновъ и не получалъ, но раза два отъ солдатчины избавлялся; да я и не лѣнивъ былъ, не такъ, какъ ты, *Лентулушка!*... Только слушай, *Лентулъ!* я тебѣ шутя это пишу; а въ самомъ дѣлѣ, что ты ни сдѣлаешь, я грѣха на себя не принимаю, по пословицѣ: *ты въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ.* Но ежели ты не боишься эпитиміи, то, пожалуй себѣ, залѣзь этой дорогой въ чинокъ, другой; я же, съ своей стороны, любезный другъ! никогда не оставлю тебя своими отцовскими молитвами.»

«Я о тебѣ болѣе думаю, нежели ты самъ. Мнѣ недавно попался случай, который можетъ послужить къ твоему благополучію, и я за него ухватился обѣими руками.»

«У меня недавно случилось дѣло какого-то богача, по прозванію *Кривопросова,* со вдовою *Безумолковою,* которая по отцѣ *Златосковыхъ.* Я тотчасъ представилъ, что она сестра ключницы твоего судьи, и, не

смотря на богатые подарки *Кривопросова*, рѣшилъ дѣло въ ея пользу. Я хочу съ нею свести знакомство, чтобы, посредствомъ ея, упросить ключницу о ея за тебя предстательствѣ. Видишь ли, другъ мой, чѣмъ я тебѣ пожертвовалъ! по крайней мѣрѣ тремя тысячами рублями; да если бъ только ты былъ порачительнѣе, то бы я былъ въ состояніи сдѣлать и еще болѣе: я бы женился на этой вдовѣ, чтобы тѣмъ породниться съ ключницею твоего начальника и привесть тебя у него въ милость; но сердце мое слышитъ, что ты не поддержишь моего намѣренія, и для того на старости я намѣренъ только за нею примахнуть.»

«Что же ты пишешь объ отставкѣ, то еще повторяю, что это совсѣмъ пустое, мой другъ! Чѣмъ ты жить станешь? развѣ съ своимъ секретарскимъ чиномъ по міру пойдешь. Что принадлежитъ до меня, то ты самъ знаешь, что я человѣкъ не слишкомъ достаточный, и прежде смерти ничего дать тебѣ не въ состояніи; если же ты, какъ говоришь, надѣешься на своихъ пріятелей, то, любезный сынъ, *не надѣйся ни на князи, ни на сыны человѣческія*, а лучше наживи самъ тысячъ пятьдесятъ, да тогда, съ Божьей помощію, и ступай въ отставку. Тогда если тебѣ приказная служба не будетъ нравиться, то съ такими большими деньгами можешь и въ военной службѣ сыскать себѣ счастіе. Хотя ты не будешь гремѣть храбростію и не напечатаютъ тебя во всѣхъ Европейскихъ вѣдомостяхъ, но что до этого нужды, и безъ того наживешь хорошихъ покровителей и будешь получать чины; вѣдь, вѣдомости не животная книга, въ нихъ не одни праведные вписываются.»

«Я загляпулъ еще въ твое письмо. Ты пишешь, чтобы прислать къ тебѣ хотя нѣсколько денегъ; только, право, мой другъ *Лентулушка*, у меня нѣтъ ни копѣйки, а

посылаю тебѣ мое родительское благословеніе и остаюсь навсегда

Отецъ твой
Авдый Частобраловъ.

XV.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Если бы случилось тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, быть въ здѣшней землѣ, ты очень бы удивился, услыша всенародное роптаніе на бѣдность. Здѣсь всѣ жалуются, что нѣтъ денегъ, отъ нищаго до милліонщика, и отъ сторожей у старыхъ архивъ, даже до вельможъ, приставленныхъ у смотрѣнія откуповъ и управленія тяжебными дѣлами. Всѣ тоскуютъ, что жить не чѣмъ; у всѣхъ недостатокъ въ необходимости и всѣ говорятъ, будто приближается послѣдній вѣкъ; а я такъ думаю, что свѣту преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались одни только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ, какъ между-тѣмъ самая малѣйшая неодушевленная вещь приводитъ ихъ въ движеніе. Но всего страннѣе, что они жалуются на судьбу въ томъ, въ чемъ сами виноваты; они ропщутъ на богатство прежнихъ временъ и негодуютъ на бѣдность настоящаго. Каково бы тебѣ показалось, что есть здѣсь люди, которые почитаютъ необходимостію прожить въ годъ двѣсти тысячъ рублей, хотя знатные люди древнихъ вѣковъ, каковъ былъ *Публикола* и прочіе, проживали во сто разъ меньше и не жаловались на свою бѣдность.

Говорятъ, будто здѣшніе жители, за 200 лѣтъ назадъ, не жаловались на свою бѣдность и почитали себя

богатыми, до того времени, когда Французы не растолковали имъ, что у нихъ нѣтъ ничего нужнаго, что они не похожи на людей, потому-что ходятъ пѣшкомъ, потому-что у нихъ волосы не засыпаны пылью и потому, что они не платятъ по двѣ тысячи рублей за вещь, стоющую не больше ста пятидесяти рублей, какъ то дѣлаютъ многіе просвѣщенные народы. Жители здѣшніе, услыша это, устыдились, что они не просвѣщены: стали отдавать Французамъ множество денегъ за бездѣлицы; заставили себя возить въ яликахъ такъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ; засыпали головы свои мукой — и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перещеголяли всѣхъ Европейцевъ.

И-такъ, здѣшній житель, который почитаетъ себя важнымъ въ большомъ свѣтѣ, желая сохранить эту важность, несетъ свой годовой доходъ, состоящій изъ трехъ тысячъ рублей, въ лавки, платя шесть сотъ рублей за кузовъ, въ которомъ протаскаютъ его не болѣе одного года; тысячу двѣсти рублей отдаетъ за хорошія Англійскія и Французскія матеріи на платье; на девятьсотъ рублей покупаетъ пряжекъ, цѣпочекъ и другихъ подобныхъ необходимостей; а послѣдніе триста рублей отдаетъ парикмахеру-Французу, и не оставя денегъ на столъ, жалуется, что хлѣбъ дорогъ, и ищетъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ богатый помѣщикъ превращаетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; а Французы имѣютъ искусство дѣлать эти товары такими, чтобъ превращались они черезъ мѣсяцъ въ ничто. И-такъ, мудрено ли, что здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ; ибо надобно, по крайней мѣрѣ, четыре куля муки, чтобъ превратить ихъ въ посредственную Англійскую шляпу, и надобно десять кулей, чтобъ имѣть простыя серебъ-

рянныя на ногахъ пряжки. Сначала хотя это и дѣлало вредъ щеголямъ, однако жъ тогда хлѣбъ раздѣлялся по народу, и господа недовольны были только тѣмъ, что надобно было много имѣть труда и терпѣнія дождаться нѣсколькихъ тысячъ кулей, чтобы превратить ихъ въ пуговицы и кружева. Французы наставили ихъ наконецъ на умъ и научили не одинъ только хлѣбъ, но и людей превращать въ модные товары. Послѣдуя такому премудрому наставленію, молодой помѣщикъ мало-по-малу убавляетъ у себя хлѣбопашцевъ, промѣниваетъ ихъ на модные товары, или превращаетъ въ волосочесовъ и портныхъ, отъ которыхъ надѣется доставать болѣе денегъ. И-такъ, лучшіе люди отнимаются съ полей, на которыхъ оставляются только старые и малолѣтные, мѣняются на разныя бездѣлки, а остальные, вмѣсто того, чтобъ доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ передникъ у своихъ господъ ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ. Просвѣщенные люди нынѣшняго вѣка дивятся невѣжеству своихъ предковъ: къ чему старались они наполнять свои житницы хлѣбомъ и содержать хорошо своихъ крестьянъ? Напротивъ того, сами, стараясь загладить ихъ погрѣшности, пекутся только о томъ, чтобъ имѣть у себя болѣе кафтановъ, и не инымъ чѣмъ думаютъ лучше доказать свое просвѣщеніе, какъ промотавъ въ шесть лѣтъ то, что̀ предки ихъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ скопили. Французы удивляются ихъ просвѣщенному вкусу, смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги. Эти Французы очень хитры, и довели наконецъ до того, что почти всякой изъ здѣшнихъ жителей мучится совѣстію и почитаетъ за стыдъ, если не отнесетъ ежегодно къ Французамъ три четверти своего дохода и пятую часть всего своего имѣнія.

Тебѣ странно, можетъ быть, покажется, какимъ образомъ принудили они здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не сбиралъ *Римъ* съ своихъ подвластныхъ народовъ, во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Но это политическое покореніе здѣшнихъ жителей Французами такъ хитро произведено въ дѣйство, что и я, бывши здѣсь, не могу этого разобрать подробно; нѣкоторые однако-жъ случаи и обхожденіе съ Французами подаютъ мнѣ о томъ слабыя мнѣнія, и мнѣ хочется только тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, представить ихъ на разсужденіе.

Желая закупить *Прозерпинѣ* модныхъ уборовъ, зашелъ я недавно во Французскую лавку, къ славнѣйшей здѣшней обманщицѣ. По обыкновенію своему, она хвалила мой вкусъ въ выборѣ вещей, въ которыхъ, признаюсь, не находилъ я никакого толку; а я игралъ передъ нею лице деревенскаго дворянина, которымъ по большей части показываю я себя для того, чтобъ люди, видя меня подъ такимъ покровомъ, менѣе остерегались, и я бы имѣлъ болѣе случая ихъ узнать. «Каковъ этотъ тюрбанъ?» спросилъ я у Француженки. — Государь мой! сказала она съ восхищеніемъ, вы ни на что дурное не покажете: вамъ все то нравится, что прекрасно; вы, конечно, недавно возвратились изъ Парижа, что имѣете вкусъ столь сходный со вкусомъ тамошнихъ жителей. — «Нѣтъ, сказалъ я, я недавно пріѣхалъ изъ деревни и къ родственницамъ моимъ хочу послать нѣсколько уборовъ; мнѣ хочется въ этомъ случаѣ попросить твоего совѣта.» Француженка сдѣлала мнѣ горделивый поклонъ и зачала передо мною вновь перебирать разные уборы. — Я, сударь, не знаю, говорила она, какихъ

лѣтъ ваши родственницы; однако жъ вы увидите, что моя лавка можетъ наградить недостатки каждаго возраста. Начнемъ по старшинству: вотъ, напримѣръ, прекрасный покоевый чепецъ; онъ можетъ быть подпорою вашей бабушкѣ, если она у васъ есть: пусть только надѣнетъ она его на себя, то этотъ чепецъ, закрывши половину ея лица и глазъ, закроетъ половину ея лѣтъ; прибавьте еще къ этому нѣсколько румянъ, хорошее шнурованье и пышную косынку, то она можетъ легко найти себѣ обожателей; а если еще прибавить, сказала она поклонясь, пятьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами, то и женихи къ ней сыщутся.... Вотъ, сударь, еще соломенная шляпка; красавицы, у которыхъ дурны глаза, а особливо тѣ, которыя подъ ними носятъ знаки своего усердія къ Цитерской богинѣ, разбираютъ у меня сотнями такія шляпки, и, прикрывая имъ глаза и носъ, оставляютъ любопытнымъ видѣть одинъ только подбородокъ, красотою котораго, также и улыбкою прелестныхъ своихъ устъ, могутъ привлекать онѣ къ себѣ толпу обожателей. —

— За нѣсколько лѣтъ было здѣсь варварское обыкновеніе, что женщины, вступая въ собраніе, не имѣли способовъ себя скрывать: лица ихъ были открыты, и онѣ такъ плотно обвертывались въ платье, что недостатки и погрѣшности въ красавицахъ были видны съ перваго на нихъ взгляда; но, благодаря просвѣщенію нынѣшняго вѣка, онѣ выдумали теперь способъ, бывъ въ собраніяхъ, видѣть тамъ всѣхъ, а самимъ не быть ни кѣмъ видимыми, или показывать публикѣ только то, что онѣ у себя почитаютъ совершеннѣе и чѣмъ болѣе къ себѣ стараются привлечь обожателей. Однако жъ со всѣмъ тѣмъ здѣшнія женщины такъ неблагодарны, что нерѣдко бранятъ насъ, Француже-

нокъ, будто мы имъ такіе способы продаемъ очень дорого; но посудите, сударь, справедливы ли ихъ на насъ роптанія, и какъ много онѣ намъ обязаны! —

— Дѣвушки, которыя имѣютъ справедливые свои расчеты скрывать свой станъ, съ которымъ иногда могутъ подозрительными показаться въ собраніяхъ, приходятъ къ намъ и берутъ у насъ себѣ длинный салопъ, который, скрывая всѣ ихъ недоставки, оставляетъ видѣть одно только прекрасное ихъ лице. Сами родители ихъ не знаютъ ихъ состоянія, и нерѣдко та, которая прогуливается въ такомъ салопѣ, потупя свои прекрасные глаза, почитается цѣломудренною и неприступною *Весталкою,* хотя она во всѣхъ собраніяхъ ходитъ самъ-другъ, или самъ-третей. И-такъ, сударь, съ нашею помощію старушки чепцами закрываютъ у себя половину лѣтъ, молодыя женщины закрываютъ недостатки своихъ глазъ и носовъ, а молодыя дѣвушки дѣлаются невидимыми и скрываютъ, что онѣ столько же знаюшти, сколько ихъ матушки. Вотъ, сударь, сколько мы нужны въ самыхъ необходимостяхъ! Но что жъ! если говорить о щегольствѣ, то я должна была бы васъ задержать у себя три дня, когда бы захотѣла разсказывать обо всѣхъ вспомоществованіяхъ, какихъ ищутъ у меня женщины, чтобъ умножить красоту свою и придать молодымъ болѣе пышности, а пожилымъ болѣе пріятности. Мы поправляемъ несовершенства всѣхъ родовъ: волосы, зубы, хорошій станъ, прекрасную ножку, прелестную грудь; однимъ словомъ: все можно достать моею помощію; и безъ честолюбія скажу: я вторая мать модныхъ женщинъ, потому-что перераждаю изуродованныхъ природою и своимъ поведеніемъ красавицъ. Признаюсь, что, бывая на гуляньяхъ, я всегда съ восхищеніемъ смотрю на множество прелестныхъ дочерей, которыя мною живутъ въ большомъ свѣ-

тѣ, и какихъ никогда не удастся произвести природѣ. И-такъ, не должны ли эти дочери мнѣ, какъ матери своей, жертвовать своими деньгами и своею благодарностію? Я, сударь, говорила это для того, чтобъ вы, узнавъ свойства разнаго рода уборовъ, выбирали по тому сходныя для вашихъ родственницъ. —

Она хотѣла еще долѣе продолжать свои прекрасныя описанія, какъ вдругъ вошелъ въ лавку Французъ, въ изодранномъ платьѣ, и кинулся къ ней на шею. «А! любезная сестрица, вскричалъ онъ, я еще тебя вижу.» — А! любезной братъ, вскричала Француженка, ты еще живъ, Небо обрадовало меня твоимъ присутствіемъ; но ты весьма въ худомъ состояніи... — «Надобно мнѣ съ тобою о многомъ переговорить, отвѣчалъ онъ.» Послѣ этого Француженка отложила мнѣ съ поспѣшностію свои уборы, и я, отдавъ ей деньги, обѣщалъ черезъ часъ за ними зайти; но вышедши за дверь сдѣлался невидимымъ и воротился въ лавку, любопытствуя узнать о тѣхъ важностяхъ, которыя хотѣлъ разсказывать Француженкѣ братъ ея.

«Любезная сестрица! говорилъ ей Французъ, какимъ образомъ выплелась ты изъ *смирительнаго дома?* — Я удовольствую твое любопытство, сказала ему сестра; но скажи мнѣ напередъ: какъ ты выскочилъ изъ *бастиліи* и увернулся отъ висѣлицы, которую уже давно Французская полиція приготовила въ награжденіе за твои добрыя дѣла? — Наконецъ, по нѣкоторомъ спорѣ, кому изъ нихъ первому зачинать свою повѣсть, Французъ началъ такъ:

«Тебѣ извѣстно, любезная сестрица, что я, за разные обманы и плутовства, получилъ уже орденъ на плечо и былъ очень худо отподчиванъ полиціею; однако жъ, чувствуя въ себѣ отважный духъ, ибо по необходимости не могъ я сдѣлаться такимъ плутомъ,

котораго бы плутовство уважала полиція, рѣшился я продолжать свое карманное ремесло, и наконецъ, какъ тебѣ извѣстно, попался въ *бастилію* въ то самое время, какъ тебя отвели въ *смирительный домъ*. — Правительство приговорило, чтобы я украсилъ собою Парижскія висѣлицы; но я, притворясь больнымъ, умѣлъ уговорить своего надзирателя, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ съ собою прогуляться на верхнихъ площадкахъ, гдѣ, проломя ему голову ключами, спустился внизъ по тоненькой веревочкѣ, и хотя, оборвавшись, лежалъ съ полчаса мертвымъ, однако уплелся поскорѣе отъ столь опаснаго для меня мѣста. Послѣ этого мнѣ уже не было болѣе никакого способа остаться въ Парижѣ, ибо я столь коротко познакомился съ полиціею, что многіе знали меня въ лицо. Я прибѣгнулъ въ такомъ случаѣ къ моимъ товарищамъ, и они присовѣтовали мнѣ бѣжать сюда, гдѣ многіе честные люди нашего ремесла снискиваютъ себѣ хлѣбъ и бываютъ въ великомъ уваженіи. Слѣдуя такому совѣту, я уплелся кое-какъ, не имѣя ни полушки денегъ, и для того, чтобы поддержать мое путешествіе, на дорогѣ бывалъ я въ иныхъ трактирахъ маркеромъ, кое-гдѣ убиралъ волосы, а въ иныхъ мѣстахъ дѣлался искуснымъ въ физикѣ и представлялъ опыты моего въ ней познанія. Женщины мнѣ покровительствовали; но Поляки чуть меня не изрубили за это искусство саблями, а Германцы едва не застрѣлили изъ пистолета; однако жъ со всѣмъ тѣмъ, наконецъ доплелся я сюда, и увидя первую Французскую лавку, вошелъ, ожидая себѣ, какъ отъ землячки, нѣкоторой помощи, — и Небо дало мнѣ тутъ увидѣть тебя, любезную сестру! тебя, которую давно уже почиталъ я сосланною правительствомъ въ Америку, для размноженія человѣческаго рода. Я съ радостію вижу, что ты здѣсь находишься

въ такомъ состояніи, которому бы и въ новомъ свѣтѣ теперь позавидовали. Ахъ, если бъ и я не умеръ здѣсь съ голоду!.... Но что мнѣ дѣлать? я не знаю никакого ремесла, чѣмъ бы могъ себя пропитать...» — Не печалься объ этомъ, любезный братъ! сказала ему его добродушная сестра, я пріищу тебѣ выгодное мѣсто: вступи въ учители; это такое званіе, которымъ многіе изъ твоей братьи нажили себѣ вѣчный хлѣбъ. — «Какъ, сказалъ Французъ, мнѣ въ учители!... Сестра! ты знаешь, что я не только морали и науки преподавать, но даже и Французскія книги читать неспособенъ.» — Бездѣлица, любезный другъ, вскричала Француженка, бездѣлица; довольно, что ты Французъ, чтобы заставить здѣсь тебя почитать знающимъ. Послѣзавтра представлю я тебя къ одной вдовѣ и ты, вѣрно, будешь хорошо принятъ. Помни только мои наставленія: будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что увидишь въ домѣ сдѣланное не по Французскому вкусу, и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонности къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что̀ долженъ ты называть опрятствомъ. Главное твое правило будетъ состоять въ томъ, чтобы учить ихъ лепетать и кланяться по-Французски. Какъ скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родители почтутъ себя счастливыми; тебя назовутъ мудрецомъ, а дѣтей своихъ станутъ возить на-показъ по городу. Но пойдемъ ко мнѣ въ комнаты, переодѣнься и готовься вступить въ такую прекрасную должность, отъ которой я, пріѣхавши сюда, получила состояніе; а остальныя наставленія я дамъ тебѣ при вступленіи твоемъ въ это званіе. —

Вотъ чѣмъ кончились поученія Француженки; и мы скоро увидимъ, любезный *Милкульмулькъ*, какимъ образомъ поступитъ нашъ учитель и какой чес-

ти будетъ удостоенъ бѣжавшій изъ *бастиліи* Французъ.

XVI.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Теперь я хочу увѣдомить тебя, любезный *Маликульмулькъ*, о томъ, чѣмъ кончилось предпріятіе Француженки, желающей пристроить брата своего къ мѣсту.

Мнѣ очень хотѣлось знать, кто будетъ тотъ несчастный, кому Французскій бѣглецъ съ висѣлицы достанется въ учители, и найдутся ли столь глупые родители, которые бы повѣрили воспитаніе своихъ дѣтей почти безграмотному плуту, который скорѣе можетъ научить, какъ вытаскивать изъ кармановъ платки, нежели наставить въ добродѣтели, — и для того на другой день не умедлилъ я невидимкою прійти къ Француженкѣ, которую засталъ покупающую у здѣшнихъ купцовъ гнилые товары и обертывающую ихъ въ бумаги, украшенныя Французскими надписями, чтобы послѣ продавать за иностранные.

Едва отпустила она купцовъ, какъ вошла въ лавку молодая дѣвушка съ своею учительницею и начали разсматривать нѣкоторые товары. Минуту спустя, вскочилъ въ лавку молодой щеголь, который, между-тѣмъ, какъ дѣвушка перебирала разные уборы, успѣлъ переговорить тихо съ ея учительницею. «Говорила ли ты съ нею обо мнѣ?» спросилъ онъ ее. — Надѣйтесь на успѣхъ, отвѣчала эта плутовка: она васъ любитъ; остается намъ преодолѣть одинъ только ея страхъ. Но г. *Скотоправъ*, продолжала учительница, право, услуживая вамъ, я опасаюсь лишиться мѣста. — «Не бойся, от-

вѣчалъ онъ, всунувъ ей въ руку кошелекъ съ деньгами; если ты потеряешь это мѣсто, то я представлю тебя моей матери въ надзирательницы къ моей сестрѣ.» *Мадамъ* отскочила отъ него, а онъ подошелъ къ дѣвицѣ. — Боже мой! сказала красавица, ни одного убора не могу выбрать по своему вкусу. — «Сударыня! вскричалъ подлипало, вамъ только стоитъ выбрать какой-нибудь: всякой на васъ будетъ прекраснымъ.» Дѣвушка присѣла передъ нимъ и покраснѣла; въ этомъ состоялъ весь ея отвѣтъ. «Ваша стыдливость доказываетъ, будто вы мнѣ не вѣрите, говорилъ щеголь. Ахъ! сударыня, не уже ли почитаете вы меня лицемѣромъ? Ваша надзирательница, конечно, повторитъ вамъ мои мысли, и я клянусь вамъ этою прекрасною ручкою (тутъ схватилъ онъ ея руку и поцѣловалъ), клянусь всякимъ изъ этихъ нѣжныхъ пальчиковъ, что я говорю правду.» — Государь мой, отвѣчала ему дѣвушка въ смущеніи и почти запикаясь, я не заслужила такихъ привѣтствій... — И! сударыня, перехватила рѣчь ея надзирательница, учитесь лучше жить въ свѣтѣ. Можно ли принимать такъ ласки молодаго мужчины, который всѣми способами уже давно старается сыскать случай доказать вамъ свою любовь и преданность? Можно, право, съ перваго на васъ взгляда узнать, что вы недавно выѣхали изъ деревни. Нѣтъ! воля ваша, я не допущу васъ такъ сурово обходиться съ мужчинами; вы, вѣдь, видѣли, какъ здѣшнія дѣвушки съ ними ласковы: старайтесь подражать имъ и оставьте эту деревенскую застѣнчивость, которая дѣлаетъ васъ смѣшною. Я, какъ учительница, вамъ это говорю, и какъ другъ вашъ, вамъ это совѣтую. — «Ахъ Боже мой! вскричалъ щеголь надзирательницѣ, ради Бога оставьте свои выговоры; я въ отчаяніи, что сдѣлался причиною ихъ. — Но, сударыня, продолжалъ онъ,

оборотясь къ дѣвушкѣ, если ваша застѣнчивость происходитъ отъ того, что я вамъ противенъ, то прикажите мнѣ отсюда выйти.» — Я не говорю вамъ этого, сударь, отвѣчала робкая красавица; будьте спокойны здѣсь и дозвольте только выбрать мнѣ для себя нѣсколько уборовъ, послѣ чего должна я тотчасъ ѣхать: матушка моя уже, я думаю, давно меня дожидаетъ. — «Выбирайте, сударыня,» сказалъ подлипало, и послѣ того продолжалъ хвалить ея красоту и цѣловать ея руки, а она, боясь, чтобъ опять не назвали ее деревенскою, допускала его это дѣлать, и только иногда ему кланялась. — Что стоитъ эта шляпка и косынка? — спросила она у торговки. «Шестьдесятъ рублей, отвѣчала Француженка; да онѣ уже куплены этимъ господиномъ, говорила она, указывая на *Скотинина;* но если онъ позволитъ, то я ихъ продамъ вамъ, а ему сдѣлаю другія.» — Позволю ли я! вскричалъ негодяй, ахъ! я за счастіе сочту, если она выберетъ то, что мнѣ понравилось. — Дѣвушка ему поклонилась и хотѣла заплатить торговкѣ деньги, но онъ вдругъ остановилъ ея руку, сказавъ ей, что деньги уже заплачены. «Удостойте, сударыня, говорилъ онъ съ восхищеніемъ, это взять; я счастливымъ себя почту, если могу вамъ услужить такою малостью.» — Ахъ! кстати ли, сударь, отвѣчала красавица, принимать мнѣ отъ васъ подарки? Матушка будетъ на меня гнѣваться, когда объ этомъ узнаетъ. — «Вы еще не оставили своихъ деревенскихъ правилъ, сказала честная ея надзирательница? Ну все ли должно знать матушкѣ, что дѣлаетъ дочка? Довольно и того, если я это знаю. И не уже ли вы захотите сдѣлать неучтивость — отказать этому господину въ просьбѣ, не находя въ томъ ничего дурнаго? Поживите, сударыня, поболѣе въ большомъ свѣтѣ: вы узнаете, что нѣтъ ничего худаго при-

нимать дѣвицѣ отъ мужчины подарки. Развѣ вы не помните, какъ, въ бытность нашу въ домѣ у графини *Безпутовой,* при васъ подарилъ молодой человѣкъ дочь ея прекраснымъ склаважемъ; не уже ли вы позабыли, что тутъ же другой молодой человѣкъ проигрывалъ ей нарочно свои деньги? а это, вѣдь, тѣ же подарки. Возьмите, сударыня, возьмите эту шляпку и косынку, а деньги свои поберегите для другихъ веселостей. Вы знаете, что вамъ очень не легко выпросить у своей матушки и пятнадцать рублей. Если же вы скажете объ этомъ вашей матушкѣ, то она, вѣрно, не зная правилъ большаго свѣта, васъ забранитъ и заставитъ жить и думать такъ, какъ ей угодно, то есть: почти не говорить съ мужчинами, сидѣть потупя глаза въ землю и бояться сказать лишнее слово, — чѣмъ вы сдѣлаетесь смѣшны во всемъ здѣшнемъ городѣ и на васъ всѣ благородныя дѣвицы будутъ указывать пальцами. — Послѣ такого прекраснаго правоученія дѣвица приняла подарки и накупила еще другихъ уборовъ, за которые щеголь заплатилъ свои деньги, и за все это, прощаясь, поцѣловалъ у красавицы ручку. «Прощайте сударыня, сказалъ онъ, я желаю вамъ скорѣе узнать большой свѣтъ.» — О! сударь, перехватила рѣчь его надзирательница ея, дѣвица имѣетъ всѣ дарованія, чтобы украшать собою свѣтъ: она поетъ какъ ангелъ и прелестно танцуетъ. — «Ахъ, этому я вѣрю! вскричалъ *Скотоправъ;* голосъ, выходящій изъ ея прекрасной груди и прелестныхъ устъ, можетъ ли не трогать сердце? а съ такою прелестною таліею и съ такими безподобными ножками, можно ли худо танцовать? О! сударыня, да мы сразимся съ вами въ этомъ искусствѣ. Меня ничему такъ прилежно не учили, какъ танцовать. Одинъ танцмейстеръ за ученіе мое столько же бралъ отъ моей матушки денегъ, сколько

всѣ учители вмѣстѣ; послѣ того я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ и довершилъ это искусство; хотя и въ другихъ, полезныхъ молодому человѣку знаніяхъ, я не былъ лѣнивъ. Я могу похвалиться, что матушка моя не жалѣла ничего, чтобы сдѣлать меня совершеннымъ... Пѣвецъ Брелляръ (Braillard) обработалъ мою грудь; фехтмейстеръ и стрѣлецъ Фанфаронъ (Fanfaron) обработалъ мои руки, а славный Французскій танцмейстеръ, любезный мой Букъ (Bouc), обработалъ мои ноги и сдѣлалъ меня совершеннымъ человѣкомъ. Я постараюсь доказать это вамъ при первомъ случаѣ, когда васъ увижу, если только удостоите сказать мнѣ тѣ счастливыя мѣста, которыя украшаете вы своимъ присутствіемъ.» — Я, сударь, въ будущемъ маскарадѣ надѣюсь быть съ моею матушкою, — отвѣчала скромница, изъ вида которой примѣчалъ уже я, что она ухватками этого господчика и наставленіемъ своей Французской надзирательницы начала спотыкаться на пути добродѣтели. — Мы нерѣдко будемъ и сюда ѣздить для покупки уборовъ, — сказала ея учительница. Послѣ этого онѣ уѣхали, и я сожалѣлъ о неосторожности дѣвушки, бранилъ ея мать, что повѣрила свою дочь такой плутовкѣ, и проклиналъ бродяжку-Француженку, которая недовольна тѣмъ, что нашла себѣ хлѣбъ въ честномъ домѣ, но, въ благодарность, вздумала развращать невинную дѣвушку, въ чемъ способствовала имъ и содержательница лавки, обѣщавъ *Скотоправу,* что она въ своей лавкѣ дозволитъ производить всѣ старанія для погубленія добродѣтели дѣвушки, которая, какъ кажется, очень скоро развратится, навидѣвшись примѣровъ въ большомъ свѣтѣ.

Едва вышли всѣ изъ лавки, какъ вошелъ къ торговкѣ ея братъ; они сѣли въ карету, а я помѣстился

тутъ же, напротивъ ихъ. Ты знаешь, любезный *Малик-кульмулькъ*, что духу немного надобно мѣста.

«Надобно тебя предувѣдомить о здѣшнихъ жителяхъ, говорила Француженка своему брату, и сказать тебѣ, до какой степени можемъ мы ихъ обманывать и пользоваться ихъ легковѣріемъ. Американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ Европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ Французовъ: тѣ побѣдили Американцевъ оружіемъ, а мы побѣждаемъ здѣшнихъ жителей хитростію; тѣ выманивали у нихъ множество золота за колокольчики, погремушки и бисеръ, а мы не менѣе здѣсь достаемъ золота за такія вещи, которыя нимало не важнѣе и не дороже погремушекъ и мѣдныхъ колокольчиковъ, съ тою еще выгодою, что колокольчики можно употреблять нѣсколько десатковъ лѣтъ, а наша и самая прочная бездѣлка не станетъ на три мѣсяца. Однако жъ со всѣмъ тѣмъ здѣшніе жители почитаютъ должностію разоряться, чтобъ только имѣть честь отдавать намъ свои деньги. Правда, что отъ того здѣсь часъ-отъ-часу становятся дороже деньги и всѣ необходимыя для содержанія вещи: одна наша лавка можетъ разорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ; но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ Французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами, почему наши одноземцы, узнавъ такое счастливое къ нимъ уваженіе, не замедлили толпами пріѣзжать сюда (хотя многимъ изъ нихъ такъ же, какъ и тебѣ, любезный братъ, выѣхать было не чѣмъ), чтобы здѣсь наградить свою бѣдность и жить пышно на счетъ здѣшнихъ добродушныхъ жителей.»

«Считается три рода главныхъ упражненій, которыми мы здѣсь разоряемъ и приготовляемъ къ разоренію

по нѣскольку тысячъ человѣкъ, а именно: торговля модными товарами, рукодѣлья и учительство.

«Что касается до торговли, то ты могъ уже понять изъ моихъ повѣствованій, сколько она для насъ выгодна. Наши лавки могутъ назваться храмами вкуса и любви; ибо въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокитъ и молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя очень строго содержатся дома, и для того, подъ видомъ закупки уборовъ, пріѣзжаютъ онѣ къ намъ, и мы часто вводимъ ихъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, которые имъ болѣе всѣхъ уборовъ нравятся: съ обѣихъ сторонъ платятъ намъ щедро и, сверхъ того, покупаютъ у насъ дорогою цѣною товары, потому-что почитаютъ за стыдъ торговаться въ тѣхъ лавкахъ, въ которыхъ онѣ своими рѣзвостями не одно канапе изломали.

«Изъ всѣхъ рукодѣлій, важнѣйшимъ почитается искусство честныхъ волосочесовъ; съ этимъ знаніемъ нерѣдко бываетъ соединена должность *Меркурія* и ростовщика. Они, отправляя такимъ образомъ всѣ эти званія вдругъ, получаютъ множество доходу, не тратя ни копѣйки своихъ денегъ. Нерѣдко волосочесы, нажившись отъ гребенки, отъ волокитъ и отъ мотовъ, становятся богатыми купцами, потомъ вступаютъ въ гражданскія званія и достаютъ себѣ чины. И тотъ, кто у насъ былъ въ опасности умножить галерную бесѣду и повелѣвать однимъ деревяннымъ весломъ, управляетъ здѣсь нѣсколькимъ числомъ людей, которыхъ одна только бѣдность удерживаетъ въ унизительномъ состояніи.

«Теперь надобно растолковать тебѣ объ учительскомъ званіи, которое для тебѣ всѣхъ важнѣе, потому-что ты скоро будешь его на себѣ носить.

«Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія; къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцевъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-Французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились Французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя всегда въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство. Итакъ, братецъ, когда вступишь ты въ учители, то берегись передъ дѣтьми раскрывать умныя книги: они за это станутъ тебя ненавидѣть и наговаривать своимъ родителямъ, которые назовутъ тебя *педантомъ* и сгонятъ со двора. Тверди своимъ ученикамъ только то, какъ должно жить въ большомъ свѣтѣ, и поставь ихъ на такой ногѣ, чтобы они могли быть изъ числа усерднѣйшихъ Французскихъ данниковъ; а когда они выростутъ, старайся потакать ихъ порокамъ: они тебя

тѣмъ болѣе полюбятъ и удвоятъ твое жалованье. Не забывай имъ твердить, что одни только Французы могутъ назваться совершенными людьми, и что они до тѣхъ поръ будутъ невѣжами, пока не сдѣлаются совершенными имъ подражателями. Читай передъ ними чаще философію Французскихъ *Эпикуровъ* и *Спинозъ;* ученики твои начнутъ сперва помаленьку бранить вѣру, а добродѣтель будутъ называть предразсужденіемъ; батюшки же и матушки станутъ тѣмъ забавляться и разсказывать всѣмъ, что дѣти ихъ превеликіе забавники; и чѣмъ больше дѣти будутъ насмѣхаться надъ тѣмъ, что въ старину называлось свято, чѣмъ болѣе будутъ они дѣлать шалостей надъ старыми людьми, тѣмъ болѣе ты въ домѣ будешь нравиться и тѣмъ больше тебя станутъ выхвалять во многихъ домахъ, и ты будешь наконецъ отпущенъ съ награжденіемъ и съ деньгами, которыя помогутъ тебѣ завести лавку, куда послѣ будутъ ѣздить, по знакомству, твои ученики и платить тебѣ вдвое дороже противъ другихъ. Въ короткихъ словахъ, вотъ вся твоя должность: маленькихъ пріучай къ разнымъ шалостямъ; а когда выростутъ, помогай имъ мотать и дѣлать разные денежные переводы; набери съ нихъ векселей чрезъ третьи руки и, если только будетъ можно, разори ихъ. Повѣрь, что Французъ никакими поступками не потеряетъ здѣсь уваженія; и самое то, чѣмъ у насъ могъ бы ты заслужить галеры, здѣсь доставитъ только тебѣ имя остряка. Старайся болѣе всего, для сокрытія проворныхъ твоихъ выдумокъ, всегда ссорить дѣтей съ родителями, чтобы они никогда не могли имъ быть откровенны; сдѣлай ихъ непріятелями другъ другу, и будь обѣихъ сторонъ повѣреннымъ; разоряй одну сторону другою и съ обѣихъ собирай деньги, — вотъ правило, по которому поступаютъ многіе честные наши

одноземцы, которые, оставя свое ремесло, выѣзжаютъ сюда, чтобъ быть здѣсь учителями. Правда, отъ такого воспитанія родители своими дѣтьми веселятся только въ ихъ младенчествѣ, и стыдятся ихъ, когда они войдутъ въ совершенныя лѣта; правда также и то, что отъ этого новаго воспитанія мало-по-малу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ теперь невѣжами, а на мѣсто ихъ вступаютъ люди большаго свѣта, которые дѣлаются столько же худыми воинами, сколько дурными гражданами, и которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафтаны хорошаго покроя. Со всѣмъ тѣмъ родители объ этомъ мало заботятся и продолжаютъ воспитывать дѣтей по новому образу, который нашимъ землякамъ доставляетъ много пользы; ибо они молодыхъ людей здѣшней земли напередъ приготовляютъ къ роскоши и къ мотовству, а потомъ сами пользуются ихъ пороками и наживаются отъ ихъ слабостей. И-такъ, можно утвердительно сказать, что они этихъ дѣтей воспитываютъ не для отечества, но собственно для себя. Вотъ, любезный братъ, всѣ правила, которыя нужно было тебѣ узнать! Умѣй ими пользоваться; опыты окажутъ тебѣ достальное.»

Тутъ карета остановилась; они вышли у воротъ довольно богатаго дома, и я также послѣдовалъ за ними. Французъ былъ принятъ очень ласково и съ довольнымъ уваженіемъ; ему поручены были на воспитаніе двое молодыхъ людей, неиспорченныхъ еще новымъ воспитаніемъ; но должно надѣяться, что современемъ успѣетъ онъ сдѣлать ихъ подражателями и данниками Французовъ.

XVII.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

На дняхъ, любезный *Маликульмулькъ*, услышалъ я отъ пролетѣвшаго мимо меня Сильфа, что въ одномъ обширномъ государствѣ, привлекшемъ на себя, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, вниманіе всего свѣта, будетъ представлена новая драма. Любопытство мое въ ту минуту принудило меня туда перелетѣть и радоваться, что и въ этихъ холодныхъ мѣстахъ науки зачинаютъ обогрѣвать своими лучами замерзлыя сердца жителей.

Вотъ, скажешь ты, смѣшное желаніе, прыгая изъ государства въ государство и изъ театра въ театръ, только для того, чтобы видѣть новое театральное зрѣлище, которое, можетъ быть, не стоитъ чтобы заняться имъ два часа, и переноситься нѣсколько тысячъ верстъ затѣмъ, чтобы послѣ бранить автора, дерзнувшаго навести ужасную зѣвоту вдругъ тысячамъ двумъ народу, за наличныя ихъ деньги. — Все это можетъ статься, а особливо въ такія времена, когда театръ сдѣлался не училищемъ нравовъ, но ихъ развращеніемъ. Однако, выслушай мое оправданіе: оно не въ другомъ чѣмъ состоитъ, какъ въ дошедшемъ до меня описаніи этого государства. Прочти его, и послѣ разсуждай, основательно ли было мое любопытство.

Что́ въ древни времена былъ Римъ,
Чѣмъ славился Египетъ, Греки,
То, возрожденнымъ въ наши вѣки,
Мы въ сей одной державѣ зримъ.
Гражданъ уставы не жестоки,
У нихъ лишь связаны пороки;
Неволи нѣтъ, хотя есть тронъ:
У нихъ есть царь, но есть законъ.

Минерва, правя въ сихъ мѣстахъ,
Рабовъ не ищетъ малодушныхъ;
Но хочетъ лишь дѣтей послушныхъ,
Вперя къ себѣ любовь, не страхъ.
Во гнѣвѣ громъ ея ужасенъ;
Но онъ врагамъ однимъ опасенъ;
Имъ мышцы льва ослаблены
И ломятся рога луны.
Она не гонитъ и наукъ,
Не дремлетъ, видя ихъ, отъ скуки.
И можно ль гнать тому науки,
Кто дѣвушкамъ Парнасскимъ другъ;
Кто съ рѣзвой Таліею стрѣлы
Въ привычки мещетъ загрубѣлы,
Чтобы изъ правовъ то извлечь,
Что слабъ одинъ законъ пресѣчь?
Въ счастливой этой сторонѣ
Суды воюютъ съ преступленьемъ;
Но со страстьми и заблужденьемъ
Одни писатели въ войнѣ.
Невинности для обороны
И злобѣ въ страхъ цвѣтутъ законы.
Расправа есть и шалунамъ:
Театры глупыхъ учатъ тамъ.
Въ такой цвѣтя счастливой долѣ,
Въ лучахъ Ѳемиды и наукъ,
Не знаютъ тамъ, что быть въ неволѣ —
Есть способы отбыть отъ скукъ.
И льзя ль страдать въ томъ обитаньѣ,
Гдѣ есть порокамъ наказанье,
Гдѣ осмѣянья ждетъ глупецъ,
А лавра — воинъ и мудрецъ?

Въ этомъ-то государствѣ, какъ сказали мнѣ, представлена будетъ новая драма. Можно ли мнѣ было заключать о ней что-нибудь, кромѣ хорошаго, и, сдѣлавъ такое заключеніе, не летѣть въ ту жъ минуту, чтобъ насладиться новымъ произведеніемъ просвѣщеннаго вкуса и ума? Я туда летѣлъ съ обыкновенною

намъ скоростію, и видѣлъ съ удовольствіемъ подъ собою великолѣпные города, пространныя поля, способныя для хлѣбопашества, зеленѣющіеся и обѣщающіе богатую пажить луга; видѣлъ также лѣса, моря и озера, которыя всѣ показывали изобиліе этой пространной части земнаго шара. Пролетѣвъ все это, влетѣлъ я наконецъ въ самый театръ, гдѣ, принявши видъ человѣка посредственнаго состоянія, успѣлъ еще занять выгодное для себя мѣсто. Я бы могъ, и не платя денегъ, въ моемъ собственномъ видѣ, занять самое лучшее мѣсто, но мнѣ хотѣлось послушать разсужденія знатоковъ объ этомъ новомъ зрѣлищѣ и узнать лучше вкусъ зрителей и успѣхъ автора.

Всѣ мѣста были въ минуту заняты и въ амфитеатрѣ сдѣлалась такая тѣснота, отъ которой модныя чески и пуговицы, думаю, очень много пострадали.

«Конечно, спросилъ я у одного, сидѣвшаго подлѣ меня, господинъ авторъ очень любимъ здѣшнимъ обществомъ, что такое множество собралось зрителей смотрѣть его сочиненіе?» — Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ мой сосѣдъ, мы еще совсѣмъ не знаемъ автора; но публика здѣшняя очень жалуетъ новости и часто въ зрѣлищѣ, которое даютъ въ первый разъ, бываетъ такъ много зрителей, что если бъ послѣ заставили его играть круглый годъ сряду, то не собрали бы столько денегъ, сколько соберется во время перваго представленія. Многія зрѣлища бываютъ здѣсь такія, которыя могутъ похвалиться только первымъ сборомъ: а для этой-то причины авторы всегда скрываютъ свое имя для перваго раза, чтобы обрадовать этимъ публику тогда, когда они увидятъ, что ихъ сочиненія торжествуютъ и въ послѣдующія представленія, что, однако жъ, не всегда случается, и они часто принуждены бываютъ скромничать навсегда своими именами.»

Лишь только успѣлъ онъ договорить, какъ вдругъ началась музыка; потомъ вскорѣ подняли занавѣсъ, и мы увидѣли то, чего не ожидали.

Человѣкъ съ сорокъ пѣли въ саду. Потомъ два садовника поссорились и чуть не подрались за какую-то причину, которую, видно, авторъ почелъ важною; но она не стоитъ того, чтобъ объ ней упомянуть. Между прочимъ, возвѣстили они, что ихъ баринъ чрезвычайный охотникъ до музыки, и что онъ ждетъ къ себѣ въ гости какого-то музыканта, за котораго хочетъ выдать свою дочь. Немного погодя, выходитъ одна изъ дочерей этого славнаго охотника музыки (онъ имѣлъ двухъ дочерей), и лишь только она показывается, то мужики, которые подчищали въ саду деревья, просятъ ее, чтобы она потѣшила ихъ и спѣла бы имъ пѣсенку. Барышня, желая передъ ними пощеголять своимъ голосомъ, поетъ на иностранномъ языкѣ. Мужики восхищаются ея пѣніемъ, а она, радуясь, что нашла людей, которымъ потрафила на вкусъ, зачинаетъ передъ своими холопьями еще другую пѣсню, и опять на другомъ иностранномъ языкѣ. Мужики, которые, какъ кажется, и въ своемъ языкѣ не очень сильны, продолжаютъ восхищаться ея пѣснями и просятъ ее еще передъ ними попѣть; а она, не жалѣя для такихъ важныхъ слушателей своего горла, затягиваетъ пѣсню на своемъ природномъ языкѣ, будучи внѣ себя отъ радости, что ее всѣ огородники хвалятъ, — и потомъ уходитъ зачѣмъ-то къ своему батюшкѣ.

Между обожателями ея голоса находится тутъ молодой дворянинъ, который въ нее влюбился; и хотя онъ благородный человѣкъ и равенъ богатствомъ съ своею любовницею, но, не зная, какъ за нее посвататься и какъ войти въ домъ къ ея отцу, ничего не

вздумалъ лучше, какъ въ своемъ господскомъ платьѣ и въ щегольской прическѣ пристать къ толпѣ деревенскихъ растрепанныхъ мужиковъ и басить, до охриплости, подтягивая имъ пѣсни, которыми ихъ господинъ изволитъ забавляться; а въ награду за это онъ хотѣлъ увидѣть хотя свою любовницу, которая, не зная его состоянія, сама въ него влюбилась, лишь только онъ передъ нею показался. Вотъ довольно пылкая любовь и скорая рѣшимость для молодой деревенской дѣвушки, которая (какъ послѣ будетъ видно) выходитъ за этого любовника прежде, нежели успѣетъ узнать, какъ его зовутъ, не говоря уже о правѣ. И такимъ образомъ всякое лице, поговоря на свою долю нѣсколько глупостей и попѣвъ ни кстати и ни къ ладу, оканчиваютъ первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи показывается самъ этотъ славный любитель музыки, и какъ онъ ни смѣшонъ и ни жалокъ, а говоритъ о музыкѣ, не зная ее. Авторъ, какъ кажется, хотѣлъ, чтобъ зрители смѣялись надъ музыкой; но они, ошибкою, хохотали надъ авторомъ. Будемъ однако жъ продолжать наши примѣчанія. Нѣсколько спустя пріѣзжаетъ къ нему изъ Италіи пѣвецъ, который до такой степени глупъ, что забылъ свой природный языкъ и коверкаетъ въ немъ слова, какъ Нѣмецкій сапожникъ. Такое рѣдкое въ немъ дарованіе очень нравится старику, и онъ спрашиваетъ у полу-Италіянца по разговорамъ и полу-человѣка по уму: не хочетъ ли онъ жениться на которой-нибудь изъ его дочерей? Тотъ получаетъ время, чтобы подумать объ этомъ выборѣ, и встрѣчается съ тѣмъ дворяниномъ, который, изъ любви къ своей *Дульцинеѣ*, воспѣвалъ крестьянскимъ бабамъ. Они дѣлятъ между собою двухъ сестеръ, хотя послѣдній не знаетъ, понравится ли онъ своему нареченному тестю. Наконецъ,

въ третьемъ дѣйствіи заключается свадьба полу-Италіянца съ старшею дочерью любителя музыки, какъ вдругъ сказываютъ старику, чтобъ онъ выдалъ и другую дочь за подпѣвалу у крестьянскихъ бабъ; а дочка сама одобряетъ передъ батюшкою своего жениха, котораго она столько знаетъ, что если бы онъ чрезъ три дня ей попался, то бы она совсѣмъ его не узнала. Женихъ выхваляетъ передъ старичкомъ себя и свое знаніе въ музыкѣ, а тотъ, не простирая далѣе своихъ вопросовъ, обѣщаетъ завтра ихъ обвѣнчать. Пара эта столь была тому обрадована, что цѣломудренная невѣста кричитъ во все горло, что когда она наживетъ себѣ съ своимъ мужемъ пару дѣтей (подлинно дѣвушкино желаніе!), то приготовитъ имъ гудокъ и балалайку, или что-то такое, во что̀ уже я не вслушался. Это желаніе такъ понравилось старику и другой его дочери съ полу-Италіянцемъ, что и они то же закричали; а напослѣдокъ сколько ни было тутъ крестьянъ и крестьянокъ, всякой изъ нихъ захотѣлъ по парѣ дѣтей и по гудку съ балалайкою, — и тѣмъ окончили оперу, оставшись всѣ при такомъ прекрасномъ желаніи, котораго никакая честная и скромная дѣвушка не можетъ не закраснѣвши произнесть ниже передъ своимъ любовникомъ, а не только передъ множествомъ собравшагося народу. Послѣ того закрыли занавѣсъ, и это было самое лучшее мѣсто изо всей оперы.

Вотъ, любезный *Маликульмулькъ*, содержаніе данной оперы! Я разсказалъ тебѣ его, не прибавя отъ себя ни одного слова. Скажи пожалуй, каково оно, или, лучше, есть ли какое содержаніе въ этой оперѣ?

Я уже не говорю, какой имѣлъ предметъ авторъ, незнающій театральныхъ правилъ, вывесть человѣкъ шестьдесятъ на театръ, чтобы задушить болтаніемъ

ихъ и крикомъ честныхъ зрителей, и что̀ такое онъ хотѣлъ осмѣять; ибо пороки у него торжествуютъ: старикъ остается при своей слабости и, можетъ быть, будетъ крестьянъ своихъ отрывать отъ работъ для пѣсенъ, до тѣхъ поръ, пока самъ съ ними и съ любезными своими дочками и зятьями не околѣетъ съ голоду, что еще-таки лучше было бы видѣть на театрѣ, хотя для отвращенія, чтобы этого не сдѣлалось и въ самомъ дѣлѣ; но, сверхъ этой погрѣшности, тутъ нѣтъ ни характеровъ, ни завязки, ни развязки, ни правильныхъ дѣйствій, ни умнаго, ни смѣшнаго; а это все, кажется, не лишнее въ шутливой оперѣ. Но я и позабылъ тебѣ писать продолженіе моей повѣсти.

Лишь только закрыли занавѣсъ, какъ я, оборотясь къ моему сосѣду, спрашивалъ у него: «Не уже ли позволено обременять публику всемъ, что̀ какой-нибудь Парнасскій невѣжа набредить изволитъ? Театръ, говорилъ я ему, есть училище нравовъ, зеркало страстей, судъ заблужденій, и игра разума; но здѣсь ничего этого не видно. Всякій изъ зрителей ничего не узнаетъ новаго, кромѣ того, что онъ заплатилъ деньги за то, чтобы зѣвать до слезъ три часа и противъ воли слушать бредни какого-то несчастнаго подлипалы Музъ. Это зеркало не страстей, но дарованія авторскаго, который на Парнассѣ, кажется, не изъ самыхъ пылкихъ; ибо онъ не примѣтилъ и того, что къ его сочиненію не придѣлано ни конца, ни начала. Что жъ касается до игры ума, то, не въ противность здѣшней учености, право, автору, кажется, не чѣмъ было проиграть; а если на театрѣ здѣсь представляются одни только разговоры и поютъ однѣ пѣсни, то лучше бы для слушателей было выслушать однимъ присѣстомъ всѣ разговоры *Лукіяновы* и *Аристиппа* съ своимъ сыномъ, и

два, или три тома пѣсень вашего автора, который нѣкогда по справедливости могъ ими пощеголять.»

— Ахъ, сударь, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, всѣ ваши слова справедливы; добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а глупое никакому разсудительному человѣку не понравится. Но театръ здѣшній такъ бѣденъ, что онъ долженъ представлять сочиненія или переводныя, или подобныя этому. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей; но здѣсь выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ. Я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже на театрѣ, но нѣтъ надежды, чтобы они, и еще три года спустя, были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше этой драмы. — «Вѣрю, сказалъ я; потому-что это сочиненіе ни съ какимъ уже не можетъ сравниться, и мнѣ кажется, что человѣкъ, который выучился писать только склады и прочелъ сочиненія два театральныхъ, не написалъ бы такой вздорной драмы. Но для чего же здѣсь доступъ такъ труденъ на театрѣ?» — Для того, отвѣчалъ онъ, что почитаютъ благодѣяніемъ сыграть чье-либо сочиненіе. Впрочемъ, это расчетъ театра, и расчетъ такой, котораго польза, можетъ быть, примѣтна только ему одному. — «Чудный расчетъ, говорилъ я, когда наблюдаютъ такую рѣдкую осторожность въ выборѣ, а даютъ глупости, которыя и на святочныхъ игрищахъ едва ли могутъ быть терпимы!» — Но скажите мнѣ, спросилъ у меня мой сосѣдъ, какую причину имѣете вы нападать на здѣшній театръ? Не изъ числа ли вы тѣхъ авторовъ, которые добиваются видѣть сыгранными свои сочиненія, и, отдавъ ихъ, питаются нѣсколько лѣтъ одною надеждою, что ихъ когда-нибудь прочтутъ?» — Нѣтъ, отвѣчалъ я; но я еще хочу сочинять, и желалъ бы знать, какія здѣсь нужны къ тому правила?» — Самыя простыя,

сказалъ онъ: во-первыхъ, смысла и остроты не надобно; правила театральныя совѣмъ не нужны; берегитесь болѣе всего нападать на пороки, для того, что комедія, написанная на какой-нибудь порокъ, почитается здѣсь личностію; берегитесь также вмѣщать острыя шутки въ ваше сочиненіе; ибо здѣсь говорить умно на театрѣ почитается противнымъ благопристойности; а надобно, чтобъ ваши дѣйствующія лица говорили такъ просто и не остро, какъ говорятъ пьяные, или сумасшедшіе; словомъ: возьмите въ примѣръ нынѣшнюю оперу и напишите ей подражаніе; тогда можете надѣяться, что ее когда-нибудь представятъ, и васъ театръ включитъ въ число своихъ авторовъ, а публика въ число мучителей, наводящихъ ей зѣвоту. —

Послѣ этого онъ отъ меня отошелъ и оставилъ меня удивляться такимъ чуднымъ правиламъ театра и желанію нѣкоторыхъ безпокойныхъ головъ, которыя, ненавидя жить въ спокойной неизвѣстности, собираютъ тысячи двѣ народа, чтобы заставить ихъ смѣяться надъ своимъ дурачествомъ.

XVIII.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Чѣмъ болѣе живу я между людьми, тѣмъ болѣе истребляется въ моихъ мысляхъ то понятіе, которое я имѣлъ о нихъ, видя тебя, любезный *Маликульмулькъ*, и нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ мудрецовъ, и тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ, — и въ ту жъ минуту

всѣ лица вокругъ нея сморщатся; большой баринъ улыбнется, — и вдругъ собранныя вокругъ его машинки на красныхъ каблучкахъ зачинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ, но всѣ какъ-будто на пружинахъ, которыми движутъ такія же машины, называемыя: *свѣтская благопристойность, щекотливая честь, обряды* и *моды*. Тебя, можетъ быть, удивляетъ слово *честь*, противъ которой я вооружаюсь; но знай, что это не та честь, которую разумѣли древніе; и я не знаю, почему эту пружину называютъ теперь честью. Древняя честь повелѣвала быть обходительну, а нынѣшняя подымаетъ у всѣхъ своихъ машинъ вверхъ носы. Первая заставляла прощать обиды, а вторая, за нечаянно выговоренное слово, повелѣваетъ у своего мнимаго непріятеля обрѣзать уши, или убить его до смерти. Ты увидишь самъ, справедливо ли мое на нее вооруженіе, когда я разскажу тебѣ поступокъ, къ которому принудила эта пружина нѣкоторыхъ куколъ, недѣлающихъ ни одного движенія безъ постороннихъ дѣйствующихъ ими причинъ; но со всѣмъ тѣмъ называютъ себя свободными.

Недавно зашелъ я къ одному изъ моихъ знакомыхъ, съ которымъ можно проводить многіе часы не теряя времени. Я засталъ его зѣвающаго надъ нововышедшею въ свѣтъ книгою, и потому онъ не досадовалъ, что я прервалъ скучное для него чтеніе. «Конечно, эта книга не достойна похвалы, любезный другъ! сказалъ я ему, когда ты надъ нею зѣваешь?» — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя и цѣнить стыдно. Десять модныхъ повѣсъ расхвалили мнѣ ее, какъ твореніе отличнѣйшаго автора, и я, зная цѣну ихъ похвалъ, взялъ себѣ эти трагедіи только для того, чтобы ихъ читать отъ безсонницы; и теперь, желая поскорѣе заснуть, принялся за нихъ. — «Да по-

чему жъ эта книга столько нравится, говорилъ я, тѣмъ повѣсамъ, которые тебѣ ее расхвалили?» — Потому, отвѣчалъ мнѣ мой знакомецъ, что въ ней есть новости, небывалыя на нашемъ театрѣ. Напримѣръ: въ ней отпѣваютъ государя при его глазахъ тогда, когда онъ прогуливается спокойно между своими отпѣвальщиками, и потомъ — чего также не видано — онъ, желая скрыться отъ своихъ непріятелей, не выбралъ въ городѣ ни одного дома, въ которомъ могъ бы жить тайно, и поселился на кладбищѣ, гдѣ всегда множество бываетъ набожныхъ прихожихъ, посѣщающихъ гробницы своихъ сродниковъ. Это такъ же умно сдѣлано, какъ, если бы кто, желая спрятать поскрытнѣе деньги, не выбралъ ничего безопаснѣе, какъ положить ихъ на большой улицѣ. Тутъ есть и еще новость, что пронырливый и хитрый злодѣй, который во всѣхъ своихъ дѣлахъ старается скрывать себя и казаться справедливымъ, схватывается браниться съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ, который, вмѣсто того, чтобъ оробѣть отъ его крика, дѣлаетъ передъ нимъ скоропостижныя правоучительныя вирши; а злодѣй отвѣчаетъ ему также скоропостижными эпиграммами, выбранными изъ лучшихъ Французскихъ писателей. —

«Да скажи мнѣ, спрашивалъ я его, развѣ нѣтъ у васъ правилъ, которымъ слѣдуя, можно было бы избавиться всѣхъ такихъ погрѣшностей?» — У насъ, отвѣчалъ мнѣ неугомонный критикъ, авторы слѣдуютъ общему правилу; и тотъ, кто желаетъ сдѣлать какое твореніе, долженъ только дать ему имя; остальное же все, какъ несносное рабство, выкинуто изъ употребленія. — «Я ничего не пойму изъ этого.» — О! я вамъ растолкую яснѣе. Напримѣръ: авторъ, который имѣлъ терпѣніе набрать изъ разныхъ мѣстъ большую тетрадь стиховъ, думаетъ, что онъ уже исполнилъ всѣ

правила, если поставилъ надъ этимъ собраніемъ стиховъ въ красной строкѣ: «Трагедія» и потомъ раздѣлилъ на пять разныхъ долей, которыя назвалъ «дѣйствіями». Такимъ образомъ нерѣдко поступаетъ и этотъ авторъ, не заботясь о томъ, кстати ли онъ назвалъ кучу стиховъ, разговоровъ и опредѣленій «трагедіею,» и подлинно ли она кончится такъ, гдѣ онъ конецъ выставить изволилъ. Отъ того-то и другіе наши авторы, на-удачу разрѣзываютъ свои стихи между дѣйствіями и нерѣдко ошибкою ставятъ конецъ страницами тридцатью позже, нежели ему быть надобно. Случается иногда и то, что тамъ, гдѣ должно поставить конецъ, ставятъ начало, и такимъ образомъ часто публика имѣетъ удовольствіе видѣть, что драмы выставляютъ передъ нею задомъ напередъ. Но я вамъ все это растолкую въ моихъ примѣчаніяхъ на здѣшній театръ, гдѣ, между прочимъ, помѣстилъ я и то, что перерѣзать себѣ глотку за товарищество, безъ всякой нужды, не есть трагическое дѣйствіе, и что никто не станетъ плакать о томъ, если мужъ, запрятавшись въ гробницу, станетъ стращать свою жену, какъ маленькихъ ребятъ стращаютъ букою, и она, испугавшись мнимаго мертвеца, упадетъ въ обморокъ, между-тѣмъ, какъ наперстница ея, слыша тотъ же голосъ, съ драгунскою твердостію перенесетъ нечаянную вылазку покойника изъ гробницы, и гдѣ также мнѣ хочется доказать, что переводчикъ и сочинитель не есть одно, и что переведенное сочиненіе очень дурно назвать своимъ: въ такомъ случаѣ на всякомъ Европейскомъ языкѣ могли бы быть сочинителями иліады, Энеиды и Телемака, ко вреду истинныхъ ихъ авторовъ. —

Разсерженный мой замѣчатель продолжалъ бы долѣе свои разсужденія, если бъ нечаянный шумъ, сдѣлав-

шійся въ ближней комнатѣ, не привлекъ къ себѣ нашего вниманія.

Едва поразилъ онъ нашъ слухъ, какъ вбѣжала къ намъ въ комнату молодая, растрепанная женщина. «Государи мои! кричала красавица, сжальтесь надъ моимъ состояніемъ и воспрепятствуйте, чтобъ не произошло въ комнатахъ моихъ кровопролитія: двое бѣшеныхъ господъ дошли до такой крайности, что въ состояніи перерѣзать другъ другу горло. Выведите ихъ хотя на улицу, чтобы избавить только меня отъ такой негодной исторіи. Боже мой! продолжала она, слышите ли вы этотъ шумъ? Конечно, они уже дерутся! Дай Небо, чтобы они хотя волосной схваткой были довольны и чтобы расчетъ ихъ на однихъ только зубахъ кончился?»

Мы немедленно туда бросились, а миролюбивая красавица, слѣдуя за нами, упрашивала насъ, чтобы мы вывели ихъ только изъ ея комнаты и оставили бы ихъ на волю ихъ бѣшенства. Кого бы, ты думалъ, увидѣлъ я въ ея комнатѣ? *Припрыжкина* и стариннаго моего знакомца по кофейному дому, *Вѣтродума*, который, ежели ты вспомнишь, обѣщалъ меня сводить къ своей любезной тетушкѣ, для познанія различныхъ Парижскихъ модныхъ дурачествъ, которыхъ ея туалетъ можетъ назваться истиннымъ барометромъ.

«Знаешь ли ты, — кричалъ *Припрыжкинъ*, не примѣчая насъ, такъ же, какъ и его товарищъ, — знаешь ли ты, мой мелкой господчикъ, что она принадлежитъ одному мнѣ, по всѣмъ денежнымъ правамъ волокитнаго рыцарства? Знаешь ли ты, что я имѣю честь разоряться для этой богини, и что цѣлый городъ знаетъ ее моею фавориткою? а ты смѣлъ войти въ ея комнаты, въ которыхъ всякая доска, всякой стулъ и всякое зеркало, стоятъ мнѣ наличныхъ денегъ или хо-

рошихъ векселей, и въ которыя каждый мой приходъ опустошаетъ въ моихъ деревняхъ, по крайней мѣрѣ, два или три крестьянскихъ дома....» — Тфу, къ чорту! вскричалъ *Вѣтродумъ*, ты насказалъ мнѣ такія права, которыя и всякаго юриспрудента приведутъ въ тупикъ. Однако жъ знай, мой господинъ! что у насъ, военныхъ людей, совсѣмъ другіе законы: у насъ позволительно съ соперниками воевать и брать крѣпости приступомъ, деньгами и хитростію; и тотъ только остается правымъ, кто въ силахъ чѣмъ завладѣть. А какъ у меня теперь денегъ нѣтъ, потому-что я еще состою подъ опекою, приступомъ же брать—мнѣ не хотѣлось тебя безпокоить, и притомъ я боялся, чтобъ нашимъ сраженіемъ не надѣлать вреда здѣшней крѣпости, которая, я не хочу, чтобъ что-нибудь претерпѣла, — то для того и рѣшился я засѣсть въ ней закрытымъ образомъ и пользоваться ею до тѣхъ поръ, пока мнѣ вздумается, ожидая спокойно твоего отступленія; или, когда я получу деньги, тогда открыть свою баттарею, которая, не думаю, чтобъ уступила твоей въ изобиліи зарядовъ. Вотъ, пріятель мой, какое мое право! Я опять напоминаю тебѣ, что въ войнѣ право хитраго и право сильнаго равно уважаются. Но когда уже дьявольскимъ, видно, къ тебѣ благоволеніемъ, сдѣлалась открыта засадная моя баттарея, то знай, что я до послѣдняго своего или твоего зуба не уступлю мѣста сраженія.» — Перестаньте, государи мои! вскричалъ мой хозяинъ, вы заводите здѣсь такой шумъ и крикъ, что перетревожили всѣхъ честныхъ людей въ домѣ. — Это точная правда, сказалъ я. Постыдитесь сдѣлать изъ себя исторію. Воля ваша, мы не дадимъ вамъ шумѣть; и если вы не перестанете, изъ уваженія къ вашей красавицѣ, то перестаньте хотя изъ уваженія къ полиціи, которая, конечно,

не преминетъ вмѣшаться въ ваше дѣло и надѣлаетъ вамъ много стыда, хлопотъ и убытковъ.

«Браво! вскричалъ *Припрыжкинъ*, браво пріятель! ты уже нынѣ проповѣдуешь! Тфу, къ чорту! только надобно тебѣ быть архи-Цицерономъ, чтобъ утишить мой гнѣвъ на этого повѣсу.» — Какъ, я повѣса? вскричалъ *Вѣтродумъ*. Ахъ ты закулисный бродяга? Можешь ли ты сказать благородному человѣку, который, за оскорбленіе своей чести, можетъ съ тобою очень исправно раздѣлаться шпагою, палкою и кулаками! — «О мой любезный! сказалъ *Припрыжкинъ*, когда дѣло дойдетъ до драки, то я докажу тебѣ, что и я никакому негодяю спины не подставлю. Увидимъ, кто изъ насъ трусъ. Жаль только, что я теперь во фракѣ, а то, въ сію же минуту отмстилъ бы тебѣ за обезчещеніе моей особы и моего достоинства твоимъ къ *Ларинѣ* посѣщеніемъ. Но, до завтра! Завтра въ шесть часовъ поутру, если ты честный человѣкъ, то пріѣзжай въ улицу *Мотожилову* и спроси собственный домъ *Припрыжкина*, гдѣ найдешь меня и мою шпагу къ твоимъ услугамъ; поле же сраженія можешь ты выбрать, гдѣ тебѣ угобно. Увидимъ, голый мой господчикъ, какъ хорошо расплачиваешься ты за постоялое, безъ вѣдома хозяина.... Ба! чортъ меня возьми, вскричалъ онъ, схватя его за руку, вотъ мой перстень, который подарилъ я этой негодяйкѣ; да вотъ и пряжки, которыя выпросила она у меня своему брату! Прекрасно, господинъ голякъ! прекрасно! продолжай жить на счетъ честныхъ людей, если тебѣ удастся! — А ты моя красавица.... Ба! вотъ хорошо! эта плутовка, для соблюденія добраго порядка, изволитъ лежать въ обморокѣ! Ей! ей! не худо выдумано! Обманщица театральная! Она знаетъ мою слабость. Вотъ то самое положеніе, которымъ въ пер-

вый разъ она меня плѣнила: она была моимъ божествомъ! да и теперь, посмотрите, посмотрите, какъ она прекрасна! право, надобно ей помочь. Ну, господинъ подлипала, прощай! Завтра мы съ тобою увидимся.» — Прощай! сказалъ *Вѣтродумъ*. Завтра расквитаюсь я съ тобою за перстень и за все, если мнѣ удастся. Послѣ этого ты, можетъ быть, будешь учтивѣе съ людьми, которые, не нарушая правилъ благопристойности, живутъ на твой счетъ. На твои же деньги, продолжалъ онъ съ насмѣшкою, запасусь я сегодня добрымъ булатомъ, и завтра буду имѣть честь поподчивать тебя твоимъ же собственнымъ добромъ.... Но что я вижу! вскричалъ онъ, проходя мимо меня, старинный мой пріятель! Какимъ образомъ ты здѣсь? не вкладчикомъ ли ты въ здѣшнюю обитель? — Нѣтъ, отвѣчалъ я; я пришелъ васъ разнять и укротить, ежели можно, вашу ссору. — Браво! вотъ прямо духовное намѣреніе! очень хорошо! прекрасно! Завтра мы съ нимъ пощекотимъ немного другъ друга шпагами, а послѣзавтра можешь ты быть у насъ посредникомъ въ нашемъ перемиріи. —

Тутъ онъ какъ стрѣла вылетѣлъ изъ комнаты и оставилъ меня удивляться введенному между людьми дурачеству: не иначе заглаживать свое оскорбленіе, какъ зарѣзать другаго или дать себя зарѣзать. — Но возвратимся къ нашей повѣсти.

«Господа мирители! сказалъ *Припрыжкинъ*, я прошу васъ со мною здѣсь отужинать; это послѣдній столъ, который даю я въ этихъ комнатахъ моимъ пріятелямъ: съ нынѣшняго дня не будетъ здѣсь нога моя.... Но посмотрите, какъ прелестна эта плутовка въ обморокѣ! Однако жъ, я ее болѣе не люблю. Желалъ бы я только знать, сыщется ли хотя одинъ смертный, который бы усерднѣе меня захотѣлъ для нея

разоряться.... Негодяйка! за все это она не щадитъ моего добраго имени въ городѣ и хочетъ, чтобъ меня называли содержателемъ, можетъ быть, цѣлой толпы ея обожателей, изъ которыхъ я ни одного съ-роду въ глаза не видывалъ. Посмотримъ, какъ она безъ меня будетъ жить. Но мнѣ хочется сдѣлать ей послѣднюю печаяность.» Послѣ этого снялъ онъ съ руки своей бриллiянтовый перстень и надѣлъ на ея руку, а часы свои заткнулъ ей за поясъ. «Я добродушенъ, сказалъ онъ, и въ самой размолвкѣ хочу съ ней разстаться какъ щедрый человѣкъ.» Потомъ постарались мы подать ей помощь, и она скоро ожила, не бывъ ни минуты мертвою.

«Ахъ любезный *Припрыжкинъ!* сказала она томнымъ голосомъ, открывая глаза, такъ я никогда уже болѣе съ тобою не увижусь? ты ушелъ! О небо! насъ могли съ тобою поссорить, когда я передъ тобою такъ же невинна, какъ трехлѣтнiй младенецъ, и выговоря это закрыла платкомъ свои глаза. — Вотъ, подумалъ я самъ въ себѣ, искусная актриса. — «Какъ! ты невинна, сказалъ *Припрыжкинъ*, или думаешь ты, моя голубка, что доказательства твоей измѣны несправедливы?» — Вѣрю, что ты могъ ими ослѣпиться; но со всѣмъ тѣмъ совѣсть моя меня не укоряетъ. Сердце мое укоряетъ меня только въ томъ, что я не умѣла сохранить твоей къ себѣ довѣренности. — «Посмотримъ, посмотримъ, плутовка! сказалъ онъ, взявъ ее за руку, чѣмъ ты можешь оправдаться. Ну, напримѣръ: этотъ повѣса, *Вѣтродумъ*, къ какой стати запрятался за занавѣсъ твоей постели? Какая невинная причина заставила тебя отдать ему мой перстень и пряжки? и которая изъ семи добродѣтелей побудила тебя держать его у себя тайно три дня, о чемъ я недавно провѣдалъ?» — Неблагодарный! сказала теат-

ральная Лукреція, самое то, что̀ ты почитаешь знакомъ моей невѣрности, есть опытъ жаркой моей къ тебѣ любви. Знай, что этотъ *Вѣтродумъ* хотѣлъ съ тобою драться за то, что ты отбиваешь отъ него всѣхъ женщинъ, за которыми онъ машетъ. Я, примѣтя, что онъ въ меня влюбленъ, захотѣла польстить ему надеждою, пока не пройдетъ въ немъ охота драться, и для того старалась продержать его у себя три дня, послѣ которыхъ онъ такъ много потерялъ своей бодрости, что и куренка бы не тронулъ; но я увѣряю тебя, что онъ былъ здѣсь въ такомъ же воздержаніи, какъ въ монастырѣ. Что же касается до пряжекъ и перстня, то, имѣя нужду въ деньгахъ и не желая тебя безпокоить (клянусь тебѣ, что люблю тебя не изъ корысти), продала я ему эти мелочи. Наконецъ, не долго мнѣ оправдаться и въ послѣднемъ поступкѣ. Онъ зашелъ ко мнѣ сегодня, желая убѣдить мою суровость; и лишь только сѣлъ, какъ ты пришелъ. Признаюсь, что, зная твой ревнивый нравъ, я не хотѣла, чтобы вы встрѣтились, и для того спрятала его за занавѣсъ. Вотъ всѣ мои преступленія. Будь теперь самъ моимъ судьею. — «Божусь, вскричалъ *Припрыжкинъ*, что эта плутовка въ самомъ дѣлѣ невинна! Помиримся же, моя милая! Признаюсь, что я самъ передъ тобою виноватъ, какъ собака. То правда, что я ревнивъ; но это отъ того, что люблю тебя очень много. Однако жъ увѣряю тебя, что если ты меня простишь, то съ этого времени моя ревность не нанесетъ тебѣ никакого безпокойства.»

Они помирились, и мы разстались съ великимъ веселіемъ. *Припрыжкинъ* просилъ меня на другой день къ себѣ, чтобъ я былъ посредникомъ въ ихъ поединкѣ; я далъ ему слово, надѣясь, что, можетъ быть, удержу его отъ этого дурачества, и распрощался съ нимъ, удив-

ляясь потачливости его къ своей театральной *Лаисѣ*, которая, какъ кажется, наблюдаетъ твердо правила театра, и ко всякому бываетъ равно чувствительна, кто съ нею играетъ любовныя роли.

КАИБЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ. *

Каибъ былъ одинъ изъ восточныхъ государей; имя его наполняло вселенную. «Слава твоя, говорилъ ему нѣкто изъ его стихотворцевъ, была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило.» Каибу нравились хорошія сравненія, и за это пожаловалъ онъ его въ евнухи и сдѣлалъ смотрителемъ надъ своею сералью. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворецъ его, говоритъ историкъ, былъ обнесенъ тысячью яшмовыхъ столбовъ, которыхъ капители были изумрудные, Коринѳскаго ордена, а тумбы изъ чистаго литаго золота; дворецъ былъ сдѣланъ изъ чернаго мрамора, а стѣны его были такъ гладко вылощены, что лучшія щеголихи смотрѣлись въ нихъ, какъ въ зеркало. Окна были новѣйшаго размѣра, Итальянской архитектуры, немного болѣе того, какъ дѣлаются городскія ворота, и во всякомъ окнѣ было только по одному стеклу, но которыя были такъ тверды, что потачливѣйшіе мужья нынѣшняго времени не въ состояніи были бы прошибить ихъ своимъ лбомъ. Крышка была изъ листоваго серебра, но такъ чисто отработаннаго, что часто, въ ясные дни цѣлый городъ сбѣгался ко дворцу, думая, что онъ горитъ, тогда-какъ всю эту тревогу производило одно ея сіяніе. Замѣть, любезный читатель, что

* Изъ Зрителя, 1792 года.

все это говоритъ Канбовъ историкъ. Внутреннее великолѣпіе дворца поражало всякаго, кто туда входилъ: простолюдиновъ ослѣпляло золото, жемчугъ и каменья, которыхъ было болѣе, нежели орѳографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Знатоковъ привлекало искусство, блиставшее во всѣхъ украшеніяхъ дворца: тамъ развѣвались завѣсы изъ непроницаемаго штофа, которой былъ толще всѣхъ четырехъ частей «Бесѣдующаго гражданина», переплетенныхъ вмѣстѣ; тамъ блистала рѣзьба, отдѣланная съ такою чистотою, что никакой бы авторъ не пожелалъ видѣть лучшей чистоты на переплетѣ своихъ сочиненій; многія комнаты украшены были живописью, обманывающею зрѣніе, и надобно отдать справедливость Канбу, что хотя не пускалъ онъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ дѣлали не послѣднее украшеніе его стѣнамъ. Правда, стихотворцы его были бѣдны, но безмѣрная щедрость его награждала великій ихъ недостатокъ. Канбъ велѣлъ рисовать ихъ въ богатомъ платьѣ и ставить въ лучшихъ комнатахъ своего дворца ихъ изображенія; ибо онъ искалъ всячески поощрять науки. И подлинно, не было въ Канбовомъ владѣніи ни одного стихотворца, который бы не завидовалъ своему портрету. Въ другомъ мѣстѣ, продолжалъ историкъ, видны были изъ драгоцѣнныхъ перьевъ чучелки, сдѣланныя съ такимъ вкусомъ, что сколько ни старались придворныя дамы подражать имъ въ пестротѣ своихъ одеждъ, но часто съ досадою видѣли, что на прекрасныхъ чучелокъ любовались болѣе нежели на нихъ. Въ иныхъ мѣстахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись съ такою пріятностію, что искуснѣйшіе придворные ставили за честь у нихъ перенимать; а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои;

отъ чего между тогдашними обезьянами и придворными была великая вражда, о которой тамошняя академія издала исторію въ тридцати шести томахъ, въ листъ. Тамъ, на великолѣпныхъ пьедесталахъ, блистали Канбовыхъ предковъ бюсты, которые высокостью работы не уступали своимъ подлинникамъ. Внутреннія комнаты его убраны коврами столь рѣдкой красоты и цѣны, что величайшіе цари, современники Канбовы, пріѣзжали играть на нихъ шемелой и приказывали исторіографамъ записывать это въ число величайшихъ своихъ подвиговъ. Зеркала его хотя были по двѣнадцати аршинъ длиною, изъ чистой стали, но не столько почитались рѣдкими по своей величинѣ, какъ по свойству, данному имъ нѣкоторою волшебницею; зеркала эти имѣли даръ показывать вещи въ тысячу разъ прекраснѣе: старикъ видѣлъ себя въ нихъ молодымъ красавцемъ, изветшалая кокетка — пятнатцатилѣтнею дѣвушкою, уродъ — пригожимъ, а разгильдяй — ловкимъ. Со всѣмъ тѣмъ Канбъ никогда въ нихъ не смотрѣлся, а держалъ для однихъ своихъ придворныхъ, и то для того, чтобъ забавляться, видя, какъ отвратительнѣйшія лица передъ этими зеркалами спорятъ о своей красотѣ и заводятъ ссоры, которыми Канбъ любовался. Тысячи попугаевъ говорили въ его клѣткахъ скропостижные вирши; многіе изъ нихъ были краснорѣчивѣе тогдашнихъ академиковъ, хотя академія Канбова почиталась первою въ свѣтѣ, потому-что ни въ какой академіи не было такого богатаго набора плѣшивыхъ головъ, какъ у него, и всѣ они бѣгло читали по толкамъ, а иногда очень четко писали къ пріятелямъ письма. Со всѣмъ тѣмъ многіе уступали въ краснорѣчіи попугаямъ, изъ которыхъ многихъ Канбъ, любя ученость, сдѣлалъ членами академіи только за то, что они умѣли выговаривать чистенько то, что

выдумалъ другой. Что жъ до изобилія, то Канбовъ дворъ, превосходилъ всѣ восточные дворы, и послѣдній ложкомой Канбовъ ѣлъ вкуснѣе, нежели у Гомера цари. Календарь Канбова двора былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были тамъ рѣжѣ, нежели имянины Касьяновъ.

Сераль его былъ наполненъ первыми красавицами въ свѣтѣ, изъ которыхъ не было ни одной старѣе семнадцати лѣтъ. Сколько фабрики ни стараются теперь доходить до совершенства въ составленіи румянъ, но лучшія румяны показались бы дикими въ сравненіи съ природнымъ румянцемъ послѣдней изъ его султаншъ. Дѣвушки его не портили своихъ прелестей излишними жеманствами; онѣ не падали въ обморокъ отъ пауковъ и таракановъ, для того, чтобы разметаться пріятнымъ для глазъ образомъ. Когда находила на нихъ задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилѣтнему женскому возрасту, то не принимали онѣ чистительнаго, чтобы имѣть лучшій цвѣтъ лица. Великолѣпные его конюшни наполнены были рѣдкими лошадьми, которыя были статнѣе нашихъ щегольковъ и послушнѣе первыхъ его визирей. Ледники его трещали подъ тяжестью вкуснѣйшихъ винъ. Сами боги, говорятъ, съ удовольствіемъ напивались въ его погребахъ до-пьяна, и предпочитали вина его нектару, который опостылѣлъ имъ съ-тѣхъ-поръ, какъ стихотворцы начали разливать его своимъ героямъ такъ же небережно, какъ бабы льютъ коровамъ помои.

Весь свѣтъ, взирая на Канба, почиталъ его счастливымъ; типографщики наживались, издавая претолстыя книги о его блаженствѣ. Когда стихотворцы тогдашняго времени хотѣли описать торжества боговъ и райскія веселія, то не иначе къ тому приступали, какъ доставши черезъ какого-нибудь евнуха случай втереться

между музыкантовъ, чтобы посмотрѣть придворныя великолѣпія и серальскіе праздники; однако жъ, не смотря и на это, описанія ихъ божескихъ пировъ часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свѣтъ кричалъ, что Канбъ счастливъ, и одинъ только Канбъ зналъ, что это не правда; но онъ никому этого не говорилъ, боясь, чтобы не сочли его неблагодарнымъ противу благодѣяній судьбы, чего онъ всегда остерегался. Онъ часто въ своихъ стихотворцахъ читалъ описанія своего счастія, и смѣялся пустому ихъ воображенію; или иногда завидовалъ, для чего не былъ онъ такъ же слѣпъ, какъ они, чтобъ видѣть себя только съ счастливой стороны. Какъ бы то ни было, а Канбъ не столько былъ счастливъ, сколько о немъ кричали: въ сердцѣ его оставалась какая-то пустота, которую не могли пополнить окружающіе его предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попуган, ничто его не увеселяло: на все это съ высокаго своего престола смотрѣлъ онъ позѣвывая; иногда улыбался на скачки обезьянъ, или на кривлянья придворныхъ, но въ этихъ улыбкахъ видно было болѣе сожалѣнія нежели удовольствія.

Весь дворъ примѣчалъ, что онъ былъ задумчивъ, но никто не могъ выдумать чѣмъ бы его позабавить; и оберъ-шутъ его двора, который былъ шутливѣе всѣхъ Италіянскихъ оперъ вмѣстѣ, съ отчаяніемъ видѣлъ, что высочайшій его владѣтель уже два мѣсяца не давалъ ему щелчковъ по носу; всѣ это замѣтили и заключили, что онъ уже не въ такой большой силѣ у двора какъ былъ за два мѣсяца; когда, къ досадѣ своихъ завистниковъ, всякой день получалъ онъ пинковъ по двадцати въ задъ, по стольку же щелчковъ по носу и показывалъ всѣмъ на бокахъ своихъ знаки Канбовой къ себѣ милости.

По что была за причина Канбовой скуки? Вотъ чего никто не зналъ; а что всего чудне, то это и самому ему было не извѣстно. Онъ чувствовалъ, что ему чего-то не достаетъ, но не могъ познать въ чемъ этотъ недостатокъ. Ему казалось, что онъ одинъ во всей вселенной, или, что еще ближе, какъ-будто былъ иностранецъ между милліонами людей, имъ одолженныхъ, которые не могли его разумѣть, ни помочь его скукѣ.

Сперва подумалъ онъ, что этому причиною любовныя желанія, и бросился искать счастія въ сералѣ; но самыя скромныя дѣвушки показались ему кокетками, которыя, желая ему угодить, искали только своей пользы. Правда, всякая изъ нихъ хотѣла, чтобъ на нее брошенъ былъ султанскій платокъ; но часто болѣе для того, чтобы тѣмъ досадить своей совмѣстницѣ, нежели сдѣлать его счастливымъ. Желаніе ему нравиться было смѣшано во всѣхъ сердцахъ съ желаніемъ корысти, или съ честолюбіемъ. Онъ замѣтилъ по повторенію, что всѣ привѣтствія, всѣ ласки выучены были наизустъ, и въ мѣсяцъ сераль такъ ему наскучилъ, что онъ пересталъ въ него заглядывать, и заключилъ, что не съ этой стороны долженъ искать счастія.

Канбъ думалъ потомъ, что скорѣе всего разгонитъ грусть свою новыми побѣдами. Онъ повелѣлъ — и вдругъ армія, многочисленнѣе древней, Ксерксовой, и неуступающая въ храбрости Грекамъ, умершимъ при Ѳермопилахъ, была готова, и двинулась собирать лавры. Война загорѣлась, — открылось поле славы для героевъ и для стихотворцевъ; сочинители мелкаго разбора зачали заготовлять пирамиды одъ, надѣясь, при первомъ случаѣ, сбыть ихъ за хорошую цѣну. Многія жены посѣдѣлыхъ героевъ заранѣе любовались передъ зеркалами, какъ пристанетъ къ нимъ трауръ, и твер-

дили науку упадать въ обморокъ, чтобы пользоваться этимъ, когда принесутъ къ нимъ вѣсть о кончинѣ ихъ мужей; купцы возвысили цѣну на черныя матеріи; сочинители эпитафій сдѣлались неприступными.

Первыя двѣ побѣды, одержанныя Канбовыми войсками, привели его въ восхищеніе; третью новость о побѣдѣ слушалъ онъ равнодушнѣе; наконецъ началъ уже зѣвать, слушая такія новости, и рѣшился дать свѣту отдыхъ. Войска возвратились, обремененныя славою и корыстью, а Канбова зѣвота не уменьшилась, и онъ не безъ зависти взиралъ, что полупагіе стихотворцы его болѣе ощущали удовольствія, описывая его изобиліе, нежели онъ, вкушая его.

Въ одну ночь, удивляясь неодолимой своей скукѣ, ворочался Канбъ на своихъ пышныхъ пуховикахъ, и сонъ, какъ-будто не смѣя войти въ царскую спальню, заставлялъ храпѣть въ ближней комнатѣ его служителей. Вдругъ увидѣлъ онъ, что его любимецъ, котъ, гонялся за мышью. Она всячески старалась отъ него увернуться. Такъ точно часто челобитчикъ желаетъ увернуться отъ подарка своему судьѣ; но напрасно заговариваетъ онъ съ нимъ о дурной погодѣ и о хорошей, о старыхъ временахъ и о нынѣшнихъ; хотя бы заговорилъ онъ съ нимъ о Эмпедокловыхъ туфляхъ, взяткобратель и отъ нихъ искусно склонитъ рѣчь на то, что ему надобны деньги. То же происходило и у мыши съ котомъ: стараясь его обманывать, она металась въ разныя стороны, искала спасенія по всѣмъ угламъ.... и вдругъ вскочила къ султану на кровать. Какая бы красавица утерпѣла при такомъ прекрасномъ случаѣ, чтобы не броситься съ постели стремглавъ, не поднять содомъ, не скликать весь свѣтъ, ежели можно, и, наконецъ, чтобы потомъ не упасть раза два, три въ обморокъ? Но Канбъ былъ неустра-

шимъ: онъ не боялся мышей, пауковъ, таракановъ, и съ радостію бѣдную мышку принялъ подъ свое покровительство; притомъ же онъ начитался (онъ любилъ ученость), и «Тысячу одну Ночь» всю зналъ наизустъ; онъ начитался, что въ такихъ случаяхъ дѣлаются великія чудеса, какъ прекрасная Шехеразада — этотъ неподражаемый историкъ его предковъ — свидѣтельствуетъ; а Канбъ вѣрилъ сказкамъ болѣе нежели Алкорану, потому-что онѣ обманывали несравненно пріятнѣе.

Дѣло и подлинно кончилось чудомъ. Менѣе нежели въ минуту, гопимая мышь превратилась въ прекрасную женщину. Какой вздоръ! скажетъ любезный мой читатель; но прошу не дивиться: въ Канбовъ вѣкъ была такая мода на чудеса, какъ теперь на Англійскія шляпки, и тотъ домъ, въ которомъ не случилось въ недѣлю по крайней мѣрѣ два чуда, былъ такъ же смѣшонъ, какъ теперь домъ, гдѣ не играютъ въ карты.

«Канбъ» сказала ему превращенная женщина, «ты спасъ мнѣ жизнь: должно, чтобъ я усладила твою. Благодѣяніе раждаетъ благодарность. Проси отъ меня чего ты хочешь, и я въ минуту исполню твое желаніе, хотя бы оно цѣлило на ботатства всего свѣта.»

— Великодушная Фея! вскричалъ удивленный Канбъ, я не имѣю нужды въ сокровищахъ; они столь велики, что сколько визири меня ни обворовываютъ, но ущербъ въ нихъ такъ же мало примѣтенъ, какъ ущербъ въ Езоповой рѣкѣ, которую хотѣли выпить жадныя собаки; и я надѣюсь, что мои собаки такъ же перелопаются прежде, нежели вылакаютъ море моихъ сокровищъ. Изъ этого ты можешь заключить, нужно ль мнѣ желать ихъ болѣе? Сколько ни безцѣнною великій нашъ Муфтій почитаетъ свою бороду, но если бы

захотѣлъ я соблазнить этого честнаго старца, то бы всю ее могъ скупить по волоску, ни мало не разстроивъ своихъ богатствъ. У меня нѣтъ также недостатка въ красавицахъ: природа меня не обидѣла, и мой взглядъ еще не находилъ ни одной соперницы въ любви, — столько-то одаренъ я способностію нравиться! Впрочемъ, состояніе мое такъ блестяще, что, спустя еще семьдесятъ лѣтъ, не будетъ при моемъ дворѣ ни одной Венеры, которая бы не захотѣла меня имѣть своимъ Адонисомъ; и хотя природа станетъ имъ противорѣчить, но воображеніе, конечно, ее побѣдитъ. Можетъ быть, пожелалъ бы я славы; но стихотворцы мои, хотя и спятъ сами на открытомъ воздухѣ, а мнѣ настроили столько храмовъ славы, что если бы можно было ихъ составить вмѣстѣ на землѣ, то вышелъ бы изъ нихъ городъ пространнѣе Пекина и великолѣпнѣе древняго Рима. И-такъ, ты видишь, что мнѣ ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Со всѣмъ тѣмъ я зѣваю, и по этому-то одному догадываюсь, что мнѣ чего-нибудь не достаетъ; но что̀ это такое, того и ученѣйшіе изъ моихъ подданныхъ отгадать не могутъ. —

«Канбъ, сказала ему волшебница, желаніе твое исполнится: я знаю, что̀ нужно къ твоему блаженству. Исполни, что написано на этомъ перстнѣ (тутъ подала она ему перстень); завтра поутру начни свой трудъ; но берегись его оставить. Какъ же скоро успѣхъ увѣнчаетъ его, то не будетъ человѣка на землѣ, который бы могъ съ тобою сравниться блаженствомъ. Прости и помни, что я всегда готова къ тебѣ на помощь. Когда я буду тебѣ нужна для какого-нибудь совѣта, то вотъ тебѣ цѣлый томъ одъ одного изъ безпріютныхъ строителей храмовъ славы: только-что прочтешь ты одну строфу, на тебя найдетъ безпамятство; въ это то время буду я тебѣ являться и

давать нужныя наставленія. — Прости, государь!» повторила волшебница и въ мигъ исчезла. Канбъ, отворотясь къ стѣнѣ, захрапѣлъ, оставя до утра изслѣдованіе дѣла; онъ даже, — подивись прекрасный и любопытный полъ! — онъ даже не посмотрѣлъ, что написано на перстнѣ.

На другой день нашелъ онъ на немъ вырѣзанныя слова: «Ступай немедля и ищи человѣка, который бы «назывался твоимъ врагомъ, не зная, что тебя любитъ, «и который бы тогда жъ назывался твоимъ другомъ, «не зная, что тебя ненавидитъ. Тотъ, въ которомъ «увидишь ты такое противорѣчіе, одинъ можетъ изле«чить тебя отъ твоей зѣвоты.» — Вотъ довольно огромная для перстня надпись! скажетъ критикъ. Можетъ ли она умѣститься на перстнѣ; это невѣроятно! — Очень сожалѣю, что свѣтъ теперь такъ испортился, что не вѣритъ сказкамъ. Впрочемъ, вообрази, милостивый государь мой, такой перстень, на которомъ бы вся эта надпись помѣстилась, и критика исчезнетъ. — Но гдѣ же взять такую руку, которой бы впору былъ этотъ перстень? спросятъ меня опять. О! кто знаетъ Голіафа и Атланта, тотъ повѣритъ, что на ихъ перстняхъ можно было уписать болѣе, нежели на надгробныхъ доскахъ нынѣшнихъ вѣковъ.

«Милостивѣйшій государь! сказалъ Канбу шутъ, увидя эту надпись, перстень этотъ есть явное на меня гоненіе моихъ непріятелей.» — Почему ты такъ думаешь? — спрашивалъ его Канбъ. «Повелитель правовѣрныхъ! продолжалъ шутъ, тебѣ совѣтуютъ лечиться отъ скуки, и не прописываютъ меня лекарствомъ: не явное ли это желаніе унизить мой санъ и силу? Какъ-будто бы моя священная должность — смѣшить Ваше Величество — ничего не значила.» — Не опасайся, отвѣчалъ Калифъ, изъ всѣхъ моихъ

визирей никто такъ хорошо, какъ ты, сорокою не скачетъ; и-такъ, мои милости къ тебѣ непоколебимы.— «Еще слово, государь, вскричалъ шутъ, цѣлуя его полу: время, пожирающее все, можетъ и меня лишить моихъ способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтобъ враги мои тогда не восторжествовали, предпринялъ я заранѣе оставить дворъ.» — Пустое, пустое! кричалъ Канбъ, развѣ не можешь ты при моемъ дворѣ сыскать дѣла? Выучись къ тому времени ползать черепахою. — Шутъ еще разъ поцѣловалъ полу его одежды, а Канбъ, не сказавъ истиннаго происшествія своего перстня, началъ въ самомъ дѣлѣ заниматься своимъ предпріятіемъ.

На другой день Канбъ созвалъ свой диванъ, чтобы подумать обстоятельнѣе о своемъ важномъ предпріятіи. Надобно примѣтить, что Канбъ ничего не начиналъ безъ согласія своего дивана; но какъ онъ былъ миролюбивъ, то, для избѣжанія споровъ, начиналъ свои рѣчи такъ: «Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ свободно его объявить: въ ту жъ минуту получитъ онъ пятьсотъ ударовъ воловьею жилою по пятамъ, а послѣ мы разсмотримъ его голосъ.» Такимъ удачнымъ предисловіемъ поддерживалъ онъ совершенное согласіе между собою и совѣтомъ и придавалъ своимъ мнѣніямъ такую вѣроятность, что разумнѣйшіе изъ дивана удивлялись ихъ премудрости. И для того-то хотя иногда терпѣлъ онъ визирей съ крѣпкою головою, но не могъ терпѣть тѣхъ, у которыхъ были крѣпки подошвы. Такіе люди, говаривалъ онъ, всегда думаютъ, что они умнѣе другихъ, и они для меня не годятся. Мнѣ надобны визири, у которыхъ бы разумъ, безъ согласія ихъ пятокъ, ничего не начиналъ. Теперь, любезный читатель, можемъ мы продолжать нашу повѣсть.

Канбъ представилъ, что ему нужно выѣхать изъ города тайно мѣсяцевъ на восемь или болѣе; что отъ этого зависитъ его спокойствіе и, слѣдственно, благополучіе цѣлаго государства; что въ это время не можетъ онъ управлять никакими дѣлами; что болѣе всего нужно скрыть его путешествіе отъ народа и, слѣдственно, не остановлять никакихъ дѣлъ; что, наконецъ, во всемъ этомъ полагается онъ на ихъ разсужденіе.

Диванъ раздѣлился на двѣ стороны; одни говорили, изъ учтивости, что Калифъ нуженъ государству, и что оно не можетъ обойтись безъ его высокой особы такъ долгое время; другіе говорили, изъ учтивости же, что онъ можетъ исполнить свое предпріятіе, и что государство ничего не потеряетъ, если онъ отлучится на нѣсколько мѣсяцевъ. Канбъ далъ имъ волю спорить и между-тѣмъ занимался будущимъ своимъ путешествіемъ. Наконецъ, наскуча шумомъ, сказалъ: «Господа, я такъ хочу!» Визири перваго мнѣнія, вспомня, что у нихъ есть пятки, согласились съ визирями послѣдняго мнѣнія. Путешествіе было опредѣлено.

«Друзья мои! сказалъ Калифъ, я признателенъ къ вашей сговорчивости; и хотя ни у какого Калифа люди за слово *такъ* не получаютъ столь большаго жалованья, какъ у меня; хотя никакой султанъ не содержитъ такого числа полезныхъ государству людей, при важной должности выговаривать чисто *такъ;* но вы столь усердно исполняете свое почтенное званіе, что я охотнѣе издерживаю деньги на васъ, нежели на лучшихъ Арабскихъ лошадей и Китайскихъ куколъ. Изъ этого вы можете заключить, какъ пріятно мнѣ всегда видѣть у двора своего разумныхъ людей, которыхъ премудрые совѣты полезны государству столько же, сколько скотные дворы полезны хлѣбопашеству.»

Чувствительные визири были тронуты до слезъ такою похвалою, а Канбъ, улыбаясь, продолжалъ: «И-такъ, когда вы согласны, то ничто уже не остановитъ моего путешествія. Но мнѣ еще нуженъ благоразумный вашъ совѣтъ. Я уже сказалъ, что отъѣздъ мой должно скрыть отъ народа и что не нужно оставлять государственныхъ дѣлъ; а къ этому-то я еще никакихъ способовъ не выдумалъ; и, еслибъ я не надѣялся на ваше остроуміе, то отчаялся бы согласить эти двѣ вещи. И-такъ, любезные визири, присовѣтуйте мнѣ, кто изъ васъ какъ думаетъ? Тому же, кто лучшее подастъ мнѣніе въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, обѣщаю я подарить полное собраніе Арабскихъ сказокъ въ богатомъ сафьянномъ переплетѣ и переводъ Конфуція, писанный въ листъ, на такой твердой бумагѣ, изъ которой можно сдѣлать прекрасные летучіе змѣи.»

Визири всѣ видали переводъ Конфуція, были охотники спускать змѣи, и не менѣе любили Арабскія сказки. Богатое обѣщаніе щедраго Канба воспламенило ихъ воображеніе, и они всѣ пошли на голоса.

Первый былъ Дурсанъ, человѣкъ большихъ достоинствъ; главное изъ достоинствъ его было то, что борода его доставала до колѣнъ и важностію походила на бунчукъ. Калифъ самъ хотя не имѣлъ большой бороды, но онъ зналъ, что такія осанистыя бороды придаютъ важность дивану, и потому-то возвышалъ Дурсана по мѣрѣ, какъ вырастала его борода; а когда, наконецъ, достала она до пояса, тогда допустилъ онъ его въ свой диванъ. Дурсанъ, съ своей стороны, не былъ безпеченъ: видя, что судьба назначила его служить отечеству бородою, ходилъ онъ за нею болѣе нежели садовникъ за огурцами, и до послѣдняго волоса держалъ на счету. Впрочемъ, онъ

дѣлалъ много важныхъ услугъ отечеству: когда бывалъ при дворѣ праздникъ, тогда наряжался онъ пышнѣе всѣхъ женщинъ; и когда у Калифа случалась безсонница, тогда сказывалъ онъ ему сказки. Этотъ-то знаменитый мужъ началъ такъ:

— Великій обладатель Океана, самовластный повелитель извѣстныхъ и неизвѣстныхъ земель, и законный наслѣдникъ всѣхъ монархій, какія только будутъ открыты! Для такой мелкой словесной твари, какъ я, велико уже и то снисхожденіе, что ты попускаешь ей думать; но съ чѣмъ могу сравнить мое блаженство, когда ты, великій монархъ, позволяешь мнѣ объяснить предъ тобою мысли мои и, что еще болѣе, требуешь моего совѣта? Но солнце можетъ ли отъ земли заимствовать свѣтъ? Нѣтъ, великій обладатель правовѣрныхъ! Подобно и я не рожденъ ни думать, ни говорить передъ тобою, ниже знать, что ты думаешь! Голова твоя такъ же непостижима, какъ священный нашъ Коранъ; а голова моя предъ тобою то же, что подушка, на которой я сижу: оба мы счастливы твоею щедростію, и лизать прахъ ногъ твоихъ — есть священнѣйшая и важнѣйшая моя должность, коею наградилъ ты слабыя мои способности. Велико уже и то мое счастіе, когда употребляешь ты меня вмѣсто морской трубы, чтобы объявлять мною рабамъ свои повелѣнія. — «Это все правда, любезной Дурсанъ, отвѣчалъ Калифъ, я радуюсь, видя, что ты помнишь свои права. Но иногда философъ видитъ передъ собою пылинку, которую пренебрегаетъ; потомъ, всматриваясь, познаетъ, что пылинка эта двигается; наконецъ, разбирая далѣе, узнаетъ въ ней тварь чувствующую и находитъ, что сколько ни мало это насѣкомое, но оно можетъ приносить ему пользу. Мы, калифы, обязаны вамъ, людямъ, такою же справедливостію. Час-

то, смотря на васъ пресмыкающихся, сомнѣваемся мы, можете ли вы думать; но разсматривая далѣе, находимъ, что и вы иногда удобны разсуждать; и хотя неоспоримо, что мозгъ вашъ не можетъ быть такой же доброты, какъ мозгъ потомковъ великаго Магомета, избираемыхъ управлять вселенною, со всѣмъ тѣмъ и ваши разсужденія можно иногда употреблять съ пользою: и они бываютъ довольно изрядны, а особливо въ сравненіи съ разсужденіями черни, такъ-что, подъ нашимъ смотрѣніемъ, дѣйствительно можно дозволять вамъ мыслить. И-такъ, любезные визири, скажите мнѣ ваши мнѣнія. Не опасайтесь если и глупо вздумаете: я знаю, что вы люди; природа не создала васъ калифами.» Послѣ такой скромной рѣчи Каибъ обратился къ Дурсану, чтобы его дослушать.

— Когда обладатель земли повелѣваетъ мнѣ объявить мои мнѣнія, говорилъ Дурсанъ, то волю его ставя своимъ закономъ, скажу устами, что̀ чувствую сердцемъ. И-такъ, государь, нѣтъ большихъ препятствъ ни скрыть путешествія твоего отъ народа, ни продолжать государственныхъ дѣлъ. Для перваго нужно немедленно выдать повелѣніе, чтобы подданные твои падали ницъ на землю, когда мимо ихъ будешь проѣзжать, и, подъ опасеніемъ смертной казни, страшились бы на тебя взирать. Если повелитель правовѣрныхъ дозволитъ, то я беру на себя сочинить это повелѣніе, въ которомъ докажу ясно, какъ непростительно дерзновеніе знать въ лицо обладателя подлунаго свѣта, и сколь велико оскорбленіе священной его особы, если черты ея впечатлѣваются на грязномъ мозгу простолюдина; сколь, напротивъ того, спасительно валяться на землѣ, уткнувшись носомъ въ грязь, когда проѣзжаетъ мимо великій повелитель морей и суши. Потомъ, государь, чтобы пріучить къ

этому твоихъ подданныхъ, можешь ты сдѣлать нѣсколько выѣздовъ по городу, и стоитъ только повѣсить первую дюжину любопытныхъ, чтобы остальному числу вѣрныхъ рабовъ твоихъ отбить охоту подымать взоры до священнаго чела твоего. Послѣ этого можешь ты спокойно ѣхать. Мы же, одѣвши пышно куклу, будемъ привязывать ее къ твоей верховой лошади и возить всякой день по городу, возвѣщая народу, что это ты самъ... Всѣ упадутъ ницъ; и тотъ будетъ великій чародѣй, кто затылкомъ узнаетъ разницу между куклою и твоею священною особою. Это можемъ мы продолжать до твоего возвращенія. Если же къ куклѣ придѣлать такіе величественные усы, какими ты удивляешь вселенную и превосходишь всѣхъ монарховъ, то тайна будетъ еще непостижимѣе. Что же касается до правленія дѣлъ, то можешь ты, до возвращенія своего, поручить ихъ тому, кому болѣе всего довѣряешь; и неизлишне было бы, если бъ выборъ твой, въ такомъ важномъ случаѣ, палъ на человѣка достойнаго, съ почтенною бородою, коея длина была бы мѣрою его глубокомыслія и опытности. Ибо, великій государь, непокорнѣйшія сердца смотрятъ на длинную бороду какъ на хорошій аттестатъ, данный природою. Такой человѣкъ пусть именемъ твоимъ производитъ дѣла и даетъ повелѣнія, которыхъ вся добрая слава упадетъ на тебя, и никто изъ народа не примѣтитъ твоего отсутствія. — Дурсанъ замолчалъ и началъ разглаживать длинную свою бороду.

«У тебя довольно пылкое воображеніе, сказалъ Калифъ; и еслибъ я былъ болѣе гордъ, то употребилъ бы твои совѣты; но, любезный Дурсанъ, мнѣ не нравится, чтобъ мои народы валялись по грязи во время моихъ выѣздовъ. Мнѣ пріятнѣе, когда подданные мои продираются другъ сквозь друга меня смо-

трѣть и послѣ спорятъ изъ какого вещества я созданъ; мнѣ очень мило слышать, какъ одни говорятъ, что я весь вылитъ изъ серебра, другіе, что я скованъ изъ золота; что я за тысячу миль вижу блоху такъ же свободно, какъ-будто бы сидѣла она у меня на носу, и что я одинъ въ день столько же могу съѣсть, сколько цѣлая армія въ недѣлю, не опасаясь ни малаго отягощенія въ желудкѣ. Такія прекрасныя разсужденія и заключенія меня забавляютъ, и мнѣ жаль отнять у народа свободу меня смотрѣть, когда онъ съ такимъ успѣхомъ въ меня вглядывается и смѣшитъ меня иногда до слезъ своими догадками. Нѣтъ, нѣтъ, выдумывайте другое средство; а это такъ сурово, что я, по любви своей къ моимъ мусульманамъ, никогда его не употреблю.»

Тогда Ослашидъ, первый по Дурсанѣ, разгладилъ на обѣ стороны свои усы, растворилъ ротъ и началъ... Но, любезный читатель, позволь мнѣ познакомить тебя и съ этимъ визиремъ. Рѣчь сильнѣе дѣйствуетъ, если ораторъ намъ извѣстенъ.

Ослашидъ еще за триста лѣтъ до своего рожденія предназначенъ былъ играть не послѣднее лицо въ диванѣ; ибо онъ былъ изъ потомковъ Магомета, и бѣлая чалма, которую надѣли на него при рожденіи, давала ему право на большія степени и почести. Правда, что голова его не знаетъ, какъ она попала въ бѣлую чалму, дающую право на такія выгоды, а душа его не знаетъ, какъ она попала въ голову, имѣющую право на бѣлую чалму; но Ослашидъ былъ вѣрный мусульманинъ: онъ, не изслѣдывая своихъ правъ, старался только ими пользоваться, и сохранялъ теплую вѣру, что судьба имѣла свои расчеты надѣть на него бѣлую чалму и произвести на свѣтъ обладателемъ великихъ сокровищъ. Не вмѣшиваясь въ виды ея, онъ ставилъ

правиломъ проживать свои сокровища какъ истинный мусульманинъ. Ослашидъ имѣлъ у себя прекрасный сераль, множество евнуховъ, еще болѣе невольниковъ-христіанъ, которыхъ прилежно сѣкалъ за то, что они не принимаютъ его закона и не могутъ понять того, чего онъ самъ никогда не понималъ. Онъ дивился, какъ люди могутъ не вѣрить, что въ обыкновенный рукавъ можно запрятать луну, которая въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 473 Нѣмецкихъ миль, и говорилъ, что для вѣрнаго мусульманина очень легко вообразить, какъ въ одну ночь можно проѣхать болѣе, нежели сколько пушечное ядро, со всею своею скоростію, можетъ пролетѣть въ 500,000 лѣтъ и имѣть еще довольно досугу понадѣлать на все историческія замѣчанія. Словомъ, Ослашидъ вѣрилъ всему съ удивительною способностію, и это было первое его достоинство у двора, которое заставляло въ немъ терпѣть множество другихъ недостатковъ. Этотъ-то достойный визирь началъ такъ свою рѣчь:

—Истинный потомокъ великаго пророка, блистательный Калифъ, снисходящій по прямой линіи отъ просвѣтителя вселенной, Магомета, — ибо я несомнѣнно вѣрю, что, начиная отъ его женъ, жены всѣхъ предковъ твоихъ были столь же вѣрны, какими обѣщаются быть намъ райскія Гуріи, и что твое родословное дерево не покривлено ни одною женою твоихъ предшественниковъ; и потому-то право твое повелѣвать нами столь же священно, какъ право самого Магомета, для рабства которому создавъ весь міръ, — повелитель правовѣрныхъ, имѣющій власть связывать и разрѣшать руки и мысли, власть неоспоримую, которая, съ помощію благословенія Пророка, поддерживается 500,000 вооруженныхъ мусульманъ, почитающихъ счастіемъ перерѣзать горло тому, кто вздумаетъ отымать у тебя

право ихъ перевѣшать; обладатель самовластный великаго быка, на рогахъ котораго взоткнуты твои пространныя владѣнія, — великій Калифъ! удостой выслушать мнѣніе послѣднѣйшаго изъ твоихъ рабовъ.

— Сколько ни премудръ совѣтъ Дурсана, но мнѣ кажется, нѣтъ нужды заводить такихъ большихъ обрядовъ съ народомъ, а особливо, когда человѣколюбіе твое признаетъ ихъ суровыми. Всего лучше, великій Калифъ, выѣхать тебѣ въ путь сколь можно великолѣпнѣе; но при самомъ выѣздѣ за ворота объявить своимъ подданнымъ, что ты, любя свою столицу ни куда не намѣренъ отъ нея отлучаться. И тогда, хотя весь городъ будетъ видѣть, что ты удаляешься, но рабы твои, конечно, повѣрятъ тебѣ болѣе нежели своимъ глазамъ, и будутъ твердо увѣрены, что ты здѣсь и тогда, какъ будешь осчастливливать своимъ присутствіемъ другую половину земнаго шара. Притомъ же, отъѣзжая, можешь имъ сказать, что ты всякую недѣлю одинъ разъ будешь проѣзжаться по городу и назначить день, въ который послѣ мы можемъ водить по улицамъ подъ уздцы верховую твою лошадь. Хотя тебя на ней не будетъ, но рабы твои согласятся скорѣе повѣрить, что они всѣ вдругъ ослѣпли, нежели подумать, что ты не самъ, высочайшею своею особою, сидишь на лошади, которую почтутъ они счастливѣйшею изъ всѣхъ чувствующихъ тварей, потому-что она носитъ на себѣ величайшаго въ свѣтѣ Калифа. Что же до дѣлъ, то также можешь ты сказать, что всѣ дѣла, которыя рѣшатся въ такое-то время, будутъ непосредственно разсматриваемы и рѣшены тобою. Словомъ: можешь ты заключить, что всякій тотъ преступникъ, кто въ это время осмѣлится, повѣря пяти своимъ чувствамъ, усомниться въ твоихъ словахъ. Такая рѣчь, величайшій Калифъ,

произведетъ чудеса, и выѣздъ твой для всего государства останется тайною. —

«Способъ изрядно выдуманъ, отвѣчалъ Калифъ, но онъ хорошъ для моихъ только мусульманъ, а надъ иностранцами, не думаю, чтобъ онъ произвелъ подобное дѣйствіе, и, что еще досаднѣе, могутъ разгласить, что я Калифъ надъ слѣпыми народами; а это мало принесетъ мнѣ чести. Нѣтъ, друзья мои, я хочу, чтобы подданные мои вѣрили иногда своимъ глазамъ, или мнѣ должно современемъ терпѣть величайшій трудъ сказывать всякому, что онъ видитъ и что чувствуетъ. Выдумайте какое-нибудь другое средство. Я столько люблю моихъ подданныхъ, что мнѣ жаль сдѣлать вдругъ безполезными нѣсколько милліоновъ глазъ. Итакъ, любезный Дурсанъ и почтенный Ослашидъ, вы не получите отъ меня Арабскихъ сказокъ въ сафьяномъ переплетѣ и не будете имѣть удовольствія спускать змѣевъ изъ Конфуціева перевода. Посмотримъ, любезный Грабилей, будетъ ли счастливѣе твоя выдумка.

Грабилей не имѣлъ ни долгой бороды, ни счастія родиться въ бѣлой чалмѣ; онъ былъ сынъ чеботаря, который въ свое время обувалъ со вкусомъ цѣлый городъ. Грабилей, прискуча видѣть съ младенчества трудную работу отца, задумалъ блистать въ свѣтѣ совсѣмъ другою славою, и искалъ способовъ какъ бы современемъ разувать тотъ народъ, который отецъ его обувалъ съ такимъ успѣхомъ. Для этого-то вступилъ онъ въ приказную службу. Грабилей былъ уменъ; онъ тотчасъ понялъ систему своего званія и началъ драть съ однихъ, чтобы передавать другимъ. Съ такимъ прекраснымъ правиломъ онъ не долго засидѣлся въ нижнихъ званіяхъ и тотчасъ сдѣланъ кадіемъ. На этомъ-то мѣстѣ почелъ онъ нужнымъ развернуть всѣ

свои способности и воспользоваться всею уловчивостію, которою природа его одарила. Онъ тотчасъ понялъ трудную науку обнимать ласково того, кого хотѣлъ удавить, плакать о тѣхъ несчастіяхъ, которымъ самъ былъ причиною; умѣлъ кстати злословить тѣхъ, кого никогда не видалъ, приписывать тому добродѣтели, въ комъ видѣлъ одни пороки. Онъ зналъ, когда нужно кланяться въ-землю и когда въ-поясъ; умѣлъ кстати зажмуриваться на своей судейской подушкѣ; но что всего важнѣе, зналъ кстати обирать и кстати одаривать. Съ такими-то блестящими дарованіями прилагалъ онъ себѣ путь къ дивану, и не долго медлилъ на этомъ пути. Калифъ уважалъ его способности. Грабилей сталъ однимъ изъ числа знаменитѣйшихъ людей, снабженныхъ способами утѣснять бѣдныхъ и освященныхъ важнымъ преимуществомъ получать удавку изъ рукъ самого султана. Грабилей такъ началъ рѣчь свою:

— Законный наслѣдникъ всѣхъ имѣній, неоспоримый владѣтель сердецъ и помышленій, повелитель стихій и причина всѣхъ бывшихъ и впредь будущихъ благъ человѣческаго рода! Прости, что я осмѣливаюсь шевелить языкомъ моимъ въ присутствіи священной твоей особы. Я бы никогда не дерзалъ при тебѣ и мыслить, если бъ не было это во исполненіе верховной твоей воли, которая управляетъ всѣми моими чувствами и дѣлами, подобно какъ солнечное движеніе управляетъ движеніемъ тѣни.

— Мнѣ кажется, самый лучшій способъ для удержанія въ тайнѣ твоего путешествія есть тотъ, чтобъ сдѣлать запрещеніе говорить, какимъ бы то образомъ ни было, о твоей высокой особѣ, и даже выговаривать священное твое имя, подъ опасеніемъ лишенія живота и имѣній. Издавъ такое повелѣніе, можешь ты спокойно отправиться въ свой путь; и хотя нѣкоторое чис-

ло рабовъ твоихъ будетъ догадываться, что тебя здѣсь нѣтъ, но, въ силу запрещенія говорить о тебѣ, они не возмогутъ никому сообщить своихъ догадокъ, ниже простирать вопросами свое любопытство далѣе. Извѣстно, что молчаніе есть единственный способъ храненія тайнъ; такъ не самое ли лучшее средство — наложить его на языки болтливыхъ разсказниковъ и выспрашивателей, которыхъ двумя или тремя примѣрными наказаніями можно увѣрить, что языкъ имъ данъ только для того, чтобы, съ помощію его, было легче глотать пищу. —

Калифъ не былъ доволенъ и этимъ мнѣніемъ: онъ самъ, любя говорить, зналъ, какъ тяжело честному человѣку хотя на два часа лишиться этого прекраснаго упражненія; притомъ же, хотя и могъ онъ надѣяться унять мужчинъ, но гдѣ, думалъ онъ, взять столько силы, чтобы унять говорить женщинъ? Калифъ былъ премудръ: онъ зналъ, что выдать законъ на удержаніе говорливости женщинъ есть то же, что выдать законъ для удержанія прилива и отлива морскаго. Онъ требовалъ также совѣта у остальныхъ визирей, наполняющихъ диванъ, но ихъ не слушалъ, не ожидая отъ нихъ ничего добраго. Калифъ былъ расчетистъ: обыкновенно, одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ онъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ; и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько жъ нужны, какъ и умные люди. Вотъ причина, что и диванъ Калифовъ былъ изобиленъ дураками.

Всѣ они пошли на голоса. Примѣтить должно, что они охотнѣе всего расточали свои совѣты, хотя часто могли видѣть, что они ни на что не надобны; но чѣмъ

глупѣе голова, тѣмъ она щедрѣе на совѣты. Наконецъ, Калифъ вышелъ изъ дивана, распустилъ своихъ визирей, не бывъ доволенъ ни однимъ голосомъ, и удалился во внутреннiе свои чертоги, надѣясь въ уединенiи найти то, чего не могъ сыскать въ многолюдствѣ.

Первый предметъ, встрѣтившiйся его глазамъ въ его комнатѣ, была книга, данная ему волшебницею. Хотя Калифъ никогда не совѣтовался съ книгами, потому-что онѣ по большей части писаны не калифами, но вспомня, что этой книгѣ приписано важное свойство — усыплять, взялъ ее въ руки, въ надеждѣ увидѣть во снѣ добрую свою покровительницу. Калифъ развернулъ ее — и видитъ оду визирю, недавно повѣшенному имъ за взятки. Добродѣтели визиря были воспѣты съ такимъ восторгомъ, что Калифъ сталъ уже опасаться, не святаго ли онъ повѣсилъ. Это привлекло его къ важному разсужденiю: сколько должно великому калифу быть осторожну въ награжденiяхъ и въ наказанiяхъ. Фея, ворчалъ онъ тихонько, конечно, ошибкою дала мнѣ эту книгу: она обѣщала мнѣ съ нею прiятный сонъ, а книга эта, напротивъ того, подастъ мнѣ причину къ важнымъ разсужденiямъ, приличнымъ моему сану и полезнымъ моему народу. Но Калифъ не примѣчалъ, что онъ уже дремалъ, выговаривая послѣднiя слова. И дѣйствительно, въ одну минуту погрузился онъ въ глубокiй сонъ и позабылъ награжденiя, наказанiя, повѣшеннаго визиря, стихотворца и свою книгу, которую изъ рукъ выпустилъ къ себѣ на колѣна.

Едва заснулъ Калифъ, едва увѣсистое собранiе тяжелыхъ стиховъ, обременявшихъ за минуту руки его, сползло съ колѣнъ на богатый коверъ, какъ покровительствующая Фея явилась ему во снѣ. Она была

прелестна какъ... какъ то, что̀ тебѣ всего милѣе, любезный читатель... скупой ты, можешь ее сравнить съ твоимъ рублемъ; если ты авторъ, то вообрази, что она была такъ прекрасна, какъ твои стихи; или вообрази, что она прекрасна какъ твоя любовница, — если ты читаешь это наканунѣ своей свадьбы; если же на другой день, то признаюсь, что сравненіе мое никуда не годится.

«Канбъ, сказала она Калифу, я выдумала способъ скрыть путешествіе твое отъ народа и отъ самихъ визирей твоихъ. Проснувшись, ступай изъ дворца твоего, не говоря ни кому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такія способности, что она, до возвращенія твоего, замѣнитъ съ успѣхомъ твое мѣсто. Такъ нѣкогда Аполлонъ на Троянской брани подмѣнилъ Энея поддѣланною подъ его видъ статуею; и между-тѣмъ, какъ Эней отдыхалъ дома, статуя храбро сражалась съ Греками. Хотя Гомеръ ничего не говоритъ, но я знаю точно, что тогда многія славныя дѣла ея приписаны самому Энею, чему онъ, по сговорчивости своей, никогда не противорѣчилъ. То же точно намѣрена я съ тобою сдѣлать. Иди и старайся только исполнить волю оракула; остальное я беру на себя. Повѣрь, ни одна душа не узнаетъ, какъ изрядно подмѣню я тебя статуею изъ слоновой кости, которая въ твое отсутствіе надѣлаетъ много славныхъ дѣлъ, и всѣ они умножатъ въ народѣ къ тебѣ благодарность. Прости, Калифъ, ступай не медля, сложи съ себя на-время всю пышность, приличную твоему сану, и ты увидишь то, чего бы никогда не видалъ ни въ какую зрительную трубку съ высокаго твоего престола; а наконецъ найдешь награжденіе, обѣщанное тебѣ оракуломъ.» Фея исчезла.

Какъ бѣдный стихотворецъ, увидя во снѣ, что со-

чиненія его вдругъ разошлись четырьмя тисненіями и что онъ осыпанъ золотомъ, просыпается, и хотя не видитъ вокругъ себя ничего, кромѣ огромныхъ своихъ рукописей и разломанныхъ стульевъ и стола, но, полагаясь на сновидѣніе, льститъ себя надеждою, засвѣчаетъ свѣчу и, не сходя съ постели, гоняется за пегасомъ по бѣлой бумагѣ, которую покрываетъ слѣдами своей скорости; такъ Канбъ, просыпаясь, утѣшается, что во снѣ онъ выдумалъ болѣе нежели наяву, и, надѣясь на обѣщаніе волшебницы, скидаетъ пышныя свои одежды, одѣвается такъ скромно, какъ сторожъ академической библіотеки, беретъ нѣсколько мелкихъ денегъ... Сколько ни вѣрилъ онъ волшебствамъ, но зналъ очень, что есть много такихъ случаевъ, гдѣ и самое сильное чародѣйство наличныхъ денегъ замѣнить не можетъ; потомъ оставляетъ великолѣпный свой дворецъ и начинаетъ поискъ, предписанный ему оракуломъ.

Это было ночью; погода была довольно худа; дождь лилъ такъ сильно, что, казалось, грозилъ смыть до основанія всѣ домы; молнія, какъ-будто на-смѣхъ, блистая изрѣдка, показывала только великому Калифу, что онъ былъ по колѣно въ грязи и отвсюду окруженъ лужами, какъ Англія океаномъ; громъ оглушалъ его своими порывистыми ударами. Тогда-то Калифъ въ первый разъ усумнился, такой ли онъ самовластный повелитель стихій, какъ то говаривали ему визири. Желая укрыться отъ дурной погоды, онъ искалъ, при свѣтѣ молніи, какой-нибудь хижины. Скóро, проходя далѣе, онъ увидѣлъ въ сторонѣ огонь и пошелъ прямо на него, надѣясь у хозяина выпросить позволеніе осушить платье.

Калифъ подходитъ къ хижинѣ, отворяетъ дверь, видитъ большую комнату: въ одномъ углу стоитъ кро-

вать, въ другомъ стулъ, который, опираясь объ стѣну щитомъ, стоялъ довольно гордо на остальныхъ двухъ ножкахъ; на полу набросано нѣсколько старыхъ книгъ и порядочный запасъ бѣлой бумаги. Не мудрено Калифу догадаться, что тутъ живетъ авторъ. Онъ всегда любопытствовалъ побесѣдовать съ людьми этого рода. Хотя прежде сіяніе его сана не дозволяло унижать ему себя до такой степени, но теперь не могъ онъ не радоваться, что нашелъ къ тому удобный случай... Я было-позабылъ, описывая компату, упомянуть о самомъ важномъ приборѣ: на кровати лежала сухощавая особа; съ великою важностію разсматривала она старыя рукописи и, казалось, съ обгрызеннымъ вполовину перомъ въ рукѣ, опредѣляла судьбу цѣлаго свѣта.

«Милостивый государь, началъ Канбъ, я лишь пришелъ въ этотъ городъ и никого въ немъ не знаю; позволите ли вы странніку воспользоваться гостепріимствомъ?»

— Очень радъ дорогому гостю! и если, не обижая васъ, можно сдѣлать заключеніе по скромному вашему платью, то позвольте спросить, не ученый ли вы? —

«Да, это правда, что я читаю книги.»

— Читаете?... По вашему разодранному кафтану, я подумалъ, что вы ихъ пишете. Но тѣмъ лучше. Я написалъ теперь оду Ослашиду и хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе. —

«А! вы пишете оды?»

— Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльно. Недавно написалъ я оду одному вельможѣ; онъ восхищался ею и обѣщалъ мнѣ щедро заплатить; но, какъ знатный человѣкъ, позабывъ данное слово, умеръ на другой день. Послѣ этого я написалъ оду другому визирю; этотъ былъ не менѣе доволенъ,

обѣщалъ меня наградить, и вѣрно бы не обманулъ, но его на третій день повѣсили за взятки. —

«Какъ, вы писали оду недавно-повѣшенному визирю? Я ее читалъ...»

— Признайтесь, что она не дурна. Теперь я пишу оду Ослашиду, непріятелю повѣшеннаго визиря. Можно сказать, что она мнѣ стоитъ труда: въ этомъ добромъ человѣкѣ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели; такіе люди ужасно трудны для содержанія лирической поэзіи. Я же, не хвастаясь, скажу, что я болѣе пишу для славы, нежели для денегъ; потому-что мнѣ хуже платятъ за оды, нежели за битыя стекла, которыя иногда покупаютъ у меня разнощики. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю лирическаго стихотворства. —

«Мнѣ удивительна способность ваша хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ.»

— О! это ничего, повѣрьте, что это бездѣлица. Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода какъ шелковый чулокъ, который всякой старяется растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, которому онъ болѣе подверженъ; но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелочи, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ: можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно; и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы. —

«Но если свѣтъ знаетъ, что ваше описаніе ложно, что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами? —

— Что же до того нужды? Аристотель нѣгдѣ очень премудро говоритъ: что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, — и мы подражаемъ этому благоразумному правилу въ нашихъ одахъ; иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. И-такъ, вы видите, сколько нужно читать правила древнихъ. —

«Я всегда думалъ, что стихотворцы приступаютъ къ одамъ, воспаленные добродѣтелями и совершенствами своихъ героевъ.»

— Какъ вы ошибались! Они воспаляются однимъ воображеніемъ, и выбираютъ перваго, кто попадется, какъ художникъ выбираетъ кусокъ мрамора: чѣмъ грубѣе и несовершеннѣе отломокъ, тѣмъ болѣе славы и искусства дать ему нѣжный видъ. —

«Ахъ! сказалъ, вздохнувши, Калифъ, какъ же мало люди должны гордиться такими похвалами, которыя нерѣдко ихъ ослѣпляютъ!»

— Вольно имъ дурачиться, отвѣчалъ стихотворецъ. Если бы они приписывали похвалы не своимъ достоинствамъ, но случаю и нашей необходимости кого-нибудь ими украшать, то не были бы такъ горды. Не хотите ли, я вамъ скажу на этотъ случай короткую басню, которую скоро намѣренъ переложить въ стихи.

— Славный живописецъ, плѣнясь новою мыслью, вздумалъ написать Венеру, натянулъ кусокъ полотна и съ великимъ успѣхомъ исполнилъ свое намѣреніе. Картина была драгоцѣнна и современемъ стала украшеніемъ чертоговъ славнѣйшаго императора. Множество зрителей стекалось ее смотрѣть. Полотно, на которомъ была написана Венера, вздумало, что оно причиною всѣхъ восторговъ, примѣчаемыхъ въ зрителяхъ. Паукъ, раскидывая на немъ сѣти для мухъ, вывелъ его изъ заблужденія. — Ты напрасно гордишься, полотно,

сказалъ онъ: если бъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. —

— Стихотворцы то же дѣлаютъ съ людьми, и послѣдніе такую жъ имѣютъ причину гордиться, какъ рисованная холстина, которая думала, что живописецъ старался прославить ее, когда заботился онъ только о своемъ имени. Когда я читаю Гомера, то признаюсь, вмѣсто того, чтобы удивляться его героямъ, я удивляюсь ему; а на нихъ смотрю какъ на людей, которыхъ великій этотъ мужъ сдѣлалъ вьючными ослами своей славы. И-такъ, не ясно ли видно... но вы дремлете, вамъ нуженъ покой. Не хотите ли чего поужинать? —

«Охотно бы; признаюсь, что я очень проголодался.»

— Жаль очень, что вы не пришли ко мнѣ ранѣе только пятью минутами: мы бы прекрасно отужинали. По крайней мѣрѣ, на чемъ вы охотнѣе спите: на тюфякахъ, или на пуховикѣ? —

«На пуховикахъ,» сказалъ, вздохнувши, Калифъ.

— Ложитесь же на эти кипы печатныхъ бумагъ, отвѣчалъ стихотворецъ, указывая въ уголъ; ложитесь на нихъ; если они и не такъ мягки какъ пуховики, по крайней мѣрѣ толще всякаго пуховика на свѣтѣ. Мои друзья ночуютъ у меня на нихъ спокойнѣе, нежели Калифъ нашъ на лучшихъ своихъ пуховикахъ. —

Канбъ легъ, положилъ въ голову стопу бумаги и въ минуту захрапѣлъ такъ крѣпко, что соблазнилъ стихотворца себѣ послѣдовать.

На другой день рано Канбъ собрался въ путь.

— Вы, конечно, хотите странствовать? спрашивалъ его стихотворецъ. —

«Это правда. И хотя нѣтъ двухъ дней, какъ я началъ свое путешествіе, но мнѣ оно такъ понравилось,

что, можетъ быть, я нѣсколько лѣтъ употреблю на то, чтобы видѣть вещи, которыя, сидя дома, видѣлъ я черезъ десятые глаза.»

— Вы ничего новаго не увидите. Гдѣ есть люди, тамъ всегда найдете добродѣтели и пороки; гдѣ есть деньги, тамъ найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; въ городахъ увидите вы равнодушіе къ несчастію ближняго, въ деревняхъ состраданіе и гостепріимство; ибо сельскій житель, подражая природѣ, учится у ней быть податливымъ; а городской житель гоняясь за счастіемъ, учится у него быть слѣпымъ и несправедливымъ. — Послѣ этого они разстались и Канбъ продолжалъ свой путь.

Онъ пустился по большой дорогѣ, желая съ нетерпѣніемъ посмотрѣть сельскихъ жителей. Давно уже читая идилліи и эклоги, желалъ онъ полюбоваться золотымъ вѣкомъ, царствующимъ въ деревняхъ; давно желалъ быть свидѣтелемъ нѣжности пастушковъ и пастушекъ. Любя своихъ поселянъ, всегда съ восхищеніемъ читалъ онъ въ идилліяхъ, какую блаженную ведутъ они жизнь, и часто говаривалъ: еслибъ я не былъ Калифомъ, то хотѣлъ бы быть пастушкомъ.

Уже далеко былъ онъ отъ своей столицы, какъ въ одинъ день увидѣлъ разсѣянное по полю стадо. — Великій Магометъ! вскричалъ онъ, я нашелъ то, чего давно искалъ, — и сошелъ съ дороги въ поле искать счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ. Калифъ искалъ ручейка, зная, что пастушку такъ же милъ чистый источникъ, какъ волокитѣ счастія передніе знатныхъ. И дѣйствительно, прошедъ нѣсколько далѣе, увидѣлъ онъ на берегу рѣчки запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, заметанное грязью. Калифъ было-усумнился: человѣкъ ли это; но, по босымъ ногамъ и по бородѣ,

скоро въ томъ увѣрился. Видъ его былъ столько же глупъ, сколько нарядъ его бѣденъ.

«Скажи, мой другъ, спрашивалъ его Калифъ, гдѣ здѣсь счастливый пастухъ этого стада?

— Это я, — отвѣчало твореніе, и въ то же время размачивало въ ручейкѣ черствую корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать.

«Ты пастухъ! вскричалъ съ удивленіемъ Калифъ. О, ты долженъ прекрасно играть на свирѣли!»

— Можетъ быть; но, голодный, не охотникъ я до пѣсень. —

«По крайней мѣрѣ, у тебя есть пастушка: любовь утѣшаетъ васъ въ вашемъ бѣдномъ состояніи. Но я дивлюсь, для чего пастушка твоя не съ тобою?»

— Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицею, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться и не замерзнуть зимою отъ холодныхъ утренниковъ. —

«Поэтому жизнь ваша очень не завидна?

— О, кто охотникъ умирать съ голоду и мерзнуть отъ стужи, тотъ можетъ лопнуть отъ зависти, глядя на насъ. —

«Признаюсь, что я много вѣрилъ эклогамъ и идиліямъ, сказалъ Калифъ. Фея! слова твои сбываются: я вижу то, чего бы никогда не подозрѣвалъ. Стихотворецъ сказалъ правду, что поэты обходятся съ людьми какъ живописцы съ холстиною. Но такую гадкую холстину, продолжалъ онъ, смотря на пастуха, такую негодную холстину разрисовывать такъ пышно... это, право, безбожно. О! теперь-то даю я самъ себѣ слово, что никогда по описанію моихъ стихотворцевъ не стану судить о счастьѣ моихъ любезныхъ мусульманъ. — И Калифъ пошелъ далѣе.

Нѣкогда подъ-вечеръ шелъ онъ по большой дорогѣ, и хотя уже начинало смеркаться, но никакого города не было видно вдали. Это его смущало. — Волшебница шутитъ надо мною, говорилъ онъ самъ себѣ: она, кажется, хочетъ, чтобъ я, подобно календарю, состарѣлся на большихъ дорогахъ. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ странствую я, но и тѣни нѣтъ счастія, обѣщаннаго мнѣ Феею; а что еще досаднѣе, то сегодня едва ли не въ полѣ долженъ я ночевать. Я вѣрю, конечно, что пророкъ любитъ своего потомка; но сказать правду: медвѣдю изъ лѣса до меня ближе нежели Магомету съ седьмаго неба. — Такія мысли возмущали Канба: владѣтель морей и суши не на шутку боялся быть заѣденъ голоднымъ волкомъ.

Занятому ему такими заманчивыми размышленіями встрѣтился крестьянинъ. «Другъ мой, далеко ли до города? «спросилъ у него Калифъ. — Часовъ восемь; къ утру можешь ты тамъ быть. — «Но нѣтъ ли гдѣ переночевать? Не попадется ли мнѣ на пути деревня?» — Ни двора; а если хочешь, то, пройдя немного, можешь свернуть по тропинкѣ вправо, и лѣсомъ, черезъ старое кладбище, пройти до деревни, гдѣ можешь найти ночлегъ. —

Пройдя немного, дѣйствительно Канбъ увидѣлъ вправо тропинку, проложенную въ лѣсъ. Онъ пошелъ по ней и въ четверть часа выбрался на маленькую площадку, украшенную развалившимися гробницами. Канбу некогда было любопытствовать: страхъ и приближающаяся ночь понуждали его итти далѣе; какъ вдругъ, прошедъ площадку, увидѣлъ онъ, что тропинка раздѣлилась на-двое. — Боже мой! вскричалъ Канбъ, по которой долженъ я итти? Ну если я выберу самую трудную и долгую, тогда всего вѣрнѣе, что мнѣ должно будетъ спать на землѣ, безъ всякой защиты отъ звѣ-

рей; если же я ворочусь — а до города еще восемь часовъ!... это ужасно! Нѣтъ, продолжалъ онъ, окидывая глазами кладбище, нѣтъ, я лучше соглашусь какъ-нибудь провести ночь здѣсь, — и тутъ увидя высокій надгробный камень, онъ рѣшился выбрать его своимъ ночлегомъ. Канбъ подошелъ ближе къ камню и увидѣлъ на немъ высѣченныя слова:

«Кто бы ты ни былъ, не приближайся; взирай съ благоговѣніемъ на камень, подъ которымъ покоится прахъ мой, и познай, что я.... (имя такъ изгладилось временемъ, что Канбъ никакъ не могъ разобрать).... побѣдитель вселенной, котораго имя гремитъ и вѣчно будетъ гремѣть во всѣхъ концахъ земли: оружіемъ моимъ покорилъ я множество народовъ, одержалъ 729 побѣдъ и не имѣлъ сраженія, въ которомъ бы побито было менѣе 15000 непріятелей. Свѣтъ этотъ оставляю въ законное наслѣдство сыну моему и его потомкамъ. Умираю довольнымъ, что основалъ племени моему твердое и непоколебимое наслѣдіе, сокровища неисчерпаемыя, славу безсмертную; и страхъ имени моего столь великъ, что не будетъ смертнаго, который бы осмѣлился коснуться до моего надгробнаго камня.»

— Какая прекрасная надпись! — сказалъ Канбъ, и вскарабкался съ великимъ трудомъ на камень. — Здѣсь точно безопасно, ворчалъ онъ тихонько: камень этотъ и высокъ и неприступенъ для звѣрей. Только желалъ бы я очень знать, чья эта гробница? Это ужасно, что такія славныя имена стираются съ надгробныхъ камней! Какъ же послѣ этого можно полагаться на Исторію? Я твердо вѣрю, что тысячи славныхъ людей, понадѣлавшихъ столько же знаменитыхъ дѣлъ, какъ и нынѣшній мой хозяинъ, не внесены въ Исторію только для того, что надгробные ихъ камни были рыхлы и удобно разламывались дождемъ. Какой это

для меня прекрасный урокъ! О! я, конечно, выберу для моего надгробія камень потверже, и ручаюсь, что слава моя будетъ продолжительнѣе славы моего хозяина. — Потомъ Канбъ вынулъ изъ кармана хлѣбъ и кусокъ сыру; въ минуту отправилъ онъ, по походному, ужинъ. — Какъ мало нужно для человѣка! сказалъ Калифъ: на день два фунта хлѣба и три аршина земли на постель при жизни и по смерти! Я бы желалъ знать, отъ чего, за четыре мѣсяца передъ этимъ, вся вселенная казалась для меня тѣсна, а теперь и камень этотъ для меня очень просторенъ? И слово «*мое*» на которое право стоило мнѣ, можетъ быть, 300,000 добрыхъ мусульманъ, слово это теперь меня не восхищаетъ. О гордость! сколь ужасно тебѣ воздаяніе! при жизни тебя ненавидятъ, по смерти презираютъ, или забываютъ. Ахъ! можетъ-быть, и я современемъ буду служить постелею какому-нибудь страннику, который, не посмотря на гордую мою надгробную надпись, спокойно выспится на томъ, на кого предки его не смѣли взглянуть безъ ужаса.

Канбъ заснулъ. Вдругъ видитъ онъ, что камень отодвигается и изъ-подъ него выходитъ величественная тѣнь какого-то древняго героя.

Ростъ его возвышался до того, какъ въ тихое лѣтнее время можетъ возвышаться тонкій дымъ. Каковъ цвѣтъ облаковъ, окружающихъ луну, таково было блѣдно лицо его; глаза его были подобны солнцу, когда, при закатѣ своемъ, опускается оно въ густые туманы и, измѣняясь, покрывается кровавымъ цвѣтомъ; голову его покрывалъ огромный шлемъ, который, казалось, могъ противостоять громовымъ ударамъ; руку его обременялъ щитъ, испускавшій тусклый свѣтъ, подобный тому, какой издаетъ ночью зыблющаяся вода, отражая мертвые лучи блѣдныхъ звѣздъ.

Калифъ тотчасъ догадался, что герой его изъ числа тѣхъ знаменитыхъ особъ, которые называются побѣдителями народовъ и на земномъ шарѣ съ великимъ успѣхомъ замѣняютъ собою всемірный потопъ. Онъ молчалъ и ожидалъ, что̀ будетъ далѣе.

«Канбъ! сказало ему видѣніе, ты видишь предъ собою тѣнь того, котораго прахъ покоится подъ этимъ камнемъ. Надпись о дѣлахъ моихъ, высѣченная на камнѣ, справедлива: я побѣдилъ весь свѣтъ; ничто не смѣло вооружаться противъ меня, кромѣ моей совѣсти, которая одна могла мучить того, кто мучилъ вселенную. По смерти моей Небо истребило память мою въ людяхъ, а меня осудило мучиться до того времени, когда буду я причиною хотя одного добраго дѣла. 20,000 лѣтъ уже гробница моя стоитъ здѣсь, и во все время не былъ я причиною ни одного добраго дѣла. Пока память моя еще не затмилась, до того возбуждалъ я себѣ послѣдователей, столько же вредныхъ свѣту, какъ былъ вреденъ ему я самъ. Память моя погибла; но мои послѣдователи имѣли также своихъ подражателей, и всѣмъ бѣдствіямъ, угнѣтавшимъ послѣ того землю, былъ причиною я, первый давъ примѣръ любочестія. Наконецъ, Небо избрало тебя быть моимъ избавителемъ: ты, дѣлая послѣднее униженіе моей гордости, надгробіе мое сдѣлалъ своимъ почлегомъ. Высокій камень мой спасъ тебя отъ хищныхъ звѣрей, которымъ бы ты былъ непремѣнно добычею въ этомъ дикомъ лѣсу — и вотъ первая польза, которая въ 20,000 лѣтъ отъ меня произошла.

«Гробница моя и надпись на ней внушили тебѣ благоразумныя размышленія, которыми сердце твое удобно воспользовалось; а эти размышленія въ такомъ великомъ калифѣ, каковъ ты, будутъ причиною счастія милліоновъ людей, — вотъ благо, происшедшее также

отъ меня. Судьба исполнила мѣру своего правосудія: сегодня кончились мои мученія. Небо, разрѣшая меня, позволило, чтобъ я принесъ тебѣ благодарность; оно позволило, чтобы я тебѣ подтвердилъ истину надписи, запретя только сказывать мое имя, осужденное къ вѣчному забвенію на лицѣ земли; оно позволило также сказать тебѣ, что ты близокъ отъ вещи, для которой путешествуешь: счастіе тебя ожидаетъ. Но, Калифъ, да не развратитъ нѣга твоего сердца — не забывай никогда того, что ты видѣлъ теперь. Помни, что любочестіе наказывается чрезмѣрнымъ униженіемъ; помни, что право твоей власти состоитъ только въ томъ, чтобы дѣлать людей счастливыми, — это право даетъ тебѣ Небо; право же удручать несчастіями похищаешь ты у ада.» Сказавши это, тѣнь стала измѣняться и исчезать, подобно какъ тускнетъ сребристое облако, когда луна отъ него удаляется, и, развѣваемое по лазуревому небу, становится невидимою взорамъ смертныхъ.

На утро Калифъ проснулся рано и, дивясь странному сновидѣнію своему, продолжалъ свой путь по одной изъ двухъ тропинокъ. Три часа шелъ онъ дремучимъ лѣсомъ и наконецъ вышелъ на прекрасный лугъ, черезъ который лежала дорога къ маленькой хижинѣ. Каибъ любовался мѣстоположеніемъ и, осматривая окрестности, удивлялся природѣ, какъ вдругъ, оборотясь направо, увидѣлъ прекрасную, четырнадцатилѣтнюю дѣвушку. Она съ большимъ тщаніемъ искала чего-то въ травѣ; прекрасные глаза ея были орошены слезами, — знакъ, какъ дорого она цѣнила потерянную вещь. Каибъ подошелъ къ ней; она его не примѣтила; онъ не спускалъ съ нея глазъ: всякая черта, всякое движеніе, всякій шагъ ея воспламенялн въ немъ кровь. Каибъ обладалъ многими

женщинами, онъ чувствовалъ иногда сильныя желанія, но теперь въ первый разъ узналъ, что̀ такое любовь.

«Иностранецъ, сказала ему красавица, увидя его, не находилъ ли ты здѣсь портрета? Ахъ! если онъ у тебя, то возврати Роксанѣ, которой онъ дороже жизни.» — Нѣтъ, прекрасная Роксана, отвѣчалъ Калифъ, судьба не хотѣла наградить меня счастіемъ быть тебѣ полезнымъ... — Калифъ бы далѣе продолжалъ свои учтивости, но прекрасная его незнакомка, не выслушавъ словъ его, отошла отъ него искать портретъ. Калифъ, не говоря ни слова болѣе, самъ сталъ шарить въ травѣ. Надобно было посмотрѣть тогда величайшаго калифа, который, почти ползая, искалъ въ травѣ, можетъ быть, какой-нибудь игрушки, чтобы угодить четырнадцати-лѣтнему ребенку. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ минуту нашелъ потерю. «Роксана! Роксана! вотъ онъ!» кричалъ Калифъ, показывая ей издали портретъ. Она уже была отъ него далеко, но услыша его голосъ, бросилась къ нему изъ всей силы. Радость, торопливость и нетерпѣніе сдѣлали то, что она запуталась въ травѣ и упала бы, еслибъ не поддержалъ ее Канбъ. Какое пріятное бремя чувствовалъ онъ, когда грудь Роксаны коснулась его груди! Какой жаръ разлился по всѣмъ его жиламъ, когда невинная Роксана, удерживаясь отъ паденія, обхватила его своими руками, а онъ, своими поддерживая легкій и тонкій станъ ея, чувствовалъ сильный трепетъ ея сердца. «Возьми, прелестная Роксана, портретъ, говорилъ ей Канбъ, и вспоминай иногда этотъ день, который возвратилъ тебѣ драгоцѣнную потерю, а меня навсегда лишилъ вольности.» Роксана ничего не говорила, но прелестный румянецъ, украсившій ея лицо, изъяснилъ болѣе нежели бы она могла сказать. — Незнакомецъ, сказала она Канбу, посѣти нашу хижину

и дозволь, чтобъ я отцу моему показала того, кто возвратилъ мнѣ потерянный мною портретъ моей матери.

Они вошли въ домъ, и Канбъ увидѣлъ почтеннаго старца, читающаго книгу. Роксана разсказала ему приключеніе, и старикъ не зналъ какъ отблагодарить Канба. Его просили остаться у нихъ на день, — можно догадаться, что онъ не отказалъ; этого мало: чтобы пробыть долѣе, онъ притворился больнымъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, сколько Роксана о немъ сожалѣла и какъ старалась она оказывать ему угожденія. Можетъ ли любовь долго скрываться? Оба они узнали, что они любимы взаимно. Старикъ примѣтилъ страсти ихъ, и множество на этотъ случай насказалъ имъ прекрасныхъ правоученій; но онъ чувствовалъ, сколько они безплодны; и самъ Канбъ, который съ восхищеніемъ видѣлъ, какъ прекрасная Роксана чувствительна была къ правоученіямъ и какъ нѣжное сердце ея уважало добродѣтель, самъ Канбъ не хотѣлъ, чтобы теперь слушала она правоученія противъ любви. — Старикъ, любя дочь свою и плѣняясь добросердечіемъ, скромностію и благоразуміемъ Канба, рѣшился отговорить его отъ охоты къ странствованію и умножить его семейство. Роксана просила его нѣжно, чтобы онъ предпочелъ спокойную жизнь и любовь ея желанію скитаться. «Ахъ! Гассанъ, сказала она ему нѣкогда, если бъ зналъ ты, какъ ты мнѣ милъ, то никогда бы не оставилъ нашей хижины ни для великолѣпнѣйшихъ чертоговъ въ свѣтѣ... Я люблю тебя столько, сколько ненавижу Канба нашего.» — Что я слышу? вскричалъ Калифъ, ты ненавидишь Канба! — «Да, да, я его ненавижу столько же, сколько тебя люблю, Гассанъ. Онъ причиною нашихъ несчастій. Отецъ мой былъ кадіемъ въ одномъ богатомъ городѣ; онъ исполнялъ со всею честностію

свое званіе. Нѣкогда, судя родню одного царедворца съ бѣднымъ ремесленникомъ, онъ рѣшилъ дѣло, какъ требовала справедливость, въ пользу послѣдняго. Обвиненный искалъ мщенія; онъ имѣлъ при дворѣ знатную родню. Отецъ мой былъ оклеветанъ; повелѣно отнять у него имѣніе, разорить до основанія домъ его и самого лишить жизни. Онъ успѣлъ убѣжать, подхватя меня на руки. Мать моя, не перенеся этого несчастія, умерла въ третій мѣсяцъ послѣ нашего сюда переселенія, а мы остались, чтобы докончать здѣсь жизнь въ бѣдности и въ забвеніи отъ всего свѣта.»

— Оракулъ, ты исполнился! вскричалъ Калифъ. Роксана, ты меня ненавидишь!... — «Что съ тобою сдѣлалось, Гассанъ? прервала смущенная Роксана; не тысячу ли разъ говорила я тебѣ, что ты мнѣ дороже моей жизни. Ахъ! во всемъ свѣтѣ я ненавижу одного только Каиба.» — Каиба! Каиба! ты его любишь, Роксана, и возводишь своею любовью на высшую степень блаженства! — «Дорогой мой Гассанъ сошелъ съ ума! говорила тихонько Роксана, надобно увѣдомить батюшку.» Она бросилась къ своему отцу. «Батюшка! батюшка! кричала она, помогите: бѣдный нашъ Гассанъ помѣшался въ умѣ», и слезы навертывались на ея глазахъ. Она бросилась къ нему на помощь, но уже было поздно, Гассанъ скрылся, оставя ихъ хижину.

Старикъ сожалѣлъ о немъ, а Роксана была неутѣшна. — Небо! говорилъ старикъ, доколѣ не престанешь ты гнать меня? Происками клеветы лишился я достоинствъ, имѣнія, потерялъ жену и затворился въ пустынѣ. Уже начиналъ я привыкать къ моему несчастію, уже городскую пышность вспоминалъ равнодушно, сельское состояніе начинало плѣнять меня, — какъ вдругъ судьба посылаетъ ко мнѣ странника; онъ воз-

мущаетъ уединенную нашу жизнь, становится любезенъ мнѣ, становится душею моей дочери, дѣлается для насъ необходимымъ, — потомъ убѣгаетъ, оставя по себѣ слезы и сокрушеніе. —

Роксана и отецъ ея проводили такимъ образомъ плачевные дни, какъ вдругъ увидѣли огромную свиту, въѣзжавшую въ ихъ пустыню. — Мы погибли! вскричалъ отецъ: убѣжище наше узнано! Спасемся, любезная дочь!... — Роксана упала въ обморокъ. Старикъ хотѣлъ лучше погибнуть, нежели оставить ее. Между-тѣмъ начальникъ свиты подходитъ къ нему и подаетъ бумагу. — О Небо! не сонъ ли это? восклицаетъ старикъ, вѣрить ли глазамъ моимъ? мнѣ возвращается честь моя, дается достоинство визиря; меня требуютъ ко двору! — Между-тѣмъ Роксана опомнилась и слушала съ удивленіемъ слова своего отца. Она радовалась, видя его счастливымъ, но воспоминаніе о Гассанѣ отравляло ея радость: безъ него и въ самомъ блаженствѣ видѣла она одно несчастіе.

Они собрались въ путь и пріѣхали въ столицу. Дано было повелѣніе представить отца и дочь Канбу во внутреннихъ его комнатахъ. Ихъ вводятъ. Они падаютъ на колѣна. Роксана не смѣетъ возвести глазъ на монарха, и онъ съ удовольствіемъ видитъ ея печаль, зная причину ея и зная, какъ легко можетъ онъ ее прекратить.

«Почтенный старецъ! сказалъ онъ важнымъ голосомъ, прости, что, ослѣпленный моими визирями, я погрѣшилъ противъ тебя, погрѣшилъ противъ самой добродѣтели. Но благодѣяніями моими надѣюсь загладить мою несправедливость, надѣюсь, что ты простишь меня. А ты, Роксана, продолжалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, ты простишь ли меня и будетъ ли ненавиди-

мый Канбъ столь счастливъ, какъ былъ счастливъ любимый Гассанъ?

Тутъ только Роксана и отецъ ея въ величайшемъ Калифѣ узнали странника Гассана. Роксана не могла ни слова выговорить: страхъ, восхищеніе, радость, любовь исполнили ея сердце. Вдругъ явилась въ великолѣпномъ уборѣ Фея.

— Канбъ! сказала она, взявъ за руку Роксану и подводя къ нему, вотъ то, чего не доставало къ твоему счастію; вотъ предметъ путешествія твоего, и даръ, посылаемый тебѣ Небомъ за твои добродѣтели! Умѣй уважать его драгоцѣнность, умѣй пользоваться тѣмъ, что видѣлъ ты въ своемъ путешествіи — и тебѣ болѣе никакой нужды въ волшебствахъ не будетъ. Прости! — При этомъ словѣ взяла она у него очарованное собраніе одъ и исчезла.

Калифъ возвелъ Роксану на свой тронъ и супруги были такъ вѣрны и такъ много любили другъ друга, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ почли бы ихъ съумасшедшими и стали бы на нихъ указывать пальцами.

НОЧИ.

Было часъ за полночь. Природа уснула. Городской шумъ утихъ и люди, кажется, перестали дурачиться, или, по крайней мѣрѣ, рѣшились до утренней зари дурачиться тихомолкомъ. А я, казалось мнѣ, я одинъ не спалъ и окружающее меня глубокое молчаніе подавало мнѣ случай къ размышленіямъ.

Темнота эта, — такъ началъ я свое размышленіе, — кажется, нарочно для того въ природѣ, чтобы унижать гордость человѣческую и помрачать мнимыя дарованія и прелести, блиставшія во время прошедшаго дня. Человѣкъ!... хочешь ли ты видѣть себя, свое ничтожество? Дай зайти солнцу, и человѣку снять съ себя посторонніе украшенія, которыя не принадлежатъ ему и которыя себѣ присвоило одно его дѣтское честолюбіе.

Гдѣ теперь тотъ пышный вельможа, который, за нѣсколько часовъ прежде, заставлялъ думать міръ, что въ рукахъ его находится спасеніе всѣхъ осьми планетъ, и съ ихъ спутниками; который самъ дѣлалъ видъ, что отъ его только мановенія зависитъ переставить созвѣздіе Скорпіона на мѣсто созвѣздія Тельца, и съ которымъ встрѣчаясь, подлые его льстецы съ набожностію глотали пыль, воздымаемую позлащенными колесами его кареты... гдѣ онъ?... Его превосходительство, валяясь въ пышныхъ пуховикахъ, изволитъ заниматься хорошими сновидѣніями, между-тѣмъ, какъ

* Изъ Зрителя, 1792 года.

секретарь его готовитъ ему къ завтраму политическія разсужденія, которыя, конечно, онъ выдастъ за свои; ибо этотъ господинъ уже привыкъ думать секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа этотъ — ея тѣло; и-такъ, онъ основательно можетъ сказать въ извиненіе безпрерывнаго своего сна: духъ бодръ, но плоть немощна, то есть: секретарь рожденъ обдумывать, а я подписывать съ-просонья его мысли.

Гдѣ та обольщающая красавица, за которою гонялась толпа волокитъ, — которой розовыя уста приманивали къ себѣ тысячи поцѣлуевъ, а нѣжная грудь вливала томныя желанія въ юныя сердца, и даже самыхъ грубыхъ философовъ заставляла желать рожденія новаго Праксителя и Фидія, — которой томные глаза всякимъ взоромъ означали, что сердце таетъ въ ней отъ удовольствія, — которой тонкій, легкій станъ и прекрасная ножка заставляли стихотворцевъ думать, что или Венера будетъ имѣть скоро четырехъ Грацій, или одна изъ нихъ лишится своего мѣста, чтобы уступить его этой красавицѣ, — гдѣ она?... Она спитъ, и всѣ ея прелести разкладены на убориомъ столикѣ: прекрасные зубы ея лежатъ въ порядкѣ близъ зеркала; голова ея такъ чиста, какъ рѣпа, а волосы, которымъ удивлялись, висятъ, осторожно накинутые на зеркало; нѣжный румянецъ ея и плѣняющая бѣлизна стоятъ приготовленные къ утру въ баночкахъ, между-тѣмъ, какъ она походитъ на брошенную въ постель мумію. Грудь ея присохла къ костямъ, а подставная покоится въ сохранности вмѣстѣ съ корсетомъ. Гдѣ же всѣ прелести, которыя заставляли о ней кричать? Гдѣ тѣ пріятности, тѣ достоинства, магниты, привлекающіе къ ней сердца молодыхъ воздыхателей?... О! они и теперь на-лицо: они разкладены въ кошелькахъ и въ записныхъ книгахъ, на ея убориомъ столикѣ.

Не подумай однако жъ, любезный читатель, что госпожа эта скудна разумомъ. Если бы и случилось кому покрасть ея прелести, то осталось бы у ней еще одно очарованіе — краснорѣчіе, ея сильнѣйшее оружіе, противъ котораго никакое сердце нынѣшняго свѣта не устоитъ; она превосходитъ имъ сочинителя Новой Элоизы. Письма къ ея любовникамъ очень убѣдительны, хотя, правда, всѣ они на одинъ образецъ, ибо начинаются такъ: «Объявителю сего платитъ Государственный Заемный Банкъ» и проч. Воскресни Руссо, подобно Магометову отцу, на одинъ только часъ, и взгляни на свою побѣдительницу! А если ты такъ отваженъ, что вздумаешь спорить съ нею въ преимуществѣ краснорѣчія, то выставимъ на одну доску письма твоей Элоизы и моей, — и я ручаюсь, что послѣднія станутъ торжествовать, и что за нихъ ухватятся всѣ, не выключая академиковъ и самого тебя.

Гдѣ тотъ щеголеватый господчикъ, обвѣшенный золотыми цѣпочками, унизанный брилліантовыми перстнями, который, цѣлый день катаясь по городу въ щегольской каретѣ, кажется, имѣлъ усердное желаніе всѣхъ пѣшеходцевъ душить пылью и старался поспѣть вдругъ въ тридцать мѣстъ, не бывъ нигдѣ надобенъ? Еще не прошло пяти часовъ, какъ въ кружку щеголихъ божился онъ, что изрубилъ всю Турцію, съ великимъ жаромъ увѣрялъ, что онъ съ такимъ же проворствомъ перерубаетъ людей, какъ и тростникъ, и сожалѣлъ, для чего не заведутъ у насъ войны съ слонами, гдѣ бы могъ онъ пощеголять своею саблею; безъ устали исчислялъ онъ свои побѣды и тысячами поминалъ своихъ убитыхъ. Надобно отдать справедливость этому молодому храбрецу, что онъ самую отважную ложь занюхивалъ иногда табакомъ, но не краснѣлъ никогда. Гдѣ же онъ? Гдѣ рѣзвый языкъ его, которымъ могъ

онъ переговорить, — если дозволятъ употребить такое смѣлое и сомнительное сравненіе, — самую проворную говорунью, и гдѣ блистающая его пышность? Онъ спитъ въ мягкихъ пуховикахъ; подлѣ него лежитъ аттестатъ, данный ему его дядюшкою о храбрости его, оказанной такого-то числа, а подлѣ аттестата развернута записная его книжка, въ которой видно ясно, какъ день, что того самаго числа онъ находился за сто верстъ отъ сраженія, по случаю любовныхъ приключеній; потому-что этотъ молодой человѣкъ любитъ порядокъ и ведетъ всѣмъ своимъ дѣламъ вѣрную записку. Читатель, вспомни, что̀ онъ былъ днемъ, сравни языкъ его съ его постелью, — и ты увидишь, что онъ лжетъ какъ храбрый человѣкъ, а нѣжится какъ женщина. Гдѣ же его богатство, которое, какъ сказываютъ, нажилъ онъ на счетъ побѣжденныхъ имъ непріятелей? О! что до этого, то къ утру̀ же портной, сапожникъ и другіе ремесленники сбираются засвидѣтельствовать въ магистратѣ, съ какою неустрашимостью подписывалъ онъ векселя, которыхъ и въ двѣсти лѣтъ оплатить не будетъ въ состояніи; а наемный кучеръ его съ щегольскою каретою и лошадьми, которыми пускалъ онъ городу пыль въ глаза, этотъ удалой кучеръ, говорю я, дожидаясь съ нетерпѣніемъ утра, хочетъ оказать ему послѣднюю услугу — отвезти его въ магистратскую тюрьму.

О благотворная ночь! продолжалъ я свои восклицанія, чѣмъ не обязанъ тебѣ человѣкъ, который умѣетъ тобою пользоваться? Ты, прохлаждая его природу, успокоиваешь и возражаешь ее; ты, обнажая смертнаго, котораго гордость принуждаетъ почитать себя превыше человѣковъ, напоминаешь ему, что и онъ такое же слабое твореніе, каковы милліоны, имъ презираемые, и что онъ отличенъ отъ другихъ людей

одною своею гордостію. Ты каждымъ своимъ пришествіемъ къ намъ напоминаешь намъ вѣчность, бывъ сама изображеніе ея, подобно какъ сонъ, приносимый тобою, есть изображеніе смерти. Такъ, всякое возвращеніе твое къ смертнымъ есть наставленіе имъ, и отъ нихъ только зависитъ имъ пользоваться.

Гордый городской житель! если тебѣ случится быть ночью на великолѣпнѣйшей площади, окинь взоромъ вокругъ себя, сравни, если ты можешь, между собою пышныя зданія твоихъ согражданъ, и покажи мнѣ, когда смѣешь, различіе между убогимъ шалашемъ и огромными чертогами гордости.

Гдѣ тѣ пышныя зданія, за нѣсколько часовъ назадъ удивлявшія прохожихъ, и наружностію которыхъ гордилось цѣлое государство?... наступила ночь — и сравняла ихъ съ шалашами убогихъ. Смертный, вотъ изображеніе твоихъ дѣлъ! вотъ изображеніе того, какимъ образомъ вѣчность сравниваетъ честолюбивые твои подвиги съ ничтожествомъ! — Обратимся къ прошедшимъ вѣкамъ, и мы увидимъ, что вѣчная ночь сравнила гордыя и пышныя монархіи съ убогими ихъ сосѣдствами, такъ, какъ ночь сравниваетъ великолѣпныя зданія съ низкими хижинами. Едва помнятъ мѣста, гдѣ стояли великолѣпные города, подобно какъ, проходя ночью городомъ, съ трудомъ можно означить мѣсто, гдѣ есть богатое зданіе.

Что же есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести неподверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, — вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, преобораетъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оно человѣ-

комъ! Сильнѣйшія монархіи пали, съ ними исчезли полки мнимыхъ героевъ, идоловъ народа. Все разрушается: владѣнія и племена исчезаютъ; на что ни обратимъ взоры, все скорыми шагами течетъ къ своему ничтожеству; но Орфей и Гомеръ цвѣтутъ, и голосъ ихъ столь же плѣнителенъ и чувствителенъ, какъ и въ ту минуту, когда онъ ими произносился. Сколь превосходна и отмѣнна живая слава ихъ отъ мертвой славы мнимыхъ героевъ! Послѣдній умираетъ для всего свѣта, и двухъ вѣковъ довольно, чтобы изгладить слѣды его пребыванія и смѣшать ихъ съ баснею; но первый по смерти живетъ, и слово его, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Одинъ только мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ. Тебѣ, о ночь! бываетъ часто одолженъ онъ произведеніемъ своихъ мыслей; и когда одѣнешь ты небеса мрачнымъ покровомъ и усыпишь природу, тогда онъ ввѣряетъ тебѣ свои размышленія. Не видя вокругъ себя ничего, кромѣ разсѣяннаго мрака, приносящаго слабоумному сонъ, а мудрецу размышленія, дѣлаетъ онъ судъ надъ человѣчествомъ. Кажется, что онъ одинъ остался тогда во вселенной, и что гордость и насиліе не дерзаютъ налагать оковы на его мысли, которыя только тогда правоучительны безъ подозрѣнія, когда слѣдуютъ своему собственному стремленію, неуправляемые ни страхомъ, ни пресмыкающеюся лестію; иначе правоучитель есть скопецъ, проповѣдующій дѣвство, котораго скованныя насильствомъ чувства производятъ себѣ не подраженіе, но посмѣяніе.

Но когда ты, мрачная спутница размышленій — ночь, бываешь свидѣтельницею, что не корыстолюбіе и лесть

заставляютъ его раждать славу героевъ, но добродѣтель и премудрость ихъ, тогда правоученіе его, извлекаемое изъ великихъ дѣлъ ихъ, чисто и свободно; тогда возбуждаетъ онъ сердца удивляться себѣ и подражать добродѣтели воспѣтыхъ имъ героевъ; тогда...

Вдругъ отворилось окно въ моей комнатѣ и женщина, лѣтъ подъ сотню, сидѣвшая на серебряной рогатой лунѣ, спустилась по воздуху ко мнѣ въ комнату. Я тотчасъ узналъ, что это ночь, потому-что раза три видѣлъ ее на театрѣ въ Амфитріонѣ, въ комедіи Мольера, гдѣ она точно такъ же спускается, съ тою притомъ разницею, что тамъ ее съ небесъ спускаютъ на веревкахъ, которыя часто видны, и заставляютъ нерѣдко меня трепетать, чтобъ госпожа богиня не раскроила себѣ черепъ и не убилась бы до смерти. Что же до той ночи, которая посѣтила меня, то машинистъ ея, кажется, былъ исправнѣе театральнаго.

Я лежалъ въ постѣли; и какъ я не привыкъ принимать столь знатныхъ гостей въ такомъ безпорядочномъ положеніи, то посѣщеніе этой госпожи очень меня встревожило.

«Конечно, милостивая государыня, сказалъ я ей въ страхѣ, какой-нибудь новый Юпитеръ прислъ васъ, чтобы продолжить здѣсь ваше присутствіе для его забавъ, и вы, можетъ быть, ищете Меркурія, чтобы черезъ него ему отрапортовать богу громовъ, что время ему убираться на Олимпъ, если не хочетъ онъ, чтобы какой-нибудь Амфитріонъ переломалъ ему руки и ноги и подвергнулъ бы его опасности пролежать мѣсяца три въ публичной больницѣ.» — Нѣтъ, отвѣчала она мнѣ, для нынѣшнихъ Алькменъ не нужны такія чудеса; надобно отдать справедливость, что и Амфитріоны теперь гораздо сговорчивѣе противъ старыхъ вѣковъ; ибо Юпитеръ для нихъ прибѣгаетъ чаще къ

помощи Плутуса, нежели ко мнѣ. И-такъ, ты видишь, что я къ тебѣ совсѣмъ не для того пришла; но мнѣ есть надобность другаго рода, которую хочу я на тебя возложить. Выслушай меня.

— Недавно *Момусъ* далъ богамъ вечеринку; и хотя я рѣдко бываю въ большихъ собраніяхъ, но случилось такъ, что на этой пирушкѣ сошлась я съ Фебомъ. Мы разговаривали съ нимъ очень долго о нашемъ жребіи и о нашихъ должностяхъ. Разговоръ зашелъ и о людяхъ, около которыхъ мы такъ давно съ нимъ вертимся. Между-тѣмъ примѣть, что полныя чаши съ виномъ безостановочно обносились около гостей. — Признаться надобно, любезная Ночь, сказалъ онъ, допивая двѣнадцатую бутылку нектара, твоя должность мнѣ жалка, и я дивлюсь для чего не попросишься ты у боговъ въ отставку; а особливо въ твои почтенныя лѣта совсѣмъ не прилично таскаться по свѣту только для того, чтобы видѣть сонные или зѣвающіе народы. — Милостивый государь, отвѣчала я ему очень учтиво, я ни мало не думаю пѣнять на свою судьбу и очень довольна своимъ состояніемъ, а потому-то и ваше сожалѣніе очень не у мѣста. Правда, мои лѣта не дѣтскія, но я немного старѣе Веперы, и все это не доказываетъ, чтобы я была безполезна. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ во мнѣ пользы никакой не было, то моя порода одна дастъ мнѣ право имѣть алтари и собирать жертвы. Мало ли у насъ есть боговъ-тунеядцевъ, которые не заслуживаютъ и фунта телятины, а пользуются такими жертвами, что могутъ жить богаче всякаго; между-тѣмъ, какъ они дѣлаютъ народу болѣе зла, нежели добра. Нашъ хозяинъ самъ хотя не иное что, какъ шутъ на Олимпѣ, но онъ за свое ремесло получаетъ болѣе дохода нежели всѣ академіи вмѣстѣ. Скажи мнѣ: какую пользу

приноситъ Бахусъ? Весь Олимпъ думаетъ, что онъ не тратитъ время, которое проходитъ у него только въ томъ, что онъ или пьетъ, или сочиняетъ негодныя пѣсенки, бывши столь же дурной писатель, какъ и политикъ, хотя то и другое ремесло почитаетъ онъ рожденнымъ для его головы: онъ одинъ выдумалъ способъ съ зѣвоты собирать доходъ; и я думаю, что ему даромъ не пройдетъ, когда Морфей узнаетъ, что пьяный Бахусъ своими пѣсенками перебиваетъ у него должность и усыпляетъ слушателей безъ его вѣдома.

— Посмотримъ теперь на Меркурія, достоинъ ли онъ такихъ большихъ доходовъ и такого прекраснаго дома, который выстроилъ онъ на счетъ своихъ плутней. Ему поручены купцы, а онъ самъ сталъ входить въ подряды. Вспомни, давно ли Юпитеръ изломалъ объ него всю кадуцею за то, что онъ зачалъ съ подрядчиковъ сбирать взятки. Изъ всѣхъ его званій онъ наблюдаетъ съ лучшею исправностію званіе бога воровъ; и можно отдать справедливость, что онъ у нихъ первый, по своему достоинству. И-такъ, видишь ли ты, господинъ Фебъ, что немного найдется боговъ, которые бы получали жертвы по справедливости.

— Музы твои очень умныя дѣвушки; но и онѣ померли бы съ голоду, если бы Калліопа не поддерживала ихъ, взявъ на подрядъ лучшіе города, куда ставитъ она оды на имяшины и на похороны; да и этотъ торгъ начинаетъ у нее плохо клеиться, потому-что примѣчаютъ въ ея твореніяхъ все старое; а человѣческое самолюбіе ни къ чему такъ не жадно, какъ къ новымъ похваламъ. — Мельпомена твоя какъ ни жалко плачетъ, но во всю нынѣшнюю зиму она и на башмаки себѣ не выплакала, и отъ ея трагедій плачутъ одни типографщики. Твоя Талія, правда, смѣшитъ народъ и за это собираетъ изрядный доходишко, но же-

ланіе добывать деньги заставляетъ ее доходить до низости, и она часъ-отъ-часу болѣе отваживаетъ отъ себя честныхъ людей, и вмѣсто того, чтобы быть полезнымъ и веселымъ учителемъ нравовъ, старается своими шутками поправиться пьяному народу, съ котораго, не думаю, однако жъ, чтобъ она собрала себѣ на порядочное пропитаніе. Что до другихъ твоихъ Музъ, то есть надежда, что онѣ скоро превратятъ Парнасъ въ богадѣльню; а слухъ уже носится, что Кліо твоя безъ памяти и безъ языка.

И-такъ, ты видишь, сколько найдется боговъ, которые пользуются доходами по своему достоинству. Что до моей должности, господинъ Фебъ, то я не знаю, почему бы она казалась достойною сожалѣнія...

— О, о! — сказалъ Марсъ, вслушавшись въ нашъ разговоръ и вынимая табакерку, — твоя должность не только не унизительна, какъ говоритъ Фебъ, напротивъ, она презавидная: сколько разъ доставляла ты мужьямъ украшеніе, котораго нѣтъ способовъ прицѣпить имъ въ присутствіи этого свѣтлаго подзорщика; сколько разъ, очень кстати, наносила ты сонъ строгимъ матерямъ, тогда-какъ прелестныя ихъ дочки употребляли въ пользу свѣта свою безсонницу; сколько разъ унижала ты гордость несправедливыхъ судей, пособляя обкрадывать ихъ Меркуріевымъ чадамъ, тогда-какъ первые думали, что они одни имѣютъ преимущество красть...

— Какія мелочи, вскричалъ Фебъ, противъ моихъ подвиговъ! Я освѣщаю знатнѣйшія дѣла природы и человѣковъ и даю имъ настоящую цѣну; въ моемъ присутствіи освѣщаются славнѣйшія сраженія; съ моею помощію созидаются пышныя зданія; я бываю свидѣтелемъ великолѣпнѣйшихъ обрядовъ, словомъ: для меня всякой день цѣлый свѣтъ играетъ комедію,

надъ которою ты, Ночь, только-что опускаешь занавѣсъ...

— Пустое! сказалъ, подошедъ, Бахусъ и дотягивая двадцать четвертую бутылку шампанскаго, пустое, господинъ Фебъ! Правда, что при тебѣ свѣтъ играетъ комедію, но развязка ея бываетъ ночью. Самыхъ лучшихъ явленій рѣдко случалось мнѣ при тебѣ видать. Ты освѣщаешь пышность, гордость; твои лучи питаютъ самолюбіе красавицы, щеголя и надменнаго вельможи; но сердце болѣе чувствуетъ и голова болѣе разсуждаетъ ночью. Спроси у самихъ людей, и тебѣ признаются, что они болѣе ищутъ счастливыхъ ночей нежели счастливыхъ дней.

— Надобно отдать справедливость Ночи, сказала съ презрительною улыбкою Юнона, что она очень полезная богиня для невѣрныхъ мужей и для непостоянныхъ женъ.... Тутъ Юпитеръ засвисталъ пѣсенку изъ новой оперы, а Венера, улыбаясь, поглядывала на Марса.

— Что до меня, вскричалъ Геркулесъ, то я бы желалъ, чтобы Ночи лучше на свѣтѣ не было: она только служитъ помѣхою славнѣйшимъ дѣламъ, и помогаетъ трусамъ укрываться отъ своихъ непріятелей. Сколько разъ бывалъ я свидѣтелемъ, что эта богиня прекращала величайшія брани въ самомъ ихъ жару, и когда толпы великихъ душъ сходились изъ-за нѣсколькихъ тысячъ стадій, чтобы имѣть пріятное удовольствіе или зарѣзать или быть зарѣзанными; когда неустрашимые умы, обожая славу, не имѣли предразсужденія бить непріятелей своего отечества, но, почитая цѣлый свѣтъ своимъ отечествомъ, дрались вездѣ, гдѣ только былъ случай перевести родъ человѣческій, и со славою вмѣшивались во всѣ ссоры, гдѣ ихъ не спрашивали; когда цѣлые народы...

«Не распространяйтесь! Что вы хотите сказать? спрашивалъ я у моей разговорившейся безъ устатку старушки, и сверхъ того, продолжалъ я, чѣмъ касается до меня споръ вашихъ боговъ? Не уже ли вы думаете, что я земской вашего Олимпа и долженъ рѣшать всѣ ваши раздоры, которые никогда не кончатся? А если вы изъ одного пристрастія говорите и пересказываете мнѣ всѣ ваши приключенія, то признаюсь, что мнѣ теперь не время васъ слушать. Мы съ пріятелемъ подрядились поставить къ завтраму оду, и на мою часть досталось сдѣлать пятьдесятъ двѣ строфы похвалъ; и хотя надежда, что мнѣ заплатятъ наличными, придаетъ крылья моему воображенію, и я списалъ уже изъ разныхъ одъ три строфы, но все еще остается выписать сорокъ девять, а я еще и писателей не выбралъ, съ которыхъ бы можно было собрать такой большой оброкъ.» Ты видишь, любезный читатель, что я хотѣлъ только отдѣлаться отъ этой гостьи, которая мѣшала моему уединенію, и потому ничего не выдумалъ вѣроятнѣе этой лжи.

— Безумный смертный! вскричала богиня, если бы ты не былъ мнѣ нуженъ, то я научила бы тебя знать, каково помѣшать женщинѣ. Но помни мои наставленія: женскій языкъ останавливать и строить плотину во время разлитія рѣки, — это двѣ вещи, которыя болѣе опасны, нежели возможны. Не думай однако жъ, чтобъ повѣсть моя о Момусовой вечеринкѣ не касалась до тебя: она есть первая причина, которой одолженъ ты моимъ посѣщеніемъ. Но я хочу ее тебѣ досказать.

— Только-что Юнона и Геркулесъ пристали къ Фебовой сторонѣ и поддерживали его первенство предо мною, какъ передались на его сторону множество и другихъ боговъ. Первая была Церера, которая зла на меня за то, что многіе поселяне, оставляя ея нивы,

стали, подъ покровительствомъ моимъ, собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о жнивѣ. Потомъ передалась Минерва, которая подозрѣваетъ, будто я служу не малою подпорою сборищу игроковъ, которые, гоняясь за счастіемъ безъ кафтановъ, умѣютъ сдѣлать свое состояніе столько блестящимъ, что множество молодыхъ фабрикантовъ и художниковъ, оставя ея фабрики, взялись за легкій способъ перекрадывать другъ у друга деньги посредствомъ картъ, и этимъ упражненіемъ подрываютъ ея лучшія рукодѣлія и, разоряя себя, становятся своею праздностію въ тягость цѣлому обществу. Потомъ слѣдовали и другіе боги, такъ-что, наконецъ, не знали, кому изъ насъ съ Фебомъ дать преимущество.

Тогда хозяинъ нашъ, Момусъ, всталъ и, поклонясь очень учтиво собранію боговъ, подалъ свое мнѣніе:

— Милостивые государи, началъ онъ, я имѣю счастіе быть богомъ дурачества, и шаръ земной принадлежитъ болѣе мнѣ, нежели всякому другому богу. Венера имѣетъ свое время, Марсъ свое; но человѣкъ родится и умираетъ моимъ рабомъ; и надобно отдать справедливость, что я люблю заниматься этими размышляющими куколками, которыя въ томъ только почти и упражняются, чтобъ ставить трофеи моему величію. Но не смотря на то, что я не отступаю отъ людей ни на минуту, и теперь еще не знаю, когда люди усерднѣе мнѣ служатъ, днемъ или ночью, и потому-то не знаю, кого мнѣ изъ васъ предпочесть. Но послушайте моего мнѣнія, какъ рѣшить вашъ споръ. Согласитесь, ты, Фебъ, и ты, госпожа Ночь, вести

записку людскихъ дѣлъ всякой по своей части, хотя одинъ годъ; и когда окажется, что при комъ-нибудь изъ васъ люди менѣе дурачатся, тотъ пусть останется виноватымъ; а побѣдителю я обѣщаю вѣнокъ изъ ослиныхъ ушей, вылитыхъ изъ чистаго золота. Не подумайте, чтобъ этотъ подарокъ былъ маловаженъ: съ обладаніемъ золотыхъ ослиныхъ ушей совокуплено удачное волокитство, счастіе въ исканіи милости и способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни на полушку разума.

Всѣ боги одобрили мнѣніе Момуса; а какъ я не хотѣла прекословить хозяину, то и согласилась на его предложеніе, и, имѣя намѣреніе такимъ подаркомъ подрадѣть Фебу, рѣшилась я вести записку ночныхъ приключеній. Признаюсь, мнѣ хочется его видѣть съ такимъ же прекраснымъ уборомъ, какой нѣкогда подрадѣлъ онъ Мидасу, и намѣреніе мое только все въ томъ, чтобы онъ выигралъ въ этой тяжбѣ.

— Нѣсколько разъ проходя мимо здѣшнихъ мѣстъ, видѣла я часто, что у тебя горитъ свѣча, и заключила, что или ты мучимъ сочинителями, или самъ собираешься мучить публику; и дѣйствительно замѣтила я, что ты пишешь; а мнѣ такой-то человѣкъ и нуженъ, который бы имѣлъ великій духъ однимъ присѣстомъ исчерчивать дести по двѣ бумаги, не имѣя малодушія страшиться ругательствъ и зѣвоты неугомонныхъ читателей.

— Съ этой ночи долженъ ты выходить въ десятомъ часу, возвращаться домой въ пятомъ по полуночи, и записывать все то, что во время твоего выхода увидишь и услышишь; или, бойся моего мщенія: я женщина; и ты можешь быть увѣренъ, что искусство отмщать мнѣ не безъизвѣстно. Слушай же, выбирай любое: если согласишься исполнить мое приказаніе, то

я отдаю тебѣ во владѣніе звѣзду Сиріусъ; и хотя ты будешь отъ нея удаленъ на милліоны земныхъ поперечниковъ, но я увѣряю тебя, что жители ея, а твои подданные, будутъ почитать и признавать тебя своимъ владѣтелемъ... — «Какъ! вскричалъ я съ восхищеніемъ, такъ я самъ тамъ буду?...» — Нѣтъ, отвѣчала моя гостья, тебя тамъ не будетъ, но я пошлю туда твою перчатку, которая будетъ такъ же свято почитаться, какъ ты самъ, и всѣ важныя дѣла знатнѣйшія вельможи будутъ подписывать, надѣвъ ее на руку; словомъ: ни одного дѣла не сдѣлается, которое не было бы отъ твоего имени.

«Я вижу, милостивая государыня, сказалъ я, что вы хорошаго мнѣнія о нашемъ писательномъ ремеслѣ, и думаете, что произведенія нашего воображенія можно такъ же и отплачивать наградою по воображенію. Но признаюсь, я не столько прельщенъ мѣчтательнымъ міромъ, чтобъ плѣняться обладаніемъ Сиріуса, и чтобъ, между-тѣмъ, какъ моя перчатка будетъ дѣлать тамъ великія дѣла, самому бы мнѣ нравилось умирать здѣсь съ голоду. И если всѣмъ моимъ товарищамъ-писателямъ раздадутъ такія знатныя королевства на воздухѣ, то, для содержанія нашихъ величествъ, должно будетъ современемъ выстроить пространную богадѣльню.»

— Дерзкій человѣкъ! вскричала богиня, не смѣй смѣяться надъ дарами боговъ, и моли лучше ихъ, чтобъ жители Сиріуса обожали твое имя (тутъ взяла она мою перчатку), и чтобъ вельможи какъ можно рѣже надѣвали эту перчатку для своей корысти и къ злоупотребленію. Если же ты заупрямишься вести записку почныхъ приключеній нынѣшняго года, то, вмѣсто звѣзды Сиріуса, дамъ я тебѣ злую жену, которая у тебя въ домѣ такъ же будетъ сильна, какъ твоя перчатка въ Сиріусѣ, и которая... — «Не продолжайте! вскри-

чалъ я! я исполню вашу волю и всѣми силами постараюсь заслужить награжденіе, которое пріятно мнѣ только тѣмъ, что избавитъ меня отъ такого страшнаго наказанія.»

«Но какъ великому обладателю Сиріуса надобно что-нибудь ѣсть, и какъ онъ отъ своихъ подданныхъ, смотря по качеству вельможъ, которые будутъ пользоваться его перчаткою, кромѣ усердныхъ похвалъ, ничего не получитъ, а моральная пища очень худо варится въ физическомъ желудкѣ, то позвольте мнѣ хотя открыть обществу ночныя мои приключенія, и возвратить ему за наличныя деньги то, что отъ него займу я украдкою.»

— Печатай все, что увидишь, отвѣчала она, но берегись личности. Если, напримѣръ, увидишь ты Парнасскаго нищаго, который, схватя, вмѣсто ножа, свою оду, нападаетъ съ нею на перваго денежнаго прохожаго и пересчитываетъ на-угадъ достоинства того, кто едва по имени только ему извѣстенъ; если увидишь ты, что онъ потѣетъ надъ продажными похвалами и хочетъ переупрямить цѣлый свѣтъ, навязываясь ему на шею съ своими одами, въ которыхъ, на-перекоръ здравому разсудку и истинѣ, отводитъ онъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда они загляпуть боятся, и ставитъ престолъ разуму въ такой головѣ, въ которой свищетъ сквозной вѣтеръ, то запиши это и скажи свое мнѣніе; но не называй имени продажнаго писаки, а оставь для него на нѣсколько буквъ порожняго мѣста; и когда твой герой усовѣстится лгать, то пусть, при первомъ покаяніи, подпишетъ подъ твоимъ описаніемъ свое имя, съ обѣщаніемъ, не гнуть впередъ въ дугу природу, разсудокъ и истину. —

— Когда увидишь ты, что нѣжная красавица дѣлаетъ счастіе милаго себѣ человѣка и вступаетъ съ

нимъ въ супружество, не осмѣливаясь подозрѣвать, чтобъ любовь его къ ней исчезла, и когда узнаешь, что новобрачный этотъ философъ, за прежнее свое щегольское поведеніе осужденъ судьбою играть у молодой и прекрасной жены своей мучительное для него лице Тантала, тогда вздохни о немъ и пожалѣй о подобныхъ ему молодыхъ людяхъ, которые женятся только для того, чтобы вводить въ искушеніе непостоянства самыхъ скромныхъ красавицъ; но не называй его по имени, и пусть, позабывшись, онъ первый улыбнется, читая описаніе себя, между-тѣмъ, какъ прекрасная жена его вздохнетъ украдкою о томъ, что ея замужство построило ей замки на воздухѣ, и что она отъ своихъ подругъ почитается обладательницею такого блаженства, котораго сладость извѣстна ей по одному воображенію. Вотъ мои правила: пиши такъ, чтобъ всякій улыбался, читая твои описанія, иные бы краснѣли, но чтобъ на тебя не сердился никто. —

«Милостивая государыня, отвѣчалъ я, сатира есть камень, которымъ бросаютъ въ кучу безумныхъ; а вы знаете, что, бросая камень въ многолюдную толпу дураковъ, нельзя остеречься, чтобъ въ кого не попасть. И-такъ, если кто осердится...» — Если кто осердится, то ты же виноватъ. Должно, чтобы никто не сердился, и это-то есть искусство сатиры. Взгляни, напримѣръ, на Антирихардсона: онъ въ своемъ романѣ сердится на весь свѣтъ, а на него никто; онъ, вмѣсто досады, возбуждаетъ пріятную зѣвоту; и самый щекотливый читатель заснетъ прежде, нежели успѣетъ на него разсердиться. Посмотри на мнимаго нашего Детуша: онъ съ театра сильною рукою нападаетъ на зрителей; но какъ въ его комедіяхъ нѣтъ ни одного человѣческаго подобія, то ни одинъ слушатель не принимаетъ его сатиры на свой счетъ; и когда авторъ

бранитъ Петербургъ, то часто думаютъ, что онъ ссорится съ Пекиномъ. Природа дала ему ключъ, какъ ладить съ публикою. Дѣло все въ томъ, что его никто не понимаетъ; а кого не понимаешь, на того грѣхъ и сердиться. —

— Возьми въ примѣръ Баснобредова: онъ пишетъ цѣлый вѣкъ, бранитъ всѣхъ, но его никто не читаетъ. Сколько ни дѣлалъ онъ объявленій о своихъ новостяхъ, сколько ни печаталъ онъ своихъ сочиненій, но никто не оскорбился его сатирою; ибо онъ успѣлъ первымъ своимъ сочиненіемъ столько обезпечить публику, что она никогда уже не любопытствуетъ видѣть и читать его новости. И-такъ, онъ можетъ смѣло разругать весь свѣтъ, прежде нежели какая-нибудь живая душа о томъ догадается. Я помню, что онъ написалъ нѣкогда презабавную и пренасмѣшливую комедію; признаюсь, я ожидала, что онъ не минуетъ съ кѣмъ-нибудь ссоры, но дѣло кончилось самымъ лучшимъ образомъ. Книгопродавецъ продалъ его комедію въ овощный рядъ съ вѣсу; все изданіе въ короткое время расхватали по листамъ. Авторъ удовольствовалъ свой сатирическій духъ, и при всемъ томъ въ мысляхъ общества остался скромнымъ писателемъ, хотя стоитъ только заглянуть въ корзинку у перваго разнощика, чтобъ видѣть, какъ ядовита его сатира.

— Пользуйся такими хорошими примѣрами, бранн, если уже то необходимо для твоей желчи, но брани такъ, чтобы тебя никто не читалъ, — и ты будешь въ великомъ согласіи съ публикою. Прости; помни слова мои и тотчасъ начни твою должность. Два часа за полночь будь только прилеженъ, и ты не потеряешь время. — Она исчезла, а я, зѣвнувши раза два, три, всталъ съ постели, ворча сквозь зубы, одѣлся на скорую руку, накинулъ на себя епанчу и пошелъ сло-

няться по улицамъ, чтобы записывать истину, которая всегда доставляетъ главный доходъ ругательствами.

Вотъ, любезный читатель, въ чемъ хочу я сдѣлать тебѣ довѣренность. Днемъ ты можешь спокойно самъ замѣчать, что тебѣ встрѣтится, а что сдѣлается ночью, о томъ я тебѣ буду тихомолкомъ сказывать, и послѣ мы посмотримъ: Ночи или Фебу принадлежитъ завидный на Олимпѣ вѣнокъ изъ золотыхъ ослиныхъ ушей.

НОЧЬ I.

Едва прошелъ я нѣсколько шаговъ, какъ примѣтилъ карету и двухъ молодыхъ человѣкъ, которые вынимали изъ нея веревочную лѣстницу. Съ великою осторожностію подошли они къ одному богатому дому, кашлянули раза три, и съ верхняго жилья спустилась къ нимъ тоненькая веревочка, къ которой прикрѣпили они свою лѣстницу и стали тянуть ее наверхъ. Какъ я начитался довольно такихъ любовныхъ новостей въ романахъ, то и не почелъ это происшествіе достойнымъ примѣчанія, а пожелавъ пріятнаго сна мужьямъ и матерямъ, продолжалъ путь свой далѣе и, миновавъ карету, пробирался подлѣ стѣнки, какъ вдругъ услышалъ у воротъ того дома двухъ женщинъ, очень тихо разговаривающихъ: «Ахъ! мадамъ Плутанвиль, говорила одна другой, они уже привязываютъ лѣстницу, мы едва не опоздали; хорошо мы вздумали, что оставили вверху Плутану, а то бы некому и лѣстницы было принять. Но признаюсь вамъ, что я робѣю отъ этого приключенія, и сердце у меня замираетъ, когда воображаю, что мнѣ надобно будетъ слѣзать въ теперешнюю темноту къ моему любезному Вѣтрогону съ такой вышины.» Вотъ странная прихоть! сказалъ я самъ себѣ, всходить въ третье жилье и лѣзть

оттуда по веревочной лѣстницѣ къ своему любовнику, тогда-какъ она сама стоитъ отъ его кареты въ десяти шагахъ. Надобно думать, что эта дѣвушка жалуетъ околичности. Но удовольствую свое любопытство и разсмотрю, что значитъ это странное происшествіе?

Въ такихъ мысляхъ возвратился я къ каретѣ, надѣясь вывѣдать что-нибудь отъ кучера, который одинъ тамъ остался. Едва услышалъ онъ близъ себя шорохъ, отъ меня происшедшій, какъ вступилъ со мною въ разговоръ: «Иванъ! не ко мнѣ ли ты?» спрашивалъ онъ меня. — Къ тебѣ, — отвѣчалъ я. «Что дѣлаетъ баринъ?» — Баринъ еще долженъ дрогнуть съ часъ на морозѣ: лѣстница коротка, и онъ приказалъ тебѣ бѣжать домой, принести другую веревочную лѣстницу и нѣсколько веревокъ, чѣмъ бы можно было привязать ее къ первой, а мнѣ велѣлъ посмотрѣть за каретой. — «Чортъ возьми всѣ любовныя приключенія! ворчалъ кучеръ, слѣзая съ козелъ. Этого мало, что я съ часъ дрогъ для негодной Француженки, которую бы промѣнялъ я теперь за полный стаканъ вина; надобно еще, чтобы я околесилъ версты три!» — Ты правъ, отвѣчалъ я, но какъ же быть: надобно дѣлать, что велятъ. А чтобы тебѣ не такъ скучно было, то вотъ, возьми этотъ рубль: ты можешь за него на дорогѣ отогрѣться; мы еще успѣемъ. — «О! когда такъ, сказалъ съ радостію кучеръ, то съ такимъ хорошимъ товарищемъ готовъ я обѣгать весь Петербургъ, лишь бы было мнѣ чѣмъ во всякомъ кабакѣ учредить станцію.» Послѣ того онъ бросился отъ меня и въ пяти шагахъ не было уже его видно за темнотою.

Начало прекрасно! разсуждалъ я самъ про себя: одного уже нѣтъ; и если успѣю я такъ же проворно отправить и послѣднихъ, то мнѣ не мудрено будетъ дать случай сбыться пословицѣ: орлы дерутся, а мо-

лодцамъ перья. Можетъ быть, еще удастся мнѣ сдѣлать доброе дѣло и спасти честь этой дѣвушки, зашедшей, что легко быть можетъ, невинно въ сѣти, разставленныя ей плутовствомъ Француженки и богатствомъ господчика, который, съ помощію набитаго кошелька, какъ Язонъ съ помощію Медеи, похищаетъ это новое руно. — Опомнись, сказалъ мнѣ разсудокъ, съ какимъ намѣреніемъ вышелъ ты изъ дому? Ты хочешь нападать на порокъ; а едва отошелъ на пять шаговъ, какъ самъ дѣляешь шалости. — Кричи, что хочешь господинъ разсудокъ, отвѣчало сердце, а у меня есть своя маленькая философія, которая, право, не уступитъ твоей. Твой барометръ измѣряетъ сухая математика, но мой барометръ не менѣе справедливъ въ своихъ перемѣнахъ... Прекрасно, любезное сердце, прекрасно! И если твоя философія не столь глубока, то по крайней мѣрѣ она заманчива и пріятна; и я теперь съ пользою буду наблюдать, когда опускается и поднимается твой барометръ.

«Что это за чудный барометръ? спросишь ты, любезная читательница.» — Это, сударыня... но ты краснѣешь... нѣжная грудь твоя трепещетъ и напрасно старается удержать томный вздохъ... Ахъ! если бъ не было тутъ твоей бабушки или тетушки, то, потупя глаза и со скромною стыдливостію, давно бы сказала ты, что это... любовь... — Любовь!... къ незнакомой женщинѣ, которую никогда не видывалъ ты въ глаза?... — «О! если вы не вѣрите, сударыня, то загляните только въ романы: вы найдете тамъ тму страстныхъ любовниковъ, которые не видывали въ глаза другъ друга; загляните въ элегіи: вы найдете, что поэты прежалко воспѣваютъ любовь свою къ красавицамъ, которыхъ случалось имъ видать развѣ во снѣ, и пишутъ престрастныя письма къ несравненнымъ пре-

лестямъ, которыя родятся въ ихъ чернильницахъ и умираютъ въ книжной лавкѣ, на полкахъ. И-такъ, вы видите, что ничего нѣтъ легче, какъ влюбиться въ совершенства такой особы, которой на свѣтѣ не было. Что до меня, то одинъ голосъ моей незнакомки разлилъ по моимъ жиламъ электрическій огонь, а воображеніе пріятности ночнаго приключенія довершило дурачество мое сдѣлаться героемъ такого романа, въ которомъ долженъ бы я былъ играть эпизодическое лице мужа. Правда, совѣсть меня упрекнула, что я срываю съ вилки у ближняго кусокъ, совсѣмъ мнѣ непринадлежащій; но кто въ этомъ свѣтѣ работаетъ на себя? Крестьянинъ потѣетъ и трудится цѣлые годы, чтобы выплатить колесо богатой кареты, или пуговицу съ кафтана своего господина Промотова, которыхъ онъ никогда не увидитъ. Судья высасываетъ у челобитчика набитый кошелекъ для того, чтобы жена его нарядила въ обновку капитана Хватова, молодаго его сосѣда. Неустрашимый офицеръ Храбровъ дерется для того, чтобы щеголеватаго товарища его, Юлу, племянника его сіятельства Дурындина, назвали храбрецомъ. Толстый Безмозговъ платитъ щедро прекрасной своей Неотказѣ, не воображая, что его щедростію пользуются человѣка четыре молодыхъ подлипалъ, не включая въ то число Неотказина волосочеса, кучера и егеря. — Вотъ сколько примѣровъ собралось у меня тогда на оправданіе моего поступка! И-такъ, для чего же мнѣ не пользоваться тѣмъ блюдомъ, которое не для меня готовится? — На свѣтѣ этомъ всѣ, какъ повара, суетятся и готовятъ кушанье для другихъ, между-тѣмъ, какъ сами хватаютъ съ такихъ блюдъ, которыя нечаянно подаются къ нимъ подъ носъ. Въ такихъ-то размышленіяхъ подкрадывался я къ ночному похитителю. Ударило

часъ, и я услышалъ у него со слугою слѣдующій разговоръ:

Иванъ. Еще часъ бьетъ, сударь, и намъ, по условію, остается ждать битыхъ полчаса...

Б. Ахъ если бъ ты зналъ, Иванъ, какъ мнѣ время длинно кажется!...

Иванъ. Вѣрно, не такъ, какъ мнѣ, сударь. Признаюсь я очень неохотно вдаюсь въ такое приключеніе отъ котораго, кромѣ бѣды, ничего намъ ждать нельзя.

Б. Если избѣгать бѣды, то ни въ одно приключеніе нельзя вдаваться. Что до меня, то я всегда на мои предпріятія смотрю съ одной хорошей стороны. Теперь, напримѣръ, я однимъ тѣмъ занятъ, какъ моя милая Жанета пылка, влюблена, прелестна невинна...

Иванъ. О красотѣ я ни слова, сударь. Въ любви какъ въ кушаньѣ: иной любитъ кислое, иной соленое, и трудно увѣрить, что̀ лучше. Но что до невинности, то я соглашусь скорѣе искать смысла въ Антиприхардсоновыхъ романахъ и остроты въ комедіяхъ мнимаго Детуша, нежели искать невинности во Французской лавкѣ, — гдѣ...

Б. О, да ты еще и въ ученость вмѣшиваешься!.. Но послушай, у меня страшная охота бить разумныхъ людей; и-такъ, не совѣтую тебѣ никогда при мнѣ вплетаться въ разсужденія, потому-что это совсѣмъ не ваше дѣло.

Иванъ. Почему жъ, сударь?

Б. Почему... почему? У меня есть на это хотя тонкія, но гибкія доказательства...

Иванъ. А! а! понимаю: вы говорите про палки, и признаюсь, что вы убѣдительнѣе Руссо доказываете мнѣ вредность наукъ. — Оставимъ же этотъ разговоръ; я не охотникъ до ученыхъ споровъ, и станемъ лучше говорить о томъ, что къ намъ ближе. Скажите,

напримѣръ, къ чему вамъ вздумалось вести любовь свою такими околичностями и обнжать честную мадамъ Плутанвиль, похищая у ней украдкою такой товаръ, которымъ эти честныя мадамы расторговываются болѣе, нежели модными шляпками?

Б. Какое дурацкое сравненіе! Не уже ли ты думаешь, что и моя прелестная Жанета такъ же, какъ и ея подруги, Француженки, не отличаетъ своихъ прелестей отъ продажныхъ лентъ и булавокъ? — Грубо ошибаешся, другъ мой! Если бы ты зналъ, какъ за нею прилежно волочились Промотъ и Голосумъ...

Иванъ. Станется... Я и всегда былъ увѣренъ, что противъ безденежныхъ волокитъ нѣтъ добродѣтельнѣе женщины, какъ ваша Жанета и ея подруги. Если бы не почла она васъ богатымъ, то, повѣрьте, что никогда не поколебали бы вы ея цѣломудріе.

Б. Не должно, мой другъ, такъ грубо разсуждать о женской добродѣтели.

Иванъ. О! добродѣтель женщины, по модѣ, такъ же тверда, какъ стекло, которое никакою острою бритвою, кромѣ алмаза, не разрѣжешь. — Да скажите мнѣ: куда вы намѣрены дѣвать вашу Елену, не имѣя ни полушки денегъ? Развѣ хотите вы уморить ее съ голоду и дать случай писателямъ къ новому роману?

Б. Лишь бы удалось мнѣ увезти любезную Жанету, а мы съ нею докажемъ, на-перекоръ всему свѣту, что и во Французскихъ модныхъ лавкахъ есть предобродѣтельныя женщины...

Иванъ. Сомнѣваюсь, сударь: теперь не такой вѣкъ, чтобъ вѣрили чудесамъ. Но скажите, не совѣстно ли вамъ измѣнять прелестной вашей Вертушкиной, которая теперь одна поддерживаетъ вашъ блескъ на счетъ любезнаго своего супруга...

В. Куда какъ худо толкуешь ты любовь! По твое-

му мнѣнію, она должна быть такъ же тверда и постоянна, какъ старинное супружество, чтобы наскучить въ двѣ недѣли. Пустое, мой другъ. Любовь какъ смородина, которую какъ бы ты ни жаловалъ, но она въ шесть минутъ набьетъ тебѣ такую оскомину, что никогда на нее не взглянешь, если не возьмешь предосторожность употреблять ее рѣже. Измѣна и невѣрность, мой другъ, есть ключъ къ сохраненію модной любви, и я знаю много супружествъ, которыя продолжаются въ добромъ согласіи только для того, что супруги не скучаютъ другъ другу безотвязною вѣрностію. — Но я слышу, что вверху кашлянули. Приготовимся принять Жанету.

Услыша это, я отошелъ отъ нихъ и ожидалъ, чѣмъ кончится приключеніе. Сперва мнѣ пришло на мысль самому сѣсть на козлы и отвезти къ себѣ Анжелику; но какъ я не надѣялся управиться съ лошадьми, то едва-было не отказался отъ моего предпріятія, если бы нечаянная встрѣча не подала мнѣ помощь. Я увидѣлъ, что шагахъ въ пяти отъ меня бродилъ человѣкъ, который не отходилъ отъ того мѣста и, кажется, хотѣлъ быть свидѣтелемъ происходящаго приключенія. «Другъ мой, сказалъ я ему, не занятъ ли ты чѣмъ, и можешь ли оказать мнѣ услугу, за которую тебѣ дано будетъ на водку?» — Охотно, сударь, отвѣчалъ онъ; я сторожъ этого дома и хожу поочереди около него; но это такая должность, за которою еще десять могу я отправить. Что вамъ угодно? — «Мой баринъ сговорился уйти съ одною дѣвушкою...» — Не изъ этой ли Французской лавки? — «Точно такъ.» — Не Жанетою ли ее зовутъ? — «Ты угадалъ...» — а барина твоего Вертушкинымъ? — «Правда. Да ты почему все это знаешь?» — О! я часто видалъ, какъ они перебрасывали другъ другу письма, и уже ожи-

далъ, что изъ этого выльется что-нибудь доброе. — «Эта мысль требуетъ еще подтвержденія, отвѣчалъ я. Но выслушай же мою просьбу. Жанета скоро спустится къ намъ, а кучеръ нашъ ушелъ, и вѣрно, въ кабакъ; баринъ про это узналъ и грозится уже наградить его палочнымъ увѣщаніемъ. Такъ не хочешь ли ты, когда я тебя черезъ минуту позову, сѣсть на его мѣсто, не говоря ни слова, и отвезти насъ къ * * * мосту, въ домъ * * *?» — Охотно, баринъ. Я очень люблю править лошадьми и радъ случаю вамъ подслужиться... — Въ ту минуту подошелъ къ нему одинъ человѣкъ. «Ну, Сидорычъ, сказалъ онъ моему новому знакомцу, долго ли намъ дрогнуть? Мои товарищи, восемь человѣкъ, всѣ зубы отъ морозу повыколотили, и намъ бы теперь не худо руки погрѣть...» Подите домой, братцы, отвѣчалъ дворникъ; вы мнѣ болѣе ненадобны... — «Какъ не надобны? развѣ не станутъ въ нынѣшнюю ночь...» — Ну слышите ль, вы мнѣ не нужны, — прервалъ дворникъ съ досадою, дѣло безъ васъ обойдется... — «А кто же заплатитъ намъ за то, что мы всю ночь стерегли?» — Приходите завтра ко мнѣ: я заплачу вамъ такъ точно, какъ-будто бъ вы все сдѣлали. Поди же и скажи товарищамъ, чтобъ они разошлись; а Семену скажи, чтобъ онъ съ лошадьми поѣхалъ домой... понимаешь ли? «Понимаю» отвѣчалъ другой, и скрылся отъ насъ...

«Что это значитъ? спрашивалъ я дворника, къ чему они собраны у тебя всѣ?» — Это ничего, баринъ, отвѣчалъ онъ. Мы узнали, что въ нынѣшнюю ночь сосѣдніе лакеи собрались ограбить моего хозяина и для того-то запаслись мы маленькою засадою, чтобъ сдѣлать добрый отпоръ и переломать имъ руки и ноги; но какъ теперь уже время, назначенное для этого посѣщенія, прошло и они, видно, узнали, что

здѣсь взяты предосторожности, и потому отмѣнили свой походъ, то я и распустилъ своихъ товарищей. — «Но къ чему же этотъ человѣкъ съ лошадьми? спрашивалъ я его?» — Онъ былъ приготовленъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, гнаться верхомъ за этими буянами; но дѣло все кончилось благополучно и опасаться нечего. Да и правду сказать, лучше мнѣ трястись за деньги на козлахъ, нежели даромъ дрогнуть у воротъ на улицѣ и стеречь, чтобъ не обокрали моего барина, къ которому къ самому надобно было бы приставить караулъ и смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ не грабилъ бѣдныхъ челобитчиковъ, на счетъ которыхъ выстроены эти палаты. — «Стой же, мой другъ, и дожидайся меня! сказалъ я ему; а я пойду, и когда будетъ надобно, то тебя позову.» Потомъ отъ него возвратился я къ моимъ похитителямъ, расположа въ мысляхъ какъ должно случиться дѣлу.

Я подходилъ, когда уже невинная Агнеса спускалась. Кстати бы здѣсь было помѣстить всѣ восхищенія любовниковъ, но они и въ комедіяхъ мнѣ наскучили, и я чрезвычайно обрадовался, когда въ нѣкоторой новой комедіи увидѣлъ, что авторъ двухъ любовниковъ обвѣнчалъ, не давъ имъ ни слова сказать другъ другу о любви. Что до меня, то я ничего не могъ понять у моихъ любовниковъ, потому-что всѣ дѣла ихъ происходили тихомолкомъ.

Наша чета уже приближалась къ каретѣ, когда примѣтили, что нѣтъ кучера. «Бездѣльникъ этотъ, вѣрно, гдѣ-нибудь пьянствуетъ, говорилъ сквозь зубы волокита.» — Бога ради, говорите тише, сударь, шептала красавица: если услышатъ вверху шумъ и мадамъ Плутанвиль догадается о моемъ побѣгѣ, то я погибла. У насъ честь очень строго хранится. Подите лучше съ вашимъ человѣкомъ и постарайтесь по-

скорѣе его отыскать, а я останусь у кареты и подожду васъ здѣсь. — Вотъ неробкая героиня! подумалъ я самъ въ себѣ; кажется, эта дѣвушка уже давно привыкла къ ночнымъ приключеніямъ.

Едва отошелъ онъ отъ своей Анжелики, какъ я бросился къ подговоренному дворнику. «Ступай, мой другъ, сказалъ я, не надобно терять времени, садись на козлы, притворись пьянымъ и скажи только, что ты отогрѣвался въ ближнемъ трактирѣ, а между-тѣмъ вези насъ, куда я уже тебѣ сказалъ.» — Повѣрь, баринъ, что я дѣло кончу такъ проворно, какъ ты и не думаешь, — отвѣчалъ онъ, и послѣ того бросился на козлы, а я подкрадывался за нимъ, притворясь, какъ-будто потерялъ дорогу. — «Любезная Жанета, здѣсь ли ты?» спрашивалъ я. — Здѣсь, — отвѣчали мнѣ тихонько. «Кучеръ твой пришелъ; но, кажется, онъ пьянъ.» — Я не разслушала, что онъ пробормоталъ. Съ тобой ли твой человѣкъ? — «Его нѣтъ, любезная Жанета, потому-что я строго запретилъ ему возвращаться безъ кучера, а онъ долго его проищетъ, такъ лучше поѣдемъ одни; онъ и безъ насъ умѣетъ домой воротиться, — и я тотчасъ отворилъ дверцы, посадилъ красавицу, вскочилъ за нею въ карету, затворилъ за собою дверцы и велѣлъ кучеру скакать домой, не заботясь о томъ, охотно ли къ себѣ возвратится мой несчастный совмѣстникъ пѣшкомъ, и безъ любовницы, которую уже почиталъ онъ вѣрною въ своихъ рукахъ.

Только-что ударили по лошадямъ, какъ моя скромница зачала хохотать во все горло; голосъ ея показался мнѣ знакомымъ. «Чему ты такъ хохочешь, душа моя? спрашивалъ я ее.» — О! это ужасть смѣшно, кричала она, когда я воображаю, какъ разсердится старая моя мадамъ Плутанвиль, не нашедъ меня въ моей комнатѣ. Скажи мнѣ, мой ангелъ, не щегольски ли мы ее про-

вели?... — Боже мой! это ты, Маша? вскричалъ я. — Ахъ! Міроброд*ъ*, * негодный!.. какимъ страннымъ случаемъ? Я не знаю, радоваться ли я должна или сердиться за нашу нечаянную встрѣчу? Какой дьяволъ занесъ тебя въ эту карету, когда, не видавшись съ тобою года три, я менѣе всего тебя тутъ ожидала? — «Какимъ образомъ встрѣтились мы, когда мнѣ и въ умъ не приходило, чтобъ моя милая Маша составляла свиту Французской уборщицы?» — Какимъ образомъ превратился ты въ похитителя? — «Какъ переродилась ты изъ Русской горничной дѣвушки во Француженку, не имѣя понятія о Французскомъ языкѣ?» — О! мои приключенія не чудны. Вскорѣ послѣ того, какъ мы съ вами разстались, барышня моя ушла съ однимъ молодымъ офицеромъ, чему много помогла Француженка, ея учительница, которая подговорила также ее увезти изъ дому много брильянтовъ и денегъ. Я, какъ проворная дѣвушка, тотчасъ смекнула намѣреніе Француженки, и ни денегъ ни алмазовъ не выпускала изъ своихъ рукъ, такъ-что Французская плутовка наконецъ открылась мнѣ, Русской, въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ она и барышню мою подговорила къ побѣгу; и мы оставили влюбленную эту чету, безъ денегъ и безъ вещей, на попеченіе судьбы, питаться одною взаимною страстью, и уѣхали въ здѣшній городъ, гдѣ моя учительница завела Французскую модную лавку на счетъ моей барышни; а какъ ей нельзя отъ меня отвязаться, не опасаясь моего мщенія, то я по необходимости сдѣлалась первою ея подругою и мы съ ней торговали пополамъ очень удачно, пока не влюбилась я въ молодаго Вертушкина,

* Г. читатель можетъ здѣсь видѣть, что герой этой повѣсти — Міроброд*ъ*, и издатель ея — Крыловъ, суть два разныя лица; но послѣдній будетъ всегда доволенъ, если публикѣ понравится первый. Примѣчаніе типографщика.

и хотѣла пожертвовать ему моимъ счастіемъ и... — «Плутовка! вскричалъ я, захохотавъ, я былъ свидѣтелемъ всего вашего ночнаго приключенія; и когда еще, возвращаясь домой съ твоей Француженкой, говорила ты съ ней у воротъ, то я все слышалъ и заключилъ справедливо, что ты влюблена, да только не въ Вертушкина, а въ его деньги.» — Ты демонъ, а не человѣкъ, отвѣчала моя красавица: отъ тебя ни въ чемъ утаиться нельзя, и я вижу, что тебѣ во всемъ признаться надобно... Повѣса! продолжала она, выслушай все, и ты увидишь, что я теперь отъ тебя никакой тайны не имѣю. —

— Если бы модныя торговки жили одними уборами, то не вывозили бы такъ много денегъ въ чужіе краи; но главный торгъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ украшать не однихъ женщинъ, но часто и мужей иныхъ, которые иногда, не подозрѣвая, отпускаютъ своихъ женъ въ модныя лавки за головнымъ уборомъ. Притомъ же эти честныя Француженки нерѣдко доставляютъ случай молодымъ дѣвушкамъ видѣться съ своими любовниками, и за это берутъ порядочную пошлину. Этого мало: онѣ держатъ у себя въ лавкѣ много молодыхъ ученицъ, съ тѣмъ, чтобъ приманивать волокитъ, и мнимою строгостію и препятствіями своимъ дѣвушкамъ увеличиваютъ желанія воздыхателей; а когда увидятъ, что надобная минута наступила и кошелекъ любовника тугъ, тогда изъ-подъ руки даютъ своимъ дѣвушкамъ согласіе на побѣгъ, и такимъ образомъ вдругъ получаютъ и деньги и остаются съ добрымъ именемъ; ибо такихъ похищеній не смѣютъ приписывать на ихъ счетъ, видя, что онѣ сами болѣе всего за то шумятъ и жалуются. — «Прекрасная выдумка! сказалъ я. И-такъ, моя любезная Маша...» — Твоя любезная Маша, вскричала она, захохотавъ,

подъ покровительствомъ модной уборщицы, теперь имѣетъ честь въ осьмой разъ представлять невинность... — «Я любопытенъ видѣть, искусная ли ты актриса, Маша?... но карета остановилась, войдемъ ко мнѣ, и будь увѣрена, что твоя невинность здѣсь въ такой же безопасности, какъ и во Французской лавкѣ.»

Дверцы кареты отворились, и только-что успѣлъ я выскочить, какъ ударили по лошадямъ, закричали: «къ Обухову мосту!» и кареты не стало слышно. Любезная моя Маша, съ ея невинностью, и уже конченное почти приключеніе — все исчезло, какъ пріятный сонъ, и я очутился въ рукахъ мощнаго повѣсы, который, сказавъ мнѣ, что отъ моего молчанія зависитъ моя жизнь, толкнулъ меня на дворъ и заперъ за собою ворота.

Тутъ мягкая и нѣжная рука схватила мою руку и женскій голосъ сказалъ мнѣ, чтобъ я болѣе всего остерегся сдѣлать шумъ. «Барыня уже васъ ожидаетъ, сударь, говорила мнѣ моя путеводительница. Ахъ! если бъ вы знали, въ какомъ она смущеніи...» — Я и самъ въ неменьшемъ безпокойствѣ, — отвѣчалъ я тихонько и дрожа отъ страха. «Бога ради, продолжала она, постарайтесь ее утѣшить... Но не правда ли, что мы щегольски васъ увезли и умѣли въ пору разорвать вашу любовь съ этою негодною бѣглянкою, про которую я уже все развѣдала? Но оставимъ этотъ разговоръ. Вы, конечно, простите моей барынѣ то, чему одна любовь ея къ вамъ причиною... или она умретъ съ печали, бѣдная! Но теперь болѣе всего опасайтесь кашлянуть и говорить громко: если баринъ проснется, то и мы всѣ попадемся въ такія хлопоты, изъ которыхъ трудно будетъ намъ выдраться, и вы можете легко потерять ребра четыре.» Послѣ такого утѣши-

тельнаго предувѣдомленія, вела она меня черезъ долгія сѣни, не говоря ни слова, и мы прошли тихомолкомъ большой рядъ комнатъ, и наконецъ остановились въ осьмой или девятой. «Останьтесь въ этой уборной, сказала она мнѣ; барыня тотчасъ къ вамъ выйдетъ; впрочемъ, бояться вамъ нечего: уборная эта вамъ, вѣрно, знакома.» Тутъ пожала она мнѣ руку, дала горячій поцѣлуй и оставила одного размышлять о странности моихъ приключеній.

Гдѣ я?... какимъ образомъ сюда попался?... Зачѣмъ съ такою скоростію умчали мою невинную Машу?... Кто все это сшутилъ?... и какъ выйду я изъ дому, не смѣя сдѣлать ни шагу, и не зная расположенія комнатъ, которыхъ прошелъ я такое множество?... Вотъ сколько вопросовъ дѣлалъ я самъ себѣ, и смущенный мой разсудокъ ни на одинъ изъ нихъ не былъ въ силахъ дать отвѣта.

Правда, я ждалъ къ себѣ женщину, и приключеніе могло кончиться для меня не слишкомъ бѣдственно; но страхъ, что всякую минуту я могу быть узнанъ и побитъ, дѣлалъ меня почти неспособнымъ ощущать предстоящее благополучіе. Тогда-то вспомнилъ я не кстати нанятаго мною кучера и его товарищей, которыхъ распустилъ онъ, какъ ухватился за случай взмоститься на козлы, словомъ, у меня родились тысячи догадокъ, изъ которыхъ одна другой была хуже. Если все это приключеніе, прошепталъ я, вздохнувши, кончится на моихъ бокахъ, то надобно отдать мнѣ справедливость, что я самымъ искуснымъ образомъ придрался къ случаю быть побитымъ.

Когда, такимъ образомъ оставленный одинъ, въ темной комнатѣ, размышлялъ я, который бокъ выгоднѣе подставить непріятелю, если появится каменный градъ, я услышалъ, что дверь тихонько отворилась и женщина,

легкая какъ зефиръ, приближалась ко мнѣ осторожно. «Милый и невѣрный Вертушкинъ,» говорила она тихонько, схватя меня за руку «измѣнникъ! ты, который и самою своею вѣтреностію умѣешь къ себѣ привязать, смотри, какой опасности я для тебя подвергаюсь, и когда жъ! — въ самую ту минуту, когда ты мнѣ измѣняешь, я тебѣ жертвую своимъ спокойствіемъ... и именемъ. Я хочу говорить съ тобою съ тѣмъ, чтобы, разбраня тебя, разстаться съ тобою навсегда, и чтобы обезоружить опасные твои глаза, нарочно приготовляю явленіе это въ темнотѣ; я уже думала, что ты обезоруженъ, но ахъ! лишь только коснулась до тебя, какъ чувствую, что пріятное мленіе объемлетъ всѣ мои члены. Ноги мои подгибаются... я дрожу... любезный повѣса! ахъ! я чувствую, что въ твоей волѣ, не говоря ни слова, получить отъ меня прощеніе...» При этихъ словахъ она своими мягкими и нѣжными руками сжимала крѣпко мои руки; я чувствовалъ, что слабое трепетаніе отнимало все ея силы; она оперлась на меня и, конечно, не удержалась бы на ногахъ, еслибъ я не поддержалъ ее, обхватя тонкій и стройный станъ ея моими руками; сердце ея билось изо всей силы, мое же отвѣчало ему подобнымъ трепетаніемъ; пламенная грудь ея, то опускаясь, то воздымаясь до моихъ устъ, изображала смущенное состояніе ея души; мое воображеніе довершало начертывать совершенства этой женщины, которой прелестями восхищался я по одному осязанію. Я не знаю, какимъ образомъ сдѣлалось, что горящія уста наши сплелись и, кажется, другъ у друга занимали дыханіе; оно прерывалось безпорядочными вздохами. Мы уже дышали другъ другомъ, но все еще казалось, что насъ что-то раздѣляло; сердца наши, отвѣчая другъ другу согласнымъ трепетаніемъ, составляли одно сердце, которое разли-

вало по нашимъ жиламъ одинъ огонь и одинакія чувствованія. «Постой, что ты хочешь начать? сказала мнѣ смущенная моя незнакомка.» Никогда любопытство женщины не было болѣе не кстати, какъ въ этотъ разъ. — Ахъ, сударыня! шепталъ я ей тихонько: развѣ не знаете вы мою страстную любовь... — «Повѣса! отвѣчала она мнѣ, ты все такъ же опрометчивъ и вѣтренъ; или забылъ ты, что въ сосѣдней комнатѣ спитъ мой мужъ, которому можетъ легко показаться подозрительнымъ наше свиданіе, и хотя, при всей своей молодости и пригожествѣ, онъ менѣе пятидесятилѣтняго старика въ правѣ жаловаться на невѣрность жены, со всѣмъ тѣмъ съ удовольствіемъ выброситъ за окно того, кто вздумаетъ быть его Созіею; яснѣе тебѣ сказать: мужъ мой изъ числа тѣхъ причудливыхъ зайкъ, которые, на муку своимъ слушателямъ, хотя по три часа зайкаются надъ всякимъ словомъ, но очень сердятся, если кто вздумаетъ за нихъ изъясниться. И-такъ, ты долженъ меня оставить, и пусть будетъ это служить наказаніемъ за твою ко мнѣ измѣну.» — Сударыня! не уже ли вы такъ мстительны? — «О, конечно! Или ты думаешь что твое дурачество должно остаться безъ наказанія? Повѣрь, что нѣтъ: я рѣшилась до завтрашней ночи на тебя сердиться. И-такъ, если ты хочешь сдѣлать со мною миръ, то будь завтра въ маскарадѣ въ бѣломъ домино, въ полной черной маскѣ и въ перчаткахъ того же цвѣта; и когда увидишь тамъ въ такомъ же уборѣ мужчину, то подходи смѣло къ нему: это буду я; а чтобъ избавиться отъ всякой опасности, то мы поѣдемъ къ тебѣ ужинать и заключимъ тамъ торжественный миръ.» — Но вашъ мужъ? — «О, мой мужъ такъ много занятъ въ свѣтѣ, что онъ и за тѣмъ не смотритъ, что самъ дѣлаетъ; поэтому ты можешь

повѣрить, что ему некогда заниматься трудною должностію — присматривать за вѣрностью жены. Прости, милый вѣтренникъ, мнѣ некогда съ тобою болѣе говорить: я боюсь, чтобъ мужъ мой не проснулся. Я уже сказала, что онъ не будетъ столько уменъ, чтобъ жаловаться на себя, но всю вину возложитъ на насъ, и подвергнетъ меня опасности видѣть тебя изувѣченнымъ. Прости!» Сказавъ это, она напечатлѣла на устахъ моихъ горячій поцѣлуй и скрылась. Въ ту минуту подошла ко мнѣ моя прежняя проводница. «Довольны ли вы, сударь, вечеромъ?» сказала она мнѣ. — Не совсѣмъ, отвѣчалъ я: прелестная твоя госпожа все еще на меня сердится. — «О, конечно, вы передъ нею виноваты...» — Какъ, послѣ такого долгаго свиданія! — «Ахъ! я по всему вижу, что и мнѣ еще рано перестать на васъ сердиться. Подите же и будьте готовы хотя завтра исполнить, что̀ вамъ приказано. Желаю только вамъ лучшихъ успѣховъ для будущаго вечера, нежели какими сегодня можете вы похвалиться.» Я слышалъ, какъ плутовка смѣялась тихонько, сказавъ это, и послѣ того проводила меня прежнею дорогою за ворота, пожелавъ мнѣ сонливаго дня и потомъ веселой ночи.

Сколько мыслей, сколько разсужденій и загадокъ зачало тѣсниться въ моей головѣ! на всякомъ шагу встрѣчалось что-нибудь новое моему воображенію. — Кто эта женщина? спрашивалъ я самъ себя; кто эта несчастная, которая, какъ кажется, вышла за одну живопись, и кто этотъ презрѣнный мужъ, который, вмѣсто того, чтобы принести своей женѣ новое, пылкое сердце и хорошіе нравы, растерялъ свои чувства на приманчивыя прелести, прибыточныя своею нѣжностію однимъ аптекамъ, и который вступилъ въ супружество тогда, когда уже онъ умеръ для супружества?

Въ такихъ-то важныхъ разсужденіяхъ пробирался я домой и подслащалъ ихъ распоряженіями, какъ бы лучше завтра кончить свое намѣреніе, или, лучше сказать, я бранилъ дурачества другихъ и сбирался, если можно, умножить ихъ глупости цѣлымъ пуликомъ. Таковъ человѣкъ, любезный читатель: нерѣдко у того бутылка съ виномъ въ карманѣ, кто проповѣдуетъ трезвость. Наконецъ дошелъ я домой. Заря уже начала заниматься, и я едва доплелся до постели и, утомленный моими размышленіями и приключеніями, предался сну, воображая прелести милой моей незнакомки.

Любезныя мои собратія, подольные жители Парнаса! вы, которые въ своихъ сочиненіяхъ прицѣпляетесь ко всякому случаю видѣть сонъ — сонливые подлипалы музъ — вы уже ожидаете отъ меня какого-нибудь сновидѣнія, и, признаюсь, что случай для этого не дуренъ: заря, любовь, страхъ, надежда, женщина — все это вмѣстѣ могло бы составить нѣчто изрядное; но подивитесь моей скромности: въ этотъ разъ я ничего не видалъ во снѣ.

НОЧЬ II.

Ударило одиннадцать часовъ пополудни, и я уже былъ въ маскарадѣ. Какое это поле для сатирика, который прицѣпляется ко всякому случаю побранить людей! Горацій, Ювеналъ и ты, Боало, я желалъ бы воскресить васъ на два часа и дать вамъ билетъ въ нашъ маскарадъ, — какое бы это было прекрасное блюдо для вашего остраго пера! Тамъ увидѣли бы вы верченую щеголиху, привлекающую за собою толпу волокитъ; вы бы увидѣли, какъ выставляетъ она свою тоненькую ножку, подбѣленныя ручки; какъ возбуждаетъ во всѣхъ любопытство узнать ее, а она не

смѣетъ снять своей маски, потому-что маска лучше ея лица. Въ другомъ мѣстѣ попался бы вамъ искусный плутъ, который подъ пріятною личиною, надѣясь не быть узнанъ, несетъ карты, — этотъ ножикъ разбойниковъ высокаго свѣта, и хочетъ погубить бѣднаго простачка, виноватаго передъ нимъ только тѣмъ, что онъ, по легковѣрію своему, почитаетъ его честнымъ человѣкомъ. Тутъ бы попался вамъ, въ ямскомъ кафтанѣ, счастливый шутъ, и вы бы увидѣли, какъ онъ своими кривляньями старается веселить цѣлый маскарадъ, чтобы только заслужить улыбку какого-нибудь важнаго домино; вы бы, можетъ быть, подумали, что это обезьяна въ ямскомъ кафтанѣ; совсѣмъ нѣтъ, это, повелѣвающій четверкою, почтенный низкосердъ, счастливый только тѣмъ, что онъ часто надѣваетъ кафтанъ ниже своего состоянія, а сердце имѣетъ ниже кафтана. Вы бы увидѣли, какъ Антидетушъ, нарядясь ребенкомъ, съ гордою скромностію носитъ подъ пазухою азбуку, и, можетъ быть, посовѣтовали бы ему съ нею познакомиться поболѣе, прежде нежели онъ опять примется за любимую свою работу раздирать зѣвотою рты у своихъ благосклонныхъ слушателей; однимъ словомъ, вы бы множество нашли тамъ придирокъ побранить прекрасно шалости людей и, не прибавя имъ ума, прибавили бы, конечно, себѣ славы. Что до меня, то мнѣ некогда было цѣнить посторонніе дурачества: я бѣгалъ по всему маскараду, чтобы сыскать мою прелестную незнакомку въ бѣломъ домино съ черными перчатками, и лишался уже надежды найти ее, какъ вдругъ маска, одѣтая дьяволомъ, взяла меня за руку, «Браво! любезный Міробродъ, браво! вскричала она, ты уже записался въ большой свѣтъ и шатаешся по маскарадамъ... прекрасно! О! я, не смотря на твои нравоученія, всегда думалъ, что въ тебѣ

будетъ прокъ...» — Тише, государь мой, отвѣчалъ я съ сердцемъ, вы позабыли правило благопристойности маскарадной, и называете громко меня по имени... — «Тфу къ чорту, да это уже и любовнымъ приключеніемъ пахнетъ! Ну, ну, въ добрый часъ; желаю вамъ успѣховъ. Правда, что ты меня принялъ холодно, это, право, безсовѣстно не узнавать старыхъ своихъ знакомыхъ, но признаюсь, что я самъ виноватъ немножко, потому-что курнулъ и совсѣмъ не такъ началъ съ тобою разговоръ. Вѣдь, ты вѣрно не узналъ меня?» — Вы это точно такъ же угадали, какъ мое имя. — «О! что до твоего имени, то я не угадалъ его, а видѣлъ, какъ ты у буфета выпилъ украдкою стаканъ лимонаду, и тотчасъ узналъ тебя, стариннаго моего пріятеля.» — Очень радъ свиданію, прошу только не мучить долѣе мое любопытство и сказать кто я. — «Неправда ли, признайся, что въ дьяволахъ ты никогда бы не узналъ твоего Тратосила...» — Тратосилъ! вскричалъ я, это ты?... Давно ль ты здѣсь, въ городѣ? Признаюсь, что я желалъ бы многое съ тобою переговорить, но теперь, какъ ты угадалъ, я занятъ любовнымъ приключеніемъ, и ты сдѣлаешь крайнее одолженіе, когда пріѣдешь ко мнѣ. — «Будь увѣренъ, говорилъ онъ, что ты скорѣе меня у себя увидишь, нежели думаешь. Но теперь я тебѣ не мѣшаю: ночь всю пропью за здоровье твоей красавицы. Согласись, любезный другъ, что ничего нѣтъ пріятнѣе этого...» — Я на все соглашаюсь, отвѣчалъ я, — увидя вдали надобную мнѣ маску — только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты меня теперь извинилъ и оставилъ бы одного. — «Боже мой! не уже ли ты думаешь, что я тебя не понимаю?... оставайся съ покоемъ (маска давала мнѣ знакъ рукою), нельзя ли только слова два, три...» — Никакъ нельзя, прощай! — «Прощай лю-

безный Міробродъ!... Э, постой! я забылъ тебѣ сказать новость: вѣдь у меня теперь есть прекрасная Англійская карета...» — Что мнѣ нужды, безотвязчивый человѣкъ... — «Да знаешь ли, какъ я ее досталъ?» — За деньги. — «Это правда; да деньги-то какъ?» — Потому, что ты сдѣланъ судьею. — «А судьею-то я отъ чего?» — Отъ того, что ты — женился... Негодный человѣкъ! да отвяжешься ли ты? — «Ха, ха, ха! такъ ты все знаешь; такъ прости жъ...» И я, уже ни слова не отвѣчая, бросился отъ него къ своему домино, предавая проклятію всѣхъ досадчиковъ въ свѣтѣ. — Ахъ, сударь! говорите какъ можно тише, прервала моя незнакомка, крича мнѣ страннымъ голосомъ: я боюсь, чтобъ насъ не узнали. Мнѣ сказали, продолжала она, наклонясь мнѣ на ухо, что мужъ мой будетъ здѣсь переодѣтый такъ странно, что его нельзя узнать. Я не понимаю, что это за намѣреніе, только оно для насъ не совсѣмъ безопасно; но мы хорошо сдѣлаемъ, если скорѣй отсюда выѣдемъ.» — Да чего жъ вамъ бояться? отвѣчалъ я; развѣ мужъ вашъ знаетъ въ какомъ вы платьѣ? — О! конечно, нѣтъ; это было бы дурачество съ моей стороны; но со всѣмъ тѣмъ у нашихъ мужей, въ такихъ обстоятельствахъ, насъ бываетъ иногда очень некстати чутокъ... — «Продолжай, любезный другъ, продолжай, говорилъ мнѣ кто-то на ухо, желаю тебѣ веселыхъ часовъ.» — Я оборотился посмотрѣть кто это, и увидѣлъ моего докучливаго дьявола въ полпьяна, который не отставалъ отъ меня. Вообразите мое бѣшенство, я хотѣлъ уже съ нимъ браниться, какъ онъ прервалъ рѣчь мою въ самомъ началѣ: «Не безпокойся, говорилъ онъ, я тебѣ не хочу мѣшать. Ахъ! уже лѣтъ пять, какъ я сталъ скроменъ, что никому не мѣшаю въ любовныхъ дѣлахъ, и мое сердце...» — Если оно у тебя хорошо,

такъ ты долженъ меня оставить... — «Признайся, что это грубо, отвѣчалъ онъ; но влюбленному я все прощаю. Прости жъ, мы скоро увидимся. Мнѣ очень хочется узнать, счастливо ли ты кончишь свое приключеніе?» Послѣ того онъ скрылся отъ меня въ толпу мазокъ и я его не видалъ болѣе. Если всѣ дьяволы такъ умѣютъ мучить, сказалъ я съ досадою, то надобно признаться, что адъ ужасенъ! — Поѣдемъ отсюда, любезный Вертушкинъ, говорила незнакомка, за нами, можетъ быть, присматриваютъ, и мы очень хорошо сдѣлаемъ, если убѣжимъ отъ глазъ любовныхъ дозорщиковъ. — Я вашего мнѣнія. — Мы тотчасъ оставили маскарадъ, и я, посадя ее въ свою карету, велѣлъ скакать ко мнѣ домой. — Теперь-то уже ничто не помѣшаетъ мнѣ владѣть моею Еленою, думалъ я самъ про себя. Увы! любезный читатель, ты увидишь захотѣла ли судьба оправдать это радостное восклицаніе.

Съ нетерпѣніемъ подъѣзжаю я къ дому. «Развѣ ты уже перемѣнилъ свою квартиру? — спрашивала меня моя любезная незнакомка. — Вы это все тотчасъ узнаете отвѣчалъ я — и въ ту минуту вхожу съ нею въ комнату. Мы скидаемъ наши маски; намъ подаютъ свѣчи, и... о небо! кого бы, думаете вы, увидѣлъ я въ моей комнатѣ, — того самаго дьявола, который не давалъ мнѣ отдыха во весь маскарадъ; онъ спалъ безъ маски, сидя въ комнатѣ у меня, на канапѣ. Я оборотился къ моей незнакомкѣ и еще болѣе смутился, увидя ея положеніе: она смотрѣла съ ужасомъ то на меня, то на злаго нашего духа; глаза ея помутились; она начала блѣднѣть; я уже хотѣлъ позвать на помощь, какъ она сказала тихонько, трепеща: — Ахъ сударь! я вижу, что я обманута и прощаю вамъ все; только ради Бога не кричите: это мой мужъ!... О небо! какъ я обманута! и бѣдная краса-

вица, конечно, упала бы въ обморокъ, если бы не случился близъ нея стулъ; въ самую ту минуту проснулся нашъ злой духъ, который, кажется, заклятъ былъ адомъ не давать намъ покоя.

«Ба, да ты уже дома, любезный Міробродъ! Признайся, что я сдержалъ свое слово и не замедлилъ обрадовать тебя своимъ посѣщеніемъ. Только этотъ маскарадъ и вино дьявольски вскружили мнѣ голову! Ну, скажи же мнѣ, какъ кончилъ ты свое приключеніе? Ба! да что я вижу! продолжалъ онъ, протирая глаза — это кто съ тобою?

Обмана (весело). Капитанъ Хватовъ къ вашимъ услугамъ, который, въ арміи получа письмо, что сестра его вышла за-мужъ за г. Тратосила, пріѣхалъ сюда ее видѣть.

Тратосилъ. Чортъ меня возми! если сегодняшній вечеръ для меня не самый счастливый. — Да знаете ли вы его въ лицо? —

Обмана. Совсѣмъ нѣтъ; и для того-то (указывая на меня) я прислъ напередъ моего пріятеля, чтобъ онъ со мною къ нему поѣхалъ. —

Тратосилъ. Это я, любезный Хватовъ, это я, твой зять. Только чортъ меня возьми — ты такъ похожъ на твою сестру, что я бы въ состояніи былъ надѣлать большихъ дурачествъ, если бы, къ чести вашего и нашего дома, не зналъ, что это вторая Лукреція.

Послѣ того они зачали крѣпко обниматься и строить другъ другу тысячи привѣтствій. О женщины! говорилъ я тихонько, чье перо въ состояніи хотя слабо списывать всѣ тѣ обманы, которые пылкое воображеніе вамъ изобрѣтаетъ въ минуту? Но станемъ продолжать нашъ разговоръ.

Тратосилъ. И-такъ скажи жъ, мой любезный Хватовъ, на долго ль ты здѣсь?

Обмана. Я отпущенъ на 29 дней, и уже срокъ мо-

ему отпуску такъ близокъ, что мнѣ должно черезъ день неотмѣнно выѣхать. Я хотѣлъ только увидѣть васъ и мою сестру; ибо мнѣ изъ деревни писали, что вы поѣхали сюда въ городъ, и для того я прямо изъ арміи пустился сюда.

Тратосилъ. О! мы еще съ тобою успѣемъ въ это время опорожнить бутылокъ дюжины двѣ, три шампанскаго. И, чортъ меня возьми! намъ надобно крѣпко познакомиться: я думаю, что мы рождены другъ для друга.

Обмана. О! я того же мнѣнія, и потому-то вы позволите мнѣ обходиться съ вами безъ чиновъ.

Тратосилъ. Да, да, безъ чиновъ! Поѣдемъ же къ вамъ на квартиру, и если у васъ есть хоть бутылка чего выпить, то мы такъ плотно познакомимся, что вѣчно останемся друзьями.

Я. Перестань, любезный Тратосилъ, ты видишь, что онъ ослабѣлъ: ему нуженъ покой.

Обмана. Это правда, я очень много ходилъ. (Мнѣ, тихо) Ради неба скажите своей каретѣ, чтобъ она со мною ѣхала. (Я въ ту же минуту исполнилъ ея волю).

Тратосилъ. (Мнѣ, взявъ Обману за руку). Ну такъ поѣдемъ же къ нему, любезный другъ, уложимъ его въ постель, спросимъ пуншу и просидимъ у него всю ночь: намъ не меньше отъ того будетъ весело...

Я. Развѣ не можешь ты въ другое время?

Тратосилъ. Нѣтъ. Я такъ радъ, что не хочу ни минуты тратить, притомъ же, я таковъ, что меня иногда въ годъ не заманишь. И-такъ, надобно ловить меня въ ту минуту, когда расположенъ я гдѣ быть, если не хочешь упустить меня года на два.

Обмана. Но теперь, любезный другъ, я такъ утомленъ маскарадомъ, что не въ силахъ васъ угостить. Этотъ проклятой маскарадъ!...

Тратосилъ. О, этотъ маскарадъ-бичъ на молодыхъ

людей, и потому-то жена моя никогда ихъ не любитъ. Посмотрѣлъ бы я, какъ бы ее кто вздумалъ заманить въ маскарадъ? Она прочтетъ столько правоученій, наскажетъ столько изъ печатнаго... О! твоя сестрица настоящій проповѣдникъ!.. Только знаешь ли ты, какъ она на тебя похожа: если бъ мы не ждали тебя сюда и если бъ не разсказывала она мнѣ часто, что ты на нее похожъ, то я бы, ей, ей, надѣлалъ такихъ шалостей... Но что же, мы ѣдемъ?

Обмана. (Улыбаясь) Ко мнѣ право нельзя.

Тратосилъ. Понимаю, ты, вѣрно, здѣсь зажилъ семьянином; но я, право, не строгъ; а впрочемъ, когда нельзя къ тебѣ, такъ поѣдемъ ко мнѣ.

Обмана. (Про себя) Новое несчастіе! — Какъ, въ эту пору! Нѣтъ, я не хочу встревожить безмѣрною радостію печальную мою сестру.

Тратосилъ. Ничего, ничего! Это предобродѣтельная женщина: ее десять такихъ шалуновъ, какъ мы, не обезпокоятъ, и она ихъ цѣлую бесѣду, право, философски вытерпитъ.

Обмана. О я никогда не соглашусь!

Я. Оставь его; развѣ нельзя это отложить до завтра?

Тратосилъ. Ни подъ какимъ видомъ; или онъ ко мнѣ, или я къ нему ѣхать непремѣнно долженъ.

Обмана. Ну такъ поѣдемъ же къ тебѣ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ до завтра не говорить обо мнѣ ни слова сестрицѣ.

Тратосилъ. Охотно; только ты ночуй у меня.

Обмана. Да, ты точно меня обманешь?

Тратосилъ. Божусь что нѣтъ; и, для увѣренія, я лягу съ тобою передъ спальнею въ одной компатѣ; мы и будить ее не станемъ.

Обмана. Это прекрасно вздумано!

Тратосилъ. О, когда дѣло пошло на хитрости, то я

подлинно дьяволъ. А поутру, когда она будетъ меня бранить, что я вздумалъ ее оставить, то, чтобъ утишить ея гнѣвъ, я ей тебя представлю.

Обмана. Это прекрасно! Поѣдемъ же. Я такъ усталъ, что, думаю, кампемъ упаду въ постель, и желалъ бы уже теперь быть у тебя. Да какъ далеко отсюда до вашего дома?

Тратосилъ. На самой П..... площади.... Что ты вздыхаешь?... въ домѣ... D...

Обмана. Ахъ! любезный другъ, подлѣ самаго этого дома у меня заведена любовная интрига...

Тратосилъ. Очень кстати теперь о любви. — Поѣдемъ скорѣе ко мнѣ...

Въ ту минуту они сѣли въ карету Тратосила и, пожелавъ мнѣ доброй ночи, уѣхали домой.

Вообрази, любезный читатель, мое бѣшенство: кажется, судьба нарочно для того подсунула мнѣ подъ носъ любовное приключеніе, чтобы послѣ надо мною подшутить. При всей своей досадѣ, я очень желалъ знать, какъ выпутается изъ этихъ хлопотъ моя прелестная незнакомка? Тысячи безпокойныхъ мыслей мучили меня; въ первый разъ постель моя показалась мнѣ пустынею. — Таковы-то всѣ мои предпріятія! вскричалъ я съ досадою; нѣтъ ни одного дѣла, которое бы кончилось такъ, какъ я имъ располагаю. На что жъ мнѣ жить болѣе? При такихъ отчаянныхъ словахъ, вознамѣрился я умереть; а чтобы сдѣлать это спокойнѣе, то я раздѣлся, надѣлъ колпакъ, легъ въ постель, взялъ, вмѣсто ножа, Одохватову оду и только-что наставилъ ее на глаза, какъ зрѣніе мое померкло, руки опустились, ноги протянулись, — и я захрапѣлъ въ одну минуту.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ДРУЖЕСТВѢ.*

Во всѣ времена дружество почитали изъ числа первыхъ благъ въ жизни. Это чувствованіе раждается вмѣстѣ съ нами. Первое движеніе сердца состоитъ въ томъ, чтобы искать соединиться съ другимъ сердцемъ, и между-тѣмъ цѣлый свѣтъ жалуется, что нѣтъ друзей. Съ начала міра, всѣ вѣка вмѣстѣ, едва-едва произвели три или четыре примѣра совершеннаго дружества. Но если всѣ люди согласны, что дружество прелестно, почему же не ищутъ наслаждаться этимъ благомъ? Не есть ли это заблужденіе слѣпаго человѣчества и слѣдствіе развращенія его желать блаженства, имѣть его въ своихъ рукахъ — и убѣгать его?

Выгоды дружества блистательны сами собою; вся природа единогласно подтверждаетъ, что онѣ пріятнѣйшія изъ всѣхъ благъ земныхъ. Безъ дружества жизнь теряетъ свои пріятности; человѣкъ, оставленный самому себѣ, чувствуетъ въ своемъ сердцѣ пустоту, которую одно дружество наполнить можетъ. Отъ природы заботливый и безпокойный, въ нѣдрахъ дружества онъ утишаетъ свои чувствованія.

Какъ полезно пристанище дружбы! она охраняетъ отъ коварства людей, которые почти всѣ непостоянны, обманчивы и лживы. Первое достоинство дружбы есть вспомоществовать добрымъ совѣтомъ. Сколько бы ни разсудителенъ кто былъ, но всегда нуженъ провод-

* Изъ Зрителя, 1792 года.

никъ. Не должно безъ опасенія ввѣряться своему собственному разуму, котораго страсти наши заставляютъ часто говорить по ихъ волѣ.

Древніе познали все благо любви; но ихъ описанія о дружествѣ такъ огромны, что скорѣе можно почесть ихъ за прекрасную выдумку, которой нѣтъ въ природѣ. Кажется, они худо знали свойства человѣка, когда думали прельщать его такими описаніями и заставлять искать дружбы, такъ богато раскрашенной ими; они какъ-будто забыли, что человѣкъ болѣе склоненъ удивляться великимъ примѣрамъ, нежели имъ послѣдовать. Но болѣе ли теперь умѣли познать дружество? Къ стыду нашего вѣка, кажется, признаютъ, что дѣлить съ другомъ своимъ имѣніе свое, есть высшая степень дружества и величайшее ея усиліе. Но люди, которые такъ разсуждаютъ, не изъявляютъ ли этимъ одно развращеніе нравовъ нынѣшняго времени, алчность и привязанность свою къ богатству? И способны ли они чувствовать дружество? Въ такихъ описаніяхъ желая дать почувствовать цѣну дружества, они изображаютъ не дружество, но свое корыстолюбіе. Главнѣйшая выгода дружества состоитъ въ томъ, чтобъ въ другѣ своемъ найти образецъ добродѣтелей. Намъ всегда лестно пріобрѣтать почтеніе любимой особы, и это-то желаніе заставляетъ насъ послѣдовать добродѣтелямъ, которымъ мы въ ней удивляемся.

Сенека совѣтуетъ другу своему выбрать почтеннѣйшаго между людьми, поступать всегда, какъ-будто бъ былъ въ его присутствіи и давать ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ: этотъ великій человѣкъ, этотъ судья нашихъ дѣяній, есть нашъ другъ; никто столько за насъ не отвѣчаетъ намъ самимъ, никто не оправдываетъ насъ столько въ глазахъ общества, какъ другъ почтенный. Намъ непростительно быть несовершенными въ

его глазахъ, и потому никогда не видно порочнаго въ дружествѣ съ добродѣтельнымъ. Непріятно видѣть, того, кто судитъ и обвиняетъ насъ безпрестанно. Надобно прежде быть хорошо увѣреннымъ въ безпорочности своего сердца и правилъ, если хочешь выбрать себѣ друга. Выбирая друга, мы избираемъ себѣ судью. Можетъ ли порочный отважиться на такой выборъ, и выборъ этотъ не принадлежитъ ли одной добродѣтели?

«Я боюсь,» говорилъ Плиній, лишась своего друга, «боюсь, чтобы мнѣ не ослабѣть въ пути добродѣтели: я уже потерялъ моего проводника и свидѣтеля моей жизни.» Дружество по необходимости заставляетъ насъ быть добродѣтельными; оно не можетъ храниться иначе, какъ между людьми почтенными *; и тотъ, кто желаетъ сохранить дружество, долженъ стараться подражать въ добродѣтели своему другу. И-такъ, съ дружбою сопряжены и полезные совѣты и возбужденіе послѣдовать добрымъ примѣрамъ; другъ съ нами дѣлитъ наши печали, помогаетъ намъ въ нашихъ нуждахъ, не побужденный ни просьбою, ни корыстью ни искательствомъ. Разсмотримъ же теперь истинное свойство дружества, по которому бы можно было познавать его.

Первое достоинство, которое должно сыскивать въ другѣ, есть добродѣтель; она-то увѣряетъ насъ въ немъ, что онъ способенъ къ дружеству и достоинъ его. Не надѣйся ни на какія обязательства, какъ-скоро они не утверждены на этомъ основаніи. Въ наше время не выборъ, но нужды соединяютъ людей; и потому-то нынѣшнее дружество такъ же скоро кончается, какъ и начинаетъ; дружатся безъ разбору и ссорятся не раздумывая: ничто такъ не презрѣнно. Худой вы-

* Чрезъ слово почтенный, не разумѣю я чиновный, такъ-какъ многіе очень неправильно принимаютъ эти слова за синонимы.

боръ оказываетъ или дурное сердце или дурной разумъ. Умѣй выбрать себѣ друга изъ тысячи: ничто столько не важно, какъ такой выборъ, ибо отъ него зависитъ наше благополучіе. Подумай, что насъ судятъ по нашимъ друзьямъ. Выбрать друга, значитъ дать обществу свой образъ мысли и открыть свое сердце. Всякой бы трепеталъ, если бы размыслилъ, какъ важно признать кого своимъ другомъ. Хочешь ли быть почтенъ, — обращайся съ людьми почтенными. Надобно хорошо распознать человѣка, прежде нежели войти съ нимъ въ обязательства. Первый знакъ, могущій увѣрить, что выбранный достоинъ дружества, есть добродѣтель; потомъ должно, чтобы выбираемый другъ былъ свободенъ и не подверженъ страстямъ, не одержимъ гордостью и надменіемъ, которые неспособны къ такимъ чувствованіямъ, а еще менѣе тѣ, которые окованы узами любви: любовь похищаетъ всю цѣну дружества; она есть страсть жестокая, а дружба — ощущеніе пріятное и спокойное. Любовь напояетъ душу нѣкоторымъ восторгомъ радости, за которою нерѣдко слѣдуетъ жестокое сокрушеніе; но дружба есть наслажденіе разсудка всегда чистое и всегда одинаковое; ничто не можетъ его перемѣнить, ни ослабить; оно питаетъ душу, и время не сокрушаетъ, но подкрѣпляетъ его.

Занимающіеся исканіемъ почестей также не способны къ этому чувствованію: они болѣе ищутъ богатствъ, нежели дружества; въ дружествѣ не менѣе нужны чистые нравы. Тотъ подвергается великой опасности, кто вступаетъ въ дружбу съ человѣкомъ развращеннаго поведенія.

Я думаю также, что чрезмѣрная молодость неспособна къ наслажденію совершеннымъ дружествомъ. Мы видимъ много молодыхъ людей, которые назы-

ваются друзьями и думаютъ, что это истина; но ихъ связываютъ однѣ забавы; а забавы не есть узы, достойныя дружества. «Мы въ лѣтахъ, приличныхъ дружеству,» говоритъ Сенека своему другу: «сильнѣйшія страсти въ насъ угасли, остались одни пріятныя: и мы будемъ наслаждаться забавами дружества.» Но разсмотримъ обязанности дружбы.

Три времени находятся въ дружбѣ: начало, продолженіе и конецъ. Какъ всякое начало дружества наполнено чувствованіями, то все наполнено забавою при раждающемся дружествѣ; но часто случается, что вкусъ притупляется привычкою, очарованіе исчезаетъ, и тогда уже должно поддерживать дружество по разсужденію, — подпора всегда слабая. Въ дружбѣ, какъ въ любви, должно щадить чувства и вкусъ отъ притупленія; такая предосторожность полезна. Но кто можетъ воздержаться отъ утѣшенія невиннаго и позволеннаго? И-такъ, должно утверждать дружество на крѣпчайшемъ основаніи. Почтеніе, подкрѣпляемое знаніемъ достоинствъ, — вотъ основаніе, которое никогда не можетъ поколебаться! Любовь пишется съ завязанными глазами; но у дружества снимается эта завязка: дружество разсматриваетъ прежде, нежели избираетъ, и привязывается къ однимъ достоинствамъ особы; потому-что тѣ только достойны быть любимы, которые въ себѣ самихъ заключаютъ причину, побуждающую ихъ любить.

Сдѣлавъ добрый выборъ, надобно на немъ утвердиться и имѣть къ своему другу постоянное почтеніе, основанное не на однихъ чувствахъ, но на разсужденіи; ибо чувства могутъ охладѣть, и тогда почтеніе, сопряженное съ справедливостію, только остается непремѣннымъ. Не надобно позволять себѣ цѣпить слабости въ своемъ другѣ, а еще менѣе говорить объ

нихъ; должно почитать дружбу. Но какъ она дана намъ для того, чтобъ быть помощію добродѣтели, а не участвовать въ порокахъ, то должно предостерегать, когда другъ твой уклонится съ пути добродѣтели; если онъ упрямствуетъ, вооружись властію и силою, которую подаютъ премудрые совѣты и чистота добрыхъ намѣреній.

Не думай, что, по окончаніи дружбы, ты ей уже ни чѣмъ не обязанъ: тебѣ остается исполнить труднѣйшія обязательства, и въ которыхъ одна только честь можетъ тебя поддержать; къ старому дружеству должно хранить почтеніе.

Нѣкоторые думаютъ, что смерть разрушаетъ всѣ обязательства; и малое число людей умѣетъ быть друзьями умершихъ. Великолѣпнѣйшее украшеніе на нашихъ похоронахъ — слезы нашихъ друзей, а пріятнѣйшая намъ гробница — ихъ сердца. Не думай, однако жъ, чтобъ слезы, проливаемыя только на погребеніи твоего друга, были послѣднимъ знакомъ твоей къ нему горячности: ты еще остаешься обязаннымъ ихъ имени, славѣ и дому; онъ долженъ жить въ твоемъ сердцѣ, въ твоемъ воспоминаніи, въ твоихъ устахъ похвалами и въ твоихъ поступкахъ подражаніемъ его добродѣтелямъ.

Вотъ правила, вотъ образецъ дружества, начертанный на моемъ сердцѣ самою природою! И я тогда только почту себя несчастливымъ, когда сердце мое охладѣетъ къ столь благороднымъ чувствованіямъ, когда дружество меня оставитъ и свѣтъ претворится для моего сердца въ пустыню.

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ

ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ,

ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМЪ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕГО ПРІЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУНШУ. *

Любезные слушатели!

Сегодня минулъ ровно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ этотъ точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другаго, а міръ между-тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и, наконецъ, оба умерли одинакою, славною смертью.

Со всѣмъ тѣмъ, дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его; потому-что, хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что послѣ нее, покой-

* Изъ Зрителя, 1792 года.

никъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ, и если бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы, и не должно ли возвеличить память его, какъ память дворянина, который служилъ примѣромъ нашему окольному дворянству.

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ, нѣтъ; это было одно изъ послѣднихъ его дарованій; но онъ, кромѣ этого дарованія, имѣлъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату, дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два, три, съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на всякаго изъ нихъ, мы заключали, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы, — но какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ великолѣпные свои пиры созидалъ изъ ничего. Но я примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядка, который я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни на-

шего героя: этимъ средствомъ мы не потеряемъ ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, которымъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто такъ человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата, дворянина: это знакъ ея лѣпости и нераченія. Такъ, государи мои! И если бы эта природа была существо, то ей очень было бы стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи, — тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Не уже ли же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надле-

жало намъ родиться. По какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять недостатки природы и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного рода съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству — вотъ что̀ дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простаго народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а этимъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы; ибо болѣе трехъ сотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до теперешняго времени прибавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя ни мало своего достоинства. Наконецъ, появился нашъ герой Звенигловъ; онъ еще не зналъ, что̀ онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія; и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши свой кормилицѣ. — Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь, его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать, по этому можно отгадать, что онъ благородной крови. — Старикъ часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу, или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что онъ окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще неприличнѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собаку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отъ чего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звениголовъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первый разъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила ему руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя его обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Какъ сердце въ немъ ни кипѣло, но онъ боялся сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой! сказалъ безпримѣрный его родитель, развѣ мало около тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Сабака, вѣдь, не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть не разъѣвая рта, какъ разумную тварь.»

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодаго героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, поводомъ которыхъ было наставленіе его отца; онъ изыс-

кивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и хотѣлъ сдѣлать ихъ такъ же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ искалъ причины, отъ чего первые имѣютъ болѣе дерзости огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивый отецъ изъ такихъ разсужденій его сына заключилъ, что время уже начать его воспитаніе и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ въ-запуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому-то послѣднею страницею букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. «Этой грамоты для тебя довольно, говорилъ онъ ему; стыдись знать болѣе: ты у меня будешь баринъ знатный, такъ не пристойно тебѣ читать книги.»

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги почитать за моровую язву; ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ, это одно твореніе, которое спискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи; правда, онъ и его не читалъ, но и никогда не спускалъ съ своего камина. «Прочти только это, говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки, прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума нежели въ моей гнѣдой лошади. О, Руссо великій человѣкъ! продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненіи: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю новой Элоизы.

Наконецъ время наступило записать его въ службу, и рѣдкій родитель его, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе: «Помни, любезный сынъ, говорилъ онъ ему, что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ, и потому береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службѣ тратить свое здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжалованну, а объ остальномъ не пекись. Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то есть, не выходи изъ передней знатныхъ; болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколько ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ,» и послѣ того онъ наградилъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дня послѣ его отъѣзда отецъ кончилъ свою знаменитую жизнь.

Герой нашъ, хотя и высоко цѣнилъ наставленія своего родителя, но благородная его душа не охотно приняла послѣднія, или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ служить, но не хотѣлъ также и состарѣться въ передняхъ; эти два правила поссорили его съ двумя его дядюшками и со службою и сдѣлали философомъ. Суеты большаго свѣта скоро ему наскучили, онъ видѣлъ, что куда ни приходилъ онъ, то или онъ зѣвалъ,

или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность, — эти два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзда его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя такую знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы знакомства съ первыми домами; но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности, и часто, подъ вечерокъ, изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ: онъ терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы, честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяю я, соблазнился бы примѣрами большаго свѣта и увлекся его суетами, но онъ равнодушно слушалъ, что такой-то его сверстникъ пожалованъ, тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не была тронута великая его душа и онъ, зѣвая, стоически слушалъ такія новости. «Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется, говаривалъ онъ; довольно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. «Все суета сует!» такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

По этому вы можете заключить, милостивые государи, что общество его было хотя не пышное, но

весьма веселое. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но, обыкновенно, первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество; и это дружество не было скучное, заведенное лѣтъ на пять, нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе домы, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта: ему довольно было и того, что имя его знали наизустъ во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума, нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ, и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полунагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической философіи.

Всякой бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, всякой бы пришелъ въ отчаяніе, но онъ не поколебался ни мало и, сидя до-

ма, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію. «Что будетъ, то будетъ!» говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила за его къ ней довѣренность. Тогда-какъ, казалось, онъ былъ оставленъ всѣмъ свѣтомъ; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ эти несчастія собрались вокругъ него, тогда родной его дядя — славный своею экономіею, которую храня, 20 лѣтъ уже не ужиналъ, наконецъ вздумалъ и не обѣдать — оставилъ въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало его надменнымъ; ни мало: въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ, кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, чтобы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одного

своего занмодавца. Можетъ быть, по скромности его, ему нравился также Французскій обычай уходить не простясь; ибо достовѣрнѣйшіе маркеры свидѣтельствуютъ, что, когда только могъ, онъ уходилъ изъ трактировъ по-Французски, при всемъ томъ, что ему за это очень убѣдительно пѣняли.

Наконецъ, онъ удалился отъ городскаго шума и вступилъ въ новое поприще, для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Только-что онъ появился здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ, набравъ многочисленную армію псовъ и, наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ истребить весь заячій родъ, — и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они лучше хотѣли бы кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и шайку тунеядцевъ-охотниковъ, что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ, но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь этихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ Римлянамъ; а чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ не чѣмъ было засѣвать полей. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ. Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. «Скажи, спрашивалъ у него нѣкто, не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ

крестьянъ, и не смѣшенъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?» — Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой, я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли; они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе. —

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда–нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечемъ чрезъ многія государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ ихъ намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ; но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно, какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули отъ умиленія, почтенныя ихъ головы лежатъ какъ прекрасныя бухарскія дыни вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный мой другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, виноловину съ окунутымъ въ сидову носомъ. Вернись,

если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ подпола на твоихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти, и пусть покосятся на тебя завистливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлона привилегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

РѢЧЬ,

ГОВОРЕННАЯ ПОВѢСОЮ ВЪ СОБРАНІИ ДУРАКОВЪ. *

Милостивые государи!

Когда, простой памяти, предки наши оставили намъ въ наслѣдство пріятную способность дѣлить время съ лошадьми и собаками, воображали ли они, что это дарованіе, которое одно мѣшало имъ зѣвать во всю ихъ жизнь, не зажимая рта, будетъ осмѣяно нѣкоторыми безпокойными головами, и что ихъ прилипчивая система — жить поджавъ руки, или, если позволятъ мнѣ такое смѣлое выраженіе, система ихъ — жить поджавъ умы, найдетъ дерзкихъ сатириковъ, которые осмѣлятся доказывать, на-перекоръ модному разсудку, что человѣку большаго свѣта нужно имѣть разумъ не для злословія, вкусъ не для кафтана и сердце не для волокитства? Но, государи мои, къ стыду нашего вѣка, это дѣлается, и когда жъ? тогда, какъ просвѣщеніе взошло у насъ на высшую степень; когда почувствовали мы, что природа, сотворяя человѣка, не могла избѣжать нѣкоторыхъ погрѣшностей; когда, желая замѣнить ея недостатки, обрѣзали мы станъ его цѣлою четвертью, привязали къ нему подъ шею жабо, причесали голову его анкроше, словомъ: показали, каковъ бы онъ долженъ быть созданъ, если-бы изъ рукъ природы вышелъ по совѣту премудрыхъ

* Изъ Зрителя, 1792 года.

Французовъ. Но приступимъ подробнѣе къ исторіи нашего модпаго просвѣщенія, чтобы тѣмъ яснѣе доказать грубость сатиры и возбудить въ сердцахъ вашихъ благородную ревность — переломать сатирикамъ руки и ноги.

Мода уже давно съ справедливою завистью видѣла, что науки обращали на себя вниманіе нашихъ одноземцевъ и угрожали изъ всего государства сдѣлать одну академію. Сожалѣя о погибающемъ человѣчествѣ, болѣе же всего сожалѣя о бѣдныхъ женщинахъ, которыя бы должны были зазѣваться до смерти подлѣ своихъ мужей или любовниковъ, слушая ученыя ихъ разсужденія, эта мода принуждена была войти къ намъ украдкою и ввести сюда своихъ первыхъ рачителей, Французовъ, которые, дѣлая намъ честь, оставляли для насъ въ своемъ отечествѣ достоинство Французскихъ водоносовъ и разпошиковъ, чтобы образовать наши нравы и обычаи. Они-то изъ медвѣдей сдѣлали насъ людьми; они-то показали намъ необходимость перемѣнять въ годъ по пятидесяти кафтановъ; они-то открыли намъ ключъ, что удачнѣе можно искать счастія съ помощію портнаго, парикмахера и каретника, нежели съ помощію профессора философіи; они-то, наконецъ, науча насъ танцовать, открыли намъ нужную для свѣтскаго человѣка тайну, что ученыя ноги въ большомъ свѣтѣ полезнѣе ученой головы.

Не подумайте, милостивые государи, что языкомъ моимъ управляетъ пристрастіе, нѣтъ; безъ самолюбія скажу, что я въ этомъ случаѣ философъ и люблю всѣ націи, выключая моего отечества. И-такъ, говоря о просвѣщеніи, нельзя умолчать мнѣ объ Англичанахъ: имъ-то обязаны мы искусствомъ изъясняться съ Англійскими лошадьми и превращать грубыхъ нашихъ крестьянъ въ стальныя пуговицы и пряжки; ихъ-то

скромный кафтанъ и Французская вѣтреность составляютъ нѣчто неподражаемое изъ нашихъ модныхъ господчиковъ, которые одни имѣютъ великое дарованіе соединять въ себѣ благородную вѣтреность Французскихъ парикмахеровъ и философскую важность Англійскихъ конюховъ.

Съ какимъ ужасомъ, государи мои, вспоминаю я то время, когда у насъ молодой человѣкъ при первомъ словѣ былъ видѣнъ, какъ далекъ онъ въ невѣжествѣ. Должно было или учиться, или опасаться посмѣянія и самаго презрѣнія; должно было проводить время въ кабинетѣ, вмѣсто того, чтобы съ удовольствіемъ убивать его въ кофейныхъ домахъ; должно было читать книги, полезныя... Но, любезные слушатели, я примѣчаю, что отъ одного напоминанія о такомъ варварскомъ времени вы зѣваете и многіе чувствительнѣйшіе изъ васъ патріоты зазѣвались бы до слезъ, еслибы продолжалъ я такое жалкое описаніе; но оставимъ его; это время уже прошло. Теперь молодой человѣкъ, желающій слыть ученымъ, не имѣетъ большой нужды въ грамотѣ: за недостаткомъ своего ума, можно имѣть у себя на полкахъ тысячи чужихъ умовъ, переплетенныхъ въ сафьянъ и въ золотомъ обрѣзѣ, а этого уже довольно, чтобы перещеголять своею славою лучшаго академика.

Но чѣмъ не обязаны мы счастливому нашему просвѣщенію! Еслибъ вздумалъ я описывать всѣ въ немъ выгоды, то рѣчь моя была бы длиннѣе всѣхъ предисловій Т... вмѣстѣ; она бы показалась пространнѣе комедіи *Мнимаго Детуша*, которая въ своемъ пространствѣ столько неизмѣрима, что въ ней ученый свѣтъ не находитъ ни начала, ни конца; она бы показалась протяжнѣе романа *Антирихардсона*, котораго долготерпѣливѣйшіе читатели не дочитывались до половины.

По мѣ̀ ли, государи мои, съ слабыми моими силами, прилично говорить о пользахъ моднаго просвѣщенія? Эта матерія такъ неисчерпаема, какъ древніе авторы, которые перераждаются подъ рукою нашихъ молодыхъ писателей, какъ Протей, въ тысячѣ разныхъ видовъ, одинъ одного хуже. Довольно и того, если доказалъ я, что модное просвѣщеніе взошло у насъ на высшую степень, и, въ подтвержденіе этого, стоитъ только вамъ взглянуть другъ на друга, чтобъ видѣть истину моихъ доказательствъ и почувствовать выгоду вашего состоянія, приманчиваго для человѣка, которое одно только можно поддержать, не имѣя ни ума, ни сердца.

Были дерзкіе писатели, которые утверждали, что петиметры ниже человѣка, и причисляли ихъ къ числу животныхъ. Безумные! они не примѣтили, что такимъ заключеніемъ дѣлали нашу славу. Такъ, государи мои! согласимся, что петиметръ не человѣкъ; но если онъ скотъ, то, конечно, умнѣе всякой скотины, не выключая и самой обезьяны. И-такъ, не лучше ли быть первымъ между скотами, нежели послѣднимъ между людьми; а это-то лестное первенство получили мы въ нынѣшній вѣкъ; и оно-то посѣяло ядъ зависти въ безпокойныхъ сердцахъ и вооружило на насъ сатиру, или, лучше сказать, пасквиль, покушающійся сдѣлать жалкимъ щеголя въ большомъ свѣтѣ, гдѣ играетъ онъ первое забавное лице. Этотъ пасквиль желаетъ разрушить наши труды тогда, какъ мы въ разборчивости платья и въ щегольствѣ превосходимъ самихъ женщинъ; этотъ дерзкій пасквиль, кажется, осмѣливается отнимать наше первенство и доказываетъ, что будто изъ человѣческой головы можно сдѣлать лучшее употребленіе, нежели то, чтобы давать ее Французу вечесывать анкроше, и будто голова не для того намъ дана, чтобы носить на ней Англійскую шляпку.

Вотъ, государи мои, причина, для которой собралось теперь наше почтенное общество! Надобно подавить въ самомъ началѣ дерзость; надобно доказать нашимъ противникамъ, что безъ хорошаго парикмахера и портнаго нельзя ни заслужить уваженіе публики, ни подружиться съ счастьемъ; что истинное достоинство состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть одѣваться по погодѣ и поддѣлывать свой тупей подъ Крымскія овчинки такъ же искусно, какъ Французы поддѣлываютъ мѣдь подъ золото.

Можетъ быть, нѣкоторые, возразятъ мнѣ, почему вооружаетесь вы на сатиру за то, что она нападаетъ на порокъ, не указывая ни на чье лицо?... Будто разсказывать дурачества разныхъ особъ не есть то же, что выставлять ихъ лица на посмѣяніе. Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены.

Когда описываю я сочинителя, который своими романами перебиваетъ у аптекарей торгъ сонными порошками, и который отважно передразниваетъ славнаго сочинителя Клариссы, или новой Элоизы, нужно ли тогда долго задумываться, чтобы въ неутомимомъ этомъ дразнильщикѣ угадать неустрашимаго Антирихардсона, члена, который дѣлаетъ собою украшеніе нашему обществу, стремится подражать авторамъ, не читая ихъ, и который всегда выигрываетъ у своего подлинника большинство томами, — нужно ли долго отыскивать его имя? Конечно, нѣтъ. И онъ имѣетъ неоспоримое право назвать на себя личностью всякую сатиру, гдѣ осмѣивается усыпляющій авторъ, хотя бы такое описаніе было сдѣлано и за сто лѣтъ до его рожденія. Не имѣетъ ли право вступиться за себя сіятельный Юла, какъ скоро описываютъ щеголя, который, какъ состарѣвшаяся въ невѣстахъ дувѣшка, про-

водитъ передъ туалетомъ двѣ трети своего вѣка, старается всѣмъ понравиться, и думаетъ, что о красотѣ его твердитъ весь городъ, между-тѣмъ, какъ едва примѣчаютъ, что онъ движется въ большомъ свѣтѣ? И много ли надобно трудовъ Одохватову на то, чтобъ доказать оскорбленіе стихотворной особы тамъ, гдѣ ругаются оды безъ стихотворства, стихи безъ остроты и безъ смысла, и когда упоминается стихотворецъ, который похвалами своими мучитъ героевъ болѣе, нежели Боало мучилъ своими сатирами Прадона и Котина; гдѣ говорится про оды, въ которыхъ не только красотъ, но и смысла всѣ академіи вмѣстѣ въ триста лѣтъ не отыщутъ; трудно ли, говорю я, Одохвату доказать, что тутъ разругана его особа? Нѣтъ, государи мои, стоитъ только ему выпуть первую свою оду — и самый скромный читатель согласится, что сатира мѣтила на него.

Взгляните на описаніе Тарантула, который разжился женою, поставя себѣ прекраснымъ правиломъ, что нѣтъ вреднѣе двухъ случаевъ: если у купца деньги, а у него жена на заперти, и который хочетъ переломать руки и ноги сочинителю за то, что тотъ издалъ описаніе его по-Русски, которое покойникъ ле Сажъ еще до рожденія его написалъ прекрасно по-Французски. Кто не узнаетъ въ немъ нашего милаго Тарантула? кто, имѣющій сердце и палку, не вооружится за его особу, какъ скоро увидитъ сочинителя, осмѣивающаго золотые рога? Если вамъ надобно подтвержденіе, что эта сатира на него, то самъ Тарантулъ выставитъ до двадцати доказательствъ, что, не обижая его, нельзя бранить рогатыхъ, хотя и онъ еще не всѣ доказательства знаетъ. Что жъ, если вступится въ это дѣло его жена? Какой бездны доказательствъ тогда ожидать мы должны! О! тогда-то, если только при-

говорятъ въ наказаніе пасквиланту рвать у него по волоску за всякое доказательство Тарантуловой жены, то въ два мѣсяца останется у него менѣе волосъ, нежели у усерднѣйшаго мусульманина.

И-такъ, не ясно ли видны ваши имена, когда дѣла ваши выставлены? и не достойно ли такое ругательство явнаго мщенія? Вооружимся же, государи мои, и поищемъ способовъ унизить дерзкихъ стариковъ! Отмстимъ и докажемъ, что если мы не въ силахъ отбраниваться перомъ, то кулаки, палки и брань есть такія словесныя въ нашихъ рукахъ орудія, которыми можемъ мы прогнать армію Цицероновъ.

При словѣ мщеніе нельзя не обратить мнѣ моей рѣчи къ любезному нашему Тарантулу и не отдать справедливость, что онъ подъ Французскимъ кафтаномъ носитъ Италіянское сердце и ни на чемъ не остановится, лишь бы отмстить тому, кто ему не милъ. Онъ въ состояніи сатирика своего вызвать на Англійскій бой головами и не задумается прибавить сучка четыре къ своимъ рогамъ только для того, чтобы раскроить ему черепъ на-двое. Вотъ примѣръ, которому если мы рачительно послѣдуемъ, то или наши непріятели смирятся, или насъ принудятъ смириться... Станемъ подражать Тарантулу и пусть похвала, которую я къ нему обращу, послужитъ намъ поощреніемъ, а ему наградою.

Онъ не подражалъ нѣкоторымъ слабымъ душамъ, которыя, увидя въ сатирѣ свое лице, или стараются исправить свои слабости или возвышаютъ пирамиды печатной бумаги и пишутъ сатиру на сатиру. Нѣтъ; едва ощупью по рогамъ узналъ онъ свой портретъ, какъ далъ клятву сломить голову сатирику, его типографщику и даже мастеровому у котораго покупаетъ онъ чернила; и если бъ страхъ, кончить свою исторію

въ смирительномъ домѣ, не удержалъ его, то онъ доказалъ бы, что и маленькое тѣло можетъ сдѣлать великое зло. Совсѣмъ тѣмъ это не привело его въ отчаяніе: онъ сталъ разсѣвать, какъ Бомаршевъ Базиль, зловредные на сатиру толки, и тамъ, гдѣ говорятъ о пуговицахъ, онъ доказываетъ, что обижается чье-нибудь лицо; тамъ, гдѣ бранятъ пьянство, онъ силится доказать, что оскорбляютъ честь; а тамъ, гдѣ осмѣиваютъ податливаго мужа, торгующаго рогами, онъ силится увѣрить, что оскорбляютъ добродѣтель и человѣчество; словомъ: сидя въ своей конурѣ, выдумываетъ онъ всевозможные кривые толки и ищетъ поссорить сатиру со всѣми честными людьми, когда она ссорится съ одними пороками. Онъ не смѣетъ явно выдавать такихъ толковъ, но, какъ скромный авторъ, не ставитъ имени у своихъ твореній, и читатель вздремавъ надъ его стихами, уже проснувшись угадываетъ, что это долженъ быть мнимый Детушъ; подобно и Тарантулъ нашъ, по дѣламъ своимъ, заставляетъ угадывать свою особу. Такъ точно разсерженный клопъ, едва примѣтный въ океанѣ веществъ, забивается въ маленькую скважину, пускаетъ вонь на своего непріятеля, котораго тѣломъ онъ питается, и имѣетъ дарованіе безпокоить носъ, не опасаясь быть замѣченнымъ. Онъ знаетъ, что его не иначе можно отыскать, какъ носомъ; и хотя всякій носъ можетъ до него довести, но и самой терпѣливый носъ въ двѣ минуты отступится отъ такихъ мучительныхъ поисковъ и оставитъ ему поле сраженія.

Вотъ, государи мои, примѣръ, которому должны мы послѣдовать, если хотимъ избавиться отъ ига сатиры. Дадимъ же себѣ слово переломать сильною рукою перья нашихъ непріятелей; и если уже воображеніе наше слабо сравниться въ выдумкахъ съ воображеніемъ ма-

ленькаго Тарантула, то хотя воспользуемся его совѣтами, которыми онъ въ своемъ родѣ перещеголяетъ Генлея.

И-такъ, вы, почтенные собратія, которые ощущаете себя въ сатирѣ, не будьте такъ слабы, чтобы признавать свои погрѣшности и стараться ихъ поправить, но, подражая Тарантулу, старайтесь мстить сатирикамъ, хотя бы авторъ и не думалъ о васъ: онъ уже вашъ открытый непріятель, когда бранитъ дурачества, и вы получаете право злословить его особу и побить самого его, если вамъ удастся. Однимъ словомъ: я признаю, что тотъ не членъ нашего общества, кто не палкою станетъ оправдываться и не кулаками доказывать истину; а тотъ будетъ нашимъ украшеніемъ, кто, ко всему этому, прибавитъ злословіе и вредные толки на сатирика. Можетъ быть, не станутъ насъ слушать; но за то какая слава и удовольствіе для насъ, если мы выиграемъ поле сраженія! Тогда мы будемъ дурачиться, какъ хотимъ; и если уже станутъ хохотать надъ нами наши современники, то по крайней мѣрѣ не будетъ мы одержимы страхомъ, чтобъ надъ нами смѣялись позднѣйшіе наши потомки; тогда то..... Но восторгъ меня объемлетъ и понуждаетъ хотя кратко изобразить то золотое время. Послѣдуя движенію моего духа и этимъ изображеніемъ, какъ самымъ пріятнымъ для васъ мѣстомъ, кончу мою рѣчь.

Тогда-то, говорю я, кокетка будетъ спокойно щеголять бѣлыми своими зубами и длинными волосами, не опасаясь, чтобъ напечатано было, что зубы ея искусно сдѣланы изъ слоновой кости, а волосы проданы ей молодымъ щеголемъ, котораго тетка, расточа все свое имѣніе, оставила ему въ наслѣдство одни только свои прекрасные волосы.

Тогда-то щеголь, не находя о себѣ ни строки, бу-

детъ имѣть удовольствіе мотать до-тѣхъ-поръ, пока не заставятъ его въ магистратской тюрьмѣ сличить приходъ съ расходомъ; тогда-то расчетистый Тарантулъ, который любитъ свою жену, какъ рыбакъ свою удочку, не будетъ опасаться, чтобъ безпокойный сатирикъ исчитывалъ сучки его роговъ и предостерегалъ бы молодыхъ людей отъ западни, которая старается ловить сердца, чтобы очистить имѣніе; тогда-то романы прилежнаго Антиришардсона будутъ спокойно лежать на полкѣ, не опасаясь, чтобы кто-нибудь ихъ бранилъ, выключая малаго числа неблагодарныхъ читателей, которые, не смотря на то, что автору своему бываютъ часто обязаны хорошимъ сномъ, имѣютъ безбожную привычку, проснувшись, бранить его перваго; тогда-то, наконецъ, всякій изъ насъ будетъ смѣло дурачиться, не опасаясь, чтобъ дурачеству, которое сдѣлалъ онъ въ Петербургѣ, стали смѣяться даже въ Московскихъ книжныхъ лавкахъ. Однимъ словомъ, тогда мы, читая древнихъ авторовъ, будемъ имѣть удовольствіе смѣяться ихъ дуракамъ и имѣть передъ ними то преимущество, что потомки наши не станутъ смѣяться надъ нами и не будутъ нашими именами бранить своихъ дураковъ.

МЫСЛИ

ФИЛОСОФА ПО МОДѢ,

ИЛИ

СПОСОБЪ КАЗАТЬСЯ РАЗУМНЫМЪ, НЕ ИМѢЯ НИ КАПЛИ РАЗУМА. *

— Любезные собратія! — такъ начинаетъ мой философъ, — уважая вашу благородную ревность казаться разумными въ большомъ свѣтѣ и въ то же время сохранять наслѣдственное прилѣпленіе къ невѣжеству, предпринялъ я быть вамъ полезнымъ и преподать способъ, лестный для нынѣшняго воспитанія, способъ завидный — *казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума.*

Намѣреніе такое удивитъ угрюмыхъ читателей и философовъ; можетъ быть, вы и сами почтете его страннымъ, уважая старинную пословицу: ученье свѣтъ, а неученье тма. Но кто ученъ? друзья мои. И когда самъ Сократъ сказалъ, что онъ ничего не знаетъ, то не лучше ли спокойно пользоваться намъ наслѣдственнымъ правомъ на это признаніе, нежели доставать его съ такими хлопотами, какихъ стоило оно покойнику, Аѳинскому мудрецу; а когда уже быть разумнымъ невозможно, то должно прибѣгнуть къ утѣшительному способу — казаться разумнымъ. Поставимъ себѣ въ примѣръ женщинъ, станемъ учиться у нихъ; у нихъ нѣтъ науки быть пригожею, но пригожею ка-

* Изъ Зрителя, 1792 года.

заться — вотъ одно искусство, надъ которымъ многія лѣтъ по семидесяти трудятся, и часто съ успѣхомъ.

Науки теперь въ такомъ же маломъ уваженіи, какъ здоровье. Быть дородною, имѣть природный румянецъ на щекахъ — пристойно одной крестьянкѣ; но благородная женщина должна стараться убѣгать такого недостатка; сухощавость, блѣдность, томность — вотъ ея достоинства. Въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ вкусъ во всѣмъ доходитъ до совершенства, и женщина большаго свѣта сравнена съ Голландскимъ сыромъ, который тогда только хорошъ, когда онъ попорченъ. То же можно заключить и о нашей учености: прямая ученость прилична низкимъ людямъ. Ученіе, къ удовольствію модныхъ господчиковъ, уравнено съ другими ремеслами, и здѣсь Невтонъ и Эйлеръ, конечно, менѣе уважены, нежели Брейтегамъ и Гекъ; но искусство притворяться ученными — вотъ одно достоинство, приличное благородному человѣку и которое дѣлаетъ его милымъ въ глазахъ общества! Самыя женщины, открытыя непріятельницы книгъ, любятъ слушать его разсужденія, потому-что они не унижаютъ ихъ самолюбія. Женщинѣ очень пріятно видѣть, когда мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, разсуждаетъ такъ забавно, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвушка, и такою прекрасною уловкою скрадываетъ у себя лѣтъ двадцать. Скажите мнѣ, друзья мои, не первая ли должность мужчины нравиться женщинѣ? Но что же для ея разборчиваго и расчетистаго вкуса можетъ быть пріятнѣе молодаго мужчины, съ разметаннымъ разумомъ, который бы, не утверждаясь ни на чемъ, старался о всемъ говорить, которой бы своими разсужденіями о важныхъ дѣлахъ былъ такъ же забавенъ и основателенъ, какъ маленькая дѣвушка за куклами?

И не ужасно ли, когда молодой, благородный че-

ловѣкъ вздумаетъ отъ чистаго сердца прилѣпляться къ наукамъ и представлять особу столѣтняго старика? Одинъ видъ такого невѣжи жить въ большомъ свѣтѣ заставитъ зѣвать самую учтивую женщину. Но вы, друзья мои, не должны опасаться, чтобъ къ вамъ относилась эта укоризна: обожая моду, вы не выступаете изъ ея правилъ; вы съ искусствомъ убѣгаете наукъ и съ похвальнымъ усердіемъ храните, какъ талисманъ щеголихъ, наслѣдственное невѣжество; вы не знаете, что такое мыслить, и можете служить первымъ доказательствомъ, что человѣку большаго свѣта не нужно имѣть ни сердца, ни ума, и что тотъ уже довольно одаренъ отъ природы, кто имѣетъ проворный языкъ и можетъ не уставая говорить по десяти часовъ сряду. Вы, наконецъ, столь искусно умѣете играть лицо маленькихъ ребятокъ, что изъ васъ стариковъ по однимъ сѣдымъ волосамъ узнать можно; вы часто умираете прежде, нежели догадываетесь, что вы живете и зачѣмъ вы на свѣтъ родились.

Пусть смѣются надъ вами, пусть пишутъ на васъ сатиры, сказки, пѣсни, эпиграммы, все это вы сносите съ стоическимъ терпѣніемъ, или, лучше сказать, вы ничего этого не видите и доказываете только тѣмъ, что ваши сатирики, желая васъ перемѣнить, оставляютъ вамъ поле сраженія. Такъ точно старый оселъ, привыкшій къ понуканьямъ и къ брани своего хозяина, съ терпѣніемъ слушаетъ его восклицанія и ругательства, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь, попрежнему, тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда-нибудь его уговоритъ. Вотъ примѣръ, которому вы послѣдуете,—и справедливо дѣлаете, друзья мои. Оставьте сатириковъ кричать и будьте увѣрены, что, нападая на васъ, они пишутъ не вашей пользы, но своей сла-

вы, и вы только служите имъ богатымъ оселкомъ, на которомъ острятъ они свой разумъ. Не думаетъ ли свѣтъ, что Боало пересталъ бы браниться, еслибы Прадонъ и Котинъ его исправились? Повѣрьте, что нѣтъ: онъ бы сыскалъ кого-нибудь еще глупѣе для своихъ насмѣшекъ. Сказать ли вамъ болѣе: перестаньте только дурачиться, вздумайте быть разсудительными, если только это можно — и сатирики первые огорчатся такою перемѣною: вы у нихъ отнимете любимую ихъ пищу, и многіе изъ нихъ помрутъ съ отчаянія, что глупѣе, смѣшнѣе и забавнѣе васъ никого побранитъ не сыщутъ. Но посудимъ философски: достойны ли вы даже и насмѣшекъ ихъ, и во многомъ ли они передъ вами имѣютъ преимущество?

Строгіе правоучители говорятъ, что первая и труднѣйшая должность человѣка есть побѣдить свои страсти. Но вы не имѣете страстей, которыя были бы для васъ опасны, или, лучше сказать, вы совсѣмъ безстрастны, и поступаете такъ же равнодушно, какъ прекрасныя куклы, показываемыя въ народныхъ игрищахъ; и тѣ, которые приписываютъ вамъ волю и страсти, такъ же обманываются, какъ мужики, которые, увидя разныя движенія куколъ, думаютъ, что онѣ дѣлаютъ всѣ кривлянья по своему хотѣнію. Поутру, едва проснетесь, комнатные служители обертываютъ васъ и подымаютъ съ постели, послѣ того волосочесъ вертитъ вашею головою, потомъ возятъ васъ по городу, сажаютъ за столъ, и къ вечеру опять укладываютъ въ постель, — все это доказываетъ ли, чтобы въ васъ были хотя малые порывы страстей?

Тогда-какъ важныхъ вашихъ противниковъ занимаютъ желанія, которыя почти выше человѣка; когда они ищутъ таинства природы, стараются даже проникнуть въ связи міровъ; когда измѣряютъ они, какъ

далеко отсюда до солнца, какъ-будто бы желая вычислить, какъ дорогъ имъ станетъ туда проѣздъ; когда занимаются топографіею луны; когда они устремляются еще въ важнѣйшія разсужденія и силятся продолжать далѣе свой путь, не смотря на то, что передъ ними открыта его безконечность, — вы тогда спокойно занимаетесь игрушками; васъ утѣшаютъ зайчики, кареты, собаки, кафтаны, женщины; нерѣдко случаются у васъ и драки; но и дѣти, вѣдь, дерутся за свои бездѣлки; ваши ссоры не важнѣе ихъ и потому-то вы не болѣе ихъ виноваты.

Вы не занимаетесь тѣмъ, далеко ли отсюда до Сиріуса и довольны, если кучеръ вашъ знаетъ, близко ли отъ васъ первый хорошій трактиръ или клубъ; вы не думаете солнце или земля скорѣе вертится, довольно для васъ и того труда, что вы вертитесь съ ними вмѣстѣ, — и это важнѣйшій трудъ, который въ жизни васъ занимаетъ...

Но, завлеченный восторгомъ васъ хвалить, любезные собратія, я не примѣтилъ, какъ много отдалился я отъ моего вида, и забылъ, что обширностію моего письма я подвергаю себя опасности не быть никогда вами прочтеннымъ. Приступимъ же поскорѣе къ самому дѣлу.

Теперь уже ясно, какъ велики ваши выгоды, которыхъ первая важность состоитъ въ томъ, чтобъ блистать остроуміемъ. Щеголь, который не умѣетъ притворяться разумнымъ, не можетъ играть блистательнаго лица въ большомъ свѣтѣ, а къ этому-то и нужны нѣкоторыя правила, приведенныя здѣсь въ порядокъ. Вотъ предметъ моего труда! Я посвящаю его вамъ, друзья мои, и буду доволенъ, если одинъ изъ тѣхъ Французовъ, которые готовятъ васъ въ свѣтъ и учатъ трудной наукѣ ничего не думать, если одинъ изъ тѣхъ

Французовъ, говорю я, прочтя мои правила, скажетъ, что они согласны съ образцемъ, по которому онъ воспитывалъ благородное наше юношество.

1.

Съ самаго начала, какъ станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человѣкъ, что ты дворянинъ и, слѣдственно, что ты родился только поѣдать тотъ хлѣбъ, который посѣютъ твои крестьяне, словомъ: вообрази, что ты счастливый трутень, у котораго не обгрызаютъ крыльевъ, и что дѣды твои только для того думали, чтобы доставить твоей головѣ право ничего не думать.

2.

Пріуготовя себя такимъ прекраснымъ началомъ, изъ котораго слѣдуютъ всѣ другія правила, дѣлающія блестящимъ человѣка въ большомъ свѣтѣ, ты долженъ отвергнуть нѣкоторыя предразсужденія, мѣшающія иногда блистать остроуміемъ молодому человѣку, и для того привыкай заранѣе шутить надъ тѣмъ, что для предковъ нашихъ было священно. Ни что такъ не блистательно, какъ молодой человѣкъ, когда онъ шутитъ надъ важными вещами, не понимая ихъ; при всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ его разорвать, между-тѣмъ, какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается онъ на вещи, передъ которыми онъ мельче, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ.

3.

Должно быть забавнымъ въ обществѣ, умѣть убивать время и дѣлить его весело; а къ этому нужна только одна наука — играть въ карты: она замѣняетъ въ большомъ свѣтѣ всѣ другія науки. Бойся не играть въ карты! Ничего нѣтъ глупѣе молодаго человѣка, который, не зная картъ, лишенъ способа кстати проиграть деньги барину, или его любовницѣ... Карты — душа нашихъ собраній; безъ нихъ, четыре человѣка, съѣхавшись, по несчастію, вмѣстѣ, не знали бы что̀ дѣлать. Справедливо должно сомнѣваться, бывали ли, полно, до выдумки картъ какія-нибудь собранія.

Французскіе учители многіе очень хорошо дѣлаютъ, что питомцевъ своихъ учатъ играть въ карты. Я не совѣтовалъ бы родителямъ принимать для своихъ дѣтей никакого учителя, если онъ не знаетъ игоръ, которыя въ употребленіи. Молодой, достаточный человѣкъ, вступая въ свѣтъ, можетъ спокойно забыть свои науки, имѣя деньги и дядюшекъ: онъ уже имѣетъ право на невѣжество и на счастье; но карты ему необходимы: безъ нихъ онъ въ лучшихъ домахъ будетъ мертвецемъ, и на него станутъ указывать пальцами, какъ на выходца съ того свѣта!... Вообразите, скажутъ женщины, онъ невѣжа до такой степени, что не можетъ сдѣлать партію въ вистъ!

4.

Будь насмѣшливъ сколько можно. Молодой человѣкъ, умѣющій осмѣять и подшутить, ищется, какъ кладъ, въ лучшія общества. Злословецъ не можетъ быть дуракъ, — вотъ опредѣленіе моднаго свѣта! Старайся его заслужить, и ты будешь взысканъ; но не будь низокъ и не шути надъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ достойно осмѣянія; это знакъ слабаго воображенія, если моло-

дой человѣкъ смѣется надъ смѣшными только людьми или вещами. Остроумный нынѣшняго вѣка долженъ избѣгать такого недостатка, но долженъ острить свой языкъ на счетъ важныхъ и почтенныхъ людей. Никакой нѣтъ славы смѣяться надъ Антирихардсономъ и надъ мнимымъ Детушемъ, это значитъ бить лежачихъ; и безъ тебя весь свѣтъ знаетъ, что они гадкіе писатели; но если ты будешь смѣяться надъ Ломоносовымъ, или, увидя на театрѣ, станешь бранить славную Ле-Сажъ и Делии, то подашь тѣмъ знакъ о превосходствѣ твоего вкуса, который и столь великими талантами не могъ быть удовольствованъ.

5.

Отбери нѣсколько авторовъ на-удачу, затверди ихъ имена, вздумай, что одинъ изъ нихъ плѣнилъ тебя своими красотами, такъ, какъ Донъ-Кишотъ вздумалъ, что его плѣнила Дульцинея, которой онъ и въ глаза не видывалъ; такимъ образомъ, пожаловавъ одного какого-нибудь автора (тѣмъ больше тебѣ чести, если онъ иностранный) въ свои любимцы, брани другихъ, и занимайся имъ однимъ; приписывай тѣмъ погрѣшности, которыхъ въ нихъ нѣтъ, и придавай ему прелести, которыхъ въ немъ не бывало. Ничего нѣтъ милѣе, какъ видѣтъ двухъ молодыхъ щеголей, когда спорятъ они за своихъ авторовъ, не читавъ ихъ; и мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ эпиграммы Руссо одерживали побѣду надъ Юнговыми Ночами, которая всегда оставалась на той сторонѣ, у чьего защитника здоровѣе горло.

Маленькія дѣти, теперь очень искусно учатся передразнивать своихъ родителей; и если имъ не мѣшаютъ въ такомъ пріятномъ упражненіи, то можно современемъ ожидать, что изъ такого ребенка сдѣлается пре-

забавный для свѣта повѣса; такія дѣти бываютъ обыкновенно неустрашимаго духа, и на пятнадцатомъ году они уже въ состояніи колотить своихъ отцевъ, или выталкивать ихъ съ двора.

6.

Умѣй говорить не думая. Думать прилично ученому, а ученье не пристало щеголю, и ты долженъ остерегаться, чтобъ не сказать чего умнаго. Молодой человѣкъ, который говоритъ умно, очень глупъ въ большомъ свѣтѣ; но ты долженъ быть забавенъ. Большая часть женщинъ любитъ попугаевъ; хочешь ли и ты тѣми же самыми женщинами быть такъ же любимъ? Старайся говорить какъ попугай — и ты прослывешь острякомъ; выучи поутру нѣсколько чужихъ острыхъ словъ и умѣй ихъ сказать кстати... Твой разумъ, какъ женщина, долженъ быть прибранъ за уборнымъ столикомъ, — вотъ ключъ къ доброй славѣ. Умѣй поутру выкрадывать, что надобно тебѣ говорить днемъ, и половина города не примѣтитъ, что ты невѣжа.

Есть и другой способъ говорить забавно безъ ума, если только языкъ твой гибокъ и проворенъ, какъ трещетка; но это трудная наука, которой только у женщинъ научиться можно. Старайся подражать имъ; старайся, чтобъ въ словахъ твоихъ не было ни связи, ни смысла, чтобъ разговоръ твой перемѣнялъ въ минуту по пяти предметовъ, чтобъ брань, похвала, смѣхъ, сожалѣніе, простой разсказъ, — все это, смѣшанное почти вмѣстѣ, пролетало бы мимо ушей, которыя тебя слушаютъ, и наконецъ, чтобъ ты, какъ барабанъ, оставлялъ по себѣ одинъ пріятный шумъ въ ушахъ, не оставляя никакого смысла. Молодой человѣкъ, съ такими дарованіями, нуженъ въ модномъ обществѣ какъ литавры въ оркестрѣ, которыя однѣ ничего не

значатъ, но гдѣ должно сдѣлать шумъ, тамъ безъ нихъ обойтись не можно.

7.

Остерегайся быть скроменъ, или ты заставишь думать, что тебѣ нечего сказывать, — а это большой недостатокъ. Молодой щеголь нынѣшняго вѣка долженъ быть то же, что морская труба: принимая въ одинъ конецъ слова, выдавать ихъ тотчасъ въ другой; и чѣмъ кто смѣшнѣе умѣетъ пересказывать, тѣмъ болѣе приписываютъ ему ума. Не заботься, если отъ такихъ пересказовъ родятся ссоры, драки и бѣдствія: тѣмъ болѣе чести пересказчику, чѣмъ болѣе и блистательнѣе дѣйствіе произведетъ его пересказъ. Легко станется, что и ты битъ будешь, но это есть лавры, составляющіе лучшее украшеніе пересказчиковъ: чѣмъ сильнѣе тебя побьютъ, тѣмъ яснѣе доказательство, что твоя память и воображеніе твое обширны; и чѣмъ болѣе тебя бранятъ, тѣмъ виднѣе, что ты привлекаешь къ себѣ вниманіе. Многіе франты совсѣмъ забыты свѣтомъ, за то, что не имѣютъ дарованія переносить вѣсти; а это жалкая участь щеголя, если о немъ помнятъ одни его занмодавцы.

Вотъ, любезные мои собратія, маленькій опытъ правилъ, столь необходимыхъ тому, кто хочетъ съ успѣхомъ блистать въ модномъ свѣтѣ! Пользуйтесь ими. Я знаю, что многіе Французы будутъ завидовать, для чего другіе написали то, чему они словесно учили; но я не самолюбивъ и охотно признаюсь, что эти прекрасныя правила не моей выдумки, и что мы обязаны ими тѣмъ снисходительнымъ Французамъ, которые, кончивъ на галерахъ свои курсъ философіи, пріѣхали къ намъ образовать наши нравы.

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ

НАУКѢ УБИВАТЬ ВРЕМЯ,

ГОВОРЕННАЯ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ. *

Любезные слушатели!

Наконецъ сбыли мы съ рукъ еще одинъ годъ, убили триста шестьдесятъ шесть дней, и можемъ сказать торжественно: не видали, какъ прошло время!

Строгіе философы! вы, которые жалѣете утратить минуту, какъ скупой полушку, и плачете о потерѣ дня, проведеннаго безъ пользы! придите и позавидуйте нашей способности радоваться о томъ, что мы цѣлый годъ провели, не сдѣлавъ ни одного такого дѣла, которымъ, по вашему мнѣнію, человѣкъ отличается. Зарывшись въ книгахъ, вы почитаете невѣроятностію, что тотъ можетъ радоваться, прощаясь съ старымъ годомъ, кто три четверти его проспалъ, а остальную прозѣвалъ. Вамъ покажется баснею, что человѣкъ, который цѣлый годъ одѣвался и раздѣвался, причесывался и растрепывался, чтобы этотъ человѣкъ не плакалъ, утративъ такимъ образомъ время; вы никогда не повѣрите, чтобы тотъ, кто пропрыгалъ и протаркалъ триста шестьдесятъ шесть дней, хотя бы въ концѣ года замѣтилъ, что онъ цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ таскалъ попустому свою голову. Но, Сокра-

* Изъ Меркурія, 1793 года.

ты, Платоны, Пиѳагоры прошедшихъ вѣковъ! воскресните на одну минуту, выбрѣйте себѣ бороды, причешитесь анкроше, чтобы васъ не стыдно было принять въ большомъ свѣтѣ, войдите въ него, — и вы увидите, какъ справедливо мое описаніе, увидите, какъ много Философія ваша надѣлала успѣховъ; воскресните и проповѣдуйте, если хотите, какъ нужно соблюдать время. Вы увидите, что люди большаго свѣта лучше васъ знаютъ, къ чему оно дается, и что наука убивать время, есть одна наука, прямо достойная благороднаго человѣка, который умѣетъ чувствовать, что Небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища.

Вотъ, милостивые государи, что сказалъ бы я философамъ, употребившимъ всѣ силы свои на то, чтобы научить насъ скучному упражненію размышлять. Они бы взглянули на васъ и признались бы, что человѣкъ можетъ обойтись безъ размышленія, если только имѣетъ проворный языкъ, и что мы, имѣя дарованіе не думать, по крайней мѣрѣ столько жъ счастливы, какъ люди золотаго вѣка.

Недовѣрчивый, глядя на насъ, на образъ нашей жизни, конечно, усомнится: ему покажемся мы игрушками модъ, мучениками суетныхъ желаній, или, что еще болѣе, онъ сочтетъ насъ безумными, а потому-то и несчастливыми, какъ-будто бы дуракъ, любезные слушатели, долженъ быть непремѣнно несчастливѣе мудрецовъ, которыхъ самолюбіе заставляетъ признавать счастливыми только себя, и которыхъ дикій умъ не понимаетъ, какое счастіе заключено въ томъ, чтобъ дѣлить по-братски время свое съ обезьянами, съ попугаями, посвятить себя блестящей службѣ четырехъ мастей, словомъ: они не чувствуютъ прелестей науки

убивать время, науки, впрочемъ, столь неисчерпаемой, что свѣтъ нашъ нѣсколько тысячъ лѣтъ въ ней трудится и всегда открываетъ новыя поля, столько же обширныя, какія приписываютъ Математикѣ.

Объ этой-то прелестной наукѣ, милостивые государи, хочу я теперь распространить свою рѣчь, не для того, чтобы желалъ я васъ ею усовершенствовать, нѣтъ; вамъ уже не нужны учители: природныхъ способностей вашихъ къ тому довольно, и вы, подражая предкамъ вашимъ, понимаете это искусство самоучкою; притомъ же, когда праотцы наши убили семь тысячъ лѣтъ, то стыдно бы намъ было, имѣя величайшіе примѣры въ Исторіи и въ глазахъ, требовать наставниковъ, какъ убить нѣсколько десятковъ лѣтъ, которые на нашу часть достались. И-такъ, я намѣренъ сплести только достойную похвалу этой завидной наукѣ, въ которой обращается цѣлый свѣтъ и которой имя столько же рѣдко слышно, сколько часто ея употребленіе; потому-то, къ стыду нашему, любезные слушатели, мы обладаемъ этимъ сокровищемъ почти не чувствуя, что имъ наслаждаемся. Но да не смущаетъ васъ эта укоризна: недостатокъ вашъ требуетъ только исправленія. Мы найдемъ въ свѣтѣ довольно примѣровъ, что человѣкъ часто обладаетъ сокровищемъ, пренебрегая его по незнанію. Такъ нѣкогда Американцы ходили по золоту, и не умѣя его обдѣлывать, съ радостію отдавали за Европейскія игрушки.

Можетъ быть, критики скажутъ мнѣ въ возраженіе, что слово мое безполезно; что мы убивали время безъ всякаго поощренія ораторовъ; что молодые люди наши, воспитанные въ глазахъ Французскихъ гувернеровъ и въ виду гончихъ и борзыхъ собакъ, наполняются съ младенчества благородною страстію расточать

время; что, по прошествіи юношества, учители отдаютъ ихъ съ рукъ на руки Французскимъ ростовщикамъ, иностраннымъ магазинамъ и театральнымъ сборщикамъ сердецъ; что въ этомъ новомъ свѣтѣ получаютъ они новые способы убивать время, и иногда въ одной перепискѣ векселей не видятъ, какъ проходятъ цѣлые годы, или, не имѣя наслѣдственнаго достатка, трутся около глупыхъ Мидасовъ, побужденные благородною ревностію истреблять монополію въ деньгахъ, и такимъ образомъ, въ пріятной надеждѣ обмануть удачно, сбываютъ непримѣтно съ рукъ послѣднюю половину своего вѣка; что все это дѣлается безъ помощи убѣжденій, что, наконецъ, нужно только человѣку броситься одинъ разъ въ большія общества, и онъ будетъ имѣть удовольствіе умереть прежде, нежели примѣтитъ что онъ жилъ на свѣтѣ.

Не противорѣчу многому. Въ самомъ здѣшнемъ собраніи я вижу примѣры природныхъ способностей; вижу съ восхищеніемъ прелестницъ нашихъ праотцевъ, которыя, пережившъ три поколѣнія, и теперь не могутъ догадаться, что онѣ не ровесницы шестнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ. Съ набожностію смотрю я на этихъ долговѣчныхъ Веперъ, и мнѣ кажется, что онѣ одногодки Римской Капитоліи, или по крайней мѣрѣ Августовымъ медалямъ, и которыя при всемъ томъ не досчитываютъ у себя пяти шестыхъ долей своего вѣка. Какой рѣзкій знакъ, что это время мастерски убито! Въ другомъ мѣстѣ вижу я почтенныхъ старичковъ, которые съ такимъ же просвѣщеніемъ входятъ въ могилу, съ какимъ вошли въ колыбель, и еще кажутся младенцами; они примѣчаютъ глубокую свою старость только потому, что имъ нельзя грызть орѣховъ. Какая скромность: проносить семьдесятъ лѣтъ голову и не сдѣлать изъ нея никакого употребленія! прожить

вѣкъ на скотномъ дворѣ — и ограничить отличіе свое отъ животныхъ только тѣмъ, чтобъ ходить на двухъ ногахъ! имѣть душу — и не дать никому примѣтить, что ее имѣешь, или, что еще болѣе, самому этого не замѣтить! Вотъ чрезвычайная умѣренность! которой не понимаютъ тщеславные философы, хотя они и проповѣдуютъ умѣренность. Мы одни, милостивые государи, мы одни способны къ этой блистательной добродѣтели, украшающей общества большаго свѣта. И между-тѣмъ, какъ малая кучка самолюбивыхъ мудрецовъ старается только о томъ, чтобъ цѣлый міръ передъ нею стыдился, между тѣмъ вы, милостивые государи, такою скромностію обуздываете свои умы, что и лошади бы ваши не краснѣли на васъ глядя, хотя бы онѣ и имѣли способность краснѣться, способность вредную, которой остатки и въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ наносятъ иногда тягость прелестному полу.

Признаюсь, что всѣ эти завидные подлинники образовались безъ всякой помощи ораторовъ. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы словесныя возбужденія были излишни? Нѣтъ, любезные слушатели, краснорѣчіе всегда умножало рвеніе умовъ, и если оно иногда не было поощреніемъ, то служило награжденіемъ отличныхъ дарованій, которыя уже поздно было поощрять, потомучто, милостивые государи, премудраго человѣка весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому-то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшій способъ: допускали ихъ умирать въ нуждахъ, въ гоненіи и въ презрѣніи, спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто, говорили имъ похвальныя рѣчи. Такой поступокъ умножилъ полки ученыхъ, которые добровольно терпѣли

первое и не получали послѣдняго. Но благородная жадность къ похвалѣ не есть ли общая всему человѣческому роду? Не она ли причиною, что многія великія души, подобныя душѣ Сезостриса и Александра Великаго, ожидая похвалы отъ будущихъ вѣковъ, сносятъ терпѣливо проклятіе настоящаго? Когда же похвала столько лестна, то для чего не возвеличить ею божественную нашу науку убивать время? Всѣ науки имѣли своихъ защитниковъ и были похваляемы, но уже ли она одна останется въ молчаніи, какъ-будто бы наше веселое общество, блистая ея выгодами, стыдилось признаться, до какого довело оно ее совершенства?

Другая причина, еще важнѣйшая, понуждаетъ подать о ней полнѣйшее понятіе: всѣ науки, выключая Математики, подвержены расколамъ; наша также избѣжать ихъ не можетъ. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, что многіе молодые люди садились за книги только для того, чтобы убить время и, пристрастясь къ постыдной для благороднаго человѣка жадности обогащаться познаніями, стали скупиться временемъ, вздумали быть насъ умнѣе, вздумали узнать свою голову короче, нежели сколько знали ее ихъ волосочесы, и потомъ — жестокая неблагодарность! — сверхъ того, что сдѣлались отступниками отъ нашего общества, первые стали на насъ вооружаться и соблазнительнымъ своимъ примѣромъ увлекли за собою послѣдователей, которые, вмѣсто того, чтобы блистать на балахъ и въ большихъ собраніяхъ, свели скучное знакомство съ мудрецами. — Такіе-то развратительные примѣры, происшедшіе, можетъ быть, отъ одного любопытства заглянуть въ книгу, не должно ли прекратить и предостеречь нашихъ молодыхъ людей, чтобы они опасались всякой книги, исключая только полезныхъ книгъ, заклейменныхъ печатью воспитательнаго дома.

Дадимъ же, сколько можно, ясное понятіе объ этой наукѣ. А вы, любезные юноши, которые, подъ покровительствомъ проворной гребенки и вѣрныхъ ножницъ, назначены, можетъ быть, играть великія лица на театрѣ свѣта, вы, прелестныя граціи, которыя будете нѣкогда требовать отъ нашихъ правнуковъ такой же нѣжности, какой теперь мы ищемъ отъ васъ, выслушайте меня и умножьте свои силы побѣдить наступающій годъ; и если уже необходимо должно, чтобъ въ физикѣ вашей произвелъ онъ перемѣны, то оградитесь роскошью и лѣностью, и пусть хотя на морали вашей время не оставитъ никакихъ слѣдовъ.

Время убивается двоякимъ образомъ: или проводится оно въ бездѣйствіи, или въ такихъ упражненіяхъ, которыя на душѣ нашей не оставляютъ никакого по себѣ впечатлѣнія; и отъ того-то въ старыхъ тѣлахъ видимъ мы часто молодыя души, хотя казалось, что люди, въ которыхъ примѣчается это явленіе, были во весь ихъ вѣкъ чрезвычайно заняты. Какой великій предметъ для благороднаго человѣка: убивать то, что все убиваетъ, преодолѣвать то, чему ничто противостоять не можетъ! Герои, упражняющіеся въ такихъ великихъ подвигахъ, не заслуживаютъ ли похвалу величайшихъ въ свѣтѣ мудрецовъ, основанную даже на нашемъ признаніи, что мы передъ ними нищи духомъ?... Такъ, государи мои! согласимся, что они умнѣе насъ! повѣримъ, что они лучше знаютъ цѣнить вещи и послушаемъ ихъ ученія. Тотъ истинный философъ, говорятъ они, кто умѣетъ презирать мірскія сокровища; потомъ сказываютъ, что время драгоцѣннѣе золота и лучше всѣхъ земныхъ благъ. Но когда мудрецы эти тщеславятся достоинствомъ, что они презираютъ золото, то сколько же почтеннѣе мы ихъ, пренебрегая самое время, это сокровище, котораго тратить нѣтъ

даже и у нихъ довольно твердости духа. И-такъ, мы-то истинные мудрецы, милостивые государи: они презираютъ вещь, которая всегда въ ихъ рукахъ быть можетъ, но мы тратимъ равнодушно время, зная, что воротить его не въ силахъ. Удивляются Сципіону Африканскому, что онъ сжегъ свой флотъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію своему въ Римъ. Рѣдкая вещь! Имѣя храбрыхъ воиновъ, онъ надѣялся сжечь Карѳагенъ и возвратиться домой на новыхъ судахъ. Но мы, сожигая, такъ сказать, наше время, не имѣемъ никакой надежды возвратиться къ нашему младенчеству и, слѣдовательно, всякую минуту превосходимъ Сципіона мужествомъ. Великій Титъ плакалъ, говорятъ, о томъ днѣ, въ который не сдѣлалъ добраго дѣла; но мы — о примѣръ истиннаго великодушія! — мы проживаемъ лѣтъ по пятидесяти попустому, и ни разу о томъ не поплачемъ!

Я уже сказалъ, что первый способъ убивать время есть тотъ, чтобы ничего не дѣлать, или спать; но, къ несчастію, человѣкъ не можетъ быть столь совершенъ, чтобы проспать шестьдесятъ лѣтъ, не растворяя глазъ и не сходя съ постели, ни также просидѣть все это время поджавъ руки. Хотя и старались Испанцы усовершенствовать эту часть, хотя нерѣдко встрѣтить можно тамъ героевъ, которые, поддерживая древнее свое благородство, почитаютъ за честь умереть съ голоду, поджавъ руки, — но великимъ подвигамъ легче удивляться, нежели послѣдовать. Намъ нужны другіе способы. Притомъ же мало ли есть такихъ прекрасныхъ упражненій въ большомъ свѣтѣ, которыя почти столько же знамениты, какъ и дарованіе — ничего не дѣлать; а такія-то упражненія и нужны для нашего общества. Дѣлать, ничего не дѣлая, говорить, ничего не сказывая — вотъ два сильнѣйшіе способа убить время. Человѣка

лила на это вооружиться: кричали, что разслабляется вкусъ, истребляется благопристойность; но вся небритая часть была на сторонѣ нашего героя и, утверждая его славу, включила въ число знаменитѣйшихъ дней тотъ день, въ который для бородатыхъ зрителей выставлены на сцену бородатые актеры.

Теперь подумаете вы, можетъ быть, что онъ, уже плѣнясь такими успѣхами, посвятилъ себя одному театру? Совсѣмъ нѣтъ. Великій духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, — и сдержалъ свое слово. Удивительная способность его, милостивые государи! часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ, ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично одному его сочиненію; а можетъ быть, и всѣ его сочиненія современемъ воздвигнутъ между академіями войну за споры: къ какому роду ихъ причислить. Изъ этого-то ясно видно, какъ гнушался великій умъ его слѣдовать правиламъ, предписаннымъ всякому роду писанія. Онъ поставилъ себя выше всѣхъ законовъ. Одно только правило свято, говаривалъ онъ, и оно состоитъ въ томъ, чтобы не слѣдовать никакимъ правиламъ.

Съ такимъ-то прекраснымъ заключеніемъ вздумалъ онъ свободные часы свои посвятить удовольствію публики. Подъ свободными часами разумѣю я только то малое время, которое оставалось ему отъ сна, отъ обѣда и отъ ужина. Сколь ни малъ былъ остатокъ времени, но и его не хотѣлъ онъ потерять напрасно; и для того-то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія, — короче сказать: началъ журналъ.

Какое поле открылось для его неутомимости! Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить вселенную, не да-

имъ рукамъ; давно съ неудовольствіемъ видѣлъ, что гордые комическіе писатели стараются смѣшить партеръ, не заботясь о томъ, понимаетъ ли ихъ парадисъ. Такое пренебреженіе тронуло его; ибо онъ самъ часто глядывалъ комедію изъ райка и чувствовалъ, какъ обидно честному человѣку слушать два часа, не понимать ни слова и платить деньги только за то, чтобы видѣть какъ другіе смѣются. — Партеръ довольно посмѣялся, сказалъ онъ нѣкогда; теперь я хочу утѣшить парадисъ — и началъ писать. Менѣе нежели черезъ двѣ недѣли объявляютъ новую комедію; зрителей стекается множество; открываютъ занавѣсъ, и — какое пріятное удивленіе! на сценѣ появляется цѣлый народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ. Въ парадисѣ раздались радостныя восклицанія; сапожники, разнощики, каменщики — всѣ узнавали на сценѣ своихъ земляковъ. Тогда-то всеобщее веселіе разлилось по театру; на сценѣ появились фляжки и сидовы; въ парадисѣ зазвенѣли рюмки и стаканы. На сценѣ заплясали — и весь парадисъ началъ прищолкивать; казалось, что сцена и парадисъ составляютъ одно семейство. Тогда-то гордый партеръ въ первый разъ почувствовалъ, что онъ въ этой бесѣдѣ лишній, что онъ не понималъ, въ свою очередь, ни слова изъ всего, что переговорено въ три часа, и что, наконецъ, въ свою очередь, заплатилъ онъ деньги за то, чтобы послушать какъ хохочетъ парадисъ. Но кто же бы, думали вы, милостивые государи, загналъ расчесанный партеръ въ растрепанную крестьянскую шайку слушать правоученія? — Кому, кромѣ безцѣннаго нашего Ермалафида? Онъ одинъ только въ состояніи высокое правоученіе подстроить подъ балалайку, и подъ его только разумныя разсужденія могутъ плясать мужики на баркахъ. Завистливая критика не умед-

кромѣ воли и воображенія.» — Съ такими-то прекрасными правилами герой нашъ вступилъ на поприще писателей и, чтобы начать чѣмъ-нибудь знаменитымъ свои подвиги, написалъ онъ трагедію.

До-сихъ-поръ, милостивые государи, жалко было видѣть, съ какимъ безчеловѣчіемъ проливалась кровь въ трагедіяхъ; жестокіе авторы, кажется, только съ тѣмъ намѣреніемъ заманивали въ партеръ, чтобы у всякаго изъ нихъ испортить фунта по три крови, — но какая пріятная новость! едва появилась трагедія нашего героя на сцену, то, казалось, что въ партерѣ сидитъ цѣлый народъ строгихъ стоиковъ, — такое глубокое спокойствіе царствовало во всемъ партерѣ! Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью; казалось, что герои Ермалафида превыше всѣхъ страстей: ни одной не было въ нихъ примѣтно; и если бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то, конечно, онъ подумалъ бы, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики. Не подумайте, однако жъ милостивые государи, чтобы трагедія нашего героя не привлекала вниманія, — напротивъ того, нерѣдко партеръ надрывался отъ смѣха, и Ермалафидъ, безцѣнный Ермалафидъ самъ смѣялся отъ радости, видя, что трагедія его производитъ такое прекрасное дѣйствіе. Начавъ трагедію, говорилъ онъ, я хотѣлъ утѣшить, а не встревожить и не опечалить партеръ, — прекрасное правило, которому послѣдовали многіе писатели, и съ того-то времени, милостивые государи, у насъ начали писать такія же шутливыя трагедіи, какъ Италіянскія оперы *буфо*. Этотъ успѣхъ еще болѣе ободрилъ нашего героя, и онъ рѣшился продолжать со славою подвиги въ письменномъ свѣтѣ.

Давно уже грозился онъ прибрать комедію къ сво-

На другой день повелъ онъ учителей въ свою библіотеку и указалъ имъ на полку, заваленную романами. Тамъ наслаждались непарушимымъ покоемъ творенія *Бредина*, покрытыя пылью, равнолѣтнею имъ самимъ; тамъ почивали мертвымъ сномъ произведенія *Антиришардсона;* въ другомъ мѣстѣ глотали пыль герои, произведенные подражателемъ *Руссо*. «Есть ли тутъ Риторика?» спросилъ Ермалафидъ, указывая на все это собраніе. Учители читали всѣ эти романы и согласились единодушно, что въ нихъ Риторики нѣтъ. Онъ сдѣлалъ имъ тотъ же вопросъ о грудѣ журналовъ. Они ихъ знали и принуждены были по совѣсти сказать, что въ нихъ и имени краснорѣчія нѣтъ. Потомъ онъ показалъ имъ связку одъ, — и они признались, что здѣсь большею частію пишутся оды безъ краснорѣчія. «Когда такое множество людей пишутъ безъ Риторики, отвѣчалъ онъ гордо, то не уже ли, думаете вы, что я всѣхъ ихъ глупѣе и не могу безъ нея обойтись? Повѣрьте, что мнѣ наука эта не нужна, и я откровенно скажу вамъ, что я и знавши Риторику не написалъ бы ни на волосъ лучше того, какъ писалъ, и стану писать, совсѣмъ ее не зная.

Послѣ того несравненный Ермалафидъ съ такою же благородною гордостію отвергалъ всѣ другія науки одну за одной. «Если я буду безпрестанно читать, то когда жъ я буду писать? — Нѣтъ; я намѣренъ учить, а не учиться. Для меня низко узнавать, что̀ другіе думали: я хочу лучше, чтобъ цѣлый свѣтъ, читая меня, старался отгадать, что̀ я думаю. Довольно долго страдала Республика ученыхъ, стѣсненная правилами; я родился ихъ разрушить, и для того-то хочу развязать своимъ примѣромъ молодые умы; хочу писать безъ правилъ и доказать на самомъ дѣлѣ, что Словесность есть свободная наука, неимѣющая никакихъ законовъ

яхъ, и менѣе нежели черезъ два года началъ онъ писать *азы*. Здѣсь-то творческій духъ его оказалъ первыя свои способности! Ермалафидъ ни кому не подражалъ въ почеркѣ; умнѣйшіе изъ учителей не различали у него *аза* отъ *мыслетей;* казалось, что онъ, не читавъ никакого письма въ свѣтѣ, выдумалъ свою азбуку. Учители сперва приписали это тупому его понятію — и вотъ причина, что рѣдкій умъ нашего героя четыре года задержанъ за Россійскою азбукою. Наконецъ, примѣтили они, что онъ поставилъ себѣ правиломъ ни кому не слѣдовать и систематически водить каракули. Тогда-то, сдѣлавъ безошибочное заключеніе о его великихъ способностяхъ къ Словесности, дали они ему въ руки Грамматику, и менѣе нежели въ мѣсяцъ не осталось въ ней ни листа живаго. Онъ просилъ новой книги. «Развѣ ты всю Грамматику выучилъ?» спрашивали у него. — Нѣтъ, отвѣчалъ неоцѣненный герой; но повѣрьте, что я и безъ Грамматики могу пощеголять моимъ слогомъ. — У него потребовали опыта, и въ одинъ часъ — въ одинъ только часъ онъ написалъ столь краснорѣчивое письмо, что премудрѣйшіе изъ учителей его не поняли. Это убѣдило ихъ и они представили ему Логику. «Что это за наука?» спрашивалъ восторжествовавшій надъ Грамматикою герой. — Наука мыслить, отвѣчали ему, и важная тайна помѣстить кстати ergo. — «Мнѣ не нужна эта наука, говорилъ Ермалафидъ: двадцать лѣтъ думалъ я безъ Логики, такъ не уже ли остальную половину своего вѣка не могу безъ нея обойтись?» Возраженіе сильное, противъ котораго никто не осмѣлился противорѣчить. Настала очередь Риторики явиться на судъ героя. Онъ развернулъ ее, прочелъ строкъ пятнадцать — зѣвнулъ, почувствовалъ сильную наклонность ко сну и отложилъ до завтра рѣшеніе объ этой наукѣ.

напомнить о Гомерѣ, что дрова дороги, и, хваля «Юнговы Ночи» замѣтить, что Нѣмцы обуваются щеголеватѣе Французовъ; онъ одинъ только можетъ съ такимъ плодословіемъ волочить надежду читателя черезъ триста листовъ и на послѣдней страницѣ удивить его пріятною нечаянностію подписавъ: *конецъ!* Это — non plus ultra его обширнаго воображенія. Но какъ, спросятъ меня, могъ онъ достигнуть до такого богатства? Какими орудіями отрылъ онъ такое сокровище? Предметъ, по истинѣ достойный вашего любопытства, изслѣдовать который ставлю я моею должностью.

Еслибъ мы обратились къ древности, то нашли бы, можетъ быть, что не герой нашъ первый изобрѣтатель этого рѣдкаго искусства; но судьба, кажется, изъ зависти прячетъ отъ взора смертныхъ лучшія ихъ сокровища; и потому-то произведенія пера, подобнаго Ермалафидову, столь же рѣдки, какъ календари прошедшихъ вѣковъ. Вотъ причина, заставляющая меня признавать его изобрѣтателемъ этого способа; ибо кому могъ онъ подражать, не читая ни кого, какъ то скоро увидите вы изъ шествія его ума, котораго пути осмѣлился я изслѣдовать въ моемъ словѣ и представить, для подражанія, молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и, за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ, принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать, или занимать ихъ у Сумарокова. Но теперь я намѣренъ для этого указать имъ неисчерпаемый источникъ въ Ермалафидѣ, и чтобы удовольствовать ваше любопытство, обращаюсь къ моему предмету.

Герой нашъ лѣтъ 15-ти отданъ былъ на руки учителямъ и посаженъ за Россійскую азбуку. Пламенный духъ его не долго оставался при первыхъ затрудненi-

зыри и, наконецъ, съ какою неутомимостію надуваетъ онъ новые, не страшась, что съ ними будетъ участь равная первымъ. Тутъ ораторъ остановился, чтобы дать роздыхъ своему воображенію и принять справедливыя похвалы за прекрасное изобрѣтеніе *моря забвенія* и за счастливое сравненіе Ермалафидовыхъ сочиненій съ пузырями; потомъ продолжалъ далѣе:

Я не буду распространяться о родословной нашего героя, да и онъ самъ, какъ истинный авторъ, знаетъ тверже, кто былъ отецъ Гомера или Ромула, нежели отъ кого онъ самъ родился. Нечего сказать и о его богатствахъ: онъ не можетъ похвалиться большимъ имѣніемъ, но за то воображеніемъ столь богатъ, что часто не на что̀ купить ему чернилъ, чтобы сдѣлать этому драгоцѣнному богатству опись для свѣдѣнія публики; онъ столь глубокомысленъ, что е́сли, спустя десять дней, вздумаетъ прочесть свое сочиненіе, то уже не понимаетъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать. «Для чего, спросилъ у него нѣкто, пишешь ты безъ разбора и не обдумывая, все, что придетъ тебѣ въ голо́ву?» — Другъ мой, отвѣчалъ несравненный нашъ Ермалафидъ, надобно болѣе знать мою природу и потомъ уже судить о моихъ сочиненіяхъ. Если я одну только недѣлю не напишу что-нибудь, то чувствую сильный головный ломъ; самое ничто бухнетъ въ моей головѣ какъ горохъ, и я необходимо долженъ, какъ можно скорѣй, выгружать мысли мои на бумагу; или мою голову такъ разопретъ, что я потеряю равновѣсіе.

Кто можетъ изъ насъ, милостивые государи, похвалиться такимъ изобиліемъ мыслей? Кто, кромѣ нашего безцѣннаго Ермалафида, такъ много разъ и въ столь разныхъ порядкахъ, можетъ раскладывать наши тридцать двѣ литеры на бумагѣ? — Конечно, никто. Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстати

дожидаться такъ долго Ермалафидовой смерти, и осмѣливаюсь нарушить правила академіи: презирать писателей при жизни и величать ихъ послѣ смерти. Притомъ же можемъ ли мы надѣяться на долговременность нашего собственнаго вѣка, и не подвержены ли мы всѣ такой же нечаянной смерти, какъ наши сочиненія? Часто, смотря на увѣсистое новорожденное твореніе, по толстотѣ его, мы заключаемъ, что славѣ его не будетъ износу, а оно на другой же день погребается на полкахъ вмѣстѣ съ старыми календарями. Не можемъ ли и мы всѣ перемереть такъ же нечаянно и оставить вершину Парнасскую нашимъ критикамъ, которые нѣкогда, можетъ быть — плачевное воображеніе! — будутъ показывать насъ молодымъ своимъ писателямъ какъ Спартанцы показывали своимъ дѣтямъ пьяныхъ слугъ, и тогдашняя публика вмѣсто того, чтобы завидовать тѣмъ, кому удалось быть нашими современниками, станетъ благодарить Небо, что она существуетъ не въ нашъ вѣкъ. Предупредимъ же такое несчастіе, любезные слушатели! И если уже насъ никто не хвалитъ, то станемъ хвалить сами себя; ополчимся противъ критиковъ и, на зло имъ, отдавъ справедливую похвалу неподражаемому Ермалафиду, докажемъ, что и въ нашемъ обществѣ есть великіе люди. Одного героя, каковъ мой, достаточно, чтобы озарить славою все наше почтенное собраніе. Откроемъ глаза предубѣжденной публикѣ, которая упрямится читать неподражаемыя его творенія и старается погрузить нашего героя въ море забвенія, — въ это ужасное море для нашего Парнасскаго легіона, и въ то же время посмотримъ, какъ безцѣнный Ермалафидъ, поддерживаемый своими сочиненіями, подобно какъ пузырями, не страшится погрязнуть; посмотримъ, какъ неумолимая критика занимается тѣмъ, чтобы прокалывать эти пу-

будетъ прежде читать, нежели писать; надобно будетъ думать... У васъ слезы навертываются на глазахъ, милостивые государи. Привыкшимъ писать не думавши, такое порабощеніе словесности, конечно, для насъ будетъ ужасно. И въ чемъ же неумолимые эти критики полагаютъ свободу словесныхъ наукъ, если думаютъ они, что писатель долженъ послѣдовать правиламъ, или читать авторовъ, чтобы подражать ихъ красотамъ? Нѣтъ, любезные слушатели, великій умъ никогда ни чему не слѣдуетъ: не нужны ему ни правила древнихъ, ни ихъ творенія; онъ, не справляясь ни съ какими книгами, садится за письменный столикъ, какъ скоро почувствуетъ только позывъ на письмо. Фразу свою кончитъ тогда, когда надобно перо обмакнуть въ чернильницу; періодъ — тогда, когда нужно его перечинить; какъ же скоро плѣняется онъ новымъ содержаніемъ, тогда на первомъ своемъ сочиненіи подписавъ торжественно: *конецъ*, принимается тотчасъ за другое, которое обработываетъ съ такою же благородною вольностію. Таковъ-то есть почтенный Ермалафидъ, герой и сотрудникъ нашъ, которому дерзаю я сплести вѣнецъ достойной похвалы, въ досаду злой критикѣ, завидующей даже и на то, что въ сочиненіяхъ его завертываются груши.

Можетъ быть, удивятся, что, не дождавшись смерти моего героя, я говорю ему похвальную рѣчь. Но должно ли дожидаться смерти, чтобы увѣнчевать дарованія? Если бы слѣдовать этому правилу академій, то, судя по здоровью почтеннаго Ермалафида, можетъ быть, я долженъ былъ бы прожить еще двадцать лѣтъ прежде, нежели испытать мои слабыя дарованія на этомъ драгоцѣнномъ оселкѣ. Нѣтъ, любезные слушатели, дарованія нашего героя столь блистательны, воспламененіе мое прославить ихъ столь велико, что я не въ силахъ

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ

ЕРМАЛАФИДУ,

ГОВОРЕННАЯ ВЪ СОБРАНІИ МОЛОДЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. *

Ужасно видѣть, милостивые государи, съ какою завистью критика всегда вооружалась на дарованія. Тысячу примѣровъ нашелъ бы я въ Исторіи Словесности; но какъ мы обязались благородною клятвою писать все и не читать ничего, то, не хвалясь, скажу, что я не въ состояніи сдѣлать ни одного довода. Но къ чему намъ доводы? Сами мы не ясное ли доказательство неблагодарности читателей? Соединенные благородною ревностію просвѣщать свѣтъ, мы не даемъ отдыха типографщикамъ; а ослѣпленная публика на стихи наши жалуется, какъ Египтяне на саранчу, которою Небо хотѣло обратить ихъ на путь истины. Книжныя лавки ломятся отъ нашей прозы и стиховъ; но когда войдешь и посмотришь на полки, гдѣ лежатъ наши сочиненія, то подумаешь, что это зараженные товары, до которыхъ никто не смѣетъ дотронуться, и они остаются въ этой неволѣ до того времени, пока табачники и разносщики не расхватятъ ихъ по ключкамъ, а нечувствительная публика смотритъ на это равнодушно, оставляя имъ терзать наши неподражаемыя произведенія!

Плачевное предчувствіе! Скоро, я думаю, надобно

* Изъ Меркурія, 1793 года.

какъ сживать его съ рукъ, мы, конечно, не будемъ подвергнуты опасности мучиться зѣвотою.

Соединимъ же нашу ревность, милостивые государи! Годъ уже наступилъ, уже это время наваливается на наши руки... Но ободритесь... остерегайтесь мыслить, остерегайтесь дѣлать, — и годъ этотъ будетъ служить намъ оселкомъ, надъ которымъ наука убивать время покажетъ новые опыты, достойные нашего просвѣщенія.

Другіе не менѣе блистательны и болѣе свойственны для благороднаго человѣка, который, не принимаясь за перо, имѣетъ право не называться безграмотнымъ потому, что прадѣдъ его зналъ читать и писать. Для чего не подражать другимъ подлинникамъ, которыхъ число столь велико, что предѣлъ рѣчи моей не позволяетъ обо всѣхъ упомянуть; ибо я не намѣренъ ни искусить терпѣнія вашего, ни перецеголять безконечностію тѣ отборныя предисловія, которымъ книги, кажется, печатаютъ въ приданое.

Теперь, милостивые государи, я надѣюсь, что вы можете чувствовать, что есть наука убивать время, можете видѣть ея необходимость и силу въ большомъ свѣтѣ. Главная уловка состоитъ въ томъ, чтобы никогда не думать. Педанты скажутъ, что это невозможно; но вы, не вдаваясь въ словесные споры, можете имъ доказать истину на самомъ дѣлѣ. Правда, молодымъ дѣвушкамъ очень пристало иногда задумываться, но думать — никогда: это ремесло прилично только тѣмъ низкорожденнымъ людямъ, которые не могутъ обойтись безъ своей головы и которые имѣютъ безстыдство не различать насъ съ обезьянами. Но не занимаясь трудными спорами и розысками по Натуральной Исторіи, что̀ совсѣмъ не наше дѣло, встрѣтимъ лучше, милостивые государи, какъ можно веселѣе наступившій годъ, подобно какъ храбрая армія встрѣчаетъ весело своего непріятеля. До-сихъ-поръ часто я видалъ, что люди встрѣчаютъ новый годъ въ такомъ восхищеніи, какъ молодой супругъ свою новобрачную, или какъ малый ребенокъ новую куклу; а на третій день всѣ они скучаютъ своими новостями, зѣваютъ и не знаютъ куда дѣваться отъ скуки, то есть: не знаютъ, какъ убить время. Но мы, любезные слушатели, получа теперь нѣсколько подробнѣе идею,

все то, чего ждетъ палѣво его соперникъ. Этому-то одному искусству посвящаетъ онъ всѣ свои дарованія и, подобно Александру, не полагая границъ своимъ побѣдамъ, въ героическомъ восторгѣ грозится цѣлый свѣтъ пустить по-міру.

Но до-сихъ-поръ, любезные слушатели, предлагалъ я вамъ въ примѣръ особъ, которыя съ возможною ревностію убиваютъ время, достающееся на ихъ часть; теперь хочу заключить, выставя въ примѣръ неподражаемаго героя, который силится убить время даже своихъ потомковъ. Таковъ несравненный Скукобредъ. Онъ, наводняя своими сочиненіями публику, хочетъ и нѣсколько вѣковъ спустя быть орудіемъ убивать время. Какой похвалы не заслуживаетъ онъ, когда, просиживая насквозь ночи, занимается важнымъ предметомъ — усыплять даже десятое наше поколѣніе по нисходящей линіи; онъ не покоряется усталости, и хотя часто голову его раскачиваетъ пріятная дремота, но мощная рука его никогда не перестаетъ писать и, что всего удивительнѣе, милостивые государи, никакая академія не въ силахъ различить, что̀ онъ написалъ сквозь сонъ и что̀ наяву.

Но этотъ примѣръ, любезные слушатели, я выставилъ не съ тѣмъ, чтобъ возбудить въ васъ охоту ему подражать; довольно уже и того, если возбудитъ онъ въ васъ удивленіе. Мы уже видѣли, какъ вредно и опасно благородному человѣку заниматься книгами; но со всѣмъ тѣмъ, если кто изъ васъ, милостивые государи, чувствуетъ въ себѣ геройскую смѣлость — никогда не читавъ, начать писать, тому не совѣтую оставлять такой прекрасной склонности, которая производитъ пирамиды печатныхъ бумагъ въ честь Парнасскимъ каникуламъ нынѣшняго времени.

Но этимъ ли однимъ примѣромъ можно пользоваться?

ему шестерню. Но когда съ четырьмя только товарищами любезный нашъ Подлонъ надѣлалъ столько подвиговъ, то согласитесь, почтенные слушатели, что несравненно полезнѣе отечеству будетъ онъ самъ-семь, и болѣе получитъ способовъ оказать свои достоинства, когда рѣзвое счастіе, награждая поворотливость его языка, прибавитъ ему еще двухъ товарищей.

Замотовъ подаетъ вамъ другаго рода образецъ, какъ убивать время. Вооружась противъ него, разсѣкаетъ онъ уже мысленно будущій годъ на тысячу частей, чтобы разбросать ихъ по кофейнымъ домамъ, по маскарадамъ и по вечеринкамъ; сбирается глядѣть на все и ничего не видать, говорить все и ничего не думать. Вездѣ старается онъ поспѣть; всегда занятъ и никогда ничего не дѣлаетъ; безпрестанно хлопочетъ, чтобы нажить новые долги; однимъ словомъ: вотъ примѣрный молодой человѣкъ, который добивается мастерски тріумфальнаго въѣзда въ полицію. Уже мысленно вижу я великолѣпный этотъ въѣздъ, вижу, какъ торжественно препровождается онъ толпою портныхъ, сапожниковъ, каретниковъ и волосочесовъ, которые всѣ, подобно унылымъ плѣнникамъ, слѣдуютъ за нимъ повѣся головы и держа въ рукахъ огромные реестры знаменитыхъ его дѣлъ; дѣла эти привлекаютъ вниманіе правительства, и герой нашъ, подобно древнимъ Атлетамъ, принимается на казенное содержаніе.

Но какой новый предметъ представляется моему взору! Подборовъ, вооружась безчисленными дюжинами картъ, выступаетъ противъ новаго года и назначаетъ себя къ продолженію благороднаго ремесла — метать неусыпно направо и налѣво. Наполнясь пріятною надеждою обмануть ближняго, онъ преодолѣваетъ сонъ и голодъ; пренебрегая всѣ науки, онъ погружается только въ одну важную науку — выметать направо

съ этими двумя правилами я уважаю столько же, какъ и того, кто имѣетъ Испанскую твердость духа скорѣй согласиться дать себѣ отрубить руки и голову, нежели ими дѣйствовать. Разсмотрите хорошенько около себя, и вы найдете тысячу великихъ душъ, которыя располагаются проспать будущій годъ половину зажмурясь и лежа, а другую половину ходя и съ открытыми глазами, и подаютъ вамъ примѣръ сбывать съ рукъ время. Нужно ли вамъ знать имена ихъ? Исполню ваше желаніе. — А вы, почтенные образцы! простите, если, уступя моимъ восторгамъ, потревожу я нѣсколько вашу скромность, чтобы поощрить юношество подражать вамъ. И пусть слабая похвала моя послужитъ вамъ малымъ воздаяніемъ, пока Небо не увѣнчаетъ васъ завидною наградою лежать не переворачиваясь съ боку на бокъ. — Повторимъ, любезные юноши, съ благоговѣніемъ имена ихъ.

Первый встрѣчается мнѣ Подлонъ. Съ математическою точностію дѣлитъ онъ утреннія часы будущаго года по числу прихожихъ, въ которыхъ проходитъ важную науку помрачать достоинства гибкостію спины. Уже назначаетъ онъ тамъ себѣ самыя выгодныя мѣста, гдѣ бы надежнѣе было ловить улыбки и благосклонные взгляды вельможъ; уже, кажется, слышу я, какъ гибкій его языкъ, съ безпристрастіемъ историка, передъ однимъ бариномъ пересказываетъ дурачества другаго, а этого ѣдетъ брашить къ третьему. Платя богатую подать новостями, мчится онъ по всему городу ихъ собирать, чтобы назавтра позабавить своего покровителя на счетъ чести ближняго; онъ держитъ вѣрный списокъ рогамъ, выключая только своихъ; чувствуя, сколько становится онъ необходимъ, жалуется, что великихъ его трудовъ не можетъ вынести четверня, и покровитель его, умѣя различать дарованія, обѣщаетъ

валъ онъ ни дня, ни ночи отдыху своему типографщику. Тутъ-то увидѣли бы вы, милостивые государи, съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на-бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ! Казалось, что перо въ рукахъ его замерло — и наборщикъ никакъ не могъ сравняться съ нимъ въ поспѣшности. Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ, проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія — ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы. Но это его не устрашило; напротивъ, онъ имѣлъ дарованіе рѣдкое — всякую брань толковать въ свою пользу. Сколько писателей оставили въ самомъ началѣ своемъ поприще Словесности, устрашенные первыми нападеніями критики; но герой нашъ не таковъ: если надъ нимъ смѣются, то онъ восхищается способностію своею смѣшить и сравниваетъ себя съ Мольеромъ и Боало; если его бранятъ, онъ ласкаетъ своему самолюбію, заключая, что брань есть знакъ зависти, и по крайней мѣрѣ онъ уже доволенъ тѣмъ, что имъ занимаются; а это одно уже доказываетъ ему, что публика его не забываетъ. Послѣ этого, милостивые государи, кто можетъ составить для его ума такое крѣпительное, послѣ котораго бы онъ не чувствовалъ позыва на письмо?

Съ такими блистательными качествами соединялъ онъ благородное презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ авторамъ, которыхъ имени не могъ твердо выговорить; здѣсь я разумѣю всѣхъ иностранныхъ писателей. Пріятно было смотрѣть, милостивые государи, съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ, и съ какимъ равноду

шіемъ смотрѣлъ на трагедіи Корнеля. «Скажи, спрашивалъ у него нѣкто: для чего не учишься ты языкамъ иностраннымъ и дѣлаешь такія смѣлыя заключенія, не понимая ихъ авторовъ?» — Сердце у меня слышитъ, отвѣчалъ онъ съ благородною простотою, что въ нихъ во всѣхъ менѣе толку, нежели въ «Бовѣ Королевичѣ»; притомъ же я знаю склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ. А какъ склады служатъ основаніемъ Словесности, то кто можетъ меня увѣрить, чтобъ изъ дурныхъ припасовъ можно было воздвигнуть прекрасное зданіе? — Какое сильное, какое убѣдительное доказательство преимущества Россійской Словесности! Ему не нужны были ни авторы, ни Исторія: одними складами открывалъ онъ сомнительную истину и доказывалъ, какъ полезно ученому человѣку знать склады.

„Но столько ли еще онъ имѣлъ совершенствъ! Чѣмъ болѣе я говорю, тѣмъ неисчерпаемѣе становится мой источникъ. Языкъ мой не успѣваетъ слѣдовать за моимъ воображеніемъ, а воображеніе мое не находитъ предѣловъ. Но если уже природа человѣческая столь слаба, что ни мнѣ всего того, что бы я хотѣлъ сказать, ни вамъ всего, что бы я сказалъ, выслушать не станетъ силъ, то дадимъ ей роздыхъ. Пусть наше согласное молчаніе увѣнчаетъ достоинства безцѣннаго Ермалафида, и пусть будетъ оно служить символомъ спокойствія, которымъ нѣкогда будутъ наслаждаться въ ученыхъ анбарахъ его неподражаемыя творенія.

ПРИМѢЧАНІЕ НА КОМЕДІЮ

СМѢХЪ И ГОРЕ.*

Если бы рукоплесканія публики служили для авторовъ непоколебимымъ одобреніемъ, то я бы сказалъ, что комедія «Смѣхъ и Горе» есть одно изъ прекраснѣйшихъ твореній театральныхъ; ибо рѣдкое сочиненіе принималось съ такимъ успѣхомъ; но какъ эти же рукоплесканія нерѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ. Если бы брань безграмотныхъ зоиловъ опредѣляла паденіе сочиненій, то, ни мало не раздумывая, я поставилъ бы моего автора на ряду съ двумя или тремя мелочными волокитами пегаса, которыхъ имени не упоминаю только для того, чтобы не разрушить спокойной неизвѣстности, которою эти добродушные люди наслаждаются въ воздаяніе за свою авторскую неутомимость. Но меня не предубѣждаетъ ни то, ни другое. Зоилы не были довольны Расиновою Федрою, ругали Мольерова Тартюфа и Мизантропа, публика возносила до небесъ рукоплесканіями Прадона, — вотъ сильныя причины не основываться на скоропостижныхъ приговорахъ, которыми управляетъ или случай, или невѣжество, или льстивое дружество, или ядовитая ненависть.

Я вознамѣрился сколько возможно безпристрастно разсмотрѣть эту комедію и предать замѣчаніе мое на

* Изъ Меркурія, 1793 года

судъ публики. Я не намѣренъ ни ослѣпить автора ласкательною похвалою, ни огорчить его грубымъ и бранчивымъ сужденіемъ; словомъ: я поступлю такъ, какъ бы желалъ, чтобы поступлено было со мною въ таковыхъ же обстоятельствахъ, и какъ бы должно было поступать со всякимъ новымъ авторомъ. Пристрастная и чрезмѣрная похвала изнѣживаетъ и разслабляетъ дарованія, колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчаяніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи; но безпристрастное сужденіе очищаетъ вкусъ и, указывая на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою красоты. Такое сужденіе не утушаетъ и не ослѣпляетъ самолюбія, но оставляетъ его въ той степени, какая нужна для воспламененія дарованій.

Увидитъ ли кто погрѣшности въ моемъ сужденіи, пусть откроетъ мнѣ ихъ: это открытіе послужитъ и къ пользѣ моей и къ пользѣ нашего автора.

СОДЕРЖАНІЕ КОМЕДІИ.

Вдова Вздорова, богатая кокетка, и Старовѣкъ, ея деверь, старикъ добрыхъ нравовъ, имѣютъ дѣвушку-племянницу, именемъ Пріяту, которую хотятъ выдать за-мужъ. Вздорова, по любви къ вѣтренности, къ щегольству и къ большому свѣту, прочитъ ее за Вѣтрона, молодаго повѣсу, котораго очень хорошо изображаетъ его имя. Старовѣкъ, напротивъ того, почитая достоинства, добрыя правила и хорошіе нравы, хочетъ выдать ее за Пламена, офицера, влюбленнаго въ Пріяту, и въ котораго она влюблена взаимно. Вздорова всячески противится этому, тѣмъ болѣе, что она сама въ него влюблена. Между тѣмъ появляются два ложные философа: Хохоталкинъ и Плакеринъ. Первый сватается на Пріятѣ, вторый мѣтитъ жениться на самой Вздоровой, прельстясь ея имѣніемъ. Вздорова ста-

рается обоихъ ихъ проводить, щеголяя этою, приличною своему полу, уловкою. Служанка, въ свою очередь, желая провести и Вздорову, подкидываетъ письмецо Пламену, въ которомъ совѣтуетъ, чтобы онъ казался влюбленнымъ во Вздорову, если не хочетъ потерять Пріяты. Пламенъ, послѣдуя такому совѣту и, поощряемый Андреемъ, своимъ слугою, дѣлаетъ Вздоровой любовное объясненіе, въ которомъ застаетъ его любовница, ссорится съ нимъ и наконецъ, что̀ очень обыкновенно между любовниками, опять мирятся. Пламенъ, съ своей стороны, почитая Вѣтрона своимъ соперникомъ, ссорится съ нимъ, думая, что тотъ похищаетъ у него Пріяту; но когда узнаетъ свою ошибку, то всѣ они вмѣстѣ дѣлаютъ заговоръ противъ Вздоровой. Пламенъ продолжаетъ притворяться въ нее влюбленнымъ. Подговариваютъ Вздорову ѣхать въ маскарадъ, случившійся въ тотъ день, и чтобы болѣе тамъ блеснуть, то въ маскарадныхъ платьяхъ и въ маскахъ протверживаютъ дома минуетъ. Когда хотятъ они къ этому приступить, то входятъ Хохоталкинъ и Пласкинъ; первый, навѣдаться о Пріятѣ, въ которой получаетъ отказъ, вторый, желая увѣриться о самой Вздоровой; но какъ она уже получила слово отъ Пламена, то и этотъ отходитъ съ отказомъ. Они оканчиваютъ эту размолвку комически. Потомъ въ то время, когда начинаютъ танцовать, слуга, который между тѣмъ переодѣлся въ женское платье, подмѣняетъ Пріяту, которая уходитъ и вѣнчается съ Пламеномъ въ домашней церкви. И когда Вздорова пляшетъ по-Русски съ слугой, думая, что пляшетъ съ своею дочерью, тогда вдругъ слуга снимаетъ маску, любовники входятъ — обманъ открывается. Старовѣкъ все это объявляетъ Вздоровой. Она уходитъ, проклиная весь свѣтъ. Любовники довольны, а мнимые философы остаются

съ отказомъ, утверждая, Хохоталкинъ, что все смѣшно, а Плаксинъ, что все жалко.

Вотъ содержаніе комедіи; приступимъ къ замѣчаніямъ.

Авторъ открываетъ себѣ обширное и прекрасное поле своимъ выборомъ, желая осмѣять порокъ двумя различными способами: смѣхомъ и плачемъ. Что можетъ быть богаче такого содержанія? Хохоталкинъ и Плаксинъ два его лица, которыхъ разнообразная и острая сатира никогда не можетъ показаться сухою. Авторъ, зная театръ, чувствуя сколько блистателенъ бываетъ характеръ, если онъ оттѣняемъ присутствіемъ противнаго характера, старается почти всегда Плаксина и Хохоталкина выводить вмѣстѣ и тѣмъ увеличиваетъ ихъ силу.

Удивительно мнѣ, что тотъ же самый разумъ, который, дѣлая такой прекрасный выборъ, кажется, искалъ обширнаго себѣ поля, что тотъ же самый разумъ связалъ себя, сдѣлавъ Плаксина и Хохоталкина эпизодическими особами въ своей поэмѣ и, отнявъ у нихъ способы дѣйствовать, заключилъ ихъ въ тѣсныя правила, какимъ подвержены эпизодическія лица. Эта погрѣшность менѣе видна была бы, если бы авторъ самъ названіемъ комедіи не обѣщалъ, такъ сказать, основать ее на Плаксинѣ и Хохоталкинѣ; она бы менѣе была примѣтна, если бы эти два лица не плѣняли столь публику и не заставили бы ее сожалѣть о томъ, что ихъ сгоняютъ безъ причины, только для того, чтобы дать мѣсто другимъ особамъ, безъ которыхъ бы болѣе можно было обойтись. Сдѣлавъ такую ошибку, отнявъ у этихъ прекрасныхъ лицъ дѣйствіе и оставя имъ одни слова, авторъ не могъ избѣжать другой ошибки, происходившей изъ первой. Чувствуя, сколько нужно оттѣнять эти два характера одинъ дру-

гимъ, онъ старался выводить ихъ вмѣстѣ на сцену, но безъ довольной на то причины. Это бы, конечно, не могло случиться, если бы, увлеченный своимъ плодовитымъ воображеніемъ, могъ онъ остеречься отъ первой своей ошибки.

Вѣтронъ есть третіе лице. Въ немъ прекрасно изображается модный повѣса. Легкость слога, склонность къ болтовству, эпиграммы, сказанныя на самого себя, невѣжество, вырывающееся тогда, когда хочетъ онъ пощеголять своимъ умкомъ — ничто не упущено, чтобы сдѣлать это лице блестящимъ и подвести его ближе къ природѣ.

Но сколько бы герой привлекателенъ ни былъ, какое бы дарованіе ни трудилось усовершенствовать его и придать ему всевозможныя красоты, какъ бы много ни было истощено на него остроты, ума и вкуса, все это не произведетъ полнаго дѣйствія, если герой введенъ въ поэму безъ причины; а таковъ Вѣтронъ: прекрасный этотъ характеръ, кажется, зашелъ въ эту поэму изъ другой комедіи; и если бы на него было истощено нѣсколько менѣе дарованія, то онъ скоро сдѣлался бы скучнымъ; но чистые стихи и легкость слога причиною тому, что партеръ забываетъ спросить, зачѣмъ Вѣтронъ появляется на сцену. Правда, въ первомъ своемъ явленіи онъ говоритъ со служанкой о любви Вѣтрона къ своей Пріятѣ, но какъ о томъ нигдѣ болѣе не упоминается и изъ этого никакого не выходитъ слѣдствія, то это похоже нѣсколько на натяжку; ибо причина слаба для введенія лица въ поэму, если она не побуждаетъ его дѣйствовать въ продолженіе всей поэмы; притомъ же необходимо должно, чтобы лице, объявившее въ первой своей сценѣ причину, для чего оно показалось и какую имѣетъ связь съ другими лицами драмы, чтобы лице это выходило

на театръ и уходило съ театра только для того, чтобы достичь цѣли, для которой оно выведено; но этого-то и нѣтъ въ Вѣтронѣ. Правда, Вздорова намѣрена отдать за него Пріяту, но намѣреніе это не дѣлаетъ его дѣйствующимъ, а лице, наполняющее поэму безъ дѣйствія, есть ошибка въ поэмѣ.

Вздорова есть также прекрасный характеръ и, что еще болѣе, то всегда она дѣйствующее лице. Авторъ, кажется, невольно сдѣлалъ изъ нея героя поэмы, потому-что въ ней въ одной болѣе дѣйствія, нежели словъ. По этому лицу, кажется, можно судить, что авторъ бы былъ въ силахъ сдѣлать, если бы во всѣхъ характерахъ соединилъ онъ сатиру съ дѣйствіемъ.

Старовѣкъ, деверь Вздоровой, есть нравоучитель. Авторъ, кажется, вывелъ это лице, чтобы болѣе оттѣнить характеръ Вздоровой, въ чемъ онъ очень изрядно успѣлъ, сдѣлавъ только ту ошибку, что и этому лицу не далъ дѣйствія. Нравоученіе должно извлекаться на театрѣ изъ дѣйствія. Пусть философъ выкажетъ всю непристойность питать въ сердцѣ зависть къ счастью ближняго, какой вредъ страсти этой въ общежитіи, какъ пагубна она въ сильныхъ людяхъ; пусть истощитъ всѣ риторическія украшенія, чтобы сдѣлать отвратительное изображеніе сей страсти: я буду восхищенъ и тронутъ его краснорѣчіемъ; но драматическій авторъ долженъ мнѣ показать завистливаго, котораго риторъ сдѣлалъ описаніе; онъ долженъ придать ему такое дѣйствіе и оттѣнки, которые бы, безъ помощи его слова, заставили меня ненавидѣть это лице, а съ нимъ въ мѣстѣ и пагубную страсть, въ немъ образованную. Мольеръ, въ своей комедіи, не говоря длинныхъ нравоученій противъ скупости, заставляетъ ненавидѣть Гарпагона и дѣлаетъ его смѣшнымъ; но въ нѣкоторыхъ нашихъ комедіяхъ старики говорятъ пре-

изрядныя и предлинныя правоученія, охлаждаютъ ими жаръ дѣйствія, и весь успѣхъ, производимый ими, тотъ, что слушатели желаютъ только скорѣе дождаться счастливой минуты, когда опустятъ занавѣсъ.

Въ расположеніи поэмы этой болѣе всего заслуживаетъ вниманія развязка. Она нова, наполнена жаромъ и производитъ прекрасное дѣйствіе надъ зрителемъ, передъ которымъ открывается тогда, когда онъ менѣе всего ее ожидаетъ; нужно и то замѣтить, что развязка эта не расхоложена длинными отпусками, которые драматическіе писатели привыкли читать своимъ героямъ на концѣ поэмъ; въ ней нѣтъ и той погрѣшности, какою также наполнены многія комедіи, и которая состоитъ въ томъ, что авторы, набравъ на руки множество лицъ и навязавъ всякому изъ нихъ любовь или другія хлопоты, принуждены бываютъ развязку дѣлать въ началѣ пятаго акта, чтобы остальную его часть наполнить новыми развязками и отданіемъ отчета публикѣ, къ какому, такъ сказать, мѣсту пристроено всякое эпизодическое лицо. Этого часто не могъ избѣжать и Мольеръ, который, впрочемъ, не щеголялъ развязками; но г. Клушинъ счастливо увернулся отъ такой погрѣшности.

Замѣтимъ же и недостатки, какіе есть въ развязкѣ.

Всякое дѣйствіе должно быть на театрѣ вѣроятно и исполняемо въ своемъ мѣстѣ. Авторъ не долженъ казаться чудотворцемъ, но подражателемъ природы. Скупому очень свойственно зарыть деньги; но если бы авторъ вздумалъ заставить своего скупаго зарыть ихъ на большой улицѣ среди бѣла дня, то сколько бы ни комически обработалъ онъ такое явленіе, но зритель остался бы имъ болѣе удивленъ, нежели восхищенъ. Такого же рода погрѣшность находится и въ этой развязкѣ: приготовляя ее, слуга переодѣвается въ женское

платье: но гдѣ же? въ той комнатѣ, черезъ которую весь свѣтъ проходитъ и въ которой сыграно четыре дѣйствія. Ну если его застанутъ? спрашиваетъ зритель. — Авторъ долженъ отвѣчать: я воленъ, сударь, въ это время никого на сцену не выпустить — и зритель остается обнадеженъ; но если бы въ самой вещи случилось такое переодѣванье, то, конечно, слуга не выбралъ бы для этого прохожей комнаты.

Самая развязка есть не иное что, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія; она прекрасна, если смотрѣть и судить ее одну, но излишна, если взять ее въ связь поэмы.

Никогда хитрость, достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ, къ тому противоположныхъ, а еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большой хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которыя бы ее оправдывали. Въ комедіи «Севильскій Цырюльникъ» хитрости графа, чтобы увидѣться съ своею любовницею, привлекательны потому, что онъ помимутно встрѣчаетъ себѣ въ Бартоло, въ д. Базилѣ и въ самой своей любовницѣ новыя препятствія. Но если бы Бартоло употребилъ такія же переодѣванья, чтобы видѣтся съ Эмиліею — эта хитрость была бы не кстати, потому–что она живетъ у него подъ опекою. Къ чему же и въ этой поэмѣ столько хлопотъ, чтобы обвѣнчаться на дѣвушкѣ, которая всякую минуту видится съ любовникомъ, живетъ ни мало не назапери, и которой дядя на то согласенъ? Хитрыя любовныя похищенія пристойны тамъ, гдѣ любовницы крѣпко стерегутся; но тутъ вся трудность состояла только въ томъ, чтобъ вывести Пріяту въ церковь и обвѣнчаться; притомъ же нѣсколько не естественно и то, что старушка ѣдетъ въ маскарадъ въ тотъ вечеръ, когда намѣрена обвѣнчать свою племянницу.

Кстати объ излишнихъ хитростяхъ: упомянемъ еще разъ про Плаксина. Въ третьемъ дѣйствіи Плаксинъ обнаруживаетъ, что онъ притворно принимаетъ на себя характеръ плачущаго философа, для того, чтобы получить руку Вздоровой. Но Вздорова сама болѣе Вѣтрона весела, нежели сколько пристойно ея лѣтамъ; и-такъ, принимать на себя свойство, ей противное, есть дурной способъ ей понравиться; приличнѣе было бы поддѣлываться подъ ея характеръ: кто удобенъ притворяться, тотъ уже неотмѣнно долженъ имѣть столько осторожности, чтобъ не брать на себя лице, которое бы могло нанести ему вредъ.

Слогъ въ этой поэмѣ почти вездѣ чистъ; стихи хороши, вольны; сатира наполнена соли и остроты, выключая, что есть нѣкоторыя повторенія мыслей. — Но приведемъ нѣсколько примѣровъ и отдадимъ ихъ на-судъ самому читателю.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВѢТРОНЪ (*входитъ на сцену и говоритъ служанкѣ*).

Старушка у себя ль? Скажи, что я здѣсь былъ;
Но что за крайнею я нуждой укатилъ.
Я бъ самъ къ ней могъ войти, съ Пріятой повидаться,
Да некогда: лечу съ Промотовымъ кататься
Пришли изъ Англіи недавно корабли,
Такъ въ пять аршинъ ему Савраску привезли;
Семь тысячъ заплатилъ за эту онъ скотину.
Но будетъ ли она подъ пару господину,
И кто полезнѣе для свѣта можетъ быть —
На Красномъ Кабачкѣ должны мы разрѣшить.
Задача мудрена.... и проч.

Кажется, довольно ясно и коротко образовано свойство модная повѣсы, который, оставляя свиданіе съ

своей невѣстой, торопится безпутствовать на Красномъ Кабачкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ХОХОТАЛКИНЪ (*входя, смѣется постепенно*).

Какія странныя на свѣтѣ перемѣны!
Нѣтъ вѣрности нигдѣ, вездѣ одна измѣны:
Вчера, казалось, я Пріятой былъ любимъ,
Сегодня такъ и сякъ, а болѣ нетерпимъ.
Потупя томный взоръ, то плачетъ, то вздыхаетъ
И кисло на мои вопросы отвѣчаетъ
Но это ли одно на свѣтѣ семъ смѣшно?
Стрѣлецъ ведетъ стрѣлца, что глупо, то умно;
Друзья противъ друзей, мужья противу женъ,
А жены противъ нихъ — и, стало, свѣтъ смѣшенъ.
На мѣсто должнаго къ несчастнымъ сожалѣнья,
Наполнены сердца счастливцевъ къ нимъ презрѣнья.
Ну не смѣшонъ ли свѣтъ? Смѣшонъ, я увѣряю.
И-такъ, смѣясь всему, я дѣльно поступаю.

Этотъ монологъ очень хорошъ, выключая того, что нѣсколько въ немъ болѣе важности, нежели надобно для шутливаго и насмѣшливаго характера, каковымъ выводится Хохоталкинъ. Слѣдующій, кажется, болѣе подходитъ къ характеру, для котораго онъ сдѣланъ —

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ХОХОТАЛКИНЪ и ПЛАКСИНЪ, (*входя, плачетъ постепенно*).

ПЛАКСИНЪ.

Твореньe жалкое, несчастный человѣкъ!
Живи, крушись, страдай и плачь ты цѣлый вѣкъ:
Ты во грѣхахъ рожденъ, въ грѣхахъ и умираешь,
И гроба за дверьми несчастія скончаешь.
Ты учишься къ чему? къ погибели своей!

ТЕАТРЪ.*

Іюня 13-го представленъ былъ въ первый разъ *Алхимистъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, сочиненія г. Клушина, въ которой одинъ актеръ играетъ семь различныхъ ролей. Вотъ содержаніе комедіи:

Вскипятилинъ, богатый, съ ограниченными свѣдѣніями человѣкъ, пристрастился до сумасшествія къ Алхиміи, желая спискать философскій камень, о которомъ столько вѣковъ различнымъ образомъ бредятъ. Онъ проживаетъ свое имѣніе, забываетъ о состояніи дома, жены и о воспитаніи дѣтей; тщетно Здравомысловъ, другъ Вскипятилина, уговариваетъ его оставить постыдное ослѣпленіе, унижающее человѣческій разумъ; наконецъ изобрѣтаетъ средство для его исправленія. Переряжаясь въ различныя платья, приходитъ къ нему въ видѣ Рубакина, Криспина, Разгильдяева, глупаго дворянина, Вѣтхокрасовой, состарѣвшейся женщины, Сгорепьянова, живописца, и Смертоноса, доктора; въ одной ролѣ бранитъ его какъ незнающаго человѣка, въ другой осмѣиваетъ, въ третьей льститъ, и такъ далѣе; наконецъ, въ Смертоносѣ вызываетъ его на дуэль, какъ человѣка, который составляетъ универсальное лекарство отъ болѣзней и, слѣдственно, вооружается противу медицины, обезоруживаетъ его и принуждаетъ бросить алхимическія упражненія. Вскипятилинъ отказывается. Здравомысловъ скидаетъ съ себя

* Изъ Меркурія, 1793 года.

платье, открывается передъ нимъ, — Вскипятилинъ въ удивленіи; Здравомысловъ убѣждаетъ его языкомъ друга, именемъ нѣжной жены и дѣтей, — Вскипятилинъ приходитъ въ себя, даетъ честное слово не принимать[ся] никогда ни за колбу, ни за реторту.

Комедія эта въ новомъ родѣ и въ своемъ родѣ первое сочиненіе на нашемъ языкѣ. Г. Клушинъ, безъ сомнѣнія, подражалъ Французамъ, у которыхъ появились недавно Pourquoi pas? Jerome pointu, и l'on fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut.

Этотъ родъ комедій не иное что, какъ забавная шутка, освобожденная отъ всѣхъ строгихъ правилъ театра и отъ самаго вѣроподобія; она состоитъ изъ однихъ разговоровъ, слѣдственно и было бы излишне судить ее строго и требовать отъ автора болѣе, нежели чего должно ожидать въ такомъ родѣ сочиненія, въ которомъ публика должна болѣе взыскивать съ актера, нежели съ автора, — потому-что первому надобно имѣть много дарованій и смѣлости, чтобы рѣшиться играть въ весьма короткое время множество различныхъ лицъ.

Что касается до комедіи, то, не вдаваясь въ подробныя сужденія, я предлагаю самому читателю изъ нея то, что̀ попадется мнѣ на глаза. Мы уже слышали стихи въ комедіи «Смѣхъ и Горе» г. Клушина, извѣстнаго публикѣ какъ по этой комедіи, такъ и по другимъ своимъ сочиненіямъ. Здѣсь посмотримъ его прозу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вскипятилинъ и Криспинъ.

Вскипятилинъ.

Но что̀ вы, Русской, или?...

Криспинъ.

Я?... сынъ цѣлаго свѣта. Домъ мой: Сѣверъ, Востокъ, Югъ и Западъ, а родился въ Россіи.

Вскипятилинъ.

Въ Россіи?

Криспинъ.

Да, сударь. Но что касается до того, кто мой былъ батюшка, я у матушки никогда не спрашивалъ. *

Далѣе.

Вскипятилинъ.

— довольно много!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вскипятилинъ и Сгорепьяновъ *(въ-полпьяна)*.

Вскипятилинъ.

Вы бы могли лучшее предпріять.

Сгорепьяновъ.

Да что лучше вина, чтобъ быть пьяну? — Какъ ни думай ничего не найдешь.

Вскипятилинъ.

Я не о томъ говорю, сударь. Вы бы могли найти людей, которые бы вамъ помогли.

Сгорепьяновъ *(съ горячностію)*.

Что? искать покровителей художнику? Ахъ! это у меня сердце рветъ. Не думалъ я, чтобы ты разумѣлъ меня подлымъ человѣкомъ. Пусть ищетъ тотъ покровительства, который безъ него жить не можетъ. Достойнаго человѣка покровители — его достоинства.

Вскипятилинъ.

О, сударь! вы бы отнеслись къ нѣкоторымъ знатокамъ, или любителямъ художествъ, они бы, конечно...

* Криспинъ ниже говоритъ, что отецъ его поѣхалъ въ Сибирь, на казенный счетъ, для искапія золотыхъ рудъ. Не худо было бы автору согласить это противорѣчіе.

Сгорепьяновъ.

Поддержали бы меня, хочешь ты сказать? Хе, хе, хе! Ну, да у меня ни картинъ, ни денегъ нѣтъ, а безъ этого, самъ посуди, что сдѣлаешь?

Вскипятилинъ.

Что же вы намѣрены дѣлать въ теперешнемъ вашемъ положеніи, чтобы быть счастливу?

Сгорепьяновъ.

Пить — вотъ-те и вся не долга! Связываютъ меня только жена и дѣти, — да, мои дѣти — ей-Богу мои! Они часто безъ куска хлѣба сидятъ — вотъ отъ этого я нерѣдко даже и пьяный плачу. *(Заплакавъ)* Эхъ какъ мнѣ ихъ жаль! Милые мои! любезные мои! я бы радъ вамъ жизнь мою отдать, кровь мою за васъ пролить — да нѣтъ ужъ, не могу! Я часто самъ себѣ говорю: пьяница негодный! пьяница премерзкій! полно тебѣ пить. Горесть мною овладѣетъ, слезы польются ручьями — и я еще больше напьюсь.

Вскипятилинъ.

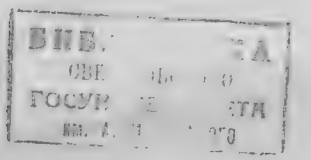
Да для чего жъ вы напиваетесь?

Сгорепьяновъ.

Для того, чтобы трезвымъ не быть.

Разсматривая комедію со стороны языка и прозы, я долженъ сказать, что и то и другое очень хорошо, она не можетъ быть подвержена строгому сужденію. Со всѣмъ тѣмъ сдѣлаю одно примѣчаніе.

Разговоры въ комедіи ведены всѣ очень остро; но они по большей части отдалены отъ содержанія комедіи и наполнены эпизодами, которые ни чуть не служатъ къ исправленію Вскипятилина, что̀ бы, кажется, долженъ былъ имѣть авторъ въ виду. Комедія вообще наполнена остроты и соли.

Я уже сказалъ въ примѣчаніи моемъ на комедію Смѣхъ и Горе,» что г. Клушинъ подастъ великую надежду къ обогащенію Россійскаго театра — и въ томъ согласятся со мною многіе знатоки и любители Россійскаго театра. «Алхимистъ» его принятъ съ рукоплесканіями; а такое стеченіе публики на театрѣ бываетъ не часто.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.